

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

У. Д. Душан

Избранные труды

Элиста
2016

УДК 63.5(2Рос=Калм)
ББК 39
Д 862

Научное издание

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

*Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова*

Ответственный редактор

Бакаева Э. П., д-р ист. наук

Душан У. Д.

Д 862 Избранные труды / сост. Батыров В. В., Шараева Т. И.
Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 376 с. (Серия “Manuscriptum
Orientalica”).

В настоящем издании впервые публикуются в полном объеме работа У. Д. Душана «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними», изданная небольшим тиражом в г. Астрахани в 1928 г., и рукопись «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX гг.», написанная им в 1930-е гг. и готовившаяся к изданию сначала в 1935 г. в Сталинградском крайлите, затем в последние годы жизни самим автором, но оставшаяся неопубликованной. Работы У. Д. Душана в настоящей книге публикуются в авторской редакции, что позволит исследователям использовать их в качестве важного источника комплексного характера, являющегося весьма ценным для изучения истории и культуры калмыцкого народа.

Для широкого круга читателей.

DOI 10.22162/kalm.MOrient.2016.1

ISBN 978-5-903833-00-9

© КИГИ РАН, 2016

© Душан У. Д., 1928

© Душан У. Д., 1932

Дорогие друзья!

Калмыцкий народ выдвинул из своей среды немало выдающихся людей, деятельность которых на века останется в памяти народной. Один из них Улюмджи Душанович Душан, представитель национальной интеллигенции, врач по профессии, внесший вклад в становление и развитие национальной государственности, этнографической науки и публицистики.

Примечательно, что именно в дни празднования 75-летнего юбилея одного из академических учреждений республики, Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, выходит серия исторических документальных памятников «Manuscriptum Orientalica», которую открывают «Избранные труды» У. Д. Душана.

Доктора У. Д. Душана как исследователя можно по праву поставить в один ряд со знаменитыми учеными востоковедами, такими как П. С. Паллас, И. А. Житецкий, П. И. Небольсин и другие, а его труды являются ценным источником, документальным материалом по изучению этнографии калмыцкого народа.

Патриотизм, гражданская ответственность, любовь к своему народу были ценностями, приоритетными в жизни для Улюмджи Душановича Душана. Его жизнь является свидетельством гражданского подвига и служит примером для современного поколения.

От всей души желаю Вам благополучия, процветания и белой дороги во всех ваших начинаниях!

Пусть Ваша жизнь будет наполнена радостью творчества и созидания!

Глава Республики Калмыкия

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'A. M. Orlov'.

А. М. Орлов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	7
<i>Батыров В. В. Уломджи Душанович Душан: жизнь и эпоха</i>	13

ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Предисловие	38
Глава I. ИСТОЧНИКИ И ХРАНИТЕЛИ СТАРЫХ КАЛМЫЦКИХ ОБЫЧАЕВ	45
Глава II. КИБИТКА	58
Глава III. СЕМЬЯ	74
Женщина	74
Дети	92
Калмычка-девушка	103
Хараш	144
Глава IV. БЫТ	149
Пища	149
Одежда	158
Праздники	162
Гость	171
Глава V. ПРИРОДА И ЖИВОТНЫЙ МИР	173
Ветер	173
Дождь	178
Огонь	186
Охота	195
Рыба	198
Животные	201
Железо, золото и серебро	217
Глава VI. СУЕВЕРИЯ И ДУХОВЕНСТВО	219
Душа	219
Духовенство	230
Знахари и ворожеи	236

Талисманы и амулеты	243
Деджи	246
Смерть	248
Сны	252
Окал	254
Дни	263
Голова	265
Кровь	271
Зубы	276
Слюна	279
Чихание	280
Желчь	281
Ногти	282
Имена	283
Узлы и кольца	286
Перенесение зла	290
Отъезд	292
Фотография	294
Поперек лежащие предметы	295
Глава VII. НОВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ	
КААЛМЫКИЯ	297

ВРЕДНЫЕ ОБЫЧАИ И СУЕВЕРИЯ У КАЛМЫКОВ И БОРЬБА С НИМИ

Вместо предисловия	306
Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними	307
Камзол	307
Хадым — воспрещение говорить имена и т. д.	310
Замужество и женитьба	311
Раскуривание трубки	313
Пища	314
Обычай брать лучшую часть пищи мужчиной	314
Знахарство	316
Жертвоприношение огню	319

Спиртные напитки	321
Обычай давать жир новорожденным	325
Лай хорька	326
Впрыгивание в лодку рыб	327
Попытка собак, коров лезть на кибитку	329
Змея	330
Крот	333
Смерть	333
Жилище и смерть	336
Посторонняя женщина не должна рожать в кибитке	338
Обычай не входить в кибитку женщинам	339
Унижающие женщину взгляды	340
Несоответствие	343
Ворожеи	346
Смерть от родов	349
Жертвоприношение царю воды — хозяину водного царства	350
Жертвоприношение земле	352
Грязь	354
Избивание приехавших на свадьбу	355
Кровотечение из носа лошади	356
Испражнение в чужом помещении	357
Двойня у животных	359
Хорошие, счастливые дни и плохие нехорошие, несчастливые дни	361
Употребление мяса павших животных	361
Откусывание сердца	363
Треск кибитки	364
Белый месяц	366
Сон	367
Все predetermined судьбой	368
Не уничтожай корня	371
Попадание в яму баранов	373
Изгнание души у живого человека	374
 ГЛОССАРИЙ	 375

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Калмыцкая этнографическая наука XX в. многим обязана исследователю Улюмджи Душановичу Душану (1892–1974 гг.), который, будучи врачом по профессии, работал в 1920-х гг. редактором областной газеты «Улан Хальмг», журнала «Ойратские известия» и опубликовал много ценных материалов об обычаях и обрядах дореволюционной Калмыкии. У. Д. Душан в течение продолжительного времени собирал материалы о быте, обычаях и обрядах калмыков.

Так, в его работах мы можем выделить богатый фактический материал о материальной и духовной культуре калмыков, их семейно-брачных отношениях, верованиях, связанных с их отношением к явлениям природы, к животному миру и др. Они позволяют современному исследователю значительно расширить общее представление о жизни и быте калмыков в конце XIX – начале XX вв. Достоверность этнографических заметок У. Д. Душана основана на его богатой врачебной практике, во время которой он смог собрать немало сведений о традиционной культуре калмыков, так как он был непосредственным свидетелем тех лет, когда традиционный быт калмыков основывался на кочевом образе жизни.

Этнография калмыцкого народа в России стала предметом исследований профессиональных ученых с конца XVIII в. Калмыцкую культуру в разные периоды изучали П. С. Паллас, И. А. Житецкий, П. И. Небольсин и другие. Доктора У. Д. Душана как исследователя можно по праву поставить в один ряд с этими учеными, а его труды являются ценным источником, документальным материалом по изучению этнографии калмыцкого народа.

В настоящий сборник включена его первая книга «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними», изданная небольшим тиражом в г. Астрахани в 1928 г. В книгу также вошла рукопись «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX –

начале XX гг.»), написанная им в 1930-е гг. и до настоящего времени в полном объеме не опубликованная¹. Эта рукопись готовилась к изданию в 1935 г. в Сталинградском крайлите. Но после того, как автор рукописи подвергся репрессиям и был исключен из партии в 1937 г., рукопись осталась неопубликованной, а затем была отправлена на хранение в архив Института востоковедения АН СССР в г. Ленинграде. В 1960-х – начале 1970-х гг. автор благодаря своей настойчивости добился передачи ему неопубликованной рукописи, которая была утрачена им во время незаконной депортации калмыцкого народа. Он работал над подготовкой рукописи к печати, но не успел опубликовать ее. Ныне рукопись «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX гг.» хранится в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Доктор У. Д. Душан сформировался как ученый-этнограф в 20-30-е гг. XX в., когда в советской науке происходили сложные процессы. Отечественная этнографическая наука сложилась в XIX в., центрами этнографического изучения народов России являлись Российская академия наук, университеты, Русское Географическое общество, музеи, прежде всего Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Развитие этнографической науки происходило параллельно с развитием западных школ и направлений; труды зарубежных ученых были известны российским исследователям. В начальный период после революции 1917 г., как отмечают историки науки, этнографическая наука внесла немалый вклад в развитие национальных окраин бывшей Российской империи; прикладной аспект исследований ученых-этнографов имел важное значение для выработки новой национальной политики в советском государстве.

¹ Данная рукопись в сокращенном варианте была издана в «Этнографическом сборнике» в 1976 г. (Душан У.Д. Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Этнографический сборник. №1. Элиста, 1976. С. 3–54.)

Будучи весьма образованным человеком, У. Д. Душан был знаком с трудами ведущих этнографов. Особенное влияние на него оказали работы английского религиоведа и этнолога, представителя эволюционной школы Джеймса Фрэзера (1854–1941 гг.), поэтому в работах У. Д. Душана мы встречаем частое обращение автора к трудам этого зарубежного исследователя. Между тем, книга Д. Д. Фрэзера «Золотая ветвь», вышедшая в Лондоне в 1890 г., на русском языке впервые была издана в 1928 г.² Этот факт свидетельствует о том, что У. Д. Душан ориентировался на новейшие для его времени труды по этнографии.

Рассматривая работы У. Д. Душана, надо отметить, что они соответствовали уровню отечественной этнографической науки его времени, для которой весьма характерным было преобладание трудов описательного характера. У. Д. Душан под влиянием работ Д. Фрэзера писал свои статьи в рамках эволюционной школы, придерживаясь особой концепции развития культуры и быта калмыцкого народа в контексте общественного развития. Постоянное обращение к сравнительному материалу по культурам так называемых «малокультурных народов» является тому свидетельством. Особенно показательно, что автор немалое значение придает изучению пережитков как основы для реконструкции прошлого в социальной и культурной истории калмыков. У. Д. Душан одним из первых в России попытался ввести в калмыцкую этнографию тэйлоровскую теорию пережитков³, согласно которой он утверждал, что в современной жизни калмыков сохраняются отдельные древние элементы культуры, социальной организации, хозяйственной деятельности. Подобная позиция дала доктору большие возможности как культурных, так и социальных реконструкций. Отметим также, что он одним из первых в калмыцкой этнографии

² Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1928.

³ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.

стал уделять внимание исследованию таких явлений, как сновидения, смерть и пр.

В каждой своей работе У. Д. Душан не просто описывал факты, но и давал им объяснения с материалистических позиций. Несомненно, что в этом случае большое влияние на У. Д. Душана как этнографа оказала работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁴.

Надо отметить, что в своих сочинениях доктор У. Д. Душан обращался и к рассмотрению роли религии и религиозных институтов в традиционном обществе — ведь с представителями этих институтов он часто сталкивался во время своей врачебной деятельности. При этом в каждой своей работе, вновь и вновь сравнивая позитивные и негативные стороны влияния религии и служителей церкви, У. Д. Душан все больше укреплялся в убеждении, что духовенство опустошает народ материально и духовно.

В работах У. Д. Душана обнаруживаются не только важные сведения по калмыцкой истории и культуре, но и о самом авторе. Тексты открывают многое в характере доктора Душана, в его взглядах на буддийское духовенство, в его взаимоотношениях с простыми людьми. На страницах его работ — сведения об общественной и культурной жизни калмыцкого народа. Немало здесь информации и об отношении автора к важнейшим политическим событиям того времени.

Сборник подготовлен к изданию сотрудниками отдела этнологии КИГИ РАН. При подготовке к публикации трудов У. Д. Душана составители исходили из приоритетного обращения к первоисточнику. Сравнительный анализ рукописи «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX гг.», хранящейся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, и сокращенного опубликованного варианта работы

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 3. М., 1986. 639 с.

показывает, что при редакционной подготовке был изъят значительный объем материалов, отражающий религиозные представления и суеверия калмыков (что соответствовало атеистической политике, активно проводившейся в стране в 1960–1970-е гг., и образу «атеистической» Калмыцкой АССР, создававшемуся в те годы), а также связанный с особенностями идеологической ситуации в СССР в середине 1930-х гг., и др. У. Д. Душан как человек своего времени и воспитания был активным атеистом, что проявляется в авторском тексте. Вместе с тем, призывая к критическому отношению к духовенству и религии, он включил в рукопись обширные материалы, связанные с традиционными верованиями и суевериями. Эти материалы, во многом не соответствующие атеистической позиции У. Душана, зачастую сокращенные в изданной по материалам рукописи статье⁵, представляют несомненный интерес для ученых.

Рукопись «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX гг.» была составлена в 1930-х гг., в период активных преобразований общества, продолжения индустриализации, проведения коллективизации, жесткой борьбы с религиозными институтами, что не могло не сказаться на позиции автора. Общий идеологический настрой автора отражен ярко и в начальной части работы. Составители оставили подобные места в рукописи У. Д. Душана неотредактированными, так как они отражают специфику современной автору эпохи. Кроме того, отдельные места рукописи, представляющиеся с точки зрения современного исследователя сомнительными, были опубликованы в виде цитат или отсылок в научных изданиях и даже подвергались критике⁶. Однако составители сохранили текст авторской рукописи без

⁵ Душан У. Д. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста, 1976.

⁶ Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1970; Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста, 1980.

каких-либо сокращений, поскольку задачей публикации является введение в научный оборот источника, который станет предметом специального анализа.

Таким образом, рукописи работ У. Д. Душана в настоящей книге публикуются в авторской редакции, что позволит исследователям использовать их в качестве важного источника комплексного характера, являющегося весьма ценным для изучения истории и культуры калмыцкого народа. Необходимо отметить, что по указанной причине в книге, за редким исключением (исправление ошибок технического характера, а также введение в текст явно пропущенных слов, но с обязательным их выделением в квадратных скобках и ссылкой на составителей), сохраняются стиль и правописание, характерные для архивного источника.

Выражаем глубокую благодарность дочери У. Д. Душана — Александре Улюмджиевне Душан за предоставленную возможность ознакомиться с материалам архива У. Д. Душана, а также содержательное интервью.

УЛЮМДЖИ ДУШАНОВИЧ ДУШАН: ЖИЗНЬ И ЭПОХА

У. Д. Душан родился 26 ноября 1892 г. в урочище Оргечке Гайдуковского аймака Эркетеневского улуса в 5–6 км к востоку от ставки улуса, в семье сезонного рабочего-рыбака Астраханских рыбных промыслов Манджиева Душа Бёгяевича. В семье он был старшим (четыре брата и четыре сестры) из восьми детей.

О своем детстве У. Д. Душан писал: «рос я слабым ребенком, часто болел и тяжело». Родители постоянно находились на заработках, и, как он позже вспоминал, «воспитала и поставила меня на ноги бабушка». Родился он недоношенным и, по воспоминаниям членов семьи, сразу после рождения для поддержания теплового режима был помещен в отцовскую меховую шапку, которая у калмыков традиционно играла роль «кувеза» (инкубатора для выхаживания новорожденных).

С самого детства его тянуло к знаниям. Особое впечатление на У. Д. Душана произвел родственник бабушки — Бурумба, который, как писал позже исследователь, «когда я еще был маленьким, к нам довольно часто приезжал». У него всегда были с собой карандаш и бумаги, на которых гость «иногда что-то писал». Это стало одним из ярких детских впечатлений Улюмджи. «После его ухода присутствовавшие говорили о нем, что он очень образованный человек, даже может писать не только рукой, но и ногами. Так как я был очень заинтересован и мне тоже хотелось писать, то всегда прислушивался к этим разговорам, стараясь ничего не пропустить. Я заострил палочку, присаживался к тагану и сажей царапал на оберточной бумаге махорки (табака). Если меня никто не тревожил, то я мог часами сидеть и пачкать бумагу». Видя страсть ребенка к грамоте, все родственники и знакомые старались ему помочь с бумагой и приносили с базара обертки от махорки, чая

и т. д. «Но никто не мог купить мне карандаш, так как он, кажется, стоил 2–3 копейки», по тогдашним временам это была большая сумма, которую никто не решался тратить на «баловство», — писал У. Д. Душан. Некоторые знакомые даже советовали ему писать не сажей, а растворять сажу в молоке. Или писать сажей от сожженной материи, уверяя, что так поступали раньше — якобы таким образом получится жидкость, похожая на чернила, которая и пишет лучше, и меньше пачкает. «Пробовал писать молодым камышом, который напоминал автоматическую карандаш-ручку». Все это время у У. Д. Душана не пропадало «желание во что бы то ни стало учиться. Мысль быть похожим на Бурумбу ни на минуту не покидала меня».

В качестве небольшого отступления надо указать, что дата рождения У. Д. Душана является простой условностью. В прошлом калмыки обычно не знали точной даты рождения, а возраст свой прибавляли ежегодно после наступления праздника Зуд, таким образом «продлевая свои годы жизни». Однако для получения документов У. Д. Душану было необходимо указать дату рождения, и, чтобы решить эту формальность, он вписал примерную дату (в связи с тем, что у калмыков наступление праздничных дат исчислялось по лунному календарю) праздника Зуд — 26 ноября.

В семье на него возлагались большие надежды как на самого старшего ребенка в семье. Как позже вспоминал его друг Бадма Майоров, «самому старшему Улюмджи повезло больше всех». Начиная с 7 лет он стал помогать своим родителям «во всех их работах». Как он позже писал, «тяжела была жизнь не только родителей, но и детей. Росли дети всегда полуголодные». Детство у У. Д. Душана ассоциировалось с фразой «кушать всегда хотелось». Позже он с иронией отмечал, что в детстве, слушая рассказы о детях богачей (а в урочище Оргечке богатых не было), всегда представлял их «особенными» детьми, потому что они «не просят лепешки».

Немалую роль в дальнейшей жизни будущего исследователя сыграл дедушка, который настаивал на том, чтобы его отдали в школу. «В одно летнее утро, — вспоминал У. Д. Душан, — отец сказал, что мы идем в школу, по-видимому, я ему надоел своими разговорами о школе. Я быстро зашагал за отцом, стараясь не отставать от него». Когда они пришли в Эркетеневское улусное управление, то улусного попечителя, который был единственным, кто имел право разрешить зачисление в школу, еще не было, и отец с сыном отправились к нему на служебную квартиру. Там на «ломаном русском языке» отец объяснил попечителю, что пришел с просьбой о зачислении сына в школу. Но улусный попечитель, справившись о возрасте сына, ответил, чтобы приходили на следующий год. Как вспоминал У. Д. Душан, «я был крайне удручен постигшим меня горем». Чтобы успокоить ребенка, попечитель подарил потрепанную книжку, «пусть мол, дома учится». На следующий год Улюмджи опять упросил отца отдать его школу. Видимо, вспомнив о своем обещании, улусный попечитель направил его вместе с другими учениками на обучение за счет Общественного калмыцкого капитала в начальную интернатную школу Яндыко-Мочажного улуса, которая находилась в ставке Яндыко-Мочажного улуса в с. Долбан. В самом Эркетеневском улусе школы давно не было, как свидетельствовал У. Д. Душан, ее уже много лет «как засыпало песком».

Путешествие в школу будущий доктор воспринял с восторгом, поскольку он никогда не покидал пределы Эркетеневского улуса. Однако старшие ученики, ехавшие вместе с новичками, стали подшучивать над ними и при приближении к селам Алабуга, Оленичево, Промыслово и Яндыки наказывали будущим младшеклассникам ложиться вниз лицом и закрывать глаза, якобы иначе птицы им выклюют глаза. Страшно напуганные новички так и не увидели ни одного села.

На следующий день после прибытия в с. Долбан учительница Татьяна Дмитриевна Юркова, сверяя во время школьной «линей-

ки» учеников по списку, сразу выделила Улюмджи Душана из-за его небольшого роста и отказалась принять его в школу по причине малого возраста, предложив сопровождающему вернуть его обратно к семье. Но учащиеся старших классов, знавшие о его стремлении к учебе, пообещали учительнице взять Улюмджи на свое попечение. Один из шутников, старшеклассник Сага Сарангов Зунгруев, стал его непосредственным опекуном.

В школе тогда учились всего 25 человек, и Улюмджи сразу вошел в коллектив. Учиться в школе было интересно. Позже он с большой благодарностью вспоминал о своей первой учительнице Т. Д. Юрковой, о которой писал: «Она очень любила нас. Заботилась о нас, как родная мать».

Ученика Улюмджи Душана очень радовало наличие в школе трехразового питания (завтрак, обед из двух блюд и ужин). А иногда, вспоминал У. Д. Душан, «обычно весной, после обеда давали кусочек ржаного хлеба». Но в школе были свои «неписанные законы», когда младшие ученики должны были отдавать часть своих мясных порций старшеклассникам, поэтому чувство голода продолжало преследовать Улюмджи вплоть до его перехода в старшие классы. Однако он был настолько возмущен существовавшим положением, что, став одним из старшеклассников, сразу же добился отмены этой несправедливости.

Помимо таких «неписанных законов», бытовавших в среде учеников, и сама школа была далека от гуманистических методов воспитания. В российской дореволюционной школе всегда практиковались различные способы обуздания «дикой резвости» ребенка, в том числе и с помощью системы наказаний. Последние, как отмечал У. Д. Душан, отличались большим разнообразием и зависели от тяжести проступков. Так, школьников Яндыко-Мочажной начальной интернатной школы могли поставить в угол, могли лишить обеда или ужина, могли поставить коленями на горох или соль, а в исключительных случаях школьников дополнительно били по спине скрученным полотенцем. Впрочем, сам

Улюмджи Душан этому особого значения не придавал, тем более, что после прихода в школу Т. Д. Юрковой суровые наказания стали выходить из повсеместного обихода.

В школе в качестве одного из немногих развлечений иногда показывали ученикам изображения на стеклянной основе, которые проецировались проекционным аппаратом («волшебным фонарем»). Но оторванность от семьи, казарменный распорядок дня, строгая иерархия между самими школьниками (в которой младшие занимали низшую ступень) понуждали учащихся младших классов к самым разным способам отвлечения от их подавленного существования. Так, У. Д. Душан с удовольствием вспоминал о наиболее распространенной у них шутке, когда все младшие школьники в вечернее время незаметно заходили в класс и «главный шутник», его одноклассник Наран Аджугаев, становился под висящим на стене портретом императора Александра III, а остальные участники этого действия звали его «Царь, царь, кишки пустые, кибитки далеко, а кушать хочется. Ты богатый, ты и сильный. Прикажи, чтобы мы были сытые». При этом сам шутник пародировал царя, демонстрируя всяческие ужимки, что неизменно вызывало смех у всех участников. Такая пародия могла дорого обойтись школьникам, потому что за оскорбление Его Величества вполне могли исключить из школы не только самого шутника, но и весь класс. Пародия повторялась почти каждый вечер в школе, потому что смех, такой редкий в их жизни, служил естественной отдушиной для учеников, несмотря на то, что все школьники были хорошо осведомлены о степени риска.

Незнание русского языка и наивность детей из глубинки нередко играли с ними злые шутки. Так, У. Д. Душан припоминал один неприятный случай. В школу однажды пришли одетые как «богатыри» артисты (5–6 человек) с реквизитным оружием в руках, и, когда они вошли в школьный коридор, ученики стали в ужасе разбегаться по классам, крича, что «идут разбойники убивать нас». Все ученики, сев за парты, закрыли лица руками и положили головы

на парты, с плачем ожидая, когда «отсекут им головы». Сам Улюмджи Душан так и остался в недоумении о причинах, по которым учителя заставили учеников пережить такой стресс, не дав никаких пояснений о появлении «вооруженных» людей в школе.

Учился У. Д. Душан с удовольствием и улусную школу закончил с отличием, хотя при поступлении не знал русского языка. На выпускных экзаменах, где присутствовали инспектор народных школ губернии Соколов и два учителя — Т. Д. Юркова и Л. Феофанова, ему достался рассказ о пожарной собаке. Затем он успешно прочитал и рассказал наизусть басню И. Крылова «Стрекоза и муравей». Тогда же, на экзамене, Соколов задал вопрос: «А хорошо сделал муравей, отказав в просьбе стрекозе помочь ей?». Здесь Улюмджи Душан впервые показал черты своего будущего характера и удивил своим ответом экзаменаторов, заявив о правильности поступка муравья. Как он позже писал, «в справедливости поступка муравья у меня не было никаких сомнений». Несколько смутившийся реакцией экзаменаторов, тем не менее, Улюмджи Душан ответил утвердительно и на повторный вопрос. После чего сам Соколов пояснил для ученика, что муравей должен был помочь стрекозе в ее беде, но Улюмджи Душан остался «в душе не <...> согласен, считая, что стрекоза — дармоед».

Как отличника учебы У. Душана направили в Калмыцкое училище в Астрахани, где обучались дети из разных улусов, наиболее успешно окончившие улусные школы. Поселился он в Калмыцком пансионе в г. Астрахани, при котором имелось двухклассное училище. В двух классах учились около 40 учащихся. Кроме того, в пансионе жили калмыки, обучавшиеся в астраханских средних учебных заведениях, городских училищах. Во главе пансиона находился надзиратель (или «дядька»). Он отвечал за пансион в целом, надзирал за порядком и поведением учеников. Также в штат входили сторож (он же уборщик), повар, кухонные работники, прачки, кастелянша, фельдшер и врач (он же старший врач при Управлении калмыцким народом).

В пансионате кормили пять раз в сутки. Утром подавали калмыцкий чай с маслом и белым хлебом, в полдень — завтрак (пирожки с мясом или капустой, рисом). Завтрак получали только учащиеся средних учебных заведений. В 14 часов — обед из двух блюд, а по праздникам — из трех. Будущий доктор особо отмечал, что подавали «в 17 часов — русский чай с сахаром и булочкой, а вечером опять калмыцкий чай с маслом и белым хлебом». Сохранился пансион за счет Калмыцкого общественного капитала. Насколько эти детали были важны для калмыцкого мальчика, не видевшего подобной жизни, как и большинство его сверстников, свидетельствует тот факт, что впоследствии У. Душан запечатлел их в воспоминаниях об учебе в училище и жизни в Калмыцком пансионе.

В 1905 г. Улюмджи Душан столь же успешно окончил Калмыцкое училище в Астрахани и осенью того же года поступил Астраханскую мужскую гимназию. Годы учебы в мужской гимназии он вспоминал так: «Жили мы, пансионеры, дружно. В обиду друг друга не давали <...> жили по принципу “Один за всех, все за одного”». По ночам даже старались не пускать надзирателя в спальные комнаты, чтобы он не мог проверить отсутствующих по той или иной причине. Если он все же приходил, то пансионеры тушили свет и забрасывали его подушками.

В это время Улюмджи Душан наглядно убедился в том, что нарушение распорядка, а особенно оскорбление Его Величества представляет большую опасность для учащихся. Однажды двое его товарищей, Хахиров и Коев из Маньчского улуса, чуть не попали в неприятную историю, которая могла быть причиной исключения их из пансиона. Один из них, не заметив присутствия «дядьки» (воспитателя), во всеуслышание сказал: «Царь подох». Дядька и возмутился такому «святотатству» по отношению к Его Величеству. Много усилий стоило им доказать, что ученик говорил на другую тему, и речь шла о воле, по-калмыцки «цар», а не о царе.

Пансионеры-калмыки хорошо учились. Один из преподавателей мужской гимназии К. Петров говорил: «Пятёрка — калмыцкая отметка». Почти все калмыки переходили в следующие классы с наградами, что, как замечал Улюмджи Душан, «не нравилось директору гимназии».

Когда У. Душан учился в третьем классе гимназии, произошло несчастье, которое почти прервало его мечту об учебе. Отец Улюмджи упал и получил вывих правого плечевого сустава. Лечение сложилось неудачно — рука высохла и перестала двигаться. Отец больше не мог работать, и теперь положение семьи из восьми человек всецело зависело от Улюмджи, который был старшим из детей. Заработок матери был небольшим и не мог полностью покрыть все расходы на содержание семьи. У. Душан всегда приезжал на летние каникулы домой и помогал родителям. Так и в этот год он накопил сено, нарезал и насушил топливо (кизьяк) и даже оставил немного денег, которые заработал, работая по найму, но и этого теперь было недостаточно.

Осенью он получил письма от родителей, в которых они предлагали ему оставить учебу — третий класс гимназии, чтобы помочь им в этом бедственном положении. Все товарищи по пансиону, зная о постигшем его несчастье, также советовали ему срочно выехать к родителям. Впервые перспективы учебы стали под угрозой и, не видя выхода из этого положения, Улюмджи Душан испытывал глубокие страдания от гибели его мечты. И все-таки выход был найден — продолжать учиться и работать в г. Астрахани. Улюмджи Душану посоветовали обратиться за работой в канцелярию Управления калмыцким народом, где ему предоставили работу по переписке документов. Работа была тяжелой и кропотливой, но она давала возможность хоть и немного, но заработать. Как он позднее отмечал, «за восьмушку листа с цифрами с двух сторон давали мне 3 копейки». Проявив себя как трудолюбивый сотрудник, он неожиданно приобрел еще одно место работы. Один из чиновников Управления калмыцким народом (УКН) предложил

ему стать репетитором своего сына по всем предметам. Плата за репетиторство составляла всего 5 рублей, что было гораздо ниже, чем получали другие репетиторы, но Улюмджи Душан был рад и этой сумме. Теперь у него появилась возможность не бросать обучение в гимназии.

Во время летних каникул У. Д. Душан почти не бывал дома, занимаясь зарабатыванием денег для своей семьи. Так, с марта по сентябрь 1907 г. во время летних каникул работал оспопрививателем в Эркетеневском улусе, где заработал немалую по тому времени сумму — 75 рублей. Помимо этого, он еще успел позаботиться о том, чтобы мать была обеспечена топливом, и накопить сено для коров и коз, принадлежавших семье. В Астрахани он купил родителям на заработанные деньги одежду, чай, ржаную муку. Все это он имел возможность отправлять через своего знакомого Салектиева Намру, который жил недалеко от его семьи. Кстати, жена Салектиева Намру была родственницей матери, а сам он оказался единственным, кто помогал и поддерживал Улюмджи, всячески советуя не бросать учёбу в гимназии. Имея возможность передавать деньги и продукты для семьи, оставаясь в Астрахани, Улюмджи Душан теперь мог спокойно продолжать свою учебу.

Теперь каждую зиму он занимался репетиторством, а летом устраивался на работу в какие-либо учреждения. Если случались перерывы, не брезговал заниматься и тяжелым физическим трудом, нанимаясь на рыбную ловлю или в батраки. Последнее было особенно неудобно, потому что у калмыков человек, получавший образование, считался «особенным», он не должен был заниматься физическим трудом. Так, работая на сенокосе со своими соседями у зажиточного калмыка Бага-Цатанова рода, Улюмджи, привыкший к ученическому режиму, никак не мог встать рано утром, чтобы идти вместе со всеми на работу. Поэтому, чтобы компенсировать свои опоздания, он работал в самую жару, когда все отдыхали, и еще дополнительно оставался вечером. Такой работник, в конце концов, стал известен и самому хозяину, который

стал интересоваться причинами такого странного для работника поведения. Это сильно обеспокоило его соседей, которые, волнуясь, что хозяин из чувства уважения к человеку, получающему гимназическое образование, не станет держать его в положении наемного работника и уволит его, сообщили, что Улюмджи Душан ведет себя так с самого детства. Между тем, в то лето он заработал на этом сенокосе 20 рублей.

В мае 1910 г. У. Душан по договоренности с попечителем Яндыко-Мочажного улуса Локтевым подрядился в Ики-Багутовском аймаке составлять посемейные списки за 50 рублей. Когда он прибыл в аймак, местный аймачный писарь, служивший в аймачном управлении, уволился, и на его место временно назначили Улюмджи Душана. В аймаке он сразу же остался за главного, т.к. аймачный старшина зайсанг Джамбаев передал ему все дела по аймачному управлению и уехал в степь, как иронично заметил Улюмджи Душан, «лечиться кумысом и кобыльим молоком, считая, что это лучшее лекарство от всяких гастритов». В поисках заработка У. Душан также одновременно нанялся репетитором у сына и брата упомянутого Джамбаева.

На проживание он устроился у своего дальнего родственника Шоно Некедеева, который работал рассыльным в аймачном управлении: окончив в Астрахани школу садоводства и огородничества, применить свои знания на деле последний не мог ни в одном улусе из-за отсутствия соответствующей должности, а потому работал на разных должностях. Некедеев поразил У. Душана своим нескрываемым неприязненным отношением к улусным руководителям, богачам, зайсангам, духовенству, которое он выражал публично, часто вступая из-за этого в конфликты.

В 1910 г. за исполнение должности аймачного писаря и за репетиторство Улюмджи получил довольно большой заработок, несмотря на то, что Локтев первоначально отказался оплачивать его труды по составлению посемейного списка, считая, что они входят в обязанности аймачного писаря. Но, несмотря на высокое

положение Локтева, Улюмджи Душан, приходивший несколько раз к нему на прием, в конце концов спорами и угрозами убедил его оплатить работу. Маленькая победа над чиновником окрылила Улюмджи Душана и уверила его в своем будущем. Как он писал, «я стал действовать смелее и старался не давать себя в обиду». Тем не менее, из-за этой работы Улюмджи Душану так и не удалось увидеться с родными.

В 1912 г. в свои летние каникулы он работал аймачным писарем в Гайдукском аймаке Эркетеневского улуса. Про это тяжелое время Улюмджи Душан писал: «... работал много, не знал никакого отдыха. Чем больше работал так, тем больше чувствовал себя бодрым, работоспособным и энергичным». Так он продолжал работать, пока в 1913 г. не окончил полный курс гимназии. Радости Улюмджи Душана не было границ, ведь теперь дорога к высшему образованию была для него открыта.

Надо отметить, что уже в то время Улюмджи Душан стал проявлять интерес к этнографии и фольклору калмыков. В 1910 г. он записал у своей бабушки Джиргал тексты сказок, легенд, преданий, мифов, в том числе сказки «Семь безволосых и один коротышка», «Кеедя»¹.

После окончания Астраханской гимназии (также с отличием) перед Улюмджи Душаном был поставлен вопрос о его дальнейшем будущем. Как он вспоминал позже «Заветной моей мечтой было быть агрономом. Но астраханский губернатор, он же главный попечитель калмыцкого народа, предложил быть медиком» за казенный счет. Учитывая тяжелое материальное положение своей семьи, У. Д. Душан выбрал профессию медика. В том же году Улюмджи Душанович поступил на обучение в Саратовский университет. Будучи студентом, от Управления калмыцким народом он получал стипендию в 25 рублей, которой даже хватало на то, что бы помогать родителям. К тому же 25 мая 1916 г. он устро-

¹ Церенов В. З. Нить созвучий. Литературные этюды. Элиста: Эрдем, 2006. С. 64.

ился на работу фельдшером Эркетеневского врачебного участка, где работал до августа 1916 г.

Успешно проучившись все 10 семестров, 5 мая 1917 г. он получил диплом *лекаря* (врача) с правом ведения врачебной практики. Сразу после получения диплома он со своим земляком С.-Г. Ходыловым выехал в распоряжение Управления калмыцким народом для направления на работу в соответствующие улусы. Первым его назначением была должность заведующего Харахусовским врачебным участком с одновременным заведованием Эркетеневским и Икицохуровским врачебными участками, куда он поступил уже 10 мая 1917 г. по распоряжению Старшего врача С. Залкинда. Местом жительства ему было определена, в связи с отпуском улусного врача Цапко, ставка Эркетеневского улуса.

Так У. Д. Душан стал одним из немногочисленных врачей Калмыкии. В то время на территорию в 14 тыс. квадратных километров приходилось только одно лечебное учреждение, а с 1913 г. в степи работали лишь 7 врачей. Конечно, это не могло удовлетворить даже самые минимальные потребности населения в медицинском обслуживании. Плохие бытовые условия и низкая гигиеническая культура населения были почвой для развития таких социально-бытовых болезней, как трахома, туберкулез, сифилис². Из тысячи человек, которые обращались за медицинской помощью, только трое-четыре могли рассчитывать на стационарное лечение. Как позже он вспоминал: «а потом была работа, вернее, тяжкий изнурительный труд. Убогая больница на 12 коек». На десять тысяч населения улуса был один врач Улюмджи Душан и один фельдшер Матвей Данилович Колесников. Часто сталкиваясь с последствиями некавалифицированного лечения гелюнгов-лекарей, которых он часто называл «малознающими и алчными», У. Душан постепенно приобрел стойкую неприязнь ко всем представителям буддийско-

² По данным исследователей, заболевание сифилисом в дореволюционной России представляло одну из крупных проблем (заболеваемость, по разным оценкам в отдельных регионах достигала 15 % и даже более), которую удалось успешно преодолеть лишь в советский период.

го духовенства, которые в условиях нехватки врачей занимались оказанием врачебной помощи. В дальнейшем в своих работах он не упускал случая подвергнуть их уничтожающей критике. Так, позже У. Д. Душан писал: «... Приехал лекарь, считающийся одним из лучших калмыцких лекарей в Яндыко-Мочажном улусе. Я предложил ему несколько вопросов по медицине и просил объяснить, на основании каких данных он ставит диагноз той или иной болезни. Он был бессилен ответить мне на вопрос и указать признаки болезней. Он не знал ни одного рецепта наизусть».

Работая врачом и проводя лечебно-профилактические мероприятия, У. Д. Душан также принимал активное участие в общественной жизни Калмыкии. В 1917 г. на II съезде представителей калмыцких улусов в Астрахани было принято решение о введении земства в Калмыкии. Выборы в земские органы проходили с 25 сентября по 7 октября 1917 г. В июне 1917 г. в число земских гласных от Эркетенеvского улуса был избран и У. Д. Душан.

14 ноября 1917 г. он принял участие в съезде врачей Калмыцкой степи, на котором выступил с докладом «Условия организации правильного оказания медицинской помощи населению». В докладе он поднял вопрос об организации постоянной стационарной медицинской помощи в ставках улусов и аймаков, высказался против разъездной системы оказания помощи. Доктор У. Душан также выступил с докладом «Об оспе». По результатам его доклада съезд решил издать особую инструкцию по борьбе с заразными болезнями для медицинских работников и издать брошюры для населения на русском и калмыцком языках. На этом съезде был учрежден в Калмыцкой степи институт санитарных врачей и санитарных фельдшеров.

С началом гражданской войны в центре улуса был открыт лечебно-наблюдательный пункт Каспийско-Кавказского фронта, заведующим которого был назначен Улюмджи Душанович Душан. В 1918 г., сочувствуя партии большевиков, У. Д. Душан принял участие в создании комитетов бедноты на территории Калмыкии. Ко-

митеты конфисковали излишки имущества у зайсангов и зажиточных семей и распределяли их среди нуждающихся. По настоянию комбедов все местные богачи были переселены в ставку улуса, чтобы те, в страхе перед конфискацией, как писал У. Д. Душан, не «разбазарили свое добро, нажитое потом и кровью трудового народа».

В августе 1918 г. Улюмджи Душанович со своими друзьями проводил I Интернациональный полк имени Ленина. 14 октября 1918 г. он был назначен заведующим врачебно-наблюдательным пунктом Каспийско-Кавказского фронта, а в январе 1919 г. — мобилизован и назначен старшим врачом головного эвакуационного пункта № 2 Каспийско-Кавказского фронта с одновременным заведыванием врачебным участком, когда последние красные части отошли к Астрахани. Уходя от наступающих белых частей, он со своими друзьями пешком добрался до г. Лагани и оттуда вместе с 7-й кавалерийской дивизией прибыл на рыболовный промысел «Оранжевый», на одной из барж которой организовал свой небольшой госпиталь.

30 апреля 1919 г. У. Д. Душан тяжело заболел сыпным тифом. В отсутствие самых необходимых медикаментов он проболел почти два месяца, и только благодаря своему молодому и сильному организму сам осилил болезнь. Из семи врачей, работавших в 1919 г. по оказанию врачебной помощи во время эпидемии сыпного тифа в Калмыкии, трое переболели сыпным тифом (врачи У. Д. Душан, В. Д. Соларев, С. И. Цапко). Эти врачи проявляли поистине героические усилия в борьбе против сыпного тифа. После болезни У. Д. Душан продолжил работу в эвакуационном пункте Каспийско-Кавказского фронта.

В 1919 г. Председатель Калмыцкого исполнительного комитета Араши Чапчаев по поручению партийной организации вручил Улюмджи Душановичу партийный билет. Интересно, что, даже вступив в партию, У. Д. Душан всегда уважительно отзывался о последнем царе Николае II³.

³ Информант: Александра Улюмджиевна Душан, 1937 г. р., г. Элиста. Запись от 9 февраля 2010 г.

1 ноября 1919 г. он был откомандирован Старшим врачом калмыцких воинских частей, которые формировались в Саратовской губернии, в с. Широком. Эти части входили в состав Западной армии Юго-Восточного фронта. Улюмджи Душанович попал во II Калмыцкий кавалерийский полк, где состояние медико-санитарного дела было тяжелым. При непосредственной помощи Х. Б. Канукова и командира полка Стаценко все недостатки были устранены, и заболевания в полку прекратились.

1 марта 1920 г. полк был направлен в Донскую область, но прибыл к месту назначения уже без доктора. 20 июня 1920 г. У. Д. Душан был демобилизован по ходатайству Каалмоблисполкома. После образования в 1920 г. Калмыцкой автономной области Улюмджи Душанович, оставшийся в Эркетеневском улусе, был откомандирован в Яндыко-Мочажной улус для урегулирования конфликтов между калмыцким и русским населением. Ему пришлось приложить много усилий для успокоения и умиротворения населения, чтобы в дальнейшем не возникали нежелательные инциденты между русскими и калмыками.

От облисполкома также У. Д. Душан получил задание: принять необходимые меры к ликвидации «банд» Бембетова и Талтангова мирным путем. Рискуя своей жизнью, он смог убедить Бембетова и Талтангова принять предъявленные им условия, сдать оружие и явиться в ставку улуса со своими людьми. Так путем переговоров была ликвидирована одна из наиболее многочисленных местных «банд»⁴.

В 1920 г. население Эркетеневского улуса избрало его делегатом на 1-й Общекалмыцкий съезд Советов, который был созван 2–9 июля того же года в поселке Чилгир. У. Душан прибыл туда вместе с делегацией Эркетеневского улуса (Шараев Нимгир, Душан Александр, Улдакаев Улюмджи, Джубляев Алексей, Одеков Бюрбя). Позднее У. Д. Душан вспоминал, что «когда мы, делегаты съезда, все вместе запели «Интернационал», казалось, вечер-

⁴ Личный архив У. Д. Душана.

нее небо раскололось надвое. Внушительная была картина <...> Да, интересный факт, даже и на съезде мне пришлось поработать по своей специальности. По просьбе делегатов я прочел для них лекцию на медицинские темы. Сколько вопросов мне тогда задали <...> И неудивительно, революция пробудила в степном жителе бурную тягу к знаниям». На этом съезде он был избран членом президиума Калмыцкого исполнительного комитета.

21 мая 1921 г. У. Д. Душан переезжает из Эркетеневого улуса в г. Астрахань, где начинает работать заведующим Калмыцким областным отделом здравоохранения и по совместительству редактором областной газеты «Улан Хальмг». Он также редактировал на общественных началах созданный в то время журнал «Ойратские известия». К этому периоду относится начало его исследовательской деятельности. У. Д. Душан публикует много материалов по вопросам обычаев и обрядов дореволюционной Калмыкии, борьбы с суевериями и разными предрассудками.

С мая 1921 г. по август 1928 г. У. Д. Душан заведовал Калмыцким областным отделом здравоохранения. Работая на этом посту, он проявил большие организаторские способности по созданию сети лечебно-профилактических учреждений, проведению профилактических мероприятий и ликвидации вспышек инфекционных заболеваний. По его инициативе проводились большие обследовательские и профилактические работы по борьбе с социальными заболеваниями. Под его руководством была развернута широкая сеть лечебно-профилактических учреждений, имевших огромное медицинское и социальное значение.

В 1921 г. в период разрухи и голода в Калмыкии после гражданской войны У. Д. Душан возглавил чрезвычайную комиссию с голодом. Об этой трагедии калмыцкого народа 1 декабря 1924 г. представитель Наркомздрава РСФСР врач Милованов докладывал в Наркомздрав РСФСР следующее: за последние 3 года вымерло 22 % калмыцкого населения, 35 тыс. человек голодают из общего числа населения 160 тыс. 955 человек. В такой сложной

ситуации под руководством У. Д. Душана были организованы врачебно-питательные пункты со столовой, кухней, прачечной, баней и ночлежкой с койками.

В период голода в Нижнем Поволжье для оказания помощи населению в регион от правительства был направлен М. И. Калинин. «Всероссийский староста» организовал специальный агитпароход, который прибыл в г. Астрахань. М. И. Калинин интересовался положением дел в Калмыкии и просил представить ему «подробную информацию о нуждах степного народа». С этой целью Калмыцкий исполнительный комитет направил к М. И. Калинин Улюмджи Душановича, задачей которого стало ознакомление с положением дел в Калмыкии.

Вспоминая этот период, У. Д. Душан писал: «Трудно было на каждом шагу. Надо было начинать почти без ничего. Трудность окружала нас повсюду. Скорее вся жизнь была тогда трудной. Но эти трудности не останавливали нас и не обезоруживали. Все работали. Все понимали, что все зависит от нас самих. Поэтому никаких претензий, жалоб не было».

В октябре 1923 г. проблема вымирания калмыцкого народа и состояния его здоровья обсуждалась на заседании IV съезда Советов автономной области трудового калмыцкого народа. 17–18 октября 1923 г. с докладом «О вымирании калмыков» выступил доктор У. Д. Душан. По итогам его выступления Съезд принял постановление «Об организации борьбы с вымиранием» с указанием конкретных мероприятий по борьбе с социальными болезнями, по улучшению материально-бытовых условий, борьбе с обычаями и привычками, которые наносили вред здоровью человека. Было также принято решение об обращении в центр для организации помощи калмыцкому народу.

По ходатайству Калмыцкого областного исполкома для «научного изучения и исследования причин вымирания и вырождения калмыцкого народа» СНК РСФСР постановлением от 2 июня 1925 года выделил 5 тыс. руб. из резервного фонда СНК.

Кроме того, в степь была направлена специальная экспедиция под руководством доктора П. Ю. Берлина. При непосредственном участии У. Д. Душана в 1924 г. начал работать вендиспансер, в 1925 г. — детская и женская консультации, в следующем году — туберкулезный диспансер и лечебница «Лола». В 1926 г. он также был назначен Председателем Дисциплинарного суда Калмыкии⁵.

В 1928 г. в г. Астрахани была издана первая книга У. Д. Душана «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними». В предисловии к книге автор писал: «Моей целью было дать возможность калмыкам хоть немного разобраться в сущности суеверий и обычаев, но главным образом дать хотя бы минимальную руководящую нить агитработникам по борьбе их с предрассудками среди калмыков». В конце 1920-х гг. в культуре калмыков сохранялись многие обычаи, которые рассматривались как пережитки. Поэтому У. Д. Душан в своем труде главное внимание читателей обращал на необходимость борьбы с так называемыми вредными пережитками, обычаями и суевериями.

Исследователь в течение многих лет изучал быт, обычаи и обряды калмыков и собрал богатый фактический материал о семейно-брачных отношениях калмыков, об их отношении к явлениям природы, к животному миру, об обычаях, обрядах и традициях. Позднее, в 1930-е гг., он составил свою рукопись «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX — начале XX вв.». У. Д. Душан также является автором рассказов и стихотворений: «Быль наших дней», «Степь» и др.

Проживая в Астрахани, У. Д. Душан познакомился в этом городе со своей будущей женой Александрой Леонтьевной Подушкиной, которая работала фельдшером; в 1927 г. они создали

⁵ Дисциплинарный суд был организован при ЦИК КАО в 1926 г. и существовал до 1928 г. Рассматривал дела о служебных упущениях и поступках лишь ответственных должностных лиц: членов исполкома, должностных лиц, избираемых или утверждаемых исполкомами; руководителей предприятий, подведомственных исполкому, и т. п., если эти действия не влекли за собой ответственности в уголовном порядке.

семью. В 1928 г. родилась дочь Нелли, а в 1930 г. в г. Саратове — дочь Тамара.

С августа 1928 г. по январь 1930 г. он работал заместителем заведующего Нижне-Волжским крайздравотделом и в последующем до 1935 г. — представителем Калмыцкой автономной области при Президиуме Нижне-Волжского крайисполкома. В связи с преобразованием Калмыцкой автономной области в республику в ноябре 1935 г. У. Д. Душан был назначен наркомом здравоохранения Калмыцкой АССР. В 1936 г. семью У. Д. Душана постигла тяжелая утрата — умер его отец Манджиев Душа Бёгяевич. 21 апреля 1937 г. в семье Душана родилась дочь Александра.

В августе 1937 г. волна сталинских репрессий не обошла У. Д. Душана, который 5 апреля был исключен Элистинским горкомом ВКП(б) из членов ВКП(б) и освобожден от занимаемой должности. Основными мотивами для исключения для Элистинского горкома ВКП(б) стали: 1. «Связь с чуждыми элементами»; 2. «Протаскивание буржуазно-националистических взглядов в своих книгах и произведениях»; 3. «Отказ участвовать в похоронах тов. Орджоникидзе». Причины исключения были так незначительны, что сам У. Д. Душан позже на эти обвинения отвечал с недоумением: по первому пункту — «меня обвинили в том, что я на несколько дней остановился на квартире у бывшего председателя СНК Калмыкии Пюрбеева Анджура Пюрбеевича, который потом был арестован в 1937 г.»; по второму пункту — «В журнале «Ойратские известия» написал, что в связи с отступлением XI–XII армий в Калмыкии распространился сыпной тиф»; по третьему пункту — «18.02.1937 г. я был в Москве, когда умер тов. Орджоникидзе. Я имел в кармане железнодорожный билет, зашел перед отъездом в Калмыцкое представительство. Здесь были члены Калмыцкого правительства, которые только приехали. Мне показали телеграмму от Верховного Совета Калмыкии уполномочивающих участвовать указанных товарищей на похоронах т. Орджоникидзе. Моей фамилии там не было. Но в представительстве

сказали, чтобы я тоже участвовал. Я не придавал значение этому и уехал». Доктор Душан был членом партии ВКП(б) с 1919 г. и тяжело переживал из-за проявленной к нему несправедливости. Несколько раз он пытался добиться справедливости и апеллировал в Калмыцкий обком ВКП(б), Нижне-Волжский крайком ВКП(б), но безрезультатно. Пытаясь вернуть свое честное имя, У.Д. Душан обращался в Наркомздрав СССР и к Прокурору СССР, откуда также получил туманный ответ, что если он не арестован, то и причин для обращения в эти органы у него нет.

Уже позже, в 1941 г., когда У. Д. Душан обращался в партийную комиссию при ЦК ВКП(б), там признали, что его исключение из партии было неправильным. Но, рассматривая причины его исключения из партии, члены партийной комиссии лицемерно написали ему, что «простительно для других, непостыжно члену партии с 1919 года и человеку с высшим образованием» и посоветовали вновь вступать в партию на общих основаниях. Даже на таких условиях У. Д. Душан был готов вернуться в партию, но война, а затем и депортация калмыцкого народа помешали ему это сделать.

Как вспоминала позже его супруга А. Л. Душан, «каждую ночь кого-то арестовывали. И каждую ночь была такая тишина, что, когда слышались шаги, все замирали и ждали, за кем пришли». Опасаясь за судьбу своей семьи в случае его ареста, доктор отправил жену с детьми на попутной машине к ее матери в г. Астрахань.

Уволенный с должности, У. Д. Душан был также выселен из квартиры. Поэтому, находясь под подпиской о невыезде, доктор был вынужден почти месяц жить под лестницей в доме, где он проживал ранее (ныне известный как «шестой жилдом» или дом со «Старым гастрономом»; расположен по адресу: г. Элиста, ул. Ленина, д. 263). К счастью, до ареста не дошло, и У. Д. Душан остался работать врачом-терапевтом вдали от своей семьи. Только в 1938 г. он наконец получил возможность уехать к своей семье в г. Астрахань, где работал врачом-терапевтом в Первой клиниче-

ской больнице, ординатором Госпитальной терапии и диагностики. Работая в больнице, он показал себя профессионалом своего дела и стал довольно известным в Астрахани врачом. Часто больные приходили на прием к нему даже на дом. Семья тогда поселилась в съемной однокомнатной квартире по ул. «1 мая», д. 87, где они проживали вплоть до самой депортации⁶.

Находясь в Астрахани, У. Д. Душан часто выезжал в г. Москву, пытаясь добиться справедливости, но безуспешно. При этом доктор не забывал и о повышении своей квалификации. Так, в Москве он встречался с заведующим кафедрой социальной гигиены медицинского факультета 1-го Московского медицинского института профессором Н. А. Семашко, а также другими ведущими специалистами.

Начало Великой Отечественной войны У. Д. Душан встретил в г. Астрахани. В годы войны часть территории Калмыкии была оккупирована фашистами. 28 декабря 1943 г. — трагическая дата в истории калмыцкого народа, когда калмыки были подвергнуты насильственной депортации в восточные районы СССР, где их расселили в по огромным просторам страны. Вместе с калмыцким народом У. Д. Душан подвергся выселению и попал в Красноярский край, где проработал врачом-терапевтом до 1964 года. С ним отправились в Сибирь и члены его семьи, хотя жена (как русская по национальности) и дети могли избежать участи переселенцев в случае отказа от мужа и отца. По воспоминаниям его дочери, все члены семьи собрали свои вещи и погрузились в вагон эшелона, но к их удивлению поезд простоял на вокзале несколько дней. В течение этих дней к ним приходила мать жены с горячим питанием и уговаривала свою дочь остаться вместе с внуками в Астрахани. Однако жена осталась при своем убеждении, что жена обязана быть с мужем⁷.

⁶ Информант: Александра Улюмджиевна Душан, 1937 г. р., г. Элиста. Запись от 9 февраля 2010 г.

⁷ Информант: Александра Улюмджиевна Душан, 1937 г. р., г. Элиста. Запись от 9 февраля 2010 г.

В Сибирь семья У. Д. Душана была отправлена вместе с калмыками, которые проживали в г. Астрахани. Будучи врачом, он оказывал в пути врачебную помощь пострадавшим, благодаря чему в его поезде никто не умер. Только в январе 1944 г. они, наконец, прибыли к месту назначения в Красноярский край и были ненадолго направлены на работу в с. Ужур, где находились вплоть до апреля. Затем их перевели в п. Нижний Ингаш, где У. Душан работал заведующим амбулаторией до 1947 г. С октября 1947 г. он работал санитарным инспектором в г. Даурске, а в 1951 г. со своей семьей переехал в г. Артемовск, где они и жили вплоть до возвращения на родину. Поначалу местные жители проявляли негативное отношение к калмыкам. Так, младшую дочь даже не приняли в комсомол как дочь «врага народа». Тем не менее у окружавшего населения Улюмджи Душанович пользовался большим авторитетом, потому что все свои знания отдавал людям, проявляя доброту и сердечность, не считаясь с собой.

После восстановления автономии республики У. Д. Душан со своей семьей в сентябре 1964 г. приехал в Элисту. С 1 октября 1964 г. он стал работать врачом-терапевтом Республиканской поликлиники.

Узнав о реабилитации его коллеги — председателя СНК КАССР А. П. Пюрбеева, У. Д. Душан получил новый стимул для дальнейшей борьбы за справедливость. Сразу после возвращения У. Д. Душан вновь стал добиваться справедливости, чтобы вступить в партию, которой он отдал столько лет. Еще до приезда в Калмыкию он подал письменное заявление в Калмыцкий обком КПСС о вступлении в партию. К большому его разочарованию, он снова получил завуалированный отказ, который выразался в совете предварительно обратиться в ЦК КПСС. Справедливо сомневаясь в целесообразности обращения в «центр», где, как писал У. Д. Душан, «кое-где остались остатки от прежних взглядов на калмыков», он на некоторое время оставил свои попытки.

Другим важным делом для У. Д. Душана стало возвращение его материалов и рукописей, которые им были утеряны после его отъезда из г. Элисты и последующей депортации. Так, его работа «Об обычаях и суевериях калмыков» (287 л.) готовилась к изданию в 1935 г. в Сталинградском крайлите⁸, но после исключения автора из рядов ВКП(б) не была издана, а была передана на хранение в архивы г. Ленинграда. Разыскивая свою рукопись, автор первоначально писал в Ленинградское отделение Архива академии наук СССР, но в 1966 г. на его запрос о возвращении ему рукописи поступил ответ от заведующего архивом П. Н. Корявова об отсутствии данной рукописи в архиве. Наконец рукопись была найдена в Архиве востоковедов г. Ленинграда и после неоднократных обращений в 1966 г. и 1967 г. была возвращена ее автору. У. Д. Душан стал повторно готовить рукопись к изданию совместно с научным сотрудником КНИИЯЛИ Н. Ш. Ташниновым, но из-за болезни так и не довел дело до конца, а недоработанная рукопись осталась на хранении в научном архиве КНИИЯЛИ (ныне КИГИ РАН). Позже эта рукопись в сокращенном варианте была издана в первом номере «Этнографического сборника» в 1976 г.

27 апреля 1973 г. доктор был вынужден из-за болезни покинуть любимую работу и выйти на пенсию. А весной 1974 г. после продолжительной и тяжелой болезни на 82 году жизни У. Д. Душан скончался.

За свой безупречный труд У. Д. Душан был награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». За большие заслуги в деле охраны здоровья населения Указом Президиума Верховного Совета от 30 ноября 1965 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР».

⁸ Сталинградское краевое управление по делам литературы и издательств (Крайлит), подразделение Главлита. Образован по декрету СНК РСФСР от 6 июня 1922 г. Основной целью создания Главлита было «объединение всех видов цензуры в печатных произведениях».

Источники и литература

1. Личный архив У. Д. Душана.
2. Дейнега В. Доктор Душан // Советская Калмыкия. 18 июня 1967. С. 3–4.
3. Душан У.Д. Обычай, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Этнографический сборник. №1. Элиста, 1976. С. 3–54
4. Майоров Б. Александр и Улюмджи Душан // Церенов В. З. Эркетени. Земля и люди (Из истории Черноземелья). Элиста, 1997. С. 81–82.
5. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970.
6. Сусеев П. Н. Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра). Элиста, 2006.
7. Церенов В. З. Нить созвучий. Литературные этюды. Элиста: Эрдем, 2006.

У. Д. ДУШАН

ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.¹

Предисловие²

Калмыцкий народ до революции находился под двойным гнетом — царских чиновников-колонизаторов и «своего» калмыцкого дворянства (нойоны и зайсанги) и духовенства.

Под этим двойным гнетом калмыцкий народ прозябал в темноте, грязи и невежестве. Сифилис, туберкулез, алкоголизм, эпидемии постепенно вели его к вырождению.

Достаточно привести несколько фактических справок из недалекого прошлого Калмыкии, чтобы составить ясное представление о весьма тяжелом положении трудящегося населения.

Вот они, эти справки:

С 1897 по 1917 год калмыцкое население сократилось на 15,3 процента.

На тысячу калмыков до укрепления советской власти приходилось всего-навсего 56 грамотных.

До 1890 года три кочующих народа: калмыки, туркмены и ногайцы, разбросанные на пространстве в 12600³ километров, обслуживались одним врачом. После 1890 года был учрежден еще фельдшерский пункт, получавший на инструменты и медикаменты 100 рублей в год.

Говоря о прошлом калмыцкого народа, никак нельзя обойти молчанием религию и духовенство.

¹ Рукопись хранится в Научном архиве КИГИ РАН.

² Автор предисловия неизвестен. Предположительно им мог являться Уполномоченный Ставропольского крайлита Рево.

³ В тексте опечатка – правильно 126000 кв. км.

Религия и духовенство в системе эксплуатации калмыцкого народа вместе с дворянами и кулачеством играли исключительную роль.

Гелюнги, умело используя буддийскую религию, ее учение о нирване, опутали калмыков густой сетью религиозных обычаев и суеверий. Духовенство умело извлекало пользу из этих обычаев.

Хищное и жадное калмыцкое духовенство сумело поставить себя в положение людей, пользующихся неограниченным авторитетом, почти святых. В этом отношении, опять-таки, исключительно велика роль традиций и обычаев.

Рекомендуемая вниманию читателя книга Улюмджи Душана «Обычаи и суеверия старой Калмыкии» подробно рассказывает об этих обычаях и суевериях.

Автор книги происходит из калмыцкой рыбацкой семьи. Родился он в 1892 году и почти всю жизнь прожил в Калмыкии, следовательно, сам пережил все то, что приходилось переживать трудящемуся калмыку в дореволюционные годы.

Товарищ Душан принадлежал к той небольшой прослойке калмыков, которые сумели преодолеть трудности, стоявшие перед ними до революции на пути к просвещению и выйти в ряды передовых людей своего народа.

Вот что он рассказывает в своей биографии: «Заветной моей мечтой было быть агрономом. Но астраханский губернатор, он же главный попечитель калмыцкого народа, предложил быть медиком. Ослушаться — навлечь гнев и очутиться вне стен учебного заведения».

В апреле 1917 года тов. Душан окончил медфак и получил назначение в Эркетеновский врачебный участок. В 1918 году тов. Душан вступил в ряды Красной армии, а в 1919 году вступил в ряды коммунистической партии.

В 1920 году демобилизовался из армии и в том же году был избран в члены Калмыцкого облизполкома. В 1921 по

1928 г. заведовал областным Здравоотделом. С 1928 по 1930 год был зам. зав. Нижневожского и Сталинградского Крайисполкома. С 1935 года представитель Калмобласти при Сталинградском Крайисполкоме. В 1935 года наркомздрав Калмыцкой АССР.

Товарищ Душан хорошо знает жизнь своего народа. В течение ряда лет он внимательно изучал его жизнь и обычаи. Результатом этого изучения и явился этот труд.

В книге тов. Душан собрал богатейший фактический материал о дореволюционном семейно-бытовом укладе калмыков, об их отношении к явлениям природы и животному миру, о суевериях и предрассудках.

Эта книга переносит читателей в прошлое Калмыкии, дает яркую картину тяжелой жизни трудящегося степняка в условиях господства дворян, духовенства и царских чиновников.

В главе «Семья» подробно описано кошмарное положение женщины-калмычки, которая являлась собственностью рода, к которому принадлежал ее муж. Каторжная работа, полнейшее бесправие, сплошные издевательства — вот удел калмычки, в недавнем прошлом.

Чего стоят хотя бы гнусные издевательства, которым подвергали женщину, решившуюся уйти от мужа, традиции, заботливо поддерживаемые духовенством, о которых подробно рассказывает тов. Душан.

Первобытной дикостью веет со страниц, описывающих сватовство.

В главе «Суеверия и духовенство» автор показывает, как ловко духовенство извлекало выгоду буквально из каждого шага трудящегося калмыка, как умело оно вытягивало деньги и скот из каждого его жизненного отправления (см. «Чихание», «Испражнение», «Знахари и ворожеи» и др.). Все это обставлялось целым рядом издевательства, унижавших человеческое достоинство.

Весьма интересны главы, трактующие об отношении калмыков к явлениям природы и к животному миру.

Серьезным недостатком книги тов. Душана является ее эмпиричность, отсутствие четкого марксистского анализа описываемых явлений. Тов. Душан ярко и интересно рассказывает об отдельных обычаях и суевериях калмыцкого народа, подкрепляя свой рассказ убедительными фактами. Но когда подходит к анализу причин, когда он пытается обобщить эти факты, он становится беспомощным.

Чувствуется, что он недостаточно знаком с марксистскими трудами по истории культуры, даже с таким основным трудом, как бессмертным произведением Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

А ведь эта книга могла бы оказать ему огромную помощь, в особенности при разработке вопросов о семье и быте, при анализе семейных и бытовых отношений, сложившихся в калмыцкой степи до революции.

Описывая обычаи и суеверия, тов. Душан опирается, в основном, на буддийскую религию. Именно она, ее учение о нирване положены автором в основу объяснения их.

Между тем — «В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т.д. лежит по большей части лишь отрицательно экономическое: низкое экономическое развитие доисторического периода в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе» (Маркс — «Из писем об историческом материализме»).

В работе тов. Душан этой основной отправной момент: взаимодействие низкого экономического уровня и ложных представлений о природе — отражен явно недостаточно. У него, сплошь и рядом, получилось смешение причины и следствия.

В главе «Суеверия и духовенство» автора с особенной настойчивостью проводится мысль о том, что духовенство, интересы последнего являются основными причинами, порождающими суеверия, тогда как влияние духовенства является только орудием классового угнетения трудящихся и средствами удержания в этих целях тех религиозных суеверий, которые питаются низким уровнем культуры и народа.

Чрезвычайно сильны в работе тов. Душана элементы статичности. Исторический подход в его работе почти совершенно отсутствует. Так, почти ничего не сказано о тех изменениях в быте и обычаях калмыков, которые произошли под влиянием проникновения в калмыцкую степь русского капитализма. Между тем, это явление не подлежит никакому сомнению, в особенности в части Калмыкии, расположенной вблизи Астрахани, Царицына, Торговой.

Калмыки-рыболовы приморья и Приволжья, Башантинские калмыки-скотоводы, землеробы очень часто бывали в городах, русских селах с большими базарами, обращались с купцами-рыбопромышленниками. Это общение было систематическим на протяжении десятилетий и, естественно, влияние этого общения не могло не сказаться. В книге же тов. Душана это влияние обойдено.

Нельзя так некритически, как это делает тов. Душан, проводить параллели между бытом и обычаями калмыков и древних кельтов, туземцев Австралии и Океании, не вышедших из условий патриархально-родового быта, в то время как дореволюционная Калмыкия достигла уже феодализма.

И все-таки, несмотря на все эти недостатки, книга тов. Душана, как содержащая богатейший фактический материал, нужна и полезна.

Читается она легко. Ее следует рекомендовать всем интересующимся прошлым народов СССР. С этой точки

зрения, учитывая, однако, вышеприведенные оговорки, она представляет собой ценный вклад в этнографическую литературу и в литературу по истории культуры народов нашей великой родины. Книга, несомненно, встретит горячий отклик среди передовой части калмыцкого народа.

Строители новой социалистической Калмыкии с большим интересом прочтут книгу о прошлом своей области и сравнят с ее светлым и радостным настоящим.

Ушли далеко в прошлое жуткие картины, описанные в книге тов. Душана. Растет и крепнет новая социалистическая Калмыкия. Советская власть в корне преобразила отсталую полудикую, степную окраину.

Если до революции было налицо постепенное вымирание калмыцкого народа, то при советской власти мы видим бурный рост его. С 1917 года по 1933 год население Калмыцкой Области выросло на 37,3 процента, что составляет средний годовой прирост 2 процента. 86 процентов калмыцкого народа грамотны.

Колхозный строй победил окончательно и бесповоротно: сельскохозяйственное население области коллективизировано на 71 процент.

На основе совхозов и колхозов начался подъем животноводства, развивается полеводство, которого не знала старая Калмыкия.

С каждым годом улучшается охрана здоровья Калмыкии. Больничная сеть увеличилась на 38 процентов, бюджет по здравоохранению вырос до одного млн. шестисот тыс. рублей.

В Калмыкии расцветает подлинно национальная по форме и социалистическая по содержанию культура.

Успехи советской Калмыкии — яркое выражение торжества Ленинско-Сталинской национальной политики.

Работа «Об обычаях и суевериях калмыков» (287 л.) готовилась к изданию в 1935 г. в Сталинградском крайлите⁴, но после исключения автора из рядов ВКП(б), не была издана, а была передана на хранение в архивы г. Ленинграда. Рукопись была найдена в Архиве востоковедов г. Ленинграда и после неоднократных обращений в 1966 г. и 1967 г. была возвращена ее автору. У. Д. Душан стал повторно готовить рукопись к изданию совместно с научным сотрудником КНИИЯЛИ Н. Ш. Ташниновым, но из-за болезни так и не довел дело до конца, а недоработанная рукопись осталась храниться в научном архиве КНИИЯЛИ.

⁴ Сталинградское краевое управление по делам литературы и издательств (Крайлит), подразделение Главлита. Образован по декрету СНК РСФСР от 6 июня 1922 г. Основной целью создания Главлита было «объединение всех видов цензуры в печатных произведениях».

ГЛАВА I.

Источники и хранители старых калмыцких обычаев

Дореволюционная история калмыцкого народа — это непрерывные страдания и скитания, вечная экономическая и политическая отсталость, благодаря которой калмыцкий народ был всегда объектом эксплуатации другими более сильными народами.

Более трехсот лет тому назад калмыки, вооруженные средневековым оружием, вместе со всем своим домашним скарбом пришли из далекой Джунгарии, через Алтайские и Уральские горы в неведомые для них прикаспийские степи, покрыв около девяти тысяч километров.

История рассказывает нам о том, что жизнь калмыцкого трудового народа в Джунгарии была полна жутких драм, зверской эксплуатации и издевательств со стороны тайшамов-ханалий⁵, нойонов и духовенства.

Беспрерывная родовая борьба и междоусобные войны удельных князей разоряли трудящихся калмыков, превращая их в нищих и рабов.

Проделав девятитысячный путь, калмыки надеялись в прикаспийских степях царской России найти лучшую жизнь. Но жизнь для трудящихся, для людей «черной кости» в России стала еще хуже. Трудящиеся массы калмыцкого народа стали вместо одного эксплуататорского пресса нести два:

⁵ В тексте опечатка, речь идет о тайшах.

один пресс — царского самодержавия, русских капиталистов и кулаков-колонизаторов; другой пресс — «своей» феодально-крепостнической знати — нойонов, зайсангов и духовенства.

В условиях неслыханной эксплуатации трудящиеся калмыки прозябали в вечной темноте и невежестве, граничащих с дикостью.

Кочевой образ жизни, отсутствие постоянной территории не давали возможности трудящимся калмыкам заниматься земледелием, не давали возможности создавать свои социально-культурные учреждения, развивать национальную свою культуру.

Вечная жизнь в степях, общение с незначительным количеством людей, животными и предметами обихода не давали развиваться кругозору калмыка-скотовода.

С другой стороны, воздействие природных условий, частые стихийные бедствия (гибель скота, болезни людей и т.д.), случайные несчастия от неосторожных действий и поступков, деление общества на богатых и бедных и беспредельная эксплуатация заставляли кочевника-калмыка искать объяснения всем этим явлениям.

И, конечно, ум человека был не в состоянии дать надлежащего и исчерпывающего ответа, человек чувствует себя зависимым от неведомых ему сил. Появляется сознание беспомощности и бессилия, неспособности найти и устранить действительные причины бедствий и страданий.

Беспомощность и бессилие порождает веру в чудеса, в магическую силу отдельных людей, предметов и даже поступков. В воображении человека появляются хорошие и плохие, друзья и враги из людей, скота, предметов, вещей и т.д. одни вечно хотят сделать ему зло, другие, наоборот, защищают его от всяких зол. Возникает представление о злых, нечистых духах, а также о духах добрых, способных предотвратить надвигающиеся бедствия, если им угодить.

В результате сложения таких пониманий возникает религия. «Религия, — говорит Ф. Энгельс, — возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе» (Энгельс Ф. «Людвиг Фейербах»).

Чтобы оградить себя от нечистых злых сил, надо угодить добрым духам или делать так, чтобы не разгневать нечистую силу. В процессе искания мер ограждения от бедствий вырабатывается целая сеть обычаев, обрядностей и суеверий.

Кроме того, внутри рода или общины нужны какие-то твердые взаимоотношения, регулирующие каждодневно жизнь рода общины. И здесь также вырабатываются обычаи и обрядности чисто практического, бытового характера.

По мере исторического развития народа религиозные взгляды становятся сложнее и разнообразнее. Пережитки старых взглядов и воззрений смешиваются с новыми взглядами. Эксплуатирующие классы, имеющие господство в обществе, приспособливают религию к новым условиям, делают ее одним из мощных орудий порабощения трудящихся. Таковы источники возникновения религий, обычаев, суеверий у своих народов.

Так было и в истории калмыцкого народа. Религия и ее служители — духовенство, став в качестве «помощников» трудящихся калмыков, загнали их в полное порабощение — дворянства, кулачества и купечества. Наряду с этими классами эксплуататоров, духовенство само беззастенчиво эксплуатировало трудящихся. Оно в системе эксплуатации калмыков занимало одно из виднейших мест.

Достаточно прочесть последующие главы данной книги, чтобы убедиться, как буддийская религия и ее служители — духовенство ограждали трудящихся калмыков от проникновения к ним культуры, науки и техники, как рьяно буддийское духовенство охраняет первобытные полудикие обычаи,

обрядности и суеверия, которые еще и на сегодня имеют место в среде калмыцкого трудового народа.

Достаточно даже неглубоко вникнуть в сущность буддийского учения, как и всякого другого религиозного учения, как станет ясно, что все оно направлено на порабощение трудящихся, на затемнение их классового сознания.

Калмыки проповедуют буддо-ламаизм. Это реформированный религиозным реформатором Цзонкавой буддизм. Основным в учении буддо-ламаизма является учение о перерождении души. Иначе говоря, в силу этого учения, со смертью человека жизнь не прекращается. Человек до тех пор перерождается, пока не очистится от всех грехов и тем самым не достигнет вечно бесконечного духовного мира — пустоты — Нирваны.

В связи с этим воззрением буддо-ламаизм признает существование трех материальных миров (земля, небо, подземный мир). На каком бы из них не переродился человек, — он будет страдать, пока не прекратится общение с материей, ибо все материальное только страдание. «Человек выше материи», — говорит буддо-ламаизм. Поэтому недостойно ему иметь привязанность к ней, ибо, привязываясь к материи, он навлекает на себя постоянное страдание и скорбь. Основываясь на своем учении о перерождении души, буддо-ламаизм указывает, что только человек может достичь Нирваны.

Для этого наряду со многими другими мероприятиями необходимо отречься от всего мирского.

Дальше, буддо-ламаизм учит, что жизнь человека на земле коротка. Поэтому человек свое короткое пребывание на земле должен использовать на богоугодные дела, на спасение своей души, т.е. на достижение Нирваны.

Учение буддо-ламаизма было одной из главных причин того, что многие трудящиеся калмыки считали уделом своей судьбы то социально-экономическое неравенство, которое существовало среди них. Буддо-ламаизм учит не обращать

внимание на богатство, роскошь, на беспечную жизнь имущих классов, так как жизнь на земле короткая и все материальные блага доставляют человеку только одно страдание. Все это способствовало притуплению классового самосознания эксплуатируемых калмыков, делало их пассивными, часто безразличными к своему положению, не давало им возможность организовать и бороться за сносную жизнь на земле. Наоборот, надеясь на хорошую загробную жизнь и на перерождение в лучшее, более безгрешное существо, которое обещает им религия, — терпеливо переносили все обиды, зло, всю тягость невероятной эксплуатации господствующего класса.

В тесной связи с учением о перерождении души находится учение о предопределении судьбы и о существовании возмездия. В силу этого учения все живые существа, и в том числе человек, во-первых, пожинают плоды того, что они совершили в предыдущей своей жизни, а, во-вторых, все предопределено судьбою с самого сотворения каждого существа, весь его жизненный путь до мельчайших подробностей. Все это разобрано и занесено в «книгу судеб», от начертаний которой никто не ускользнет. Таким образом, выходило, что человек еще до рождения обречен на то или иное мучение или наслаждение в зависимости от своих дел. Вследствие этого многие трудящиеся калмыки всю свою тяжелую жизнь отчасти считали нормальной и законной, так как во всем этом виноваты именно они сами, а не кто-нибудь другой. Все испытываемые ими невзгоды, нужду буддо-ламаизм объясняет результатом деятельности их в прошлой жизни, поэтому люди должны переносить все бедствия и страдания покорно и безропотно, как вполне заслуженные. Такое учение обеспечивало спокойную, сытую и грабительскую жизнь калмыцких богачей, дворянства и духовенства.

В одурманенные религией головы населения не всегда приходило, что все богатство, все блага этих тунеядцев —

результат наглой эксплуатации и прямого грабежа трудящихся, что религия является прямой помощницей эксплуататоров и покровительницей всех тех беззаконий, которые творят имущие классы.

В связи с необходимостью спасти имущество эксплуататоров от возмущенного населения вытекает другое учение буддо-ламаизма о «священности» и «неприкосновенности» частной собственности. Об этом неустанно говорили дворянство, богачи и духовенство, оберегая свое награбленное добро. Буддо-ламаизм проповедует: «не трогай чужое, оно священо и неприкосновенно». «Оно тебе не принадлежит». «Оно предначертано другому». «Чужое добро впрок не пойдет». «За присвоение и захват чужого добра ждет каждого божье наказание». «Не завидуй богатым». «Помни, все материальное приносит только страдание». «Богатство удаляет человека от Бога, следовательно, от конечной цели всего живого Нирваны».

В то же время дворянство, скотопромышленники, кулаки, родственники духовенства, а часто и само духовенство не только сами занимались скотоводством, но держали специально при себе целые шайки воров, которые пригоняли им скот, отнимали ценное имущество трудящихся. Таким образом, мы видим, что это учение касалось только бедняков, но отнюдь не «белой кости», «знатных людей». На примере этого учения можно еще раз убедиться в неоспоримости выводов Маркса и Ленина, что религия прикрывает богачей, оберегает их добро и что она является защитницей эксплуататоров, вбивая в голову населения всевозможные басни и иллюзии, обнадеживая бедняков счастливой, полной довольствия в будущем жизнью и пугая их возмездием за желание присвоить добро имущего класса.

Следующее учение буддо-ламаизма, на котором необходимо остановиться, — это учение о «непротивлении злу» и призрачности мира. На основании этого учения выходило,

если нет реального мира, то нет и страданий, которые испытывают на себя люди, а все это только самообман, результат заблуждения. Таким образом, выходило, что не существует ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, ни социально-экономического неравенства, несправедливостей, ни угнетаемых и ни угнетателей. Следовательно, незачем и не с кем бороться за лучшую земную жизнь, нет смысла отстаивать и добиваться своих прав в этом мире. Учение о непротивлении злу среди калмыков распространялось духовенством довольно конкретно и последовательно. Оно учило население, проповедуя, что за каждое зло творивший его отвечает перед богом. На зло нельзя отвечать злом. Творивший зло сам погибнет от своего деяния. Сделавший зло самый несчастный человек, ибо им руководит в это время нечистая сила, злая воля, но только не его личное желание. Иначе говоря, по этому учению сам делающий зло становится жертвой, как калмыки говорят, общего человеческого врага — нечистой силы. Поэтому буддо-ламаизм учит, что таких лиц нужно жалеть, быть терпеливым, переносить все от них, не обижаться на них, не питать к ним ненависти и т. д.

Вследствие этого самые безобразные издевательства, насилия, деспотизм и самодурство, творимые дворянством, кулаками, духовенством проходили совершенно безнаказанно. Эксплуатируемые все это переносили часто безропотно, а иногда даже с жалостью и сочувствием к творящему им обиды, так как, по их понятиям, все это происходит помимо их желания. Отсюда получалось, что все эти грабители трудящихся масс — самые невинные и добрые души, ангелы своего рода. Они рады бы этого не делать, но всему виноваты нечистые силы и злая воля. Это учение, так хитроумно защищающее паразитов и обеляющее все их безобразные поступки, играет одну из губительнейших ролей в жизни последователей буддо-ламаизма. В буддо-ламаизме мы встречаем еще одно учение, мимо которого нельзя пройти. Это трактат

о «благородной кости». Здесь говорится, — если верующему в поступках или в жизни духовного лица или дворянства что-нибудь покажется соблазнительным или же не таким как это принято вообще, что он не должен подвергать все это сомнению, ибо на самом деле ничего такого нет, а все это ему только показалось, все это обман зрения и происходит от грешности самого видевшего, заметившего.

Это учение способствовало тому, что многие калмыки старались проходить мимо вопиющих безобразий духовенства, дворянства и кулачества, считая обманом зрения, что это им только кажется вследствие их грешности, жадности, непочтительности и т. д. Отсюда само по себе вытекало, что трудящаяся масса не должна обращать никакого внимания, если «знать» делает преступление.

Таким образом, мы видим, что буддо-ламаизм заранее оградил эксплуатирующие классы от всевозможных источников недовольства со стороны эксплуатируемого населения. Он расчистил им путь для всяких беззаконий, безобразий и преступлений. Он сделал все, чтобы притупить бдительность трудящейся массы и предоставить ее на самый беззащитный грабеж дворян, кулаков и духовенства.

Наконец, считаем необходимым остановиться на учении буддо-ламаизма о духовенстве. Нигде так духовенство не сумело поставить себя, внедриться в семейную, общественную и политическую жизнь народа, как духовенство у калмыков. Буддо-ламаизм учит калмыков, что всякий верующий должен постоянно оказывать почтение и уважение духовенству, как своему наставнику — учителю и доставлять ему все необходимое, чтобы оно было обеспечено, не страдало бы от недостатков. Верующий, если потребуется, не должен жалеть даже самых дорогих и любимых вещей. Все приказания и желания духовенства должны быть немедленно и беспрекословно исполняемы.

Буддо-ламаизм на этом не останавливается. Он проповедует, что, кроме доброго дела, хорошее можно достичь, имея еще надежного руководителя или доброго друга. Без них человек, благодаря своим наклонностям к дурным поступкам, не может идти по правильному пути и тем достичь блаженства и счастья.

Лама стал центром всей жизни монголов. Это неизмеримо подняло духовенство в глазах верующих, придало ему необыкновенный авторитет. Верующие стали считать духовенство святым, непорочным и вечными своими учителями и добрыми ходатаями перед богом.

Такое отношение населения к духовенству создало слепое поклонение ему. Духовенство хорошо знало это. Оно учитывало свое положение и при каждом подходящем случае использовало его.

Все это послужило, с одной стороны, причиной той невероятной эксплуатации, которой подвергалось население, а с другой, тому бесподобному наглому издевательства, которое допускалось духовенством по отношению к верующим. Дело доходило до того, что кал и моча хулиганов и самодуров из духовенства и дворянства моментально расхватывались населением как святыня. Одурманенные трудящиеся калмыки считали, что отбросы «святых» владеют не менее святыми свойствами, чем их владельцы. Эти «святые» хулиганы со своими приспешниками, пользуясь безграничной темнотой населения, зло глумились и издевались над ним и разжигали пламя религиозного фанатизма.

Наконец, еще остается один источник, который давал невероятно большой доход духовенству и вместе с тем невероятно крепко закабалял население — это обрядности.

Одна из характерных сторон буддо-ламаизма — это обилие всевозможных и всяких божеств, святых, духов и т.д. Все они требуют различные церемонии, обрядности, почитание культов и т.д. Благодаря чему увеличилась до громадных раз-

меров доходность духовенства и происходило невероятное их обогащение. Доходность духовенства еще больше увеличивало суеверие населения. Суеверное население видело всюду нечистые силы, духов и т.д., от которых, они думали, можно найти защиту только у духовенства. Последние, по мнению калмыков, могли обезвредить своими молитвами все козни их врагов.

Гелюнги молитвы даром не читают. Им нужно платить. Результатом этих постоянных обращений за читкой молитв являлся постоянный поток денег из кармана трудящихся калмыков в сундуки духовенства.

Благодаря всему этому, с одной стороны, происходило неслыханное обогащение духовенства, кулаков и подобных им темных личностей (знахари, ворожеи и пр.), а с другой — обираемое всевозможными способами, поработанное население все больше и больше разорялось, доходя до нищенства.

С первых же дней установления Советской власти, когда трудящиеся Калмыкии стали просыпаться от своего многовекового сна, духовенство и дворянство почуяло конец своего благополучия. Духовенство заняло враждебную политику советской власти. Оно скрыто призывало калмыков бороться против власти рабочих и крестьян. Когда советская власть укрепилась, надежды на ее свержение и возврат капиталистов рухнули, тогда духовенство стало перестраивать свои ряды, приспособливаться. В целях перестройки был созван съезд. На этом съезде калмыцкое духовенство постановило учредить две высшие духовные философские школы. Оно ясно видело, что теперь нельзя действовать, как раньше. Недостаточность прежнего метода религиозной пропаганды была очевидна. В связи с новой обстановкой требовался новый более сложный, утонченный способ одурманивания людей. Нужно было действовать хитрее и умнее, чтобы затуманить классовую бдительность не только массы, но и пере-

довой части населения. Для достижения этой своей цели духовенство не остановилось даже перед тем, чтобы объявить, что прежние разорительные для населения обрядности и некоторые молитвы (богослужения) происходили от того, что, во-первых, само население требовало их благодаря своей темноте, а, во-вторых, это происходило даже от недостаточного знания буддизма самим духовенством.

Поборы, которые обычно производило духовенство в связи с обрядностями, были слишком беззастенчивы и наглы, чтобы не открывать глаза прозревшему населению, выдавать весь тот обман, которым опутывались трудящиеся. Эти поборы, прежде всего, восстанавливали население против духовенства и религии.

Это обстоятельство и было замечено духовенством, которое, прежде всего, взялось «исправлять» себя с этой стороны. На поборы оно обратило исключительное внимание. Предложено было главой духовенства — ламой, не требовать, как это было раньше, а брать то, что дает верующий. При этом всякое приношение и вознаграждение за труды поступает в общую хурульную (монастырскую) кассу, но отнюдь не в пользу отдельных лиц из духовенства, как это практиковалось раньше. Вместе с тем всем гелюнам и настоятелям хурулов предлагалось выбросить все лишнее из обрядностей, свести их до минимума.

Калмыцкое духовенство на этой «реорганизации» своего «дела» не остановилось. Оно стало усиленным образом проводить у себя монастырский устав и режим, подтягивать дисциплину среди гелюнгов, бороться за повышение «знания» путем систематической и организованной подготовки, как в духовных школах, так и на временных курсах. На эти курсы съезжались курсанты — гелюнги со всех улусов. Главное внимание, как на курсах, так и в школах было обращено на изучение буддийской философии.

Вместе с тем духовенство объявило, что религия будет очищена от всего наносного, и теперь духовенство будет бороться за «чистый» буддизм без примеси, который якобы имеет много сходственного с коммунизмом и не противоречит ему.

История нам доказывает, что всякая религия, а также и буддийская, выражает и приводит волю господствующего класса эксплуататоров, буржуазии и защищает его интересы. Религия является пособником одурманивания, угнетения, эксплуатации имущим классом пролетариата, но отнюдь не освобождает его от всего этого. В. И. Ленин об этом определенно говорит, что «все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации — марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса». Дальше В. И. Ленин указывает, что «религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой, нуждой и одиночеством». Таким образом, нам ясно становится, что представляет из себя религия и какую роль она играет в жизни трудящихся. Что касается буддизма, то это — религия непротивления злу, классового примирения, религия бездельности, беспечности, упадничества и глубокого пессимизма, ищущая спасения не в борьбе с социальной несправедливостью, а в бегстве от жизни, религия, проповедующая трудящимся отказаться от всякой борьбы для улучшения своей земной жизни во имя вечного покоя в небесах, тем самым притупляющая классового самосознания пролетариата.

Великие учителя пролетариата — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин указали трудящимся всех стран, всем угнетенным народам большим и малым причины их порабощения и пути освобождения от эксплуатации.

Калмыцкий народ, освобожденный Великой Октябрьской революцией, сбрасывает с себя путы духовного рабства

и под руководством партии и ее вождя тов. Сталина строит новую социалистическую Калмыкию.

Последние годы социалистического строительства в Калмыкии нанесли особенно сильные удары духовенству. По желанию трудящихся было закрыто последнее убежище, последний оплот мракобесия — духовная академия — чоре. Теперь на этом месте, откуда веками закабалялось, одурманивалось население, открыт пионерский лагерь. Здесь отдыхают дети трудящихся калмыков, будущая наша смена, свободные от всяких предрассудков без влияний кошмарного прошлого. Но перед своей окончательной ликвидацией как калмыцкое духовенство, так и остатки кулаков ведут бешеную борьбу против советской власти.

Тов. Ленин и тов. Сталин нам не один раз указывали, что классовый враг будет оказывать сильнейшее сопротивление и вести исключительно обостренную борьбу против Советской власти. Действительно, мы видим, что калмыцкое духовенство и кулачество ни перед чем не останавливаются. Вначале они агитировали, что Советская власть недолговечна, она временное явление, данное богом в наказание людям, что сами большевики — представители ада, несущие страдания всему человечеству и они должны скоро исчезнуть. Пугали население тем, что все коммунисты и не сочувствующие попадут в ад и будут там подвергнуты всевозможным страданиям и пыткам.

Впоследствии они стали распространять книгу предсказаний какого-то святого. В книге этой по рассказам духовенства и слушавших чтение ее как будто говорится, что большевики не исчезнут, пока не будут пройдены следующие этапы трудностей: 1) пока коровы не дойдут стоимостью до тысяч рублей, 2) женщины не станут управлять государством, 3) пока не пройдут болезни, которых не будут знать врачи, 4) пока не станут пустовать дома и т.д.

ГЛАВА II. Кибитка

Основным жилищем калмыков в условиях кочевой жизни являлась кибитка.

Калмыцкая кибитка имеет конусообразную форму; правильнее — половина кибитки представляет из себя цилиндр, а верхняя — усеченный конус.

Цилиндр представляет из себя решетки кибитки. Усеченный конус — жерди, дымовое отверстие. Решетки, дверь, дымовое отверстие и жерди составляют остов кибитки.

Решетки деревянные. Они непременно должны быть выкрашены в красный цвет, ибо это способствовало красно-желтому цвету одежды духовенства. В другие цвета, например зеленый, могли красить лица «благородные» (белая кость). Решетки приготавливаются особыми специалистами-мастерами. Прикрепляются они ремешками из верблюжьей шкуры, как наиболее прочными, чем другие. Обыкновенная кибитка простолюдина имела шесть решеток. Больше указанного количества решеток могли иметь только кибитки дворянства, знати, богачей, духовенства и хурулы. Иметь больше указанного количества решеток, — думали калмыки, — это вызов богу, неподчинение ему, желание сравняться с его ставленниками на земле. За такую дерзость полагали они, мог послать неисчислимые бедствия.

Выступы решеток снаружи обычно прикрываются широкой шерстяной веревкой, чтобы не падали обратно вдетые жерди и чтобы не растягивались решетки.

Решетки, скрепленные между собой шерстяной веревкой, постепенно стягиваются, и начало, и конец решеток прикрепляются такими же веревками к двери. После чего решетки уже имеют форму цилиндра.

Дверь калмыцкой кибитки очень проста. Она состоит из двух створок. Створки состоят из нескольких, прикрепленных друг к другу, деревянных пластинок. Открывается дверь всегда внутрь. Обычно она окрашивается в разные цвета (пестрые) со всевозможными узорами.

Дымовое отверстие (харачи) кибитки имеет круглую форму и делается большею частью из дуба. Деревянный остов кибитки покрывается сверху войлоками. Войлоки имеют определенную форму и определенные назначения. Всех войлоков, входящих в состав кибитки, пятнадцать. Из них восемь покрывают верхнюю часть (конус) и семь нижнюю часть (цилиндр).

Сообразно с местом своего назначения войлоки имеют и соответствующую форму. Большинство из них обшиваются у верхних боковых краев кручеными шерстяными веревками, а некоторые двумя рядами веревок. Не обшивать войлоков нельзя, иначе хозяину грозит несчастье. Некоторые калмыки говорят, что, если не обшивать верхнего края войлока, то это предвещает хозяину недостатки во всем, «у него будет все время пусто во рту».

Обшивая таким образом войлок, калмыки, несомненно, подходят с чисто практической стороны. Во-первых, подшивкой достигается красота, изящность, но главным образом прочность, иначе кошма растянется, и придет в негодность.

Шерстяные веревки, которыми войлок прикрепляется к остову кибитки, должны лежать правильно, пластом, иначе хозяину кибитки, якобы, грозит несчастье: ему не будет везти ни в чем. У него все дела будут свертываться, иметь неправильное течение, ход и т.д. Почему неправильное расположение этих веревок имеет такое значение — сами калмыки никаких объяснений не дают. Но, по-видимому, все это делается с чисто практических соображений и опрятности.

Существуют также особые правила, как обращаться с войлоками, чтобы не навлечь на семью несчастья. Так, войлок, который прикрывает дверь, при необходимости должен быть аккуратно сложен и поставлен над нею, но ни в коем случае нельзя его просто приподнять и бросить на кибитку во всю длину. Такое обращение с войлоком, по верованию калмыков, предвещает бесчисленное множество несчастий данному хозяину. По их мнению, так может обращаться с этим войлоком, прикрывающим вход в кибитку, только враг, — во всяком случае, — человек с нехорошими мыслями по отношению к хозяину кибитки. Поэтому ни один калмык не позволит себе подобного обращения с наддверным войлоком.

Что касается других войлоков, прикрывающих кибитку, то их при кочевках надо складывать также по особому правилу. Старшие всегда следят за складыванием их, чтобы неправильным складыванием не навлечь несчастья.

Войлок, покрывающий дымовое отверстие кибитки, закрывает не все отверстия целиком: одна половинка, если не идет дождь, днем всегда открыта. Обычно бывает открыта половинка с западной, восточной или южной стороны, соответственно с направлением ветра. Но ни под каким видом не разрешается оставлять открытым дымовое отверстие с северной стороны. Исключение из этого составляют некоторые аймаки 2–3 улусов, главным образом, живущих около русских сел, которые вообще мало соблюдают некоторые

калмыцкие обычаи и верования. Чем же объясняется такой не почет северу? Мы полагаем, дело заключается в том, что север — сторона, откуда идет холод, снег, бураны и т.д., по укоренившемуся взгляду у калмыков, с севера ничего хорошего, кроме несчастья, нечего ждать. Действительно, часто суровая зима уносила у калмыков единственную опору для существований — скот. Сплошь и рядом калмыки после такой зимы, как они сами говорят, «остаются с одной плетью». Отсюда вполне понятно, что калмыки стараются, чтобы ничто у них не обращало свое лицо на север. Даже когда калмыки спят, они стараются не лежать лицом к северу. Такого человека считают неприличным и говорят про него так: «какой несчастный человек, навлекающий несчастье, обернулся на север в неправильную сторону» (слово «неправильное» нужно понять — «несчастный», «дурной», «несоответствующий религии».).

Дверь кибитки, по старому поверью калмыков, всегда должна находиться с южной стороны и вход должен строго соответствовать югу. При установке кибитки хозяева самым тщательным образом следят, чтобы дверь была обращена на юг. Юг, по их словам, богом возлюбленная сторона, — сторона, которая несет всегда тепло. Поэтому не только кибитка, все люди должны обращать внимание и взоры на юг. По верованию калмыков, юг оттого благостен, что там бог отдохнул в полдень (возлюбил это место): Но и здесь бывали исключения, которые вызывались особыми условиями, независимо от желания калмыка. Если сзади кибитки или с боков на недалеком расстоянии имелся хурул, кибитки дворянства или высшего духовенства, калмык поворачивал свою кибитку дверью в их сторону. В противном случае все это считалось бы со стороны калмыка дерзостью, неуважением, непочтительностью к тем, кто находится сзади его кибитки. За подобную вещь ему угрожал гнев «благородной кости», духовенства и жестокие наказания от бога.

Величайшим грехом считалось одновременное закрытие днем дымового отверстия и двери войлоком. Это одна из самых дурных примет, которые только могут быть в жизни. По убеждению калмыков, дымовое отверстие и дверь могут быть одновременно закрыты только в том случае, если в кибитке или все погибли от чего-нибудь или тяжело больны. В таком виде кибитки могут быть у больных оспой. Это единственная болезнь, которая наводила панический ужас на калмыков. Вследствие этого больные оспой оставляются почти без надзора, так как все здоровые уключиваются далеко.

Ночью это правило не соблюдается: дверь и дымовое отверстие могут в случае надобности (дождь, сохранение тепла) закрыты войлоками одновременно с наступлением ночи до восхода солнца. Какое большое значение калмыки придают этому, показывают слова, которые они говорят друг другу, когда ругаются между собой. «Пусть у твоей кибитки дверь и дымовое отверстие будут закрыты», — слышишь от рассерженного человека. У того, к кому относятся эти слова, можно сказать без преувеличения, — волосы становятся дыбом. Его страшит мысль: «а вдруг сбудется это?»

Не разрешается никому, особенно постороннему, смотреть, как из кибитки на улицу, так и снаружи в кибитку. Особенно тяжелым, притом предвестником крупных несчастий, считалось смотреть, как со двора, так и из внутри кибитки через отверстия, образуемые верхним концом двери и верхним первым выступом решетки. По уверениям калмыков, через эти отверстия без крайней нужды никто не будет смотреть. Через них могут смотреть только злоумышленники, нечистая сила, и хозяева кибитки, если им грозит опасность, — чтобы находящиеся на дворе не заметили, что за ними наблюдают. Врагам, злоумышленникам эти отверстия очень удобны, так как через них лучше наблюдать, что делается в кибитке, особенно, если они верховые. Эти отверстия

представляют очень благоприятные позиции для стрельбы и для того, чтобы не выпускать никого из кибитки. В связи с этим верованием калмыки самым тщательным образом стараются, чтобы не было никаких отверстий в тех местах, где они могут образоваться, благодаря оплошности или неправильному прикреплению войлоков к остову кибитки.

По-видимому, эти верования возникли после прихода калмыков в пределы России. Мы знаем, что калмыки вели бесчисленное множество войн с народами Кавказа. Происходили частые нападения как со стороны калмыков, так со стороны кавказцев. Несомненно, указанные выше отверстия в кибитке, действительно, служили удобными позициями для нападающих. Во-первых, верхняя часть двери как раз приходится по росту лошади и весьма удобна для стрельбы, во-вторых, [можно] смотреть внутрь кибитки через эти отверстия, не слезая с лошади, и, наконец, можно перебить всех находящихся там, не давая возможности никому оттуда выбежать.

Дальше, почему-то калмыки не разрешают привязывать скот веревкой, оставшейся лишней после прикрепления войлока, покрывающего дымовое отверстие. Точно так же ею нельзя ударять животных. По их объяснению, это может повлиять на богатство данного человека. Можно предположить, что это поверье связано с суевериями, существующими относительно кочевки. Дело в том, что для калмыков совершенно не безразлично, когда снимать войлок, покрывающий дымовое отверстие. Животное же, привязанное этой веревкой, может стянуть его. Точно также во время удара животных можно нечаянно тоже стянуть его.

Калмыки верили, что нечистые силы выходят из своих убежищ с наступлением сумерек. Рыская по всем направлениям, они могут забежать и в жилище, когда там никого нет. Поэтому калмыки не оставляют кибитку после захода солн-

ца пустой, т.е. без человека. В крайнем случае, если нет возможности кого-нибудь посадить в кибитке, то оставляли в очаге огонь. Огонь, по их поверью, очищает от нечистых сил и прогоняет их. Также на ночь не оставляется пустой и кровать (постель): кто-нибудь должен лежать на ней, особенно, если хозяин ее в отъезде. Оставленной на ночь пустой постелью может завладеть нечистая сила, что непременно вредно повлияет на здоровье отсутствующего. Поэтому на ночь приглашали человека со стороны ночевать в кибитке и спать на постели отсутствующего.

Воспрещается зря ходить вокруг кибитки. Такое хождение тоже дурная примета. Во-первых, кругом кибитки ходит тот, кто зазывает заблудшую душу. Во-вторых, ходят только вокруг хурула, когда молятся. Кибитка — не хурул, следовательно, ей нельзя придавать то значение, что свойственно хурулу. Никому не позволено выходить из кибитки с грузом на спине. По толкованию калмыков, выходящий с грузом на спине уносит их счастье и богатство. Всякая вещь, которая должна быть передана постороннему, выносится по левой стороне кибитки. Правая сторона ее считается местом почетным, счастливым; поэтому вместе с вынесенными по этой стороне вещами выносится и счастье хозяина. Входить в кибитку с грузом на спине не возбраняется. Это считается хорошим предзнаменованием, ибо вносится богатство и счастье.

Если выходящий из кибитки человек упадет, то это дурная примета. Такого человека, якобы, будет преследовать несчастье и весьма возможно, что у него сломается и нога. Чтобы предотвратить это несчастье, упавший должен войти в кибитку обратно и снова выйти.

Строго воспрещается кому бы то ни было входить в кибитку с палочкой или с трубкой во рту. Даже детям не разрешаются подобные вещи. Палочку должны выбросить на

улицу. Если кто-нибудь нечаянно вошел в кибитку с трубкою во рту, то он обязан выйти из нее, вынуть ее изо рта и только после этого опять войти. По всей вероятности это запрещение имеет чисто практическое значение. Можно нечаянно упасть. Если во рту находилась какая-нибудь палочка, хотя бы трубка с чубуком — это грозит опасностью.

Не разрешается сидеть на пороге двери. По мнению калмыков на нем могут сидеть только иноверцы (русские, татары и т.д.). Поэтому если кто-нибудь сядет там, то ему тотчас же делают замечание, говоря: «Ведь ты не русский, не татарин, вообще не иноверец, а человек калмыцкого (буддийского) вероисповедания. Почему сидишь, разве не знаешь наш закон». Это запрещение, по нашему мнению, тоже предпринимается с чисто практической целью. Сидеть на пороге — это значит быть на сквозняке, что небезразлично для сидящего. Он может простудиться и заболеть.

Считается неприличным выходить лицом вперед, т.е. прямо, а нужно обернуться лицом внутрь кибитки и выходить спиной, особенно если в кибитке имеются уважаемые лица или лица дворянского или духовного происхождения. Не разрешается так выходить и снохе.

Сноха при входе и выходе из кибитки не должна ронять своей шапки, а так как при выходе из кибитки приходится всегда наклоняться, чтобы не удариться с верхнюю часть двери, то шапка нередко падает с головы. Поэтому при входе и выходе приходится принимать предосторожности, чтобы шапка случайно не упада. Если у снохи упадет шапка, то она должна свекра или старшего брата мужа или его дядей угостить водкой, чаем, чтобы они простили ей эту оплошность.

Выходить и входить в кибитку нужно с правой ноги. Слева могут входить и выходить только люди нетактичные, неверующие, не признающие калмыцких обычаев.

В кибитку уважаемых лиц: зайсангов, нойонов, высшего духовенства входили с левой стороны кибитки, а уходили по правую сторону. Такую же процедуру делали снохи и некоторые другие лица. Во все хурулы, молитвенные дома тоже входят или въезжают с левой стороны, а уходят и уезжают с правой стороны.

Считается большим грехом стоять, прислонившись к решеткам. Подобное явление предвещает хозяину кибитки, что будет сильный ветер и кибитку придется удерживать таким образом, иначе она может упасть. Но истинная причина здесь, по-видимому, заключается в другом, а именно, чтобы прислонением (тяжестью) не растянуть кибитку на бок. Нельзя, прислонясь к дверным створкам, смотреть на улицу. Так можно смотреть во время опасности на врага, который собирается сделать что-нибудь вредное хозяину кибитки.

Считалось в высшей степени неприличным и в то же время предвещающим несчастье прислонение к «барану» (место, где собрано все лучшее имущество хозяина, сложенное с таким расчетом, что бы положить сверх него сундук). Калмыки объясняли запрет прислоняться к «барану» тем, что от этого он искривляется, становится неправильными. Неправильное положение его якобы поведет к тому, что все дела, предпринимаемые хозяином кибитки, никогда не будут правильными и во всем будет недостаток. Смысл, несомненно, заключается в том, чтобы «баран» был в порядке, чего, конечно, не будет, если всякий станет прислоняться, от этих прислонений он может даже упасть и попортить хозяйское добро.

Никому не позволялось трогать кибитку без экстраординарной надобности. По ней также нельзя ударять, если это не вызвано чем-нибудь необходимым. По верованиям калмыков, по кибитке может ударить только нечистая сила. Поэтому, если кто-нибудь ударит кибитку, то происходит

крупная ссора, которая кончалась очень печально. Ни в коем случае нельзя кочевать и вообще трогать кибитку ночью. Кочевать ночью калмыка может заставить лишь что-нибудь из ряда вон выходящее (эпидемия, грабеж, нападение и т.д.), если ему нужно кочевать ночью, то он снимал еще днем до захода солнца войлок, покрывающий дымовое отверстие, потом он мог снова положить его на место и ночью спокойно укочевать куда угодно. Снимая днем войлок с дымового отверстия, он тем самым считал себя укочевавшим уже тогда, а не ночью. Таким образом, он обманывал всех (бога, нечистую силу и прочих своих врагов), которые, видя, что калмык снял войлок, якобы думают, что он уже укочевал. Этим самым он предотвращал от себя все те несчастья, которые должны были быть от кочевки ночью.

Какое большое значение калмыки придают кочевке ночью, ясно из следующего случая. Лет тридцать тому назад один калмык Эркетеневского улуса в пьяном виде, несмотря на уговоры своих близких и соседей, стал ночью кочевать, т.е. снимать войлоки, покрывающие остов кибитки, и т.д. На другой день у этого калмыка утонула дочь — девушка лет 12. Когда удрученные и убитые горем родители попросили зурхачи (астролога) посмотреть в своей священной книге причину смерти девушки, то тот сказал им следующее: по предначертанию в книге судеб должна была умереть девушка еще днем, когда вздумал кочевать у нее отец. Но в силу каких-то непонятных обстоятельств, которых не могут постичь простые смертные, заступничества за нее всех богов и святых, черт, который пришел в тот день за ее душой (по мнению калмыков, душу уносит не ангел, как обычно верят многие народы, а нечистая сила — черт), не сумел погубить ее. Черт и царь ада на этот раз были побеждены и бессильны были погубить ее. Девушку же, как просрочившую свою смерть, ждала долгая и счастливая жизнь. Но ночью, когда семья ее

стала кочевать, боги решили, что она, несмотря на все предпринятые ими меры, все же умерла. Плакала ее и ее звезда (калмыки считают, что каждый человек имеет свою звезду) и покатила в бесконечное мировое пространство. Таким образом, девушка должна была умереть, как не имеющая уже своей собственной звезды и, кроме того, боги никаких мер уже не приняли, чтобы беречь ее от черта. Вот такие последствия могли быть, по мнению калмыков, от неурочной кочевки. Отсюда не мудрено, что ими уделялось большое внимание, когда и в какое время можно трогать кибитку, и кочевка сопряжена со многими обычаями и суевериями.

Кочевать можно не каждый день. Существуют, по мнению калмыков, дни «счастливые» и «несчастливые». Можно кочевать только в счастливые дни. В несчастливые дни могли быть большие несчастья.

Дело в том, что калмыки полагали, что в эти дни имеется большой риск встретиться с нечистой силой. Если калмыку необходимо кочевать в несчастливый день, то он в предыдущий «счастливый» день до захода солнца снимал войлок, покрывающий дымовое отверстие. Снятие войлока с дымового отверстия, как мы сказали, равносильно тому, что данный человек уже укочевал. Поэтому когда калмык кочует на следующий день, то он считает, что он в этот день не кочует, а укочевал еще в предыдущий день.

Есть дни, когда абсолютно нельзя трогать кибитку. Таких дней в месяц бывает три, иногда четыре. Кроме того, каждая семья имела еще особые дни, когда она не может кочевать, например, многие калмыки не кочуют в числа: 3, 13, 23. О воспрещениях кочевать после жертвоприношения огню и рождения ребенка мы будем позже говорить.

Калмыки полагали, что год имеет своего хозяина-царя. Когда кончается год, то он, якобы, подобно калмыкам, тоже снимается с места и кочует. Хан (царь) года жил на небе и

кочевал раз в году. Это происходило к концу зимы. Так как хан года очень богат, то он кочует целых трое суток. В эти дни никто не должен кочевать и выносить из кибитки золу. По верованиям калмыков, укочевавший в эти дни будет веч-но кочевать и бродить. В пример они приводили цыган. Они рассказывали, что цыгане кочуют все время и не имеют опре-деленного места, потому что наказаны богом за то, что уко-чевали в дни кочевки хана года.

Не допускается также, чтобы кто-нибудь вошел в кибит-ку и вышел из нее боком. Это, якобы, дурное предзнамено-вание. Этот запрет ясно принимается с чисто практической целью, чтобы никто не упал.

Дурным предзнаменованием считалось кочевать и про-изводить уборку в тот день, когда кто-нибудь из семьи уехал. Суть этого запрета заключалась в том, что ушедший или уе-хавший принимался бы тогда за умершего. Естественно, се-мья боится предпринять такие меры, которые производят-ся после покойника. Калмыки после выноса покойника из кибитки тотчас же переносили ее на новое место. Причина ясна. Калмыки верят в существование души. Боятся ее воз-вращения, потому тут же по выносе покойника переносят кибитку на другое место, чтобы душа не нашла ее.

Войлоки, покрывающие кибитку, как правило, отряхива-ются от приставшей к ним пыли на старом месте. На новом месте не разрешается делать этого, так как будто бы тогда же стряхиваются счастье и добрые гении, покровители нового места.

Если спросите калмыков, почему они так часто кочуют и не сидят долго: на одном месте долго нельзя, к людям при-выкает местная нечистая сила. Она становится нахальной и может причинить неисчислимые бедствия. Долго сидят на одном месте калмыки зимой. Тогда они не кочуют почти четыре месяца. Поэтому с зимней стоянки они снимаются

с особыми церемониями. Весь скот, кибитка, и все члены семьи пропускаются между двумя кострами, причем на огонь сыпается соль. Получается довольно сильный треск от соли, который должен, якобы, подействовать на нечистую силу. Такими мерами калмыки очищаются от всяких скверн и всех тех невзгод, которые они испытывали зимою. По их убеждению, вся нечисть остается на старом месте, и они сами выходят после этого чистыми. При этом некоторые калмыки оставляют в очаге лепешку, в несколько фунтов весом, чтобы нечистая сила сразу не бросилась за ними, а занялась кушаньем лепешки, чтобы голодный скиталец нашел и покушал. Точно также они заботились и о некотором «удобстве» остающейся нечистой силы. Так, в некоторых улусах делали и оставляли кукольные кровати, а некоторые еще куклу. Вполне понятно нам, почему оставляют кровать, но не так понятна роль куклы. Может быть, калмыки предполагают, что нечистая сила будет забавляться ею, а возможно, что это есть обман, так как она (нечистая сила) может принять куклу за человека, следовательно, подумает, что все осталось по-прежнему и никто не уючевал. Сами калмыки по этому поводу никаких объяснений не дают. По-видимому, это суеверие одно из ранних. Оно сохранилось также и у многих полудиких народов.

Одним из серьезных дурных предзнаменований является во время кочевки на старом месте разлить молочное. Если же это произошло на новом месте, то наоборот, считается хорошим, предвещающим счастье, случаем. Это суеверие вполне понятно, если мы примем во внимание, что главным питанием калмыков является молочное.

В первом случае у него возникает суеверный страх, когда самое важное для его существования — молоко — разольется (остается на старом месте). Калмыку невольно приходит мысль, что его богатство за ним не хочет последовать.

Второй случай считается хорошим предзнаменованием, ибо здесь будет так много молока, что оно даже будет разливаться от избытка.

Одной из дурных примет является то, что на новом месте попадет в огонь вода. Думают, что на новом месте будет недостаток (огонь не будет разводиться, следовательно, не будет чего и варить).

Во время кочевки калмыки никому из посторонних ничего не дают, даже и воды. Причин они не приводят. Для нас этот обычай тоже непонятен. Единственное, что мы можем предположить, это не развязывать, не распаковывать и беречь все приготовленное на долгую и трудную кочевку.

На новом месте строго соблюдались обычаи — не резать животных. Кровь — вообще плохое предзнаменование. Предполагают, что на данном месте будут большие несчастья (падеж скота, смерть людей и т.д.). Поэтому калмыки, если им надо мяса, резали животных еще до кочевки.

Считается хорошим предзнаменованием, если на новом месте варят арьку (калмыцкая водка). Это предзнаменование они создают искусственно: нарочито везут на новое место несколько ведер арьяна (кислого молока, из которого гонят арьку). Хотя все это сопряжено с большими трудностями.

Ни в коем случае не допускалось, чтобы после кочевки бывшая стоянка была сожжена. Смысл этого запрещения заключалось в том, что пожаром уничтожается вообще все. В данном случае выходит, что от семьи не осталось следа (вся она погибла), стоянка их очищена огнем. Вот почему они, когда рассердятся друг на друга, говорили: «пусть на том месте, где ты сидел, будет пожар». Это является одним из жестоких проклятий.

Калмыцкая кибитка малоустойчива во время ветра. Очень часто она уносилась и разрушалась бурей. Во время бури она могла упасть различно. Форма падения не без-

различна для суеверного калмыка. Он и здесь находил что-нибудь предвещающее. Кибитка могла упасть боком, но могла упасть и дымовым отверстием вниз. Последний случай имел для калмыка большое значение. Это самая скверная примета. Часто при таких случаях приглашались зурхачи, чтобы они предотвратили надвигающуюся на владельца кибитки опасность. Калмыки, чтобы кого-нибудь посильнее обидеть, говорили: «Пусть дымовое отверстие твоей кибитки упадет внутрь на очаг». Они полагали, что подобный случай говорит за то, что, следовательно, сама природа не хочет, чтобы здесь был очаг (т.е. семья).

Весною, во время первого грома, калмыки берут половник арьяна или молока и, обходя кибитку, обрызгивают ее. Половник после этого на некоторое время и чашку оставляли вниз дном над дверью. Эту процедуру они называли «Окропление арьяном кибитки», при этом читали молитву о благополучии семьи и скота. Калмыки были уверены, что гром может быть только весною, когда уже окончательно установится теплая погода. После грома, по убеждению калмыков, возврата к зиме не может быть. Судя по этому, можно думать, что они производят указанную процедуру, чтобы поблагодарить небо (дракона) за то, что оно извещает их об окончательной победе весны над тяжелой зимой и приносит в жертву единственный свой ценный продукт — молоко. Тем более, что у калмыков молочный продукт в изобилии появляется только весною.

Всякое помещение, в котором кто-нибудь умер, как мы говорили, считается нечистым, оскверненным, потому его нужно немедленно перенести на другое место и кроме того освятить. Особенно сильно оскверненным помещением считается то, в котором умерло постороннее лицо. Если это постоянное помещение, например, мазанка, дом, то складывается положение очень затруднительное. Состоятельные

люди бросают свое постоянное жилище или жертвуют хурулу. Несостоятельные, маломощные стараются, чтобы больной не умер в помещении, а потому выносят его в кибитку. Это дикое суеверие стоит много жизней и является одним из прямых помощников вымирания калмыков. В 1926 году зимою, в Шин-Багутовском аймаке, Яндыко-Мочажного улуса появилась корь. Почти все дети довольно большого оседлого хотона заболели корью. Когда температура у детей была высокой, то родители думали, что дети умирают, и выносили их из теплой мазанки или дома в дырявые кибитки. У детей получились всевозможные осложнения, в частности воспаление легких, и они умирали. Только благодаря быстро принятым врачебным мерам врачебного участка во главе с местным врачом тов. Цапко, прослужившим долгое время в степи среди калмыков и хорошо знавшим быт калмыков, и привлечению общественных организаций удалось спасти многих детей от ожидавшей их участи — смерти. Вследствие подобных диких обычаев в калмыцкой степи ежегодно умирает много людей, которые при трезвом взгляде на все могли бы здравствовать и поныне. Причину указанного суеверия выше мы объясняли. Она связана с верованием в существование души.

Даже замужня дочь хозяина считается посторонней, и она ни в коем случае не может умереть в кибитке своих близких. Если бывают случаи смерти этих лиц, то их обычно выносят из кибитки или помещения еще живыми. Оставляют их умирать где-нибудь в амбаре, сарае, или под телегой. Точно также некоторые калмыки относятся и к дочерям, которые по той или иной причине не вышли замуж и остались у родителей. После смерти этих лиц близкие родственники не хоронят. Не хоронят их, несомненно, и посторонние, ибо это считается величайшим грехом. Такие лица просто отвозятся подальше от хотона и оставляются там под открытым небом. Впоследствии их растаскивают собаки из ближайших хотонов.

ГЛАВА III.

Семья

ЖЕНЩИНА

Положение калмычки было далеко не лучше общего положения женщин Востока. Мы видим у калмыков почти такое же отношение к женщинам, какое наблюдалось среди мусульманского мира. Если калмычка, будучи девушкой, пользовалась не только вниманием своих близких, но даже встречала довольно хорошее отношение и со стороны других, то по выходе замуж ее положение резко менялось к худшему. Как бы работа не была тяжела, будучи девушкой, она у родителей имела большую привилегию. По выходе замуж она сразу все это теряла, превращалась в рабыню своего мужа и его родителей и принуждена тянуть, как вол, лямку тяжелой домашней работы в самых худших условиях. Вечное недоедание, недосыпание, придирки свекрови и побои мужа были ее уделом.

Калмыки самого плохого мнения о женщине, они ее даже не считали за человека: женщина — самое бесправное существо в семье. С ней никто не считался, на нее никто не обращал внимания, с ней никто никогда не советовался, даже если эти дела касались непосредственно самой женщины. До последнего времени считалось позором для мужа советоваться с женой по какому бы то ни было важному делу с женой, соседи, как только проведают об этом не упускают случая, чтобы зло не посмеяться над ним. На такого мужчину

показывают пальцем, такой мужчина теряет свой авторитет, как мужчина, о нем отзываются: «баба — только с усами»

Женщина-калмычка в семье всегда была последней во всем, даже во время еды: ей давали только после того, как все получат свою долю, особенно в этом отношении страдают снохи. Снохи должны варить себе не чай, а «шар» — остаток после варки чая. Лепешку большей частью им даже не дают. Таким образом, сплошь и рядом молодые женщины, не имеющие права варить, т.е. питаться у себя в кибитке, форменным образом голодают.

При мясной пище самые лучшие куски берут старшие в кибитке. Только остатки и самые плохие куски дают женщинам.

Калмыки в массе считают, что женщина нуждается в хорошем и достаточном питании, хотя бы как производительница рода. Этими обстоятельствами, несомненно, объясняется то, что калмычки стареют очень рано, среди них большой процент смертности, так как в силу указанных причин они часто не выдерживают сравнительно легких заболеваний.

Калмычка даже не имеет своей собственной постели. Она в силу этого спит, где попало и как попало, сделав себе постель из чего-нибудь. Иногда женщина уткнется где-нибудь без всякой постели, положив что-нибудь под голову. Подобные явления сильно влияли на здоровье женщины. Всевозможные болезни простудного характера являлись уделом калмычки.

С женщинами мужчины-калмыки считают позорным связываться и ссориться. Часто они говорят: «Глупая, несчастная женщина, стоит ли с ней разговаривать, чего дождешься от нее хорошего». Ни один более или менее уважающий себя мужчина не позволит себе вести с женщинами деловой разговор. По его мнению, все равно разговор будет

бесцельный, ибо они по своей отсталости, сколько им ни говори и ни объясняй, ничего не поймут. «Хоть волосы длинные, но ум короток», — говорят калмыки о женщинах.

«Мужчины выше их степенью своего достоинства». «Мужья стоят выше жен, потому что бог дал первым преимущество над вторыми и потому, что они из своих имуществ делают траты на них», — приводит из Корана Климович (Климович Л. И. Содержание Корана. М., 1929. С 74.).

Калмыки говорят женщинам: «как вы, женщины, не обладающие мужским достоинством, хотите сравниться с мужчинами?» Таким образом, мы видим, что и калмыки держатся тех же взглядов, которые проповедует Коран.

По существующему у калмыков поверью, женщин надо бить не менее, чем три раза в месяц, иначе ее окружают нечистые силы и она будет часто хворать. Так оправдывают они свое бесчеловечное отношение к жене. Правда, современные калмыки не бьют своих жен, чтобы изгнать от них нечистых сил, но им часто и без этого хватает побоев. Особенно если муж грубиян, придира, пьяница. Такой муж бьет жену как попало и чем попало. Вместе с тем многие калмыки считали, что жен своих надо бить обязательно. Они не могут мыслить и представить себе, как они, мужья, не могут бить своих жен. В подтверждение своих взглядов калмыки говорят: «неужели я не могу бить свою «собственную» жену, когда захочу». Жена — это собственность. Он с этой собственностью может сделать что угодно. Он никак не может забыть то, что заплатил за нее деньги, лошадей, различные подарки. По его понятиям, он купил ее, как покупают вещи. В результате такого взгляда жизнь калмычки делалась невыносимой. Некоторые женщины не выдерживали побоев, выбегали из кибитки и своим плачем и слезами и криком покрывали весь хотон. Доведенные до отчаяния своим положением, некоторые женщины уходили обратно к своим роди-

телям. Подобные уходы среди них наблюдались очень редко. Оставление мужа и ее уход к родителям осуждалось всеми, даже и женщинами. Родители женщины тоже бывали недовольны и осуждали ее поступок. Одним словом, нет никого, кто был бы доволен ее поступком. Уход женщины от мужа считался позором как для нее самой, так и для ее родных и родственников. Поэтому, не встречая почти никакого сочувствия у других, не всякая женщина и не всегда решалась получить развод. Бракоразводные дела в калмыцкой степи вело духовенство. Это право у духовенства было отнято в первые дни Октябрьской революции. Во время ведения бракоразводных дел духовенством получить развод являлось делом величайшей трудности. Редко кто из пожелавших развестись женщин получал себе свободу. Сплошь и рядом, после неслыханных издевательств и глумлений, они возвращались обратно к мужьям, побои и издеательства со стороны мужа после этого более усиливались. Развод совершал лама (высшее духовное лицо в Калмыцкой степи).

Если он по той или иной причине не мог окончить дело, то его передавал местному бакше (начальнику местного улусного духовенства). Последний совместно с другими высшими духовными лицами сначала увещевал женщину вернуться к мужу добровольно. Если же она не соглашалась возвратиться обратно и доводы, представляемые ею, казались недостаточными, то ее били молодые гелюнги плетьюми и прутьями согласно распоряжению судьи — бакши. Когда же это не помогало и женщина все же настаивала на своем, несмотря на эти побои, то гелюнги — тираны — поступали иначе: прибегая к исключительным по своей жестокости и зверству способам. Упорно отказывающуюся женщину раздевали донага при всех присутствующих, в том числе и самого «безбрачного», «святого» духовенства. Волосы у нее распускались. На голову сыпали золу. Лицо, грудные железы

и половые органы мазали сажей и выводили ее из кибитки во двор. После этого разводящуюся женщину заставляли бегать в таком виде вокруг хурула по направлению обратного движения солнца три раза. При этом ее гнали два здоровых гецуля (дьякона), вооруженные хорошими плетями. Женщина бежала, подгоняемая плетями, стыдом и позором. Иногда поступали с нею иначе: ее не гнали, а клали на спину сильного дьякона лицом кверху. Дьякон, навьюченный такой женщиной, должен был обойти хурул тоже три раза. На нее тоже сыпали золу, двое других дьяконов били, также мазали сажей груди и половые органы; все присутствующие плевали на нее, смеялись, издевались, делали всевозможные обидные замечания. Редкая женщина выдерживала подобные издевательства и доводила развод до конца. Большой частью она шла обратно к мужу, будучи не в состоянии вынести это.

Если женщина выдерживала все это, то ее обычно отпускали с условием — не выходить замуж в продолжение известного времени, и родителей ее обязывали выплатить весь расход мужу, который был произведен при сватании и женитьбе на ней. Вполне понятно, что на развод шли только женщины, которые, доведенные своим положением до отчаяния, искали единственный выход в нем, хотя отлично знали, какая «прелесть», какое «милосердие» «святого» духовенства ждет их впереди.

Перед гражданской войной дело с разводом немного облегчилось. Дело главным образом кончалось возмещением всех расходов, которые были произведены мужем во время сватания и свадьбы. Такие зверства, о которых мы выше упомянули, составляли исключение.

У калмыков женщины — не наследницы. От имущества мужа им ничего не остается. Все передавалось вместе с детьми ближайшим родственникам, если женщина уходит к своим родителям. Ее только одевали и давали немного денег на

карманные расходы. То же самое М. Ковалевский говорил о казахах.

В связи с вышеприведенными взглядами и отношением к женщине имеются еще много ограничений их прав, некоторые из них считаем нужным привести здесь. Так, женщине не разрешается купаться в воде. Полагают, что она прикосновением своего тела осквернит воду. Если, паче чаяния, какая-нибудь женщина осмелится искупаться, то это считается неприличным поступком. Девушкам разрешается купаться. Почему купание девушек не считается грехом, и они не могут осквернить воду, как замужние женщины? На этот вопрос калмыки предпочитают не отвечать. Женщины прикаспийских и приволжских улусов, несмотря на то, что находятся около воды и проводят почти всю жизнь свою чуть ли не на воде, однако, очень редко купаются. Если купаются, то только ночью. Весьма возможно, что 90 процентов женщин этих улусов ни разу в жизни еще не купались, хотя тело их покрыто толстым слоем грязи.

Дальше, ни одна женщина (девушки не считаются) не смеет переходить дорогу мужчинам. Она, увидев идущего или едущего мужчину, должна остановиться. Только пропустив его, она имеет право продолжать свой прерванный путь. Если женщина по той или иной причине переходит дорогу мужчине, не дождавшись, пока он пройдет или проедет, то последний может обругать и даже избить ее. Чтобы не натолкнуться на неприятность, женщина, как бы она ни спешила, должна ждать, пока мужчина пройдет. Этот обычай обязателен для каждой женщины, даже если она была женой нойона или зайсанга, вообще «благородной» кости. Исключение составляет беременная женщина, которая имеет право переходить дорогу без всяких ограничений, т.к. такая женщина может быть беременна мальчиком: все несчастья, могущие быть от перехода дороги беременной женщиной,

устраняются, ибо мальчик уничтожает их, как один из представителей трех совершенств. Обычай не переходить дорогу мужчинам постепенно исчезает. Он строго соблюдается только одними старухами.

Калмыки полагают, что когда женщины [принимают участие в чем-либо. — *сост.*], ни одно дело не исполнится. Кроме того, считают, что женщину всегда сопровождают нечистые силы, которые могут пристать к едущему или идущему мужчине. Основная причина здесь, конечно, заключается в бесправном положении женщины.

Не разрешается также женщине шагать через чтобы то ни было (предмет). Считается, что этим она оскверняет эти вещи. Ни одна женщина не осмелится перешагнуть через что-нибудь, и когда ей приходится идти, то она все вещи на своем пути поднимает или же обходит. Особенно строго этот обычай соблюдается по отношению ко всем вещам, принадлежащим мужчинам.

Женщина не имеет права сидеть на кровати, в переднем углу кибитки, а также на правой ее стороне: эти места считаются почетными и женщина может осквернить их. Она должна сидеть на левой половине, там, где помещаются всевозможные хозяйственные принадлежности и посуда: котлы, ведра и т.д. Сноха тоже не имеет права сидеть и переходить на указанные места; в противном случае ей грозит большое несчастье за непочтение к старшим и за дерзость.

Очень много аналогичных с калмыцкими верованиями и обычаями относительно женщин мы встречаем у многих первобытных народов, стоящих на низкой ступени развития. Фрэзер рассказывает, что дикари центральной Австралии не разрешают ловить рыбу, купаться в реке менструирующей женщине: по их мнению, вся рыба вымрет и вся вода высохнет. В Британской Колумбии воображали, что стрелы, по которым прошла менструирующая женщина, становятся

негодными и могут даже принести гибель своему владельцу; что ружье охотника, мимо которого прошла такая женщина, не может уже стрелять прямо (Фрэзер. «Золотая ветвь», стр. 135-137, VI в. изд. «Атеист»).

Что же мы видим у калмыков? Калмыки тоже глубоко убеждены, что, если женщина наступит на невод, то рыба не будет совсем ловиться или же ее будет очень мало. Точно так же, якобы, бывает и с ружьем, если перейдет его женщина: оно после этого не бьет правильно и дает после этого промахи. Чтобы указанные предметы снова стали прежними, их надо пронести между двух огней с солью или можжевельником или же просто подержать и повертеть несколько раз слева направо над огнем. Все эти верования у калмыков относятся ко всем женщинам безразлично, менструируют они или нет.

Это мы видим у калмыков. По всей вероятности, и у калмыков вначале запрещалось все это только одним менструирующим женщинам, но впоследствии под каким-то влиянием это запрещение было распространено на всех женщин без исключения, и калмыки стали смотреть на всех женщин, как на нечто грязное, нечистое, независимо от регул.

Женщины у калмыков, по существующему обычаю, не должны показывать свою обнаженную голову старшим родственникам по линии мужа, а также снимать свою шапку и сапоги в их кибитках. Воспрещается также им произносить имена не только живых, но даже давно умерших по линии мужа: эти лица по отношению к женщинам приходились «хадым». Женщина не должна под страхом больших несчастий даже входить в кибитку «хадым» без шапки и обуви. Если калмычка случайно покажет свою голову или ногу «хадым», то она непременно должна угостить его чаем или водкой, причем должна еще просить, чтобы ей простили ее оплошность. Лица, которые являются по отношению к какой-нибудь женщине «хадым», при своем приближении к ее

кибитке кашлем или чем-нибудь другим давали о себе знать, чтобы она во время могла принять все зависящие от нее предосторожности, чтобы не показать «хадым» ни головы, ни ног и вообще быть опрятной.

Считают, что несоблюдение «хадым» есть неуважение к этим лицам, оно влечет за собой неисчислимые наказания как на этом, так и на том свете. Женщина, которая осмелится не соблюдать «хадым», по религиозным верованиям калмыков, умрет самой ужасной смертью и при этом будет так сильно страдать и мучиться от боли, что будет мычать, как корова, бляеть, как коза или баран. Кроме того, женщин, осмеливавшихся не соблюдать «хадым», все осуждали и считают крайне непристойными. Конечно, ни одной из них не хочется считаться непристойной, тем более, умереть такой ужасной смертью, которую описывают калмыки и духовенство. Вследствие этого несчастная калмычка в самое жаркое время года не в состоянии снять свою обувь или снять шапку. При этом не надо забывать, что калмыки и калмычки носят чулки из бараньей шерсти, приготовленные по способу приготовления кошмы. На голове же калмычки носят баранью и мерлушковую шапку. Отсюда для нас становится понятным, в каком ужасном положении находятся эти женщины, будучи не в состоянии снять их.

Что касается имен, то здесь калмычки представляют самое несчастное существо. Если родных и родственников мужа много, то калмычка буквально не может сказать ни одного слова так, как говорят обычно люди. Между прочим, имена женщин — «хадым» тоже не произносится. Ради «хадым» женщине до такой степени приходится коверкать слова и переиначивать их, что иногда становишься в тупик, не понимая, о чем идет речь.

Приведем несколько примеров.

Если кого-нибудь из родных, родственников, предков называли «Ноха» — собака, то женщины говорят не «Ноха», а «Тягин». Вместо «Шара» — Желтый — говорят «Ангръ», вместо «Носто» — Волосатый — говорят «Дыкт» или «Киэгист». Если «Тэмян» — Верблюд, то говорят — «Муду» или «Харклячи» — с плохим, нехорошим голосом или ревуший. Вместо «Укюр» — корова — говорят «Мергячи» — бодающий, и т.д. Таким образом, мы видим, что вторые слова, употребляемые ради «хадым», мало общего имеют с первоначальными словами. Вследствие этого у калмычек, благодаря «хадым», вырабатывается свой отдельный язык, который иногда бывает весьма трудно понять.

Особенно тщательно соблюдались «хадым» по отношению к именам самых близких по мужу родственников, например, отца, матери, дедушки, бабушки, близких дядей, старших братьев его. Обычай не произносить имена старших родственников и родных сохранился также у киргизов. В журнале «Вестник знания», как курьезный случай, приводится весьма забавный, с нашей точки зрения, анекдот, ярко рисующий тяжелое положение женщин, которым запрещено произносить слова, обозначающие имена старших по роду лиц, и как они (женщины) выходят из этого положения. В семье одного киргиза было четыре сына. Одного из них звали «Озеро», другого — «Тростник», третьего — «Волк», четвертого — «Баран». Невестка, увидевшая однажды, как волк на берегу озера в тростниках терзает ягненка, прибежав домой в такой форме оповестила об этом событии: «Там, рядом с блестящим, среди качающихся хищник терзает блеющего».

Точно в таком же положении, если не в худшем, находятся и калмычки, такая же передача этого события возможна и у них, если судить по тем словам «хадым», которые мы привели выше.

Калмычки не произносят имен своих мужей, равно как мужья не произносят имена своих жен. Муж о жене говорит: «Одака» — «которая», «эта» или же: «мана герин кюн» — «наш домашний человек». Жена о муже говорит: «мана кюн» — «наш человек», или «мана залу» — «наш муж», или же «Одака». Причин, почему они не произносили имен, калмыки не объясняют, говорят только, что стыдно, неловко, неприлично.

Такое же отношение к именам у супругов мы видим почти у всех первобытных народов. Фрэзер указывает, что «особенно тщательно этот запрет соблюдается в отношении супруга и супруги». Дальше он говорит, что «в стране кафров женщина не должна произносить обычное имя своего мужа. Ей запрещено также употреблять это имя даже тогда, когда оно обозначает какой-нибудь обыденный предмет <...>»

У кафров запрещается женщине даже мысленно произносить имя своего свекра и имена всех мужских родственников мужа по восходящей линии; больше того, каждый раз, когда она собирается произнести слово, в котором встречается ударяемый слог из всех этих запрещенных имен, то супруга должна воздержаться от произнесения этого слова и заменить его целиком другим словом, или, по крайней мере, заменить тот слог, который ей запрещен» (Фрэзер — «Золотая ветвь», вып. II, стр. 93)

Калмычки, так же как и женщины кафров, не должны и мысленно произносить запрещенные имена «хадым». По тяжести несчастий и грешности мысленное произношение имен ничуть не лучше и не меньше, чем запрещенное слово вслух. Даже во сне калмычки не имеют права произносить слово «хадым», но если она это допустила, то должна хорошо угостить то лицо, имя которого она назвала. Если женщина произнесла имя умершего, то она должна помолиться ему (его памяти) и просить, чтобы он был великодушен и про-

стил ей оплошность. Некоторые женщины в таких случаях приносят жертвоприношение с целью откупиться от гнева умершего. Для этого они дают гелюнгам или хурулу деньги, чай, крендели, материю, чтобы они, кушая, прочитали молитву за упокой его души.

Соблюдение «хадым» и обычай не произносить имен своих мужей часто ставит лиц, сталкивающихся с калмычками, в весьма затруднительное положение, сплошь и рядом приходится прибегать к помощи посторонних лиц, которые имеют право произносить слова без всяких ограничений. Иногда после долгих упрашиваний (ввиду невозможности узнать имя владельца кибитки или «хадыма») или приставаний к ним женщины принуждены бывают говорить слова «хадым». Они бывают тогда очень удручены. С глубокой печалью и сознанием своей вины они говорят «что же делать? Заставили говорить (сказать); пусть все несчастья, которые должны быть вследствие произнесения слова «хадым», испытывают те, которые заставили сказать запрещенные имена».

Имена некоторых родоначальников, сыгравших какую-нибудь крупную и выдающуюся роль в жизни рода, хотя бы с тех пор, как те умерли, прошли сотни лет, также являлись запретными для всех замужних женщин этого рода. Так, в Эркетеневском улусе имеется один род «хокчутовский», входящий в состав центрального аймака указанного улуса. Все женщины этого довольно многочисленного рода без исключения называли воду не «усн», а «месн» — лед. На наш вопрос о причине такого явления, т.е. всеобщего «хадым» для целого рода, хокчутовские калмыки рассказывают, что у них был родоначальник по имени «Усн», сделавший много полезного и хорошего для данного рода.

По мнению калмыков названного рода, женщины недостойны произносить имя столь уважаемого и высокочтимого их родоначальника. Когда жил этот «достопочтенный»

Уси, никто не знает. Только одно известно калмыкам, что эта «знаменитость» когда то была. Весьма возможно, что с тех пор прошла не одна сотня лет, и неизвестно еще, сколько времени называли бы хокчугтовские женщины воду, если бы не Октябрьская революция. Подобные вещи можем объяснить тем, что первобытный человек совершенно не отделяет имени от его носителя. Так, например, святость, приписываемая особе полинезийского вождя, распространяется и на его имя. По-видимому, в силу подобных взглядов остались до сего времени запреты на имена многих родоначальников, как например, на этого хокчугтовского Усуна, который, как мы сказали, жил, может быть, несколько сот лет тому назад. Точно так же и у многих малокультурных народов слово, обозначающее имя вождя племени, воспрещается произносить, и оно заменяется другим словом.

Не разрешается калмычкам мыть и расчесывать голову в тот день, когда кто-нибудь уехал из семьи. Точно так же женщина не должна была мыть и расчесывать голову в послеобеденное время, особенно ночью. Если женщина в силу каких-либо условий принуждена мыть или расчесывать голову в указанное время, то она должна была сказать при этом: «мою или расчесываю голову потому, что иду на собачью свадьбу». В Большедербетовском улусе говорили: «иду на свадьбу какой-то старухи» (произносится имя какой-нибудь старухи в хотоне).

Считается великим грехом, если дерутся две женщины. В таком случае их разнимали раньше не иначе, как отрезав полы их халатов, иначе того человека, который разнимал их, постигнет тяжелое несчастье.

После выхода замуж калмычка не скоро приезжает к родителям и родственникам навестить их. Иногда, если она выдана замуж далеко, то не в состоянии навестить их год и больше. По обычаю женщина при посещении родителей и

родственников должна была привозить всем им в подарок спиртные напитки, баранину, конфеты, крендели и другие подарки.

Количество и качество подарков, торжественность приезда и приема зависят от состояния и знатности как родителей калмычки, так и ее мужа. Если родители мужа ее люди богатые, то вместе с ней приезжают в гости еще люди, сопровождающие ее. В противном случае дело обходилось скромно: одним или двумя сопровождающими и без всякой торжественности и пышности. Родители и родственники калмычки как ее самой, так и ее сопровождающих, в зависимости от состояния, угощали, устраивали вечеринки, куда приглашаются все соседи, как ближние, так и дальние. Иногда на подобные вечеринки приглашаются люди за десятки километров.

После нескольких дней празднеств и угощений калмычка уезжает обратно. Родители и родственники по своему имущественному состоянию делают подарки как своей дочери, так и сопровождающим ее. Дарили дорогие меховые шубы, шелковые, шерстяные и суконные халаты и бешметы, лошадей, коров, верблюдов. Вообще дают ей все, что только возможно. При этом калмыки говорят, что нужно стараться, чтобы приезжая была довольна и не высказала никаких недовольств. Иногда приезжей состоятельные родители и родственники дарят лошадей.

Менее состоятельные люди удовлетворяются более дешевыми подарками: дарят халаты, бешметы из бумажных материй. Иногда дают приезжей корову или же мелкий скот. Для калмычки эти подарки имели большое значение. Если подарки хорошие, ценные, то отношение к ней родных и родственников мужа изменяется, оно становилось хорошим и благожелательным. Особенно это заметно было со стороны свекрови — этой мучительницы своих снох. Когда кал-

мычка возвращалась от своих родителей и родственников, то приходили все соседи посмотреть, что привезла она от своих. Часто слух о богатом подарке был объектом разговоров всего улуса. Данная семья делается центром внимания многих. Как же после этого не стать мягкими и более внимательными к снохе, которая поддержала престиж и не заставила краснеть перед другими.

Если калмычке приходилось бывать у своих родных и родственников до официального посещения, то она не должна была входить в кибитку, а обязана сидеть у дверей снаружи ее.

Не имеет права входить в кибитку своих родителей, родственников по отцовской линии, после того, как кто-нибудь умер у них. Точно так же не может входить в таких случаях замужняя внучка по дочери и т.д. до нескольких поколений. Они должны в «счастливый день», по указанию зурхачи, приехать с подарками к указанным родственникам, причем непременно привезти должны жир, хотя бы небольшой кусок. Этот жир, обычно бараний, делится между всеми родственниками и бросается ими в огонь. Процедура эта называется «гад ою хаялган» или «околгон» — «бросание в огонь жира». Все родственники приглашают приехавшую «бросать жир в огонь» и по очереди угощают ее. Она приезжает не одна, ее тоже сопровождают. После всего этого она уезжает со всеми теми лицами, которые прибыли вместе с ней, причем ей тоже дарят большей частью материю на рубашку, халат и т.д.

«Бросание жира в огонь», по объяснению калмыков, крайне необходимо. По их мнению, бросание жира в огонь окончательно прекращает тяготение мертвеца к своим оставшимся в живых близким. Душа мертвеца не может успокоиться, пока все члены семьи, считая и замужних дочерей, не принесут жертву огню. Она все еще сомневается

в своей смерти (смерти человека). Запах жира /гари/ должен дойти до нее /души/, и она окончательно успокаивается от сознания, что действительно человек, в котором она находится, уже умер. Запах жира, при известной церемонии с известными словами при этом, есть знак душе о смерти данного человека. Калмыки при распивании привезенных женщиной спиртных напитков произносят такие пожелания: «Пусть с этого момента исчезнет все нехорошее и начнется все хорошее и лучшее».

Все вышеуказанные лица женского пола по дочерней линии не должны откладывать после смерти кого-либо их родственников «бросание жира в огонь», так как промедление влечет за собой дурные последствия. Полагают, что могут быть еще другие смерти в семье. Часто, если указанные лица медлят с «бросанием жира в огонь», то их ругают и бывают страшно недовольны, говоря: «Почему они не совершают то, что должны сделать? Не ждут ли они еще чьей-либо смерти и потому хотят бросать жир в огонь заодно?». Это обстоятельство показывает нам, какое большое значение калмыки придают этому обычаю и какой суеверный страх преследует их. Подобный обычай среди других малокультурных народов, по-видимому, не имеется. По крайней мере, мы не нашли никаких данных ни в одном из источников, сколько-нибудь указывающих на присутствие такого обычая среди других народов. Поэтому трудно объяснить его происхождение у калмыков.

Имеется еще один случай, когда калмычка-сноха не может входить в кибитку ближайших родственников своего мужа (родителей, дядей, старших братьев) — это после родов, она может входить только после того, как заживет пуповина у ребенка.

Многие калмыки не пускают к себе посторонних женщин, едущих издалека. Полагают, что таких женщин сопро-

вождают нечистые силы, накопившиеся в продолжение всего пути их следования, чем длиннее путь, тем больше нечистых сил.

Не пускают также женщин, которые едут после семейных несчастий, из боязни, как бы у них не случилось у них все то, что испытала данная женщина. Не пускают тоже женщин плачущих, пришедших после ссор и т.д.

Воспрещается женщинам подниматься на бугор. Они, якобы, могут осквернить его своим присутствием, отчего может рассердиться дух бугра. Сюда могут подниматься и беседовать по утрам и вечерам только мужчины. Поднявшихся на бугор женщин осуждают все, говоря: «Как ей не стыдно подниматься на бугор, как мужчине?»

Ни одна посторонняя женщина не имеет права рожать в чужой кибитке. Полагают, что кибитка столь сильно оскверняется, что дело может поправить только духовенство, и то, если приношение им будет достаточное. Посторонними женщинами считаются все женщины, кроме хозяйки кибитки; могут рожать также в редких случаях жены ближайших родственников по мужской линии. Подобные случаи мы наблюдали очень редко.

Даже замужняя дочь хозяина считается посторонней. Поэтому она не может рожать в кибитке родителей, братьев, сестер, не говоря уже о кибитках двоюродных и троюродных братьев, сестер, дядей, тетей. Если случится, например, разведенной дочери хозяина кибитки, проживающей у него или родственников, рожать, то в силу этого верования ни под какими предлогами не допускают, чтобы она родила в кибитке. По мнению калмыков, подобный случай не имеет ничего равного по своим дурным предзнаменованиям, и это считается величайшим грехом. Кибитка, как мы сказали выше, считается окончательно оскверненной, и допустившие роды в своей кибитке ждут какого-нибудь страшного

наказания. Такие лица рожают где-нибудь в сарае, амбаре, а иногда даже под навесом или просто под телегой.

Причин подобного верования калмыки не объясняют, а только говорят, что это есть нечто оскверняющее «буг». По-видимому, здесь дело объясняется тем, что калмыки считали грешным пачкать чужой кровью какой бы то ни было предмет. Роды же сопровождаются кровью, а ребенок от человека, который не является членом данной семьи. Отсюда и воспрещение рожать, поскольку у ребенка тоже посторонняя кровь. Это суеверие у калмыков постепенно исчезает.

Калмыки полагают, что женщины имеют большую способность заклинать и при этом заклинание их всегда достигает своей цели. Одно их жестоких видов заклинаний, к которому прибегают женщины — это встать рано утром, еще не умывшись, и произносить слова заклинания. Действие их еще более усугубляется, если намазать язык сажей. К числу тяжелых заклинаний по своим действиям [относится такое], когда женщина, произнося слова заклинания, брызгает молоком своей груди по направлению неба.

Но самым страшным заклинанием является, когда женщина, при этом распустив волосы, осыпает их пеплом. Эти заклинание иного суеверного калмыка приводит в необыкновенный ужас. Трепет страха не покидает его, пока он не пригласит зурхачи, который своими молитвами должен предотвратить опасность.

По словам Кушнера, чукчи тоже считают, что женщины лучше умеют заклинать, чем мужчины. Такой взгляд на силу заклинания встречается у весьма у многих народностей Севера.

Итак, мы видим, как тяжела, а временами даже невыносима, была жизнь калмычки. Эта кошмарная жизнь продолжалась во многих местах до последних лет.

Октябрьская революция окончательно разбила то кошмарное невежество, непроглядную темноту, ту многовековую косность, дикие традиции и средневековую жестокость, поддерживаемые дворянством и царскими чиновниками, кулачеством, которые в железных тисках держали население, особенно более отсталую и темную часть — женщин.

Октябрь навсегда сбросил ярмо, которое было надето на калмычку и сделал ее счастливой, свободной и равноправной.

За последние годы женщина-калмычка шагнула далеко вперед в своем культурном развитии, самостоятельности и экономической независимости от мужчины. В настоящее время почти одну треть из всех учащих калмыков составляют женщины. Кроме того, многие из них работают в общественных, государственных учреждениях и промышленных предприятиях. Женщины-калмычки — на ответственных должностях, заведующими отделами улусных исполкомов, председателями сельсоветов и, наконец, в качестве работниц и служащих на рыбных промыслах, кустарных предприятиях и т.д., чего раньше мы не встречали.

В связи с культурным развитием и экономической независимостью женщина-калмычка освобождается от обычаев и традиций, которые играли в жизни ее такую губительную и унижительную роль. Широкая дорога к культуре, науке и зажиточной жизни открыта перед калмычкой.

ДЕТИ

Калмыки сильно любят детей. Ради детей они готовы сделать все, что угодно, и терпеть какие угодно лишения. Часто вдовец не рискует вторично жениться, чтобы его дети не испытали на себе всю тяжесть «нежных забот» мачехи. Особенно чутко относятся к своим детям женщины-калмычки. Сплошь и рядом мы встречаем среди калмыков молодых

вдов, которые больше не выходят замуж, несмотря на то, что они овдовели очень рано. Они считают преступлением покинуть своих детей и, не считаясь с тяжелой участью вдовы, остаются около них, если есть к тому хоть малейшая возможность.

Одно время до революции многие калмыки даже говорили, что нужно принудительно заставлять выходить замуж молодых вдов, так как при недостатке женщин это обстоятельство неблагоприятно отражается на приросте населения. Как мы знаем, в Калмыцкой области женщин гораздо меньше, чем мужчин. В некоторых улусах на 100 мужчин до 88 женщин.

По калмыцкому обычаю, после смерти мужа жена должна выйти вторично замуж за другого члена семьи мужа, ибо она принадлежит целому роду.

У женщин были возможности не подчиниться этому обычаю. Правда, это требовало немало самоотверженности, решимости и было связано с тяжелыми испытаниями. Все-таки возможности обхода этого обычая были.

Несмотря на это, многие женщины-калмычки этих возможностей не использовали, зачастую связывая свою судьбу с человеком, не подходящим к ним ни по физическим, ни по духовным качествам.

Делали они это исключительно из-за детей. Дело в том, что по обычаю женщины, которые не вышли вторично замуж за одного из ближайших родственников умершего мужа, должны были покинуть семью мужа, причем детей у такой женщины отбирали. Они считались собственностью мужа, а следовательно, его ближайших родственников.

Калмыки редко наказывают детей, особенно девушек. Стараются по силе возможностей поставить детей в лучшие условия. Терпеливо относятся к их капризам. Никогда ни один калмык не может не уделить несколько копеек, чтобы

купить детям конфеты, семечки или что-то другое. Ни один человек, кто бы он не был, пустым не возвратится из лавки, обязательно принесет подарки детям, как своим, так и своих соседей.

Берегут детей калмыки тщательно. Отсутствие детей считалось у них большим наказанием. Семьи, не имеющие детей, считались грешными. Отсутствие детей грозило прекращением данной фамилии. Это обстоятельство расценивалось калмыками, как большое наказание. Когда ссорятся, самым дурным и тяжелым пожеланием является: «Пусть твой род прекратится». Самое печальное явление в семье — это отсутствие детей, особенно мужского пола. Женщина, по старому убеждению калмыков, не наследница и не продолжательница рода, потому на нее с этой точки зрения мало обращали внимание. На почве бездетности более или менее состоятельные калмыки брали вторую жену, но в преобладающем большинстве случаев при бездетности супруги разводятся.

На этой почве разводятся даже лица, прожившие не один год. Бездетные калмыки, прежде чем разводиться, принимают всевозможные меры, чтобы иметь детей, в частности сыновей. Для этой цели они ничего не жалеют. Готовы все отдать духовенству, знахарям и ворожеям, которыми не бедна была калмыцкая степь и которые буквально разоряли калмыков, желающих иметь детей.

Рождение детей — это целое событие в семье и вместе с тем необыкновенная радость для родителей и их ближайших родственников, особенно если ребенок мужского пола. Около роженицы в кибитке остаются исключительно женщины. Если рождается мальчик, то из присутствующих женщин [одна] выходит из кибитки и во всеуслышание громким криком объявляет три раза, что у такого-то калмыка (называет имя) родился мальчик. У всех мужчин, в том числе и у

отца, которые придут после рождения ребенка, снимают шапки. За шапку платят выкуп, который идет в пользу женщин, присутствовавших при родах. Через несколько дней, когда заживает пуповина, родители ребенка приглашают своих соседей и устраивают угощение. При этом богатые люди резали барана. Приглашался иногда и зурхач, который читал молитвы, изгонял нечистые силы, предсказывал судьбу ребенку, указывал, что грозит ему, чего он должен остерегаться, давал ему имя согласно священному писанию и т. д. В это же время бывает иногда и жертвоприношение огню. Гости дарят ребенку серебряные монеты с наилучшими пожеланиями, материю на рубашку и т. д.

Если новорожденный мальчик, варят заднюю ножку барана. После того, как сварится мясо, отделяют большеберцовую кость (шага чимгн — трубчатая кость с альчиком). Она тщательно очищается от мяса и прячется родителями в сундук. Она считалась принадлежащей мальчику. Эта кость хранится долго, пока ее не потеряют случайно во время постоянных кочевков. Точно также тщательно хранится пуповина. Пуповину родители ребенка берегут как зеницу ока, потеря ее равносильна потере самого ребенка, ибо по верованию калмыков, подобная потеря грозит ребенку смертью. Такое же верование относительно пуповины сохранилось еще у многих первобытных народов. Так, Фрэзер приводит по этому поводу следующее: «...если сохранить пуповину или детское место и обращаться с ними, как следует, то человек будет преуспевать; если напротив, будет причинен какой-нибудь вред этим придаткам, или, если их затеряют, то это будет на погибель данному лицу» ... (стр. 63–64, вып. I «Золотая ветвь, изд. «Атеист»).

Пуповину калмыки никому не дают. Иногда дают заболевшим ценным животным, например, лошадям, как наилучшее средство от всякой болезни. У некоторых народов

пуповина служила лекарством ребенку при его заболеваниях. Так, перуанские инки сохраняли пуповину и давали ее сосать ребенку, когда он заболел.

Некоторые родители, как нам передавали, хранят также и детское место. Лично нам не приходилось видеть это. Детское место, по их словам, солят и сушат, а потом завертывают в чистую тряпку и прячут. Кроме того, якобы, при заболеваниях ребенка оттуда отламывают небольшой кусочек и дают ему внутрь с лечебной целью. Оно имеет, по убеждению калмыков, большое целебное значение для самого ребенка. Подобное явление весьма возможно среди калмыков. Тем более, что этот обычай наблюдается и среди других народов Востока.

У батаков, также и у других народностей индийского Архипелага, детское место, которое зарывают под жилищем, считается младшим братом или сестрой ребенка. Причина сохранения детского места и пуповины и такое сугубо внимательное отношение к ним Фрэзер объясняет тем, что среди многих народов, особенно среди малокультурных, существует поверье, что «части человеческого тела, будучи от него отрезанными, остаются, тем не менее, согласно поверьям, в симпатической связи с ним: это именно пуповина и детское место.

Эту связь считают настолько тесной, что нередко приписывают ей добрую или злую судьбу человека.

Рождение двойни у калмыков — явление из ряда вон выходящее. Оно сопровождается большими угощениями. Состоятельные люди при таких случаях резали сразу двух баранов: одного в правой стороне кибитки, а другого — в левой. Если двойня повторяется подряд три раза мальчиками, это считалось явлением неспроста, а имеющим какое-то особое значение. Полагали, что это слишком большое счастье, с одной стороны, а с другой — такое большое количество маль-

чиков непременно дается богом с целью замены отца, т.е. отец мальчиков должен умереть. Чтобы предотвратить это событие, он должен покинуть семью и родину. В тот день, когда должен уехать такой отец, он сдает лучшую свою лошадь, надевает лучшую свою одежду, на плечо надевает ружье и, попрощавшись со всеми, выезжает из хотона. Когда он выезжает из хотона, жена его должна взять за повод и просить на коленях со слезами остаться ради нее и детей, и только после этого он может вернуться домой. Если же жена этого не делает, то такой мужчина по обычаю должен навсегда покинуть свою родину.

Мы наблюдали еще одно любопытное явление у калмыков. Мать после того, как выкупает ребенка, несколько раз проводит по телу языком. На просьбы объяснить такой поступок она говорит, что это полезно для ребенка. Больше никаких объяснений. Мы склонны думать, что причина всего этого заключается в другом. Некоторые исследователи указывают, что облизывание отмечено у многих народов. Оно, несомненно, является отголоском самого древнего периода.

Лица, у которых дети часто умирали, предпринимали кое-какие меры охраны своих детей. Многие родители приглашали быть приемником ребенка людей другой национальности, главным образом русских. Этим, по-видимому, хотят обмануть нечистые силы, которые подумают, что ребенок родился не у калмыка, а у русского. Кроме того, калмыки полагали, что нечистые силы боятся русских. Так, когда подозревали в чем-нибудь козни нечистых сил или если им нужно отозваться ночью на чей-нибудь зов, то они отвечают на русском языке, если только знают. Некоторые калмыки, идя ночью по степи, разговаривают сами с собой на русском языке или же произносят отдельные русские слова, будучи в полной уверенности, что нечистые силы их не тронут, приняв за русских.

Восприемницей ребенку калмыки приглашают многодетную женщину, у которой дети живы. Калмыки считают, что такая женщина способствует благополучию ребенка и появлению других детей у данной семьи. Почти аналогичное поверье существует и у других отсталых народов.

Некоторые калмыки окутывали ребенка одеждой, принадлежащей другому ребенку из многодетной семьи, если все дети этой семьи здоровы. Почти то же самое поверье с небольшой разницей мы видим у арабов. Аравитянка, оказавшаяся бесплодной, занимает часто платье у женщины с большим потомством в надежде, что платье передает ей плодovitость владелицы. Принято еще: у лиц, у которых умирают дети, восприемником приглашать мужчину, тогда как обычно всегда принимают исключительно женщины. На вопрос, почему они так делают, калмыки отвечают, что хотят таким неестественным явлением подействовать, чтобы ребенок остался жив.

Многие калмыки новорожденного тут же после перевязки пуповины завертывали в пеленку и опускали в котел. Котел стоит на таганке, и под ним разводят огонь. Подержав ребенка немного и повернув его там несколько раз до нагревания котла, вынимают из котла. По-видимому, поскольку эта процедура связана с огнем, можно предположить, что она делалась из желания изгнать «нечистые силы», которые уже могли успеть окружить ребенка.

Что касается самого котла, то он делается не безразличным для семьи. К нему относятся с большими предосторожностями, ибо всякое повреждение его может повлиять, по мнению калмыков, на здоровье самого ребенка. Между прочим, такой котел редко дают посторонним для использования. Если иногда и дают соседям, то ни под каким видом не оставляют на ночь.

Родители, у которых умирают дети, при каждом новом рождении ребенка непременно приглашали зурхачей, которые делают кое-какие указания. Одно из них, которое широко применяются зурхачами — это запреты (цер). В силу этих запретов никого из посторонних не пускают в кибитку, где находится новорожденный, сроком от 3 дней до нескольких месяцев. Многие родители не пускают только лиц, прибывших издалека, из места, где было большое скопление народа, например свадьба, лиц, которых постигло какое-нибудь несчастье и т. д. Такое отношение нам понятно. Это, несомненно, делается, чтобы не занесли болезни. Кроме того, постоянное вхождение в кибитку может простудить ребенка. Некоторые калмыки скрывают факт рождения ребенка. На расспросы отвечают неохотно. Также не отвечают прямо на вопросы: мальчик или девочка ребенок? Если новорожденный мальчик, то отвечают так: «Мы поймали одну плохую собаку». Если новорожденный ребенок — девочка, то говорили: «Поймали бочку вина». Делается это для того, чтобы не узнали «нечистые силы», которые, услышав о рождении ребенка, могут повредить ему.

Лица, у которых умирают дети, еще держат кур или петухов. Существует поверье, что нечистые силы не любят петухов, потому избегают места, где они имеются. Что касается кур, то их плодovitость передается хозяйке дома и вместе с тем они способствуют долгой и благополучной жизни ребенка. На основании этого иногда ребенка принимали вместе с курицей или петухом. Многие родители наряжают мальчиков в костюм девочки, а девочек — в костюм женщин. Таким путем калмыки предполагали, что возможно обмануть нечистые силы, которые могут не разобраться, в чем тут дело, и не принесут вреда детям. Точно так же мальчикам часто дают женские имена. Здесь тоже преследуется только что приведенная цель. Что касается вообще имен, даваемых

детям, то здесь существует следующий обычай: некоторым детям имена дают приглашенные зурхачи согласно своим священным книгам. Но большей частью имена дают родители, если живы, то бабушка или дедушка или все совместно с общего согласия. Мы абсолютно не можем согласиться с ходячим мнением, существующим среди многих исследователей калмыков, что имена даются калмыками новорожденным по первому бросившемуся ему предмету по выходе из кибитки. Так, М. Ковалевский говорит по этому поводу следующее, приводя выдержку из Нефедьева: «Калмыки носили еще в его (Нефедьева Н.) время имена: один — Волги (Иджиль), другой собаки, третий волка, четвертый змеи, пятый лягушки и т.д.»

У Нефедьева вкралась довольно большая неточность, о которой М. Ковалевский отзывался следующим образом: «Нужно ли говорить о неудовлетворительности такого объяснения. Не принадлежат же, в самом деле, змея и волк, а тем более Волга, к числу предметов, необходимо бросающихся в глаза на выходе из кибитки. Вероятнее поэтому предложение, что новорожденным даются имена из того обширного запаса родовых прозвищ, в числе которых далеко не редкими были названия рек, птиц, зверей и домашних животных. А это позволяет нам выставить догадку, что калмыкам не меньше бурят или якутов, а также остяков известны были, по крайней мере, некоторые проявления так называемого тотемизма». Мы вполне соглашаемся с мнением М. Ковалевского, что тотемизм не был чужд калмыкам и имена калмыками даются детям из обширного запаса родовых прозвищ. К сожалению, до сих пор многими допускаются ошибки при описании калмыков. Пред нами книжка Смирнова «Калмычка», изд. Охрана материнства и младенчества, НКЗ, Москва 1928 г. Между прочим, в этой книжке на стр. 27 говорится следующее: «Следующие дети уже называются по имени урочищ,

рек, озер, где они родились. Если в семье дети умирают, то тогда даются имена другого типа, чаще животных. Калмыки верят, что смертность детей происходит от действия злых духов, и, чтобы их ввести в заблуждение, детям даются имена животных и другие, например: Ноха /собака/, Чон /волк/, Мекля /лягушка/, Му-Кебюк /гадкий мальчишка/ и т.д.» Несостоятельность и неудовлетворительность объяснения автора очевидна, и об этом не приходится говорить.

Чтобы дети не умирали и чтобы сохранить их от нечистых сил, надевали им на шею, а иногда и на кисти рук и ноги амулет — «бу», который обыкновенно готовят гелюрги и продают за известную сумму. Многие родители для сохранения своих детей посвящают их в манджики (первый духовный сан). Существует поверье, что лица, посвященные в духовенство, гарантированы от преждевременной смерти.

Воспрещается шить детям одежду из меха хищных животных (хорек, лисица и т.д.) Точно также нельзя им шить что-нибудь и из меха сосунков (молодняка). Калмыки сами дают по ним следующие объяснения. Из меха сосунков нельзя носить ребенку оттого, что грешно носить что-нибудь сшитого из кожи существа такого же юного, как сам ребенок. Мех хищных зверей нельзя употреблять оттого, что эти животные будут всегда направлять свои острые зубы на ребенка, что повлечет за собой несчастье. В то же время, как это ни странно, калмыки, особенно родители, у которых большей частью дети умирали, сзади на спине верхней одежды своим детям пришивают когти хищных птиц, амулет /бу/ покрывают мехом хорька, говоря, что эти хищники, имея острые зубы и когти, будут защищать детей от всех их врагов. Как понять такое противоречие во взглядах на одни и те же вещи у калмыков?

Так же к верхней одежде пришивают запястные кости зайца. По мнению калмыков, быстрота зайца зависит от его

ног, в частности, от запястных костей. Имея запястные кости, как полагают они, ребенок может избежать многих несчастий. По этим двум последним вопросам Фрэзер дает следующее объяснение: «Примитивный ум верит, что животные владеют свойствами и качествами очень полезными человеку и гомеопатическая или подражательная магия старается разными путями передать эти свойства от животных человеческим существам. Вот почему иные бечуаны носят на себе в качестве талисмана шкурку хорька в расчете на то, что носитель шкуры этого весьма живучего животного станет неподатливым для ран и прочих физических повреждений ... Некоторые бечуанские воины втыкают в свои волосы шерстинки безрогого быка или прикрепляют к одежде шкурку ящерицы: ящерица очень скользка и трудно уловима, безрогого быка также трудно поймать, вот почему человек, снабженный указанными талисманами, должен стать также трудноуловимым. Южноафриканский воин, втыкающий в свои волосы шерсть крысы, приобретает множество шансов на спасенье от копья врага, ибо крыса очень ловко ускользает от бросаемых в нее предметов». Таким образом, мы видим, что и многие примитивные народы [продельвают] то же самое: прибегают к силе и увертливости различных животных, как и калмыки. Несомненно, калмыки исходят при том из тех же соображений, как эти народы.

Заканчивая [обозреть] верования и обычаи калмыков, связанные с детьми, считаю необходимым сказать несколько слов о питании детей. Калмыки с самого первого дня рождения ребенка дают ему сосать кусочек жира, а если заметят, что у ребенка запор, то дают ему масло, суп. Почему-то калмыки уверены, что они как скотоводы привыкли к мясной пище, и поэтому дети тоже должны с самого своего рождения усваивать эту пищу. Когда доказывали калмыкам весь вред, который они приносят детям, питая таким образом,

они как один отвечают: «Нашим детям ничего плохого от этого не будет, а, наоборот, от мясной пищи и масла будет только польза, ибо подобная пища вошла у них в кровь и плоть». Подобный взгляд является главной причиной того, что детская смертность в Калмыцкой степи была невероятно высокой. Главным образом дети умирают в первые годы от заболевания желудочно-кишечного тракта. Еще нежный желудок ребенка от такой жирной пищи всегда в расстройстве и не в состоянии усвоить это трудно усваиваемое иногда даже взрослыми людьми питание. Вместо того, чтобы запоры лечить лекарствами, клизмами, калмыки прибегают к этим губительным для детей средствам, как суп, масло (топленое). Малейшее заболевание детей, какого бы характера не имело, всегда сопровождалось крепким супом или водой. Часто там, где нужна диета строгая, дают масло или суп, а там где нужно подкармливать соответствующей удобно перевариваемой пищей, дают только одну воду не только самому ребенку, но и его матери, как они говорили, чтобы молоко было малопитательным.

КАЛМЫЧКА-ДЕВУШКА

Рождение девочки большой радости для родителей калмыков не предоставляло, несмотря на то, что калмыки вообще сильно любят детей.

«Дочь — не наследница». В этих словах крылась одна из главных причин такого отношения к девочке. Она временный член семьи. Девочка, достигнув известного возраста, покидает родителей, семью, вообще своих близких и выходит замуж. Она не может принимать участия в трудных моментах жизни рода и даже самих близких ей людей. Так, замужняя дочь, по обычаю, не имеет права не только хоронить, но даже присутствовать на похоронах родных и

родственников. Она также не имеет права совершать заупокойное жертвоприношение по их смерти. В этих взглядах на девушку родовой быт наиболее ярко выявил свои отрицательные стороны. Наконец, такой взгляд является, несомненно, и результатом чисто экономических соображений. Сын является прямым кормильцем и поддержкой родителям. Тот, у которого нет сыновей, которого по той или иной причине не мог хоронить сын, считается несчастным человеком. Лиц, у которых сыновья умерли, калмыки называют «му заята» — «проклятые судьбой». К таким лицам относятся с некоторым презрением. Вследствие этого мечта многих стариков и старух — умереть при жизни своих сыновей. Они в своих утренних и вечерних молитвах всегда просят бога об этом. Вместе с тем сын является продолжателем данного рода. Калмыки говорят: «нер дудулах» — заставить произносить имя. Сын должен дать своему роду славу и могущество. Вот почему рождение мальчика является величайшей радостью не только родителей, близких и дальних родственников, но даже данного рода в целом. Счастливых родителей все поздравляли с рождением сына.

К моменту заживания пуповины у калмыков устраивались угощения, смотря по состоянию родителей. Этого мы не видим, когда родится дочь, здесь дело обходится скромно без всяких торжеств и угощений. Вообще лиц, довольных рождением девочки, мало.

Калмыки говорили, что даже собаки хотона бывают недовольны рождением девочки. Так, узнав, что в семье родилась девочка, собаки, якобы, стараются так или иначе повредить ей, погубить ее. С этой целью они входят в кибитку чаще, чем они делали раньше, причем стараются входить так, чтобы дверь после них оставалась открытой и получался сквозняк, вследствие чего девочка должна простудиться, захворать и умереть. Почему же собаки поступают так? По

словам калмыков, собаки считают, что девочки обгладывают кость, когда едят мясо так тщательно, что ничего не оставляют на мослах, поэтому рождение девочек для них невыгодно. Собаки, якобы, отзываются о девочках так: «Родилась кокетка, обгладывающая все тщательно. Идите, все собаки, открывайте дверь, чтобы она умерла. От нее не будет пользы». Когда же родится мальчик, собаки говорят: «Закрывайте дверь, не входите так часто. Простудите ребенка. Родился тот, который ест кое-как».

Так, будто, относятся собаки к рождению девочек и мальчиков. Эти строки нам рисуют положение девочки и мальчика в семье. Так как девочке предпочитают мальчика, то, ясно, лучшие куски достаются всегда ему. Девочка принуждена обглаживать, так как ей достается всегда мало.

У родственных калмыкам народов, как, например, у бурят, рождение девочки также не сопровождается большим праздником. Празднование у них имеет тоже более скромный характер, чем при рождении мальчика.

У китайцев, по словам Руднева, «рождение мальчика — семейное торжество, рождение девочки встречалось уныло и рассматривалось почти как несчастье».

Благодаря такому взгляду на девочек на них почти не обращали внимания, особенно в первые годы их жизни. Вследствие такого невнимательного отношения калмыков к девочкам среди них наблюдалась большая смертность. Этим мы можем до некоторой степени объяснить большой процент детской смертности у калмыков и уменьшение количества женщин в сравнении с мужчинами.

Такое же отношение к девочкам, какое наблюдается у калмыков теперь, в древности было и у многих индоевропейских народов.

Калмыки считают неприличным хвалить только свою жену. Они говорят, что только плохой глупый мужчина мо-

жет хвалить свою жену. Но ни в коем случае не возбраняется говорить хвалебно о своих дочерях. У литовцев эта пренебрежительность, которая наблюдается у некоторых народов, выявляется еще резче. Они девочек не считают даже за людей.

«Если спросить литовца, у которого три мальчика и две девочки, — рассказывает Шрадер, — сколько у него детей, он ответил «трое», так как девочки в счет не идут». (Шрадер «Индоевропейцы», стр. 139).

Тяжела участь девочки, но не легче была участь самой женщины, рожавшей ее. У калмыков женщины, рожавшие девочек, были не в почете. В семье на них сваливали самые тяжелые работы. На них мало обращали внимания, плохо кормили, плохо с ними обращались. Днем и ночью свекровь не дает им покоя своим злым языком, точно ругая и заставляя своих сыновей избивать жен. Нередко с такими женщинами мужья разводились или же брали вторую жену. Албанцы к таким женщинам относятся не лучше калмыков. У них, по словам профессора Шрадера, женщины, рожавшие только девочек, считаются плохими женами и они после смерти мужей изгоняются из домов (Шрадер «Индоевропейцы», стр. 139).

Рождение сына до некоторой степени изменяло положение женщин в калмыцкой семье, улучшалось отношение к ним. В Китае женщины, имеющие сыновей, получают вес даже в семейных советах и нередко становятся в доме полными госпожами (Народы мира, стр. 309, Руднев).

С годами жизнь девочки становится вполне сносной. Когда девочка достигает 3–4 лет, отношение родителей к ней резко меняется к лучшему. Чем дальше, тем больше обращают на нее внимание. Меняется к лучшему отношение всех окружающих ее.

Как объяснить такую перемену?

Если исходить из общего взгляда калмыков на рождение девочки, то, казалось бы, там никаких данных к улучшению отношений к ней в дальнейшем не должно быть.

Сами калмыки объясняют эту перемену следующими мотивами: «Никто не видал, кто даст счастье: сын или дочь», «Лучше иметь хорошую дочь, чем плохого сына», «Хоть и девочка, пусть живет» и т.д. Под плохим сыном подразумевается то, что сын может быть беспутным, картежником, пьяницей, непочтительным к родителям, чего никогда не допустит ни одна девушка. Кроме того, эту перемену они объясняют еще и тем, что им жалко девочку, так как в будущем, когда она выйдет замуж, ее ждет тяжелая жизнь снохи в чужой семье, поэтому пусть теперь она живет у себя получше, без печали и нужды, окруженная вниманием своих близких.

Несомненно, все приведенные мотивы играют немало важную роль в указанной перемене отношений к девочке. Но мы считаем, что все имеет второстепенное значение, основные причины здесь заключаются не в этих мотивах, а совсем в другом. По нашему мнению, с возрастом девочки родители видят в ней будущую живую рабочую силу, которая должна разделить тяжелую жизнь кочевника, являясь верной помощницей в самых трудных работах в хозяйстве. Это с одной стороны. С другой стороны, не последнее место, по всей вероятности, занимает перспектива в будущем по выходе ее замуж получить «калым» и поправить свое хозяйство. Чем больше внимания и забот уделяется девочке, тем, несомненно, лучше должна быть она и тем более возможности получить за нее калым.

Но какие бы мотивы здесь не руководили калмыками, мы должны констатировать, что не так печальна и тяжела жизнь калмыцкой девочки, когда она немного подрастет. Ее жизнь не хуже, чем остальных членов семьи. Она не выделяется в нечто обособленно худшее, как это принято думать,

из общего фона калмыцкой действительности с ее недостатками и невзгодами. Наоборот, калмычка-девушка пользуется особым вниманием всех. Ей в кибитке родителей отводится самое почетное место под бурханами (иконами), в переднем углу кибитки между «баран» и кроватью хозяина кибитки. Здесь находится и ее постель. Она может иметь даже кровать, тогда как ее неженатые братья, живущие в кибитке родителей вместе с нею, лежат на полу. Такое же внимательное отношение к девочкам-подросткам, по словам Дубровского, наблюдается также и у монголов (Дубровский, «Монгол-ка», стр. 19).

У калмыков девушки считались самым чистым и невинным существом. Но не все народы так относятся к ним, как калмыки. Шохор указывает, что «у остяков с 14 лет девушка считается нечистой. Она не должна переступить через невод и другие охотничье-рыболовные снасти... Она не имеет права резать налима и щуку, чтобы в нее не вселился куль / бог рек и озер/». /«Пережитки родового быта», стр.19/. Подобное отношение, которое наблюдается у остяков, у калмыков имеет место только к замужним женщинам, но ни в коем случае не к девушкам.

С самого раннего возраста, почти с 5–6 лет, девочку родители одевают в самое лучшее. Считается неприличным, чтобы девушка была одета небрежно, как попало. Не допускается, чтобы она ходила босиком. Девушка должна быть аккуратной и прилично одетой. Она не должна быть неряхой и неопрятной, неопрятной девушке будут говорить все, и все будут осуждать не только ее, но и ее родителей и братьев. Одежда девушки несложна. Обычно она носит кальсоны из нанки или какой-нибудь другой темной, тонкой бумажной материи, рубашку из бязи, со стоячим воротником, застегивается костяными или стеклянными пуговицами, причем рубашка должна быть глухая с вырезом только для головы,

чтобы можно было надеть ее. Сверх рубашки носят камзол. На последний одевают бешмет, большей частью из ситца, летом «бизе» (бешмет с разрезанными снизу рукавами) и, наконец, «берзе» — парадное одеяние, обычно из шелковой или полусшелковой материи. Зимой девушки поверх всего этого носят шубу. На голове носят шапку из каракуля, отороченную выдрой или без нее. Парадную шапку составляют особо сшитые и особой формы шапки «булгн» «халвнг». «Булгн» шьется из выдры, позументов, парчи, с четырьмя углами, на которые пришиваются мелкие серебряные монеты. Верх ее широкий и покрыт особо приготовленными нитками из шелковой или полусшелковой материи. «Халвнг» такого же фасона и формы, но выдра заменяется вышивкой из золота. Обувь девушки носят из красного сафьяна. В последнее время стали носить большей частью обычные женские ботинки и туфли. Наконец, носят пояс, сшитый из материи, застегивающийся туго на пуговицах. К поясу пришивают много серебряных монет, которые при ходьбе гремят. Некоторые носят и серебряный пояс.

Из украшений девушки носят на пальцах кольца, простые, медные, бронзовые, из польского, иногда из чистого серебра, редко золотые. В ушах серьги тоже из польского или настоящего серебра.

Девушке нельзя быть в женской части кибитки, т.е. с левой ее стороны. Это неприлично и недостойно девушки. Поэтому никто не позволит, чтобы какая бы то ни было девушка очутилась на левой стороне кибитки. В Корее наблюдалось совсем иное отношение к девушкам. Так, их в 8–10 лет забирают в женской половине дома (Народы мира, стр. 345). Так же, как корейцы, поступают и другие восточные народы.

Девушку воспитывает исключительно мать. Отец в воспитание ее не вмешивается. Он не может сказать ни одного сурового и грубого слова, не говоря уже о том, что он не мо-

жет ее наказывать, бить и т.д. Точно так же этого не могут делать ни родственники, ни братья и вообще никто из калмыков-мужчин, кто бы он ни был. Никто из мужчин не должен отзываться дурно о девушке, тем более ругать ее. Подобное явление у калмыков было бы верхом неприличия, и таких лиц в обществе жестоко осуждали.

Точно так же никто из мужчин не должен произносить неприличные слова в присутствии девушки. Калмыки даже не допускают мысли, что можно говорить или сделать что-нибудь дурное и скверное девушке. Они называют девушку «ребенком» (смысл — чистая и невинная, как ребенок), и сравнивают ее с хряцом (смысл — тоже чистая и невинная, хрупкая и с которой нужно отнестись бережно).

Что касается отношения братьев к сестрам у калмыков, то мы знаем, что они относятся к ним в высшей степени вежливо, корректно, всегда являются их защитниками и помощниками. Они стараются по силе [и. — *сост.*] возможности делать им все приятное. Никогда они не придут без подарков для сестры. Не менее хорошо к девушкам относятся дедушка и бабушка и двоюродные братья по матери. Они должны принимать все меры, чтобы они были всегда довольны ими. По мнению калмыков, всякое недовольство с их стороны неблагоприятно отражается на их благополучии. Такого хорошего отношения братьев, которое мы встречаем у калмыков, мы не наблюдаем также у многих восточных народов, в частности у тех же бурят. Так, Добринский говорит, что у них братья к сестрам высокомерно относятся и презрительно.

Девушки-калмычки очень стеснительны. Они стесняются даже есть в присутствии посторонних. По мнению калмыков, девушки должны есть как можно меньше, чтобы не быть толстыми, вместе с тем сохранить талию. Пояс у них должен быть всегда туго стянутым. Калмыки полных деву-

шек сравнивают с верблюдами, говорят: «это не девушка, а верблюд». Девушки должны быть изящны, тонки, с подбрюшным животом. Чем тоньше талия у них, тем больше они удовлетворяют эстетическому чувству калмыков. Ясно, что ни одной девочке не хочется быть толстой, неизящной. Отсюда — это обстоятельство тоже является одной из главных причин того, что калмычки мало едят, когда даже есть возможность питаться лучше. Подобный взгляд на питание и на «изящество» сильно влияют на здоровье девушки. Большой частью она бывает хила, слаба и малокровна.

Девушка в семье — первая помощница матери в ее кропотливой и тяжелой работе. Недаром калмыки говорят: «Если в семье первенец мальчик, то помощник отцу, а если девочка — матери». Действительно, девушка помогает своей матери, как только позволяют ей силы. Но калмычка-мать старается, чтобы ее дочь не так много работала и не выполняла грязные работы. К этому стремятся также и другие члены семьи. Стараются дать девушке чистую работу, главным образом швейную. Девушка, владеющая швейным искусством, высоко ценится у калмыков. Об этом ее качестве говорят везде. Молодые люди окружающих хотонов все наперебой обращаются к ней с заказами. Каждому хочется носить хорошо сшитое платье, главным образом бешмет. При сватании девушки на это ее качество тоже обращалось большое внимание.

Приличие требует, чтобы девушка ложилась спать позже и просыпалась раньше других. Кроме того, она большей частью спит одетая, обутая, т.к. в общей кибитке она не застрахована, что кто-нибудь не застанет ее раздетой, если она случайно не проснется вовремя, не только какой-нибудь ранний гость, но даже члены своей семьи — мужчины. Старается она спать с какой-нибудь подругой в кибитке, где бывает меньше народу, хотя бы кибитка была чужой.

Девушка не должна допускать вольностей с посторонними мужчинами. Она должна быть от всего этого подальше, что может уронить ее честь и честь ее родных. Она не смеет ссориться с кем бы то ни было, тем более ругаться, вмешиваться в разговор старших. Во всем должна чувствоваться скромность, почтительность. Когда калмыки хотят сказать о примерном поведении кого-нибудь, то говорят: «Он ведет себя, как девушка-невеста». Этой фразы достаточно, чтобы иметь представление о данном человеке.

Девушке не разрешается жить половой жизнью до замужества. Это несмыываемый позор на весь улус. Все будут говорить и издеваться не только над девушкой, допустившей это, но и над всеми ее родственниками. Это такое темное и грязное пятно, по убеждению калмыков, которое ничто на свете не сможет смыть. Ближайшие родственники не остановятся и перед убийством такой девушки.

Но нет правила без исключения. И здесь, несмотря на все строгости и требования общественного мнения, бывают единичные случаи «греха» с девушкой. Если последняя при выходе замуж оказалась беременной, получался большой скандал. Муж и его родители отказываются от такой женщины. Отказываются от нее и ее родители. Ребенка никто не принимает, потому что он «незаконнорожденный», «буг» (нечто оскверняющее). Роды, как «буг», происходили тогда только не в кибитке мужа или родителей женщины, а где-нибудь в сарае и т.п. Большой частью такие младенцы погибали: их душили сами матери. Трагична была участь девушки, допустившей такой «грех». Она надолго обречена на одиночество, если не найдет себе другого мужа, какого-нибудь бедняка или инвалида. Родные и родственники совершенно отворачиваются от такой девушки. Примирение может произойти только спустя много лет.

Как только девушка достигает известного возраста, ее уже начинают сватать. Многие калмыки еще задолго до рождения детей договаривались женить своих детей. Обычно так поступают отцы-друзья. Такие взаимные соглашения бывают даже тогда, когда и помину о детях нет ни у одной из договаривающихся сторон. Подобные уговоры мы встречаем также и у армян и сванов. Впоследствии такие уговоры большей частью нарушаются. Причинами являются, главным образом, состояние здоровья того или иного ребенка, изменение имущественного положения родителей детей. Если один из родителей за это время обеднел или разбогател, то вполне понятно, что другая сторона не могла быть парой невесте или жениху. Сватать нужно только из чужого рода, но не возбраняется сватать и своего рода. Категорически воспрещается сватать родственницу по мужской линии, хотя бы это родство было самое отдаленное, так как невеста является, по мнению калмыков, «своей кровью и своим мясом», как говорят они.

Нельзя сватать девушку также родственникам по линии ее матери. Существует поверье, что у лиц, женившихся на таких родственницах, «никогда не будет ничего привязывать во дворе», т.е. будут они вечно бедные. Сватать дальних родственников по матери сыновья могут. Это даже считается хорошим предзнаменованием. Такие лица, по мнению калмыков, должны благоденствовать всю свою жизнь.

По-видимому, этот обычай сватать из чужого рода является остатком того времени, когда родовое общество было еще довольно тесно связано между собой всевозможными родственными и экономическими узами. С одной стороны, если жена являлась из своего рода, то муж не мог быть полным ее господином, так как за нее могли заступиться близкие. С другой стороны, молодой человек не всегда мог найти женщину, могущую быть его женой у себя в роду.

Сватание начиналось в некоторых случаях, особенно у состоятельных лиц, чуть ли не с 7–8 летнего возраста. Вообще у калмыков женятся и выходят замуж очень рано. Мы знаем единичные случаи вступления в брак малолетних, когда возраст брачующихся не превышал 14–15 лет по-калмыцки, по-русски — лет 12–13.

Что касается разницы в годах брачующихся, то она бывает от одного до 10 лет, редко немного больше. Обычно разница колеблется в пределах 1–6 лет. Но никогда не бывает, чтобы она была больше несколько раз.

Еще одной особенностью было в сравнении с другими малокультурными народами это то, что невеста всегда моложе жениха за редкими исключениями, когда она бывает старше жениха на 1–2 года. У бурят, наоборот, случаи женитьбы юноши на девушке старше его в два раза — не редкость. Такое же положение можно было наблюдать у вотяков⁶, когда жениху 15 лет, а невесте 30 лет. («Россия», стр. 218).

Такие ранние и неравные браки, несомненно, приносят большой вред, особенно браки вредны для калмыков, так как калмычки достигают половой зрелости поздно — к 18 годам. Дети от таких лиц слабы, хилы и большей частью погибают в первые годы своей жизни.

Чем же объясняется причина таких ранних браков у калмыков? Во-первых, искали работницу, а во-вторых, у калмыков существовало мнение, что девушка после двадцатилетнего возраста — не девушка, а женщина, так как, достигнув половой зрелости, она естественными и неестественными путями должна удовлетворять свою половую потребность. Поэтому родители стараются выдавать замуж девушку, а не женщину. Кроме того, может случиться, что девушка, достигнув половой зрелости, вздумает жить половой жизнью, что принесет несмываемый позор для семьи. И вот родители

⁶ Вотяками в русской литературе называли ранее удмуртов.

стараятся выдать своих дочерей замуж, пока они чисты, невинны и еще мало понимают в половой жизни, таким образом, застраховать себя от всяких неприятностей.

В-третьих, заветной мечтой каждого калмыка было — женить своих сыновей как можно скорее, следовательно, увеличить число кибиток и получить еще добавочную рабочую силу — сноху. Дело в том, что каждый женатый сын выделяется в отдельную кибитку. Кибитка эта ставится позади кибитки родителей. Чем больше кибиток позади этой кибитки, чем могущественнее читается данная семья, тем более влияния имеет она на соседей. С ней считаются все. К членам такой семьи относятся с уважением, и никто не смеет сделать что-нибудь дурное, так как есть кому отомстить за них. Таким образом, большая семья обеспечивала и личную безопасность. Многие калмыки рано женили и выдавали своих детей замуж также потому, чтобы устроить их при своей жизни соответствующим образом.

Жениться калмыку было нелегко. Женитьба сопряжена с большими расходами, которые часто не под силу было преодолеть бедняку. Нужны значительные средства, чтобы сосватать, а затем жениться. Но, несмотря на все это, неженатых и незамужних лиц среди калмыков почти не встречается, за исключением людей с большими физическими и умственными недостатками или отъявленных пьяниц и картежников. Такие явления, которые наблюдались на Кавказе, где бедняки оставались без жен, у калмыков не встречались.

Одиноким бедным мужчинам, сосватав чью-нибудь дочь, если у родителей невесты нет сыновей, большей частью переезжают в их кибитку и там женятся. Такая женитьба, конечно, никаких расходов ни от кого не требует. Многие бедные калмыки для обоюдного облегчения себе бремени свадьбы упрощали и удешевляли процесс сватания.

Долго тянулось у калмыков время от начала сватания до свадьбы. Промежуток между ними доходит от одного до двух, трех, четырех, пяти, а иногда и более лет. Очень часто богатые и состоятельные люди сватали своих сыновей чуть ли не с 5–6 лет. Кончается это сватовство к 16–18 годам. За это время, по существовавшему обычаю, жених или его родители или родственники должны через каждые 3 месяца (по времени года) приезжать с угощениями к родителям невесты. Помимо этого, жених сам лично должен приезжать после двух больших праздников: «Зула» (Новый год) и «Цаган-сар» (Белый месяц). Каждый раз он должен приезжать с угощением. Таким образом, выходит, что со стороны жениха должны приезжать не меньше, чем 6 раз в год. Конечно, число посещений родителей жениха гораздо больше. Всякий раз по тому или иному случаю посылается человек проведать родителей невесты. Кроме этих приездов, еще имеются официальные приезды, которые обозначаются определенными названиями. Сверх всего этого у калмыков брался еще «калым», о котором будет говориться ниже. Но никогда калым у калмыков не доходил до такой большой суммы, как у народов Средней Азии и Кавказа, где, по словам Шохора, размер его достигает от 5 до 10 тысяч рублей. Калым у калмыков до войны в исключительных случаях доходил от 1 до 1,5 тысячи рублей. В настоящее время калым почти прекратился даже в скрытом виде.

От подобных угощений маломощное хозяйство приходит часто в упадок. От этих же угощений и подарков еще больший ущерб несет и хозяйство родителей невесты. У калмыков по этому поводу существует пословица: «Семья, которая женила троих сыновей, богатеет, а семья, которая выдала троих дочерей, разоряется». Казалось бы, что должно улучшаться имущественное положение того, кто получает, а не того, кто выдает. Между тем здесь происходит как раз наоборот. Почему? Нам станет это понятно, если мы

примем во внимание весь процесс сватанья и свадьбы. Хозяйство жениха приходит в упадок главным образом не от калыма, как принято вообще думать и как об этом пишут, а от тех угощений, которые даются родителям невесты. Родители же невесты — от подарков, приданого тоже и угощения. Ниже мы увидим, подарки все время делают родители невесты, только один раз во время свадьбы родители жениха. Не надо забывать, что в числе подарков были дорогие шубы из белки, лисы, каракуля, выдры, шелковые и суконные халаты, которые стоят дорого. Сверх всего этого родители невесты дают значительное приданое, в виде кошмы, изделий из нее, носильной одежды, утвари и т.д. Наряду с этим, они еще несут большой расход на угощение во время официальных визитов. Лошади, которые даются женихом, возвращаются обратно в виде верблюдов, навьюченных приданым. В степи верблюд ценится и ценится раза в полтора дороже, чем лошадь. Кроме того, приблизительно через год после свадьбы дочь приезжает к своим родителям и родственникам. Последние, смотря по своему имущественному положению, делали подарки целыми табунами лошадей, десятками рогатого скота и сотнями овец. Сверх всего этого, по обычаю, родители невесты должны свою дочь по выходе замуж обувать, одевать в продолжение трех лет.

Таким образом, мы видим, что родители невесты все взятое отдают обратно с большой придачей жениху.

Возникает вопрос, — можно ли после всего этого говорить о существовании у калмыков калыма? Как мы видим, все данные говорят против. Здесь существует не калым в собственном значении его, а только калым на отношения: об этом свидетельствует уговор родителей на третьем визите, сватанье невесты без ее согласия, обязанность непременно внести до свадьбы все затребованное, хотя бы все это потом возвращается в виде указанных подарков и приданного.

Когда же калмыкам задаешь вопрос, почему, во-первых, свадьба так затягивается, а во-вторых, какой смысл так разоряться, то они обычно отвечают, что такова традиция, таковы обычаи, сохранившиеся от предков, которых они не могут нарушать. Кроме того, часто слышишь от родителей невесты: «Как мы можем отдать свою дочь, как будто она беспризорная, не выпив арьки и не получив подарков». Этот аргумент они еще подкрепляли тем, что дочь свою воспитали, ухаживали, поэтому должны за свои труды что-нибудь получить. Наконец, смущает их то, что скажут люди. Родителей жениха тоже заедает тщеславие. Они тоже смущаются, что скажут другие. Сделаем, говорят они, так, чтобы все знали, как женил своего сына или выдавал замуж свою дочь. Калмыки, ослепленные своим тщеславием, с одной стороны, а с другой — желанием не отдавать свою дочь, не получив арьку, абсолютно упускают из виду: что все это чревато большими и тяжелыми последствиями для обеих сторон. Разоряя угощениями и тому подобным жениха, родители невесты тем самым ставят в тяжелое материальное положение и свою дочь по выходу замуж. Хозяйство от этих постоянных угощений пришло в полный упадок, и дочь принуждена по выходе замуж просить нужное для хозяйства у других, а по временам даже и голодать. Почему-то калмыки на эту сторону дела не обращали никакого внимания. Между тем, во имя благополучия своей дочери, казалось бы, родители должны были подумать о будущем своей дочери, а не требовать всевозможных ненужных угощений вроде арьки, не только не полезных для человека, но даже вредных для нашего организма.

Процесс сватовства протекал так: родители жениха, узнав все окольным путем о девушке, которую они выбрали для своего сына в невесты, обращались к зурхачи. Последний выясняет по своей книге, подходит ли данная девушка по возрасту и по другим признакам к сыну данных родителей. Если

зурхачи даст утвердительный ответ, то родители в «счастливый день» снаряжают кого-нибудь из близких мужчин или хорошего знакомого, если отец жениха не хочет по той или иной причине поехать лично. Посылаемый человек берет с собой бутылку водки или калмыцкой арьки и отправляется к родителям выбранной девушки. Посылаемый, входя в кибитку, вынимает из кармана бутылку со спиртным напитком и ставит ее по левую сторону кибитки, около «цаха» (шест, который поддерживает полку для посуды). Потом здоровается со всеми присутствовавшими и усаживается с правой стороны кибитки. Если этот человек незнакомый или лицо уважаемое, то под него подстилают «ширдык» (кошма). Кто помоложе в кибитке, берет у прибывшего [трубку. — *сост.*] и раскуривает ее ему. Тут же варят чай. Если родители невесты не знают, почему приехал данный человек с арькой и кто он такой, то гостю задают вопросы для выяснения причин его приезда и подарка. Гость дает объяснение так: «Мы слышали, что у вас есть девушка, которая «должна быть человеком», а у нас имеется юноша, который тоже «должен быть человеком». Кроме того, хотим найти для своего юноши опору в вас». Последняя фраза обычно употребляется из тактических соображений.

По мнению калмыков, человек только после свадьбы становится взрослым. До этого он, независимо от возраста, — мальчишка или девчонка. Про холостых юношей и незамужних девушек говорят: «Кюн болх кевюн, кюкюн» — мальчик или девочка, который (-ая) должен (-на) быть человеком или «кюн бола дуга» — еще не сделались человеком. Когда кто-нибудь женится или выходит замуж, часто говорят «кюн болва» — сделался человеком. Если кто-нибудь долго не женится, то говорят про такого человека, что он старится мальчиком. Такое же большое значение браку, по словам П. А. Раввинского, придавали «простонародие» в России,

где на холостых смотрели как на нечто незаконченное, незавершенное. В Черногории мужчина только тогда становится настоящим человеком, когда женится. До женитьбы он продолжает быть мальчишкой, юнцом или даже собственно «ребенком, дитятею» («Индоевропейцы», стр. 149).

Родители невесты, расспросив обо всем, если кандидат подходящий, выпивают арьку и очень вежливо обходятся с гостем. Конечно, никто не спрашивает согласия девушки, точно так же как и юноши. Никто не считается с их мнением и желанием. Кроме того, ни одна девушка, ни один юноша не осмелится высказать свой взгляд на это дело. Если случится такой казус, то это считалось неслыханным неприличием, о котором говорили бы все от мала до велика. Такие юноши считались совершенно испорченными.

Если кандидат нежелательный и родители знают причину посещения гостя, то на него не обращают никакого внимания и даже не раскуривают ему обычной трубки и не поят чаем, а предлагают ему уйти со своим подарком. Когда гость не берет своего подарка, то его выбрасывают на двор. Иногда по этому поводу наблюдаются довольно комические сцены. Родители невесты или родственники выбрасывают подарок, а выгоняемый снова вносит его. Подобная процедура продолжается иногда часами. Бывают случаи, когда упорный гость достигает своей цели исключительно благодаря своему упорству. Но большей частью водку в конце концов разливают или же, доведенный до отчаяния упорством и нежеланием родителей невесты принять подарок, гость сам выпивает свою водку и уезжает со всевозможными угрозами. Иногда эти угрозы приводились в исполнение. Обиженное лицо возбуждает против родителей невесты через своих знакомых ложное уголовное дело, выставляя ложных свидетелей. Подобные случаи наблюдались в степи, причем ни в чем не повинный человек осуждался на много лет в тюрьму. Если же

не возбуждалось уголовное дело, то обиженные старались нанести материальный ущерб, угоняли или воровали скот.

Когда первая арька выпита, то без всякого промедления посылается вторая арька. Со второй арькой идут два человека с двумя бутылками или ведрами водки или арьки. Если есть соперники, то родители жениха спешат. В один и тот же день посылают первую и вторую арьку, чтобы закрепить за собой позицию. Спустя некоторое время приблизительно от одной до нескольких недель, смотря по обстоятельствам, родители жениха посылают третью арьку. Она состоит из нескольких четвертей или ведер водки или арьки. Количество посуды, в которую налиты спиртные напитки, и мест с подарками должно быть не меньше и больше трех. Обычно треть место составляет вложенные в большую сумку из шкуры калмыцкий чай, баранина, конфеты, крендели. Конфеты кладутся в большой ситцевый платок. В платок завязывают еще клей и серебряный двугривенный. Двадцать копеек означает долгую счастливую жизнь, не меньшую, чем семьдесят лет (калмыки рубль делят на 350 частей). По этому счету двадцать копеек соответствуют семидесяти. Для калмыков семьдесят лет считается глубокой старостью. Клей приносится, как знак твердого и нерушимого родства. Во время третьей арьки обе стороны договариваются, как у них будет протекать в дальнейшем сватовство. Родители невесты указывают свои условия, т.е. сколько денег и лошадей они желают получить в подарок за дочь. Родители жениха намечают, когда они могут получить невесту. Лошадей требуют большей частью ближайшие родственники и даже хорошие знакомые. Требуют большей частью лошадей определенных, известных данной местности по своим качествам — быстрота, красота и т.д. При этом заранее предупреждают, что если будут даны не те лошади, то договор будет расторгнут. Гостям третьей арьки родители невесты делают подарки. Дарят шубу, халаты. Третья арька называется «угю авху» — «брать слово».

Четвертый официальный приход гостей со стороны жениха бывает спустя несколько месяцев, а иногда через год и больше после третьей арьки. Этот период называется «кюргн узюгдюх» — «показывать жениха». На этот раз в числе гостей должен быть непременно жених. Гости бывает, смотря по состоянию жениха, от 6 до 12 и больше человек. Количество гостей должно четное. В числе их бывают одна или две женщины, обычно мать или сноха жениха. Подарки бывают обильнее, чем при «угю авху». Качество и количество подарков находится в прямой зависимости от материального состояния как жениха, так и родителей невесты. Спиртные напитки привозятся бочками, ведрами, водка ящиками, арза (вторичная перегонка тепленького, смешанного с кислым молоком), чай кирпичный, много кренделей, конфет, баранины или мясо целыми тушами в сыром и сваренном виде. Приводят также и лошадей для резки. Кроме того, приводятся те лошади, которые были заказаны при «угю авху». Если по той или иной причине не сумели достать тех лошадей, которые были специально заказаны ими, то приводят других. Лица, которые не получили заказанных лошадей, поднимали скандал. Никогда дело мирно не кончалось. Доходило до ссоры и даже драки. Недовольные лица имеют право выбрать любую лошадь, за исключением лошади жениха, на которой приехал кто-нибудь из гостей. Лошадь жениха неприкосновенна. Считается величайшим неприличием отобрать ее у него. Так как каждый из гостей обычно приезжает на своих любимых лошадях, то никому не хочется отдавать ее. На этой почве происходит немало недоразумений. Чтобы выполнить поручения того или иного лица относительно лошадей, родители жениха несут громадный расход. Дело в том, что хозяева лошадей, узнав о требованиях со стороны родственников невесты, запрашивают баснословную цену за них. Каждый получивший лошадь объ-

езжает свою лошадь вокруг хотона. Все поздравляют и произносят пожелания.

Когда гости приезжают, то останавливаются от кибитки родителей невесты шагов за 40-50, потом, за исключением старшего и женщин, вносят не громоздкие привезенные подарки. Входят в кибитку по старшинству. Каждый входящий ставит принесенный подарок с левой стороны кибитки и по старшинству усаживаются с правой стороны кибитки на ширдыке. Женщины усаживаются с левой стороны вместе с хозяйкой дома. Хозяева гостей угощают чаем, после чего гости выходят из кибитки. Если им отведена специальная кибитка, то идут туда и устраиваются там. Спустя некоторое время приходят несколько человек к гостям со сваренным калмыцким чаем и спиртными напитками. Этот приход со стороны невесты к гостям называется «хош еряю» — «произносить слова благополучия помещению гостей». Гости совместно с пришедшими выпивают все принесенное. В это время хозяева приглашают всех своих родственников и знакомых и угощаются.

К вечеру со всех сторон [приезжают. — *сост.*] жаждущие и алчущие спиртных напитков и молодежь, чтобы повеселиться. Вечером угощают гостей ужином и спиртными напитками, и после этого начинается вечеринка.

Гости сидят по-прежнему в правой стороне кибитки. Знакомые и родственники хозяина кибитки — где и как попало. Что касается невесты, то она усаживается вместе с подругами на кровати своих родителей. Причем подруги сажают ее к самой решетке кибитки, чтобы она не была на виду у гостей. Балалаечники или балалаечницы усаживаются впереди девушек. Для танцующих отводится место. Танцы начинает кто-нибудь со стороны родителей невесты. Потанцевав, тот подходит к кому-нибудь из гостей, прикладывает правую руку к правому плечу того лица, которого он хочет, чтобы

танцевал. Тот встает и танцует, делает то же самое и прикладывает руку кому-нибудь из присутствующих со стороны невесты. Одновременно двое с чашками, налитыми⁷ спиртными напитками, поют. Выбор песни представляется поющим. Обычно они выбирают ее по человеку, т.е. соглашаясь с его общественным, имущественным и социальным положением. Например, если песня поется духовному лицу, то выбирают песню, где говорится о духовенстве, если поют дворянству, то песню, где воспеваются доблесть, храбрость военачальников, зайсангов, нойонов. Если родителям и родственникам, то воспевающие чувство и привязанность родителей, детей и родственников. К концу песни поющие подносят свои чашки тем или иным лицам, которым поют. Произносят благопожелания и отдают чашку обратно, уничтожив содержимое. Песня продолжается до тех пор, пока не получают обратно чашку. Если данное лицо вовремя не возвращает чашку, то певцы песню повторяют. Поющие при этом в чашку кладут серебряную монету или бумажные деньги, кладут и золотые монеты. Если песню поют невеста или жених или кто-нибудь другой, который, по мнению выпивающего, достоин этого, поющие не перестают петь до тех пор, пока не обойдут всех присутствующих. Они никого не должны пропустить, ибо это считается величайшим оскорблением. Только обойдя всех, они усаживаются на свои места, их заменяют другие пары. Танцующим бросают мелкие, а иногда и крупные монеты. Монеты эти бросают прямо горстями по направлению танцующего или же кладут в чашку, поставленную специально для этой цели. Деньги, собранные таким образом, идут специально в пользу балалаечников и балалаечниц. Танцующие никогда не берут их себе. Это считается неприличным. Для поднятия настроения поющих и чтобы [они — *сост.*] пели смелее и лучше, обычно выкрикивают слова одобрения.

⁷ Т.е. наполненными (*сост.*).

То же самое делают и по отношению к танцующим. При этом кричат «хадрис». Слово непереводимое. Танцующих мужчин-гостей, особенно жениха, женщины ударяют плетями, заставляя их делать различные замысловатые фигуры.

Ночью женщины и девушки обязательно должны что-нибудь незаметно утащить у гостей. Обычно берут узду или что-нибудь другое, удобно прятаемый предмет, и возвращают за выкуп.

Пьяные калмыки ночью всегда буянят. Никогда не бывает случая, чтобы вообще вечеринки обходились без ссор и драк.

Однако гости не должны затевать никаких ссор. Они должны быть терпеливы по всему. Если даже их ударит кто-нибудь со стороны соседей или родственников невесты, то они должны молчать и стараться не доводить дело до недоумения.

На другое утро гости уезжают, им родители невесты делают подарки в виде халатов, шуб, платков и т.д. Один из лучших подарков получает жених. Подарки тут же опрыскивают спиртными напитками. Если подарки не нравятся тому или иному гостю, то тот отказывается принимать его и снимает с себя, бросает на пол и вообще высказывает свое неудовольствие. Иногда такой непонравившийся подарок рвется или же при выезде из хотона бросается где-нибудь, но так, чтобы родители невесты увидели.

За взятую женщинами и девушками вещь жених платит известную сумму, смотря по своему имущественному состоянию. Полученные деньги идут в пользу исключительно в пользу девушек и женщин, которые их делят поровну между собой. При своем отъезде гости на верхней площадке двери отведенной им кибитки оставляют известную сумму, которая идет в пользу тех лиц, которые обслуживали ее. После всего этого гости уезжают пьяные. Часто бывают несчаст-

ные случаи в результате падения с лошади или отравления алкоголем.

Когда гости возвращаются, то приходят все соседи. Все интересуются подарками, которые сделали родители невесты, и вечеринкой. Если подарки хорошие, то об этом говорят долго и повсюду. Так кончается четвертый официальный приезд гостей со стороны жениха.

Необходимо сказать несколько слов о том, что делали калмыки, когда кто-нибудь умрет из сосватанных лиц. Если умрет невеста после четвертого визита, то похороны и панихиды производят родители и родственники как невесты, так и жениха. Точно так же родители жениха принимают деятельное участие в лечении невесты, обращаясь к эмчам и зурчачам. Расходы покрываются обеими сторонами поровну. В случае смерти жениха родители невесты не участвуют ни в похоронах и ни в расходах. В некоторых случаях так поступают с невестой даже после первой арьки. Если невеста умрет после пятого визита, то хоронят и весь расход на похороны берут на себя исключительно родители жениха, так она считается уже членом семьи жениха. На этом основании некоторые родители считают грехом и свою кибитку оскверненной, если дочь-невеста умрет в их кибитке. Потому перед смертью ее выносят из нее. У калмыков существует пословица: «Сосватанная девушка считается чужой, вскипевший чай — готовым». Все приданое умершей девушки идет на ее поминки и передается хурулам.

Что же бывает с невестой, если у нее умирает жених? Родители жениха большей частью выставляют других кандидатов в женихи, в первую очередь, являются братья покойного, а потом даже дальние родственники по мужской линии. Если кандидат малолетний, то невеста должна ждать его до совершеннолетия. Такие малолетние кандидаты главным образом выставляются, исключительно, чтобы заставить родителей

невесты возвратить переданные им во время четвертого визита лошадей, денег и т.д. Родители невесты за редким исключением возвращают все взятое и тем самым освобождают дочь от этой узы.

Эти странные претензии на невесту умершего со стороны братьев и родственников жениха М. Ковалевский объясняет тем, что у народов, живущих родовым бытом, невеста уступается не одному жениху, а целому роду. Для доказательства этого мнения он приводит выдержку [из сочинения. — *сост.*] Гредекова, «что невеста, — пишет Гредек, — считалась и в настоящее время еще считается достоянием рода, следует из того, что по смерти жениха поступает к его брату и вообще ближайшему родственнику. В народной поэме Джидеккыз рассказывается, что после убийства сосватавшего ее героя Тулеген (из рода Джагалбайлы) его брат по достижении совершеннолетия едет искать руки невесты. С самой кончины ее суженого Джидеккыз ждала, что за нею приедет и возьмет ее в жены кто-нибудь из рода убитого. “Я обручена [с женихом из. — *сост.*] рода Джагалбайлы, — значит в поэме, — если Тулеген убит, то разве в его роде нет молодца, который бы отыскал меня и получил, таким образом, принадлежащую ему невесту”». («Родовой быт», стр. 256).

Далее Ковалевский ссылается на описания древнекитайских летописцев, где указывается, что еще далеко до христианской эры монголы по смерти братьев женятся на невестках. Ковалевский по этому поводу говорит что «это значит, что у них брак является межродовой сделкой; девушка уступается навсегда не жениху, а его роду». («Родовой быт», стр. 264).

По-видимому, отголоском этого древнего взгляда на невесту является сохранившийся до последних лет у калмыков обычай предъявлять братьям и родственникам покойного жениха свои права на его невесту.

После четвертого визита, если обе стороны, т.е. как родители жениха, так и невесты, бедны, они обычно свадьбу не затягивают. После третьей арьки, а иногда после четвертой, они негласно, ибо это считалось бы величайшим позором для родителей девушки, по обоюдному согласию делают «умыкание» невесты. Родители невесты обычно в условленный день посылают ее за чем-нибудь в ту сторону, где поджидают ее товарищи жениха, которые схватывают невесту и быстро скрываются. Умыкание иногда бывает и без согласия родителей, но с согласия невесты. Тогда дело кончается всегда драками и свалками. Невесту с женихом на несколько дней, пока все это уладится, отправляют в такие места, чтобы их не нашли. В конце концов все же дело кончается миром, и родители невесты подчиняются совершившемуся факту.

Случаи, когда жених увозит сосватанную девушку без ее согласия и согласия ближайших родственников, наблюдается редко. К такому умыканию прибегают в крайнем случае, когда жених по той или иной причине не в состоянии ждать или по бедности не мог выполнить все процедуры сватания, а родители невесты не считаются с положением жениха. Еще реже бывают умыкания сосватанной девушки, особенно сосватанной за другого. Подобные умыкания единичны и всегда сопровождались судебными процессами.

Если умыкание невесты бывает из хотона, то это обстоятельство чревато большими последствиями. Услышав шум, крик, плач, все соседи выбегают из своих кибиток, вооруженные чем попало. Во время свалки случаются не только калечения, но и смертные случаи. Ни один хотон добровольно девушку не отдает, ибо после умыкавшие смеются над таким хотоном, который не мог защитить ее. По всей вероятности, умыкание было единственным способом женитьбы у калмыков, как вообще у всех восточных народов. Умыкание в настоящее время наблюдается также и у многих малокультурных народов.

После четвертого визита бывает и пятый. Пятый визит делается по продолжительности в зависимости от времени свадьбы. Если до свадьбы времени недостаточно, то он оставляется на неопределенный срок. Если же свадьба близка, то стараются поскорее сделать его. Пятый визит называется «хулд окю» — «давать товар», «покупку». На «хулд окю» приезжают человек 5–7, а иногда и больше. В числе гостей непременно должны быть одна или две женщины. Угощения, которые привозятся гостями, почти те же, что при четвертом визите, но в меньшем количестве. На «хулд окю» привозятся некоторые вещи со стороны жениха, которыми должны пользоваться молодые впоследствии: сундук, сукно для подушки, ковры для приготовления сумок, необходимых для хранения шуб, арканов, кож и прочих предметов домашнего обихода. На «хулд окю» больших таких вечеринок не бывает, вся обстановка деловая. Приглашаются соседки-старухи. Они все с хозяйкой кибитки и приезжей гостью кроят и шьют. Вообще делают предварительные наметки на все те вещи, которые идут вместе с невестой, как ее приданое. Ко всем этим вещам покупается много других предметов и украшений, которые необходимы в условиях калмыцкой жизни и кибитки.

Все лица, как приглашенные, так и просто проходящие, ставят серебряные монеты с хорошими пожеланиями на таган, говоря: «Пусть будущих супругов потечет по белому, как эта монета, пути». Гости обычно на другое утро уезжают, им также делают подарки шубами, халатами и т.д.

После «хулд окю» остается последний и вместе с тем самый торжественный визит «хюрюм». Родители невесты, смотря по оставшемуся времени, готовят приданое своей дочери, хотя оно готовится тотчас после третьей арьки, а иногда и с самых ранних лет девушки. Но после «хулд окю» оно идет быстрейшим темпом и официально.

Готовят приданое и те лица, которые получили лошадей от жениха. По обычаю каждый из них должен дать приданое, состоящее из сундуков, ширдыков, носильного платья, также шуб для подарков родным жениха. Все это должно быть нагружено на верблюда, который тоже идет в качестве приданого. Когда готовят приданое невесте, например, кошмы для ширдыков, то работающие над ними женщины рассылают ближайшим соседям, также родителям и родственникам, жениха клочки шерсти. За эти клочки они получают по обычаю деньги, вино. Также клочки шерсти даются всем проходящим мужчинам, которые тоже должны что-нибудь дать за это. Точно также посылают и дают проходящим лицам, когда готовят хошлонги (плоские шерстяные веревки для прикрепления войлоков к остову кибитки). При приготовлении из войлоков различных принадлежностей, точно так же, как было указано выше, рассылаются всем кусочки войлока, так называемый «ультрик» (подстилка). За это тоже получают деньги и водку.

Когда остается до свадьбы приблизительно месяца два, два с половиной, родители жениха обращаются к зурхачи, чтобы он посмотрел в своей священной книге, в какой день, когда, какого месяца нужно сыграть свадьбу, и т.д. Зурхачи находит «счастливый день» для обеих сторон. Когда день свадьбы для родителей жениха выяснен, то они посылают кого-нибудь к родителям невесты с извещением их об этом: «одр кельхю» — «объявить день». Родители невесты могут и не согласиться с назначенным временем. Тогда они предлагают отложить. Родители жениха большей частью соглашаются, но бывают случаи, когда они и не соглашаются и настаивают на своем. Все же окончательно вопрос разрешается опять-таки родителями невесты. Когда же они соглашаются с назначенным для свадьбы днем, то, в свою очередь, тоже обращаются к зурхаче. У них нет большого

доверия к родителям жениха. На день свадьбы обращается большое внимание обеими сторонами. Ошибки зурхачей [могут обратиться. — *сост.*] тяжелыми последствиями для обеих сторон. Могут быть дни, невыгодные для родителей невесты. По ошибке или сознательно зурхачи могут назначить день, когда с уезжающей невестой уходит также и счастье родителей невесты. Могут быть и такие дни, по мнению калмыков, которые предвещают смерть одного из супругов, смерть будущих их детей, разорение и смерть ближайших их родственников. Поэтому вполне понятно нам, почему и родители невесты обращаются тоже со своей стороны к зурхачам. Если же имеются разногласия между показаниями двух зурхачей, то вопрос разрешается бакшой (начальник хурула).

Только после этого окончательно устанавливается день свадьбы. Бывают, между прочим, дни, которые требуют исполнения некоторых церемоний во время свадьбы. Так, например, требующие чтения некоторых молитв и совершения известных обрядов. Эти обстоятельства большими препятствиями могут и не служить. Все эти дефекты могут быть уничтожены мероприятиями зурхачей.

Теперь каждая сторона, особенно родители невесты, подгоняет свою работу по приготовлению к свадьбе. Если родители невесты и жениха люди маломощные, то просят помощи у своих знакомых и родственников «дем цуглулху» — «собирать помощь». Для этого обе стороны посещают намеченных ими лиц со спиртными напитками и, объясняя свое положение, просят помощи. Отказов в ней не бывает. Калмыки считают, что величайший грех не помочь при таких случаях. Не помочь, во-первых, по мнению калмыков, неприлично, а, во-вторых, имеет предзнаменование. Существует такое поверье, что если не помочь, то у данной семьи никого не будет, которого можно женить или выдать замуж.

К ближайшим родственникам и хорошим знакомым и тем лицам, которые получили лошадей, идет сама невеста.

За несколько дней до свадьбы невесту приглашают все родственники и хорошие знакомые. Угощают, устраивают вечеринки, дарят ей [подарки. — *сост.*]. Родители жениха в это время готовят кибитку или полукибитки, смотря по своему имущественному положению, шьют подарки родственникам и знакомым, которые должны приехать с невестой.

Одним словом, работа кипит. Обе стороны усиленно готовятся к торжествам. Все суетятся и волнуются. Никому не хочется ударить лицом в грязь. Каждая сторона желает принять гостей как следует и одарить их, чтобы долго об этом потом говорили. Некоторые калмыки за несколько дней до «хюрюма» дают родителям невесты угощение, так называемое «шагата». «Шагата» состоит из сваренной баранины и спиртных напитков. Большая половина их отдается женщинам. В назначенный зурхачами день приезжают гости со стороны жениха на «хюрюм». Гости бывает от 10 до 16 и больше человек. В число гостей входят также одна или две женщины. Присутствие жениха не обязательно, если на это нет указания зурхачи. Иногда, согласно священному писанию, по указаниям зурхачей, приезжает с гостями один их зурхачи, который своими молитвами должен устранить дефекты и совершить обряды, о которых мы говорили выше.

Гости останавливаются от кибитки родителей невесты шагах в пятидесяти.

Если до этого не давалась «шагата», то несколько человек, с выделенными из общего угощения предметами, идут в кибитку родителей невесты. К этому времени собираются женщины, которые пришли на «хюрюм». Они нападают на гостей, входящих в кибитку с угощениями, отнимают у них

часть и идут к себе в другую кибитку. Иногда наблюдается целая свалка. Женщины стремятся захватить побольше себе из угощения, а гости стараются дать им как можно меньше, особенно, если оно у них незначительное. С оставшимися после женщин угощениями гости входят в кибитку родителей невесты.

Родители невесты приглашают соседей и родственников. «Шагата» съедается и выпивается ими. После этого гости выходят из кибитки и присоединяются к своим оставшимся около фуры и лошадей товарищам. Спустя некоторое время снова идут в кибитку родителей уже с угощениями «хюрюм». Идут по старшинству, делают так же как во время четвертого визита. Зурхача забирается на переднее место в кибитке. Ему оказывается особый почет.

Предварительно со стороны родителей невесты проверяют привезенные угощения. Если найдут дефекты или сочтут недостаточными, то происходит скандал, который иногда кончается весьма печально (драки, ссоры и т.д.).

С трудом улаживаются такие разногласия. Из привезенного мясного угощения часть выделяется как «дежи» — жертва для богов и предков, которая ставится на сундуке перед бурханами. Выделяется еще часть, которая называется «зе». «Зе» ставится на подставке в середине кибитке. Оно предназначается для лиц, происходящих от дочерей хозяина кибитки и его родственников по мужской линии, которые называются «зе» (племянник). «Зе» могут быть даже лица, происходящие от женщины, рожденной из данного рода, например: если «хюрюм» имеется в кибитке калмыка зюнгарова рода, то лицо, рожденное от какой-нибудь женщины, бывшей из названного рода, не считаясь с тем, была ли она в родстве или нет с хозяином данной кибитки, получает «зе». Не возбраняется получить «зе» и лицам, у которых даже бабушка была из данного рода. Каждое лицо, являющееся

«зе», подходит к выделенной части, кладет какую-нибудь монету и берет себе кусок мяса с мослами.

Пир во время свадьбы продолжается дня два-три, редко одни сутки. Он идет в таком же виде, как во время «кюргн узюгдох». Последнюю ночь как сама невеста, так подруги и ближайшие родственники много плачут. Этого требует обычай. Кроме того, невеста вообще в последние дни своего пребывания среди своих близких должна быть печальной. Девушку, которая не придерживается этого обычая, осудили бы все, ибо это неприлично. Перед своим отъездом невеста вместе со своей любимой подругой поет песни, держа в руках чашки со спиртными напитками, которыми угощает своих близких. В этих песнях говорится о чувствах к родителям и чувствах родителей к детям.

Так, в песне «Эля бурл мерн» — пепельно-бурая лошадь — поется следующее: «Пепельно-бурая лошадь откусывает стебли молодого чакана, балуя, воспитавшая мать вспоминается утром и вечером. Черно-бурая лошадь жиреет весной, оберегая, воспитавшая мать вспоминается весной» и т.д. В ответ ей поют невестки или ближайшие родственницы. В своих песнях они советуют, как надо жить среди чужих, и рисуют отношение ближайших родственников жениха к ней. Так, в песне «Кюдркин Кюсютя кюрюнг» [поется — *сост.*]: «крепко-шейная рыжая имеет жир, который можно ощупать. Язык чужой матери остер, как остро сточенное лезвие ножа. Язык родной матери, как лезвие старого изношенного ножа. Не жалейте своего коня на расстояние, которое можете объехать. Хотя будешь пить обычный свой чай, но сократи свой сон. Хотя будешь курить привычный тебе табак, но забудь былой свободный сон» и т.д.

Эти песни сопровождаются всегда сплошными рыданиями всех присутствующих, особенно родственников и ее подруг.

После того, как кончается пение, прибывший с гостями зурхачи дает указание, в какое время невеста должна выехать из родительской кибитки, когда должны выносить приданое невесты, на какой лошади невеста должна выехать, какой человек должен ехать с ней и т.д. Большой частью время выезда невесты приурочивается к моменту восхода солнца. В назначенное время гости выносят из кибитки приданое невесты, которое перед приездом их складывалось в виде «баран» около дверей кибитки родителей, с правой стороны ее или в какой-нибудь другой кибитке, находящейся рядом. Перед выездом невесты приводятся также все верблюды, приданое, которые должны дать лица, получившие лошадей. При выносе вещей гостям приходится очень туго: подруги, родственники, знакомые стоят по обеим сторонам двери кибитки, чуть ли не в три ряда на несколько десятков шагов в длину. Каждый из присутствующих вооружается чем попало. Когда гости выносят вещи, они набрасываются на них и бьют их чем попало и куда попало. Чтобы сколько-нибудь защитить себя от этих немилосердных ударов, гости окутываются в выносимые вещи и бегом направляются в то место, где складывают их. Иногда эти побои бывают так жестоки и сильны, что ни один мужчина не соглашается еще раз войти в кибитку и вынести оттуда вещи. Когда вынесена последняя вещь, то остается вынести только невесту. Перед выходом невесты из кибитки ее снохи стригли у нее ногти на пальцах рук и ног — «кишик авху» — взять счастье. Ногти эти потом сжигаются на жертвенном огне, смешанные с маслом и польньёю. После этого к невесте подходит тот мужчина, который должен первым дотронуться до нее. За ним идет тот, который должен вынести из кибитки. Голову невесты покрывают материей. Цвет материи указывается зурхачи. Очень трудно вывести невесту из кибитки. Подруги ее не отпускают. Больших усилий представляется отнять у них ее. Выводящего не-

весту человека бьют больше всех. К моменту выхода невесты из кибитки приводят ту лошадь, на которую, согласно священному писанию, должна сесть невеста. Последняя садится на седло. Сзади нее без седла усаживается лицо, которое должно выехать с невестой из хотона. Мужчина с невестой старается как можно скорее отъехать от хотона, ибо его бьют беспощадно. За ним гонятся не только пешком, но и верхом.

Скверно бывает, если лошадь не резвая и не может вовремя быстро отъехать. Во время побоев бывают случаи падения с лошади как невесты, так и сопровождающего мужчины. Иногда такие падения даром не обходятся. Получают серьезные повреждения и даже калечатся⁸ как невесты, так и мужчины. Падение невесты — дурная примета.

Это из ряда вон выходящий, дикий и нелепый обычай избивать гостей, несомненно, является пережитком того времени, [когда. — *сост.*] единственной формой брака являлось умыкание. Все приемы, выходы как приехавших гостей за невестой, так и родных невесты как нельзя лучше подтверждают нашу мысль. Обычай покрывать голову невесты материей, есть, несомненно, остатки приема насильственного брака, так как окутывание головы облегчало работу похитителям. Избиение гостей, погоня за ними, вынос приданого невесты под ударами, все это опять-таки является пережитком от того времени, когда умыкание сопровождалось и разбоями.

В последнее время этот обычай почти не наблюдается, но раньше побои были настолько сильны, что мужчины не решались входить в кибитку за приданым невесты, хотя это считалось позором для товарищей жениха. Нам не раз приходилось слышать от стариков, как их и на каких свадьбах били. Эти побои действительно могли оставить незабываемый след в памяти каждого, кто ездил на свадьбу.

⁸ В тексте «калеченья».

Отъехав несколько верст, когда побои прекращаются, гости постепенно начинают сгруппировываться, чтобы ехать дальше вместе. К этому времени их догоняет кто-нибудь со стороны родственников невесты, приносит с собой угощение, которое съедается и выпивается всеми присутствующими. После чего каждая сторона продолжает свой путь. Если путь далекий, то покрывало с невесты снимают. Она уже едет одна и может пересесть на подводу.

Одновременно с невестой [едут. — *сост.*] сопровождающие ее родственники. Количество их бывает от 6 до 10 и более человек.

Если же свадьба должна быть с так называемым молением, то гости приезжают обычно с полукибиткой, которая ставится недалеко от хотона невесты. При таких случаях гости после соблюдения всех приведенных процедур объезжают хотон родителей невесты по направлению часовой стрелки и останавливаются у своей кибитки. Здесь происходит это моление. Невесту с женихом сажают на кошме рядом и дают им держать заднюю ножку барана за длинную трубчатую кость. Зурхачи читает молитву, во время которой жених и невеста молятся. Одновременно около рта их проводят кусочками баранины, нанизанными на палочку, которую они должны ловить ртом. Ножка потом съедается всеми, после чего гости снимаются с места и спокойно уезжают. Больше их никто не преследует и не бьет.

Полкибитки еще берут с собой те, которым далеко ехать, т.е. которые должны ночевать в дороге. По обычаю жених и невеста непременно должны провести первую ночь вместе, иначе, по верованию калмыков, невестой может завладеть нечистая сила. Вследствие этого гости принуждены бывают непременно брать с собой полукибитку, где можно уложить молодых.

После отъезда невесты ее родители режут того барана, которого привели гости для жертвоприношения огню. Баран этот варится целиком и съедается всеми присутствующими. В жертвенном огне сжигается, при соблюдении известных правил, грудная кость. После чего все прибывшие на пир расходятся по домам.

Когда невеста приближается к хотону жениха, то навстречу к ней выезжают двое с куском материи. При прибытии этих двух лиц молодежь, как со стороны жениха, так и стороны невесты, устраивает скачку (харача булгаху). Первая прискакавшая лошадь останавливается около кибитки жениха. Оттуда кто-нибудь выходит и привязывает на голову лошади платок с серебряной монетой. Считается хорошим предзнаменованием для жениха и его родственников, если первой придет лошадь, принадлежащая им. Если первой прискачет лошадь сторонника невесты, то это хорошая примета для невесты и ее родственников.

При приближении к хотону жениха невесту снова покрывают материей и перед ней приехавшие навстречу держат на уровне ее лица материю, которую они привезли с собой. В таком виде они останавливаются с невестой перед кибиткой молодоженов. С этой материей они входят в кибитку, держа ее перед невестой. После входа в кибитку с материей загораживают, в виде ширмы, невесту. Некоторые калмыки обходятся и без нее. Завязывают голову невесты платком. Лицо остается открытым.

По прибытию невесты в кибитку появляются гости и родственники жениха. Здесь поят и кормят всех. После всего этого открывают сундуки невесты. Вынимают оттуда подарки, которые раздают каждому, кто имеет на них права. Если кому-нибудь не нравится подарок, то получается такая же история, о которой мы говорили раньше. Халат или шуба подносится следующим образом. Сидящему человеку пода-

ют сзади так, чтобы он надел только правый рукав, а левый же оставляется у плеча. Все шубы и халаты, предназначенные для подарков, не должны иметь ни пуговиц, ни карманов. Шьют их тоже не аккуратно, а кое-как. Таков обычай.

К этому времени собираются любопытные, которые подвергают все подарки строжайшей критике.

В числе предметов должна быть немного косо отрезанная материя, нескольких цветов, иногда она заменяется пучками ниток «ольгце» — «для подвешивания». Обычно «ольгце» бывает из двух или трех цветов. Преобладающими цветами являются белый, кубовый и розовый. «Ольгце» вешают на головку решетки под бурханами. На него обращают внимание, так как неправильное сочетание цветов и неполучение его, по мнению калмыков, грозит большими бедствиями для данной семьи. По словам калмыков, «ольгце» берется для жертвы предкам. Получение этих ниток и материи указывает предкам, что невеста покинула своих родителей и окончательно стала членом семьи жениха. Если «ольгце» не получено по той или иной причине, например при умыкании, то до тех пор, пока не получат «ольгце», родители невесты ничего не дают родным жениха, особенно мясное и жирное.

Так продолжается до вечера. Вечером режут барана и приносят в жертву огню. К этому времени невеста должна явиться в кибитку отца своего жениха с кошмой (ширдык) и «ольгце». При входе в кибитку она постилает ширдык и усаживается на нем. Перед ней натягивают материю. Ей дают на руку ножку зарезанного барана. Потом ее заставляют кланяться очагу, солнцу, всем родным и родственникам жениха, как живым, так и мертвым. Процедура поклонения происходит так: мать или отец жениха называют имена тех лиц, которым невеста должна кланяться. После каждого имени человек, который стоит около невесты, наклоняет ее голову, по-

вторяя имена лиц, которых называют родители жениха. В то же время на подол платья невесты подсыпают много жира, из которого три куска она должна бросить в огонь. Также невеста должна бросать этими кусками в отца жениха и его родственников, но обычно невеста этого лично не делает, так как она стесняется. За нее это делают присутствующие, главным образом сопровождающие его родственники. При этом говорят: «Пусть сноха ваша кипит жиром» (смысл — будет жить богато). Остаток жира выносят и бросают собакам.

При входе невесты в юрту они очаг тоже поливают маслом, вместе с ней делают коленопреклонение. Мать жениха дает при этом наставление молодой.

Индоевропейские народы, занимающиеся большей частью земледелием, обычно молодых осыпали продуктами своего богатства, так, Шрадер указывает, что во время свадебного пиршества осыпали молодых супругов, в особенности новобрачную, различными семенами и плодами, чтобы она была такой же плодობильной, как природа (Индоевропейцы; стр. 120). Калмыки как скотоводы, богатство которых составляет скот, естественно, осыпали молодую продукцией своего богатства — жиром.

От обильного жира платье невесты превращается в сплошное сальное пятно. Во время этой церемонии невесте родители жениха дают новое имя вместо девичьего. Редко бывает, когда оставляют старое девичье имя. После этого она тоже обходит всех старших родственников жениха с ширдыком и «ольгце», если они живут там, т.е. в том же хотоне, где жених. Ширдыки остаются в пользу тех лиц, где была невеста. После всех этих процедур невесту уводят опять в ее кибитку. Здесь женщины, находящиеся около нее, снимают все девичье, надевают женское платье и белье. Из девичьих платьев остается только одно верхнее платье «бер-

зе», которое она носит дня три внутри своего женского халата, пока не привыкнет к новой одежде.

После этого делают ей прическу, при этом волосы делаются прямым пробором на две части, каждая из этих частей сплетается в отдельную косу и включается в «шеверлик» — специально для этого сделанный узкий чехол из бархата или атласа, но главным образом из плиса. Длина чехла 72 сантиметра, редко бывает длиннее, ширина 8-9 сантиметров. К концу волос прикрепляются токуки, специально сделанные для этой цели, из настоящего или польского серебра или из конских волос. Тяжесть эта «токуку» прикрепляется с обеих сторон верхнего платья женщины в специально для этого приготовленные петли (бель). Женщины из дворянского происхождения (ага) не прикрепляют токук, а спускают в длину спереди плеч. Между прочим, такое ношение волос отличает женщину-дворянку от простой калмычки.

В то время, когда женщины заняты туалетом новобрачной, в кибитке идет другая церемония. По обычаю, через дымовое отверстие кибитки выбрасывают три раза голову барана, который был зарезан, после чего ее совсем выбрасывают собакам. Делается эта процедура, по словам калмыков, в знак того, что через дымовое отверстие должен выходить все время дым. Смысл тот, что новобрачные будут жить благополучно и в кибитке будет всегда что-нибудь вариться, не будет нужды. После этого идет так называемое «вырывание шкуры». Часть шкуры зарезанного барана выпускается наружу кибитки, около двери под решеткой. Другая часть остается внутри кибитки. С наружной части тянут приезжие гости, а внутри — сторонники жениха. Тянут до тех пор, пока не разорвут ее на части. Если же шкура не поддается их силам, то ее протыкают в середине ножом, после чего легче ее разорвать. Победителем считается та сторона, которая получит большую половину. Иногда из-за вырывания

шкуры бывают большие недоразумения. Если победителем окажутся гости, то это считается плохим предзнаменованием. Полагают, что жена будет главенствовать во всем и муж всегда будет в ее подчинении. Вечером происходит небольшая вечеринка, после чего все расходится по отведенным помещениям спать. Невесту и жениха укладывают на одной кровати. Этим делом руководят исключительно женщины. Жених, большей частью, убегает. Забирается куда-нибудь в чужую кибитку, иногда он убегает с степь. Он долго упирается и не идет спать. Причина — ему стыдно, ему неловко. Невеста же в полной власти женщин. Она послушна им. Никаких сопротивлений и желаний избежать брачной постели она не делает. Наконец, женщины заставляют жениха спать со своей невестой. Уложив жениха и невесту, женщины тушат лампу, закрывают дверь, дымовое отверстие. Часть из них, показав вид, что уходят, остаются тут же в кибитке, располагаясь рядом с кроватью молодоженов. Заметить их как невеста, так и жених не могут, так как в кибитке темно. По обычаю женщины должны подслушать все то, что будут говорить новобрачные. Ушедшая часть женщин, выходя из кибитки, незаметно подходит к той части кибитки, которая прилегает к кровати молодоженов. Если молодожены малолетние, особенно жених, и не имеет никакого понятия о своих супружеских обязанностях, то старшая из спрятавшихся женщин объясняет ему (мужу) его обязанности. Если жених еще не достигает половой зрелости и не в состоянии исполнять их, то одна из спрятавшихся женщин заставляет его проявить хотя бы намерение к исполнению своих обязанностей, иначе может случиться большое и непоправимое несчастье. По верованию калмыков, как мы выше указали, если муж не мог исполнять своих обязанностей в первую брачную ночь, то молодой женщиной овладеет нечистая сила. Когда молодожены засыпают, женщины оставляют кибитку и уходят.

Жених обычно поднимается с постели чуть свет и уходит. Считается крайне неприличным долго спать молодоженам.

На другое утро гости, приехавшие с невестой, уезжают. Всех гостей одаряют также шубами, халатами. Приехавшей с невестой женщине дают самую лучшую шубу, называемую «за молоко матери». Этот обычай также сохранился у казахов, где принято тоже дарить родителям и в частности матери «за молоко матери». В некоторых улусах дербетовских, рассказывают очевидцы, что был один интересный обычай. Нам лично не приходилось его видеть. Он заключается в следующем: невеста привозит в числе других подарков кальсоны из дешевой материи, большей частью черного цвета. Кальсоны эти большого размера. По словам очевидцев, их надевает мать жениха и танцует до упаду.

Молодая женщина после отъезда своих родственников дня три не выпускает сверх платья своих волос, а держит их внутри верхней одежды. По истечении указанного срока снимается с нее последнее девичье платье «берзе». Все девичья одежда идет в пользу сестер или родственниц девушек жениха. Постепенно молодая женщина входит в обычную колею жизни. Для нее уже начинается самая тяжелая жизнь — жизнь снохи.

Уже теперь мы видим, что многие из обычаев, которые совсем не так давно играли в жизни народа очень большую роль, в настоящее время отошли на задний план и соблюдаются немногими, в наиболее глухих углах калмыцкой степи.

Калмычка девушка все глубже и глубже втягивается в культурную и общественную жизнь области. Культурно-просветительская работа, которая ведется теперь среди них, все больше и больше пробуждает девушек и освобождает от возможных предрассудков родового быта. Наносится могучий удар всем процессам и процедурам сватания и свадьбы и его позорным калымным отношениям. От них теперь почти ничего не осталось. Теперь перестали брать калым и араку.

Девушка начинает сама устраивать свою будущую жизнь. Она «осмеливается» говорить о любви, сама выбирает себе мужа, идя против вековых традиций, державших ее в своих железных тисках.

Калмычка-девушка идет вперед твердыми и верными шагами, разрушая взгляд на нее, что она неспособна на какие-нибудь другие, кроме домашних.

ХАРАШ

Калмыцкое духовенство проповедует, что не всякий юноша может жениться на любой девушке. Женитьба, как оно говорит, дело важное, поэтому необходимо относиться к ней осторожно. Как указывают священные книги, самое главное внимание, по учению духовенства, нужно обратить на лета. По их мнению, между летами жениха и невесты должен быть известный промежуток. Известно: сочетание этих промежутков в летах должно играть громадную роль в будущей жизни супругов. Так, могут быть сочетания, предвещающие только одно хорошее и благополучную жизнь им и, наоборот, только одно плохое, неприятности и необыкновенные трудности в жизни и несчастья. Эти соответствия и несоответствия всегда устанавливаются духовенством по священным книгам, написанным еще во времена ламаистского реформатора Цзонквы. Большой частью разница в летах, предвещающая хорошее, бывает один, два года, восемь, двенадцать лет; три, пять, семь, десять и девять требуют некоторой поправки, которая производится духовенством посредством молитвы. После чтения этих молитв и устранения встретившихся препятствий сватание допускается.

Что касается разницы в четыре и шесть лет, то она большей частью не может быть исправлена никакими молитвами, поэтому духовенство не рекомендует браки таких лиц. Од-

нако при хороших пожертвованиях духовенство все же находит возможным допустить сватание. Бывают случаи, когда тот или иной гелюнг хочет женить на девушке, которую сватает другой калмык, своего сына. В таких случаях духовенство заявляет своему доверчивому клиенту, что данная девушка не подходит его сыну. Околпаченный калмык, будучи в полной уверенности в непогрешимости своих гелюнгов и верности указаний священных книг, идет к себе домой, чтобы искать для сына другую девушку в невесты, которая подошла бы ему летами. У калмыков годы имеют свои названия. Цикл летосчисления равняется двенадцати годам. Каждый год имеет соответствующее название. С тринадцатого года название их повторяется. Так, например, если 1910 год по калмыцки называется «морн джилъ» — год лошади, то следующий год по порядку летосчисления будет «хон джилъ» — год барана и т. д. По порядку своего следования годы идут примерно в таком виде:

- 1910 год — морн джилъ — год лошади
- 1911 год — хон джилъ — год барана
- 1912 год — мочн⁹ джилъ — год обезьяны
- 1913 год — така джилъ — год курицы (петуха)
- 1914 год — ноха джилъ — год собаки
- 1915 год — гаха джилъ — год свиньи
- 1916 год — хулгуну джилъ — год мыши
- 1917 год — укюр джилъ — год коровы
- 1918 год — бар джилъ — год барса
- 1919 год — тула джилъ — год зайца
- 1920 год — лу джилъ — год дракона
- 1921 год — мога джилъ — год змеи
- 1922 год — / 13 год / морн джилъ — год лошади
- 1923 год — хон джилъ — год барана

⁹ В рукописи напечатано «моги», во всех последующих случаях данное слово заменено составителями на мочн (калм. мөчн), означающее «обезьяна»

Таким образом, начиная с 1922 года наименования годов будут повторяться в вышеуказанном порядке. Из этих годов очень покладистыми и мягкими годами считаются для женщин «тула джилъ» — год зайца, «хон джилъ» — год барана, «така джилъ» — год курицы (петуха), а годы «лу джилъ» — год дракона, «мочн джилъ» [— год обезьяны и бар жил. — *сост.*] — год барса — считаются самыми злыми и непримиримыми годами. С женщинами, родившимися в эти годы, очень трудно ужиться. С ними могут ужиться только мужчины, имеющие те же годы, иначе будет между мужем и женой всякая борьба, где победительницей явится жена. Последнее обстоятельство, якобы, не ведет к благополучной жизни. Необходимо, чтобы жена всегда находилась в подчинении мужа. Только при этих условиях возможна спокойная и хорошая жизнь. Никогда не могут сходиться лица, родившиеся в год коровы. По учению гелюнгов, они будут вечно ругаться, ибо две коровы никогда не могут мирно уживаться, они всегда бодаются. Отсюда и жизнь у них должна складываться в вечной ссоре и несчастье. Точно также должны быть [вместе. — *сост.*] несчастливы лица, родившиеся в год лошади. Лошади всегда лягаются друг с другом. Точно также будут лягаться (драться) между собой муж и жена. Основываясь на всех этих поверьях, ни один калмык не согласится сватать своего сына на девушке, лета которой соответствуют летам его сына, хотя бы она сильно нравилась им. Несоответствие — «хараш» иногда может быть исправимо, но есть такое несоответствие, которое ни под какие исправления не подходит. Такое несоответствие называется «цусн хараш» — кровью несоответствующее. Результат его только один — смерть кого-нибудь из супругов, иначе не будет никакого успокоения в семье. Все время в такой семье должны быть несчастья, болезни, раздоры и прочее. Если такие лица были случайно женаты, то выходом из положения является развод.

Такие случайности бывают сплошь и рядом. Один зурхачи считает возможным женить молодого человека на данной девушке и женит. Спустя, может быть, много лет, при несчастье в семье, приглашенный зурхачи может найти женитьбу неправильной и подлежащей расторжению для блага обеих сторон. На этой почве в степи иногда разыгрываются кошмарные трагедии. Люди, прожившие в мире и согласии много лет и имеющие немало детей, в силу «цусн хараш» должны бывают разрушить свою семью и разойтись в разные стороны. В нашей памяти по этому поводу имеется несколько случаев. Один из них произошел лет 25 тому назад в Эркетевском улусе. По причине «цусн хараш» здесь разыгралась жуткая драма в одной семье. Зурхачи нашел, что муж и жена между собой «цусн хараш». Он предложил им разойтись, иначе кто-нибудь из них должен умереть. Так как муж страдал душевной болезнью, которая по временам обострялась, то зурхачи намекал, что должен умереть в данном случае муж. Доведенные до отчаяния, супруги решили разойтись, несмотря на тяжелое семейное положение (несколько человек детей, старуха мать). Жена должна была оставить мужа и детишек и уйти к своим родителям. Как только жена ушла, муж повесился в сарае. Он не мог выдержать слез своих детей и старухи матери. Для своих детей он решил пожертвовать собой. После смерти мужа жена вернулась к детям.

В 1927 году в Маньчском улусе застрелилась из винтовки еще совсем молодая, двадцати одного года калмычка. Причина тоже самое — «цусн хараш». Самоубийство женщин-калмычек не наблюдалось и не наблюдается. Не будет преувеличением, если мы скажем, что этот случай единственный в своем роде в калмыцкой степи. Несоответствие в летах всё же продолжает играть роль в жизни калмыков и до сих пор. Только с самые последние годы начинает это суеверие исчезать. Одно нам страшно, что никакого соответствия

и т. д. не соблюдается, если женятся и выходят замуж вторично. Казалось бы, если быть во всем последовательным, то «хараш» должен соблюдаться и здесь. Получается какое-то противоречие. Кроме того, сами зурхачи расходятся в своих показаниях.

Когда спрашиваешь гелюнгов о сущности «хараш», то они в трезвом виде твердят, что всё это говорится в священном писании и вместе с тем это есть указание от бога, несоблюдение¹⁰ которого за собой влечёт всегда со стороны бога тяжкие наказания. В пьяном виде они говорят, что никакого «хараш» нет. Счастливая или несчастливая жизнь супругов, по их мнению, зависит не от священных писаний, которое есть ни что иное, как «нохан басн» — «собачий кал», а от того, соответствуют ли данные супруги как духовно, так и физически (как говорят они «гармонируют ли между собой все органы, все мышцы супругов»). Почему же духовенство не высказывает свой взгляд открыто в трезвом виде? Несомненно, «хараш» дает возможность духовенству держать в своих руках население, вмешиваться в его семейную жизнь, быть нужным и необходимым лицом везде и всюду. С другой стороны, «хараш» приносит им большую материальную выгоду. Если будут обращаться к ним все желающие сватать, то это дает им немаленькую сумму. Несомненно, эта сторона дела не упускается корыстолюбивым духовенством. Недаром калмыки сравнивают жадных людей с духовенством, говорят: «Какой ты жадный, как гелюнг» или «какой ты алчный или корыстолюбивый, как гелюнги».

¹⁰ В рукописи — наблюдения.

ГЛАВА IV.

Быт

ПИЦА

Опутанные своими суевериями и всевозможными обычаями, калмыки не оставались свободными от них и в отношении пищи. Нет ни одного вида пищи, где не вмешались бы обычай или суеверие. Вследствие этого много весьма полезных для организма видов пищи, особенно растительной, калмыками или вовсе не употребляется или же употребляется в весьма ограниченном количестве. Суеверный страх часто заставлял калмыков не только отказаться от употребления того или иного вида пищи, но и вносить в свою кибитку.

Калмыки так же, как вообще все народы, стоящие на низкой ступени своего развития, в полной уверенности, что свойство и качество не только того или иного животного, которого они употребляют в пищу, но даже отдельных его органов передаются тому лицу, который съедает все это. Точно также они избегают употребления многих видов растений и животных, чтобы по закону сходства не приобрести эти нежелательные и нехорошие качества и свойства, присущие им.

Вся пища делится на две части: на такую, которую могут есть мужчины и на такую, которую могут есть женщины. Воспрещается мужчинам есть конец плеруса желудка животных. Его могут есть только женщины. Существует поверье, что если его съедает хозяйка кибитки, то это способствует увеличению верблюдов.

Точно также мужчинам нельзя есть конец прямой кишки с наружными половыми органами животных. Его опять-таки едят исключительно женщины. При этом она съедается не только одной хозяйкой кибитки, но всеми присутствующими женщинами. Считается величайшим оскорблением, если случайно какая-нибудь женщина, присутствующая при этом, не получила свою долю.

Селезенку едят только взрослые. Существует поверье, по-видимому, согласно закону сходства, что цвет лица у съевшего селезенку будет такой же синий, как она. Кроме того, калмыки вообще обращают большое внимание на селезенку. Каждый калмык, как только зарежет скотину, никогда не забудет посмотреть на края селезенки. Существует поверье, что края селезенки бывают неровные, бугристые и с сосочками, если данной семье завидуют — бывает столько сосочков, сколько людей завидует ей. Чем острее эти сосочки, тем сильнее считается семья. Этой семье завидуют. По мнению калмыков, зависть может повредить не только росту стада, но и здоровью членов данной семьи. Поэтому принимают меры, предотвращающие эти несчастья, путем приглашения зурхачи. Что касается самой селезенки, то её разрезают на четыре куска и бросают на четыре стороны и при этом плюют и говорят: «Пусть язык и рот твои будут изрезаны так же, как эта селезенка, и все ваши зависти обратятся на вас самих». Детям не дают корень языка животных. Полагают, что они будут плохо говорить. Точно также не дают кончик языка. Его срезают и выбрасывают. Одни думают, что ребенок от этого будет плохо говорить, а другие, наоборот, полагают — будет чересчур остер на язык, поэтому невольно заставит обращать на себя внимание других. Вследствие этого о нем будут много говорить, в конце концов, сглазят и он умрет.

Надколенная часть всех животных, которая попадает в сваренном мясе, калмыкам очищается самым тщательным

образом от мяса. Каждый стремится, чтобы эта кость была гладка и в ней не осталась нигде мяса. Особенно стараются юноши. Существует поверье, что качество лица будущей невесты зависит от того, как мясо надколенной чашечки было съедено. Вычищенная от мяса надколенная чашечка бросается по направлению передней части кибитки к решеткам со словами: «Пусть лицо моей невесты будет красивым». Эти слова не всякий юноша скажет вслух. Но, несомненно, мысленно он произносит эти слова, чтобы лицо его невесты не имело никаких дефектов.

Лицам, имеющим дело с водой, рекомендуется есть легкие. Полагают, что такие люди не могут потонуть в воде, ибо сами становятся легкими. Поэтому, несмотря на то, что сваренные легкие ничего приятного и вкусного не представляют, их особенно охотно ест молодежь в прикаспийских и приволжских улусах, которая большую часть своего времени проводит на воде. На этом основании не менее охотно съедаются и пузыри рыб. Думают, что благодаря этому съевший его человек будет также хорошо плавать, как рыба.

Не рекомендуется есть печень тем, которым приходится бывать чаще на море, вообще дело иметь с водой. Человек, съевший печень, идет, по мнению калмыков, ко дну так же быстро, как сама печень. С другой стороны, калмыки уверены, что печень излечивает все болезни желудочно-кишечного тракта. Сердце и почки животных даются исключительно детям. Если в семье детей нет, то очень часто сердце и почки отдают детям соседей. Причем, сердце обычно дается девушкам, но отнюдь не мальчикам. Калмыки полагают, что сердце отрицательно влияет на храбрость съевшего. Особенно не рекомендуется есть сердце зайца, так как он самое трусливое животное. Молодежь любит есть сухожилие. Воспрещается употребление ножа. По предположению калмыков, кто ест сухожилие, тот становится сильным. Здесь, по-видимому,

принимается во внимание то обстоятельство, что сухожилие может переварить желудок не всякого человека.

Калмыки в полной уверенности, что быстрота зайца зависит от надколенной чашечки. Вместе с тем, у них существует поверье, что подколенная чашечка у зайца также владеет магическим свойством. Если её проглотить, не дотрагиваясь до неё зубами, то она непременно должна появиться где-нибудь на теле проглотившего человека. При этом она приносит с собой какое-нибудь качество человеку, которое зависит от места её появления на теле. Если она появилась на лбу, то это знак, что данный человек будет сильным (богатырем), ибо, по поверью калмыков, сила человека заключается на лбу. Когда надколенная чашечка появляется на голени, то это обозначает, что данный человек будет быстрым, так как быстрота зависит от состояния и качества голени. Если же она появилась на кистях рук, то это признак богатства, так как богатство собирается руками. Появление надколенной чашечки на затылке обозначает, что данный человек будет бедняком. Ему никогда и ни в чем не будет везти. Его везде и всюду будут бить по затылку.

Ввиду того, что вера в непременно появление проглоченной надколенной чашечки зайца велика, то глотают её очень многие. Каждому хочется узнать, что его ждет. Глотают её не один раз. Каждый раз ищут, не появилась ли она где-нибудь, каждый из них старается найти её там, где ему выгоднее (на кистях, на лбу), но, конечно, ни в коем случае не на затылке.

Нам лично не приходилось видеть ничего на теле этих любителей глотать чашечки, но калмыки уверяют, что она появляется на теле, не теряя своей первоначальной формы.

Когда варят голову животных, то оба глаза должен съесть один человек. Ни под каким видом нельзя делить, ибо полагают, что тогда можно потерять свой глаз. Не дают де-

тям костный мозг трубчатых костей. Существует поверье, что у таких детей из носа будет течь слизь так же, как этот костный мозг.

Когда калмыки режут животных на мясо, то кровь наливают в желудок. Верхнее отверстие его протыкают палочкой. Сверху покрывают сальником и крепко привязывают его. Причем сальник берут в достаточном количестве. Полагают, что чем больше взято сальника, тем лучше для хозяина. Калмыки верят, что от количества наложенного сальника зависит, какой подарок они получают от родителей невесты своего сына во время свадьбы. Большой сальник, по их мнению, принесет лучший подарок в виде дорогих шуб, шелковых халатов и т. д.

Верхнюю часть желудка с сальником дают хозяйке кибитки. Она делится со всеми присутствующими женщинами. Считается в высшей степени неприличным есть одной. О женщине, допустившей такую вещь, все будут говорить и осуждать. Нижнюю часть желудка, за исключением кончика пилорса, съедают исключительно мужчины. Если кто-нибудь был случайно обойден из присутствующих мужчин, то это считается большим оскорблением.

Мужчины должны есть еще берцовую кость и кости плеча (шага чимгн, атхмал чимгн). Женщины ни под каким видом не должны касаться их. Исключение могут составлять только дворянки.

Нельзя есть яйца пигалиц. Полагают, что от них лицо человека делается таким же рябым, как эти яйца. Поэтому редчайшее явление, если кто-нибудь употребляет в пищу яйца пигалиц. Люди, страдающие головными болями, едят голову животных, будучи в полной уверенности, что этим обстоятельством можно излечиться от болей.

У калмыков существует поверье, что шука действует на человека возбуждающе. Никаких доказательств по этому поводу у калмыков нет. Они только говорят, что шука твер-

дая — поэтому она возбуждает человека. По-видимому, здесь просто принимается внешний вид, форма щуки, твердое её тело.

Верхнюю половину сома калмыки не едят. Считают её грязной, ибо сом не брезгует лягушками, мелкими животными и т. д. Нижнюю часть едят главным образом в жареном виде. Если кто-нибудь из съевших сомятину был недоволен своей порцией, то он, по мнению калмыков, непременно должен заболеть расстройством желудка. Действительно, лишняя порция жирной сомятины тяжело действует на желудок, вызывает расстройство. Не понимая сущности этого явления, они расстройство желудка приписывают сому, который мстит, кто был недоволен им.

Довольно странное поверье мы наблюдаем у калмыков относительно лимфатических желез. Калмыки ни под каким видом не допускают в котел лимфатической железы задней половины животных. При варке мяса самым тщательным образом следят за тем, чтобы железа не попала в котел. Старшие в семье несколько раз напоминают при варке об этом, говоря: «железы задней части (ножек) никогда, пока не дойдешь до нищенства, не пускай в котел». Что касается лимфатических желез передней части, то говорят: «Железы передних ножек пускай в котел, пока не будешь царем».

Мясо павших животных едят не все калмыки. Точно также многие не едят и мясо зарезанных волками животных. Обычно такие запреты назначаются¹¹ гелюнгами после тяжелых болезней. Есть лица, которые мясо павших животных не вносят к себе в кибитку. Многие калмыки не едят верблюжатины, особенно женщины беременные или роженицы. Полагают, что верблюжатины делает людей чересчур полнокровными. Многие калмыки собирают кости предплечья мелких животных, главным образом баранов. Собрав известное ко-

¹¹ В рукописи — начинаются.

личество этих костей, они нанизывают их и привязывают на жердях над дверью кибитки правой стороны. По этому поводу существует следующая легенда: когда-то на одного калмыка хотела напасть шайка разбойников во время кочевки, он угадал намерения разбойников. Вечером, когда он расположился на новом месте, к кибитке привязал кости, которые случайно собирала его жена и прятала в больших сумках вместе с прочим домашним имуществом, кости были только от крупных животных. Привязанные к кибитке кости издали показали разбойникам людьми. Вследствие этого разбойники не осмелились напасть на калмыка, и он таким образом был спасен от нападения. С тех пор существует этот обычай — вешать кости в благодарность, что они своей фигурой, напоминающей человека, спасли человека от разбойников.

Сваренное мясо вынимается из котла в одну посуду. Из этой посуды хозяева, главным образом хозяйка, раскладывают мясо присутствующим в чашки, причем каждому кладется в чашку мясо, соответствующее его положению. Так, старикам всегда дают лопатку. Лопатка считается мясом стариков. При этом мясо лопатки не съедается одним человеком. Тот, кто ест лопатку, непременно должен поделиться с кем-нибудь. Если лопатку дали кому-нибудь из гостей во время свадьбы или других торжеств, то он непременно должен проделать известную манипуляцию с ней.

Человек, который съел мясо лопатки, должен отломать пальцем кусочек кости в широком крае её. Кость предварительно тщательно очищается от мяса. Держать её надо сбоку между указательным и [средним. — *сост.*] пальцами левой руки. На указательный палец кладется большой палец той же руки. Ставя на него указательный или средний палец правой руки, с силой опускает на край лопатки. При умелом обращении с костью, ловкости и силе, некоторые отбивают кусочек лопатки почти с первого раза. Если съевший лопатку человек

не в состоянии это сделать, то это считается величайшим позором. Человек, который чувствует, что он не в состоянии отбить кусочка лопатки, ни под каким видом не должен допрагиваться до нее и вернуть обратно, в противном случае дело может кончиться спором, ссорой.

В обыденной жизни хорошие знакомые не соблюдают этого правила, но съевший лопатку непременно должен, хотя бы зубами, отломить кусочек у лопатки (кости). Невыполнение этого считается дурным предзнаменованием. Между прочим, по кости лопатки предсказывают, какая будет зима в данном году, каков хозяин зарезанного животного. Если кость лопатки очень светла и содержит мало костного [мозга — *сост.*], калмыки говорят, что будет суровая и продолжительная зима. Что касается хозяина данного животного, то по ней (кости) предсказывают, что ждет его (в смысле накопления богатства), скупой ли он и т. д.

Так, если сочлененная ямка не глубока, а плоска, то говорят, что хозяин очень скупой, ибо ямка сравнивается котлом. Раз ямка плоска, то и котел у данного хозяина не значителен (невместителен), т.е. хозяин никогда лишнего не варит, а варит исключительно для своей семьи.

Хорошо развитый клювовидный отросток показывает гордость, независимость характера хозяина. Плечевой отросток показывает, как будет расти скот у данного человека. Если он хорошо развит, то скот у него будет быстро расти. Что касается самой кости — лопатки, то верхний её край, начиная от плечевого отростка до конца, обозначает дорогу, по которой должен проходить скот у данного хозяина. Если он широк, то это признак, что данный человек будет быстро бегать.

Полосатая ямка считается прикрытием для скота, от её глубины зависит судьба дальнейшего развития скота у хозяина.

Существовал ещё один довольно странный обычай. Обычай этот заключается в том, что при жертвоприношении огню и других торжественных случаях, сердце заколотого животного варится целиком с аортой. Потом вместе со сваренным мясом вынимается из котла, завертывается в сумку из шкуры, причем верхушка сердца чуть-чуть выступает наружу из сумки. В таком виде кто-нибудь из мужчин, особенно хозяин кибитки, плотно держит сердце и заставляет откусывать мальчиков (девушки не допускаются). Несмотря на все неудобства из-за того, что сердце сильно сжато руками держащего, некоторые мальчики умудряются откусить его. Такого мальчика окружающие хвалят, говорят: «молодец», «богатырь» и т. д. По этим проявлениям симпатии к удачно откусившим сердце мальчикам можно заключить, что здесь придают большое значение ловкости, смекалке и силе мальчиков. На основании этого можно предположить, что этот обычай является одним из видов спорта, который некогда был весьма сильно развит среди калмыков. Но этот обычай, кажущийся с первого взгляда невинным, имеет и дурные стороны. Он опасен для здоровья, ввиду возможности заражения сифилисом, особенно в Калмыцкой области, где процент больных сифилисом довольно высок.

Мясо павших животных, как мы говорим, бросается не всеми калмыками. Значительная часть калмыков это мясо съедает, не считаясь с тем, по какой причине животное пало. Они не находят в этом ничего предосудительного, непозволительного и вредного. Многие «гастрономы» уверяют, что мясо павших животных, павших от сибирской язвы, гораздо вкуснее, чем свежее. В результате такого взгляда много калмыков заражается сибирской язвой. Часто бывают и смертные случаи. К счастью, в калмыцкой степи редко встречается сап. От такого безразличного отношения к павшим животным могло быть немало случаев заболевания сапом. Обы-

чай есть павших животных, по-видимому, возник давно. Так Де Плано-Карпини, Де Рубрук определенно указывают, что монголы ели мясо павших животных. Калмыки оправдывают употребление мяса павших животных тем, что грешно убивать все живое, в том числе животных. Но ясно, что основная причина заключается в том, что невыгодно степняку. Калмыки так берегут свой скот, что очень редко режут на мясо.

Не разрешается хозяевам у зарезанного на мясо животного грызть грудные позвонки. Рукоятку грудной кости никогда не бросают и не дают собакам. По предположению калмыков, в ней заключается счастье хозяина кибитки. Обычно после того, как эта кость очищается от мяса, она сжигается в огне.

Великие преобразования революции, начало массового перехода калмыков от кочевого образа жизни к оседлому, развитие в связи с этим земледелия в корне изменяют взгляды калмыков на пищу, и установленные кочевым образом жизни обычаи теряют свою силу. «Бытие определяет сознание». И калмыки, ограничивающие себя в употреблении растительной пищи, теперь почти повсеместно возделывают культурные растения и употребляют их в пищу.

ОДЕЖДА

Обычаи и верования, связанные с одеждой калмыков, незначительны. Калмыки носят одежду главным образом из простых бумажных материй. Но у каждого мало-мальски состоятельного калмыка имеются ещё одежды из полупшелковых и полусуконных тканей, которые они носят в исключительные дни (праздники и другие какие-нибудь торжества, свадьбы и т. д.).

Раньше богатые калмыки носили бархат, шелк и шерстяные материи. Одежда мужчин состояла из хаху мерлушковой

шапки, рубашки, кальсон, бешмета, шубы и сапог из сафьяна. Женская одежда мало отличается от мужской. Разница в том, что женщины носят ещё шелковые или бархатные верхние халаты особого покроя «терлик», «цегдик», украшенные позументами, разноцветными шелковыми нитками и серебряными монетами, парчами и золотыми вышивками. В последние годы это выходит из моды и заменяется более удобной одеждой европейского типа.

По уверениям калмыков, всякий верующий и считающий себя истинным калмыком человек должен носить шапку не из сплошной мерлушки. Верх шапки не должен быть покрыт мерлушкой, а нужно сделать его из какой-нибудь другой материи. Шапки целиком из мерлушки могут носить только и иноверцы и люди, не признающие и пренебрегающие калмыцкими обычаями. Здесь, по-видимому, играет роль экономия материи. Игнорирование этого обычая считается нетактичным, неприличным. Шапку должны носить острым концом вперед. Ни в коем случае нельзя носить шапку острыми концами, обращенными в бок. Так, по верованию калмыков, могут носить тоже люди, не признающие калмыцких традиций. Раньше считалось неприличным, если молодые женщины, особенно девушки, носили шапку, не отделанную мехом из выдры или соболя. Вместе с тем они должны были носить шапку четырехугольной формы.

Рубашку мужчины должны носить закрытую, разрез должен быть небольшой, только для головы. Кроме того, этот разрез должен быть наглухо застегнут. Женщины должны носить рубашку с широкими воротниками типа «апаш», которая сверху воротника застегивается спереди двумя пуговицами. Рубашка у женщин открытая, т.е. разрез сделан во всю её длину. На воротниках многие женщины носят серебряные монеты и мелкие тонкие пуговицы, бисерные из

стекла или камня красного цвета. По мнению калмыков, эти бисера предохраняли их от наваждений со стороны нечистых сил. До самого последнего времени считалось грешным мужчине носить рубашку-косоворотку. Таких лиц называли обрусевшими, неверующими и не признающими калмыцких обычаев. Относились к ним весьма недружелюбно. Бешметы, шубы и т. д. должны застегиваться с левой стороны. По убеждению калмыков, только лица, застегивающие свою одежду с левой стороны, ещё не испорчены русской культурой и верны традициям предков.

Надевшему новую одежду присутствующие произносят наилучшие пожелания, чтобы одежда была ноской и желанной для хозяина. Детям дают даже конфеты, крендели с благими пожеланиями.

Всякую новую одежду, прежде чем одеть на себя, калмыки проводят над огнем, а потом спрыскивают воротник водой и три раза им ударяют в верхний край двери. При этом ударяющий говорит: «Умсхив», — «могу надеть». Находящиеся в кибитке отвечают: «Умс!» — «надевай».

Если случайно развяжется или порвется шнур, прикрепляющий кальсоны, то это хорошая примета. Полагают, что данному человеку предстоит большая и хорошая еда.

Калмыки обычно после жирного, вообще мясной пищи, руки вытирают о сапоги. При этом у них существует такое поверье, что надо вытирать руки и вообще мазать жиром непременно оба сапога (иначе сапог, который остался без жира, ночью может от обиды исчезнуть, поэтому не один калмык не допустит, чтобы был намазан один сапог). Это, очевидно, для того, чтобы сапоги не трескались.

Что касается верхней одежды, например, шубы, то никогда нельзя носить её сплошь из меха одного вида животного. По крайней мере воротник должен быть из меха другого

животного. Не рекомендуется носить шубу из меха хорька. Существует поверье, что острые зубы хорька всегда могут навредить¹² носящему его мех.

Считается неприличным ходить без пояса. Как мужчина, так и девушки должны носить пояс туго затянутым. Женщины пояс не носят. Самое зловредное из всех одежд — это камзол. Его носят исключительно девушки сверх рубашки. Он напоминает безрукавку, но туго обхватывающий тело. Длина его доходит до пояса. Камзол начинают носить девушки с самых ранних лет. Часто можно видеть детей 7–8 лет с замуравленными в камзол грудными клетками. Основной причиной ношения его калмыки выставляют то, что девушки не должны иметь развитые грудные железы: «Неприлично и стыдно иметь развитые грудные железы». Развитые грудные железы, по убеждению калмыков, присущи только женщинам, живущим половой жизнью. Поэтому они говорят: «Девушка — не женщина, потому у неё грудных желез не должно быть». Благодаря ношению камзола калмычки действительно достигают своей цели. В замуравленной и туго сжатой камзолом груди не только почти не развиваются грудные железы, но сама грудная клетка отстает от общего развития всего тела девушки. Благодаря этому грудная клетка калмычки узка и плоска, что, в конце концов, вело к заболеванию туберкулезом легких. По словам врачей, которые долгие годы работали среди калмыков, калмычки даже не умели дышать. Это обстоятельство подтверждается и самими калмычками, которые рассказывают, что в первые дни после выхода замуж, когда они снимают камзол, им трудно дышать. Многие уверяют, что они задыхаются от избытка воздуха, когда освобожденная от тисков камзола грудь вбирает в себя воздух. В первые несколько дней молодые женщины, по их словам, чувствуют себя больными.

¹² В рукописи — повредить.

Камзол — не калмыцкого происхождения. Он перенят со стороны. На родине калмыков монголы камзола не носят. Кроме того, у калмыков ему нет даже общего названия. Дербетцы называют «джилетка», а торгоуты «камзол». То и другое слово не калмыцкого происхождения. Существует несколько мнений о происхождении камзола. Одни считают, что это корсет, неудачно примененный калмыками. Другие считают, что сначала камзол употреблялся в виде лифчика для поддержки грудных желез, так как калмычки много времени проводили на коне. Впоследствии он постепенно по той или иной причине превратился в камзол. Это, тем более что у донских калмыков он называется «котермджи» — поддержка.

Третьи полагают, что камзол перенят от кавказских народов. Это весьма возможно, так как калмыки имели большое обобщение с горцами.

ПРАЗДНИКИ

Праздников у калмыков немного. Всего четыре. Все они смешанного типа. Самый большой праздник — весны — «Цаган-Сар» — белый месяц. «Цаган-Сар» празднуется у калмыков первого числа весеннего месяца. К этому празднику калмыки готовятся долго. Все, кто только в состоянии, покупают и шьют себе новые костюмы, заранее покупают спиртные напитки. Каждая семья покупает конфеты, пряники, крендели, мускатные орехи и, наконец, сало или режут самого жирного барана. В это время ощущается сильная нужда в сале, так как каждая кибитка готовит «борцуки» (прокипяченное в сале тесто). Борцуков готовят много, придают им разнообразные фигуры. Ещё за несколько дней старики начинают пьянствовать. Эта пьянка называется у них «Цаган уктуху» — «встречать Цаган». Накануне дня «Цаган-Сар» везде суматоха. Делаются последние приготовления к

празднику. Хозяйки почти не спят. Рано утром первого числа молодежь обоего пола отправляется в ближайший хурул встречать «Цаган-Сар». Наутро каждая хозяйка вынимает из сундуков свою лучшую носильную одежду и вывешивает её на видном месте на веревке в кибитке. Каждый надевает самые лучшие костюмы. В хурулах целую ночь идет богослужение. Оно прекращается только после восхода солнца, когда гелюнги выходят из самого большого хурула, где они совершали богослужение, и поздравляют всех находящихся снаружи хурула. Все прибывшие на богослужение останавливаются двумя рядами от дверей хурула, имея посередине свободное место для выходящего духовенства. Гелюнги ударяют по голове присутствующих, которые стоят без шапки, кончиком длинной ленты, которую они обычно носят через плечо и при этом говорят «менд гарвата» — вышли ли благополучно (подразумевается — от зимы). После этого все расходятся по домам. Каждый поздравляет друг друга, говоря: «менде гарвата». Некоторые добавляют: «Кюкюд — шухуд уга цуктан увяльс сяхн амулунг гарвата» — все ли с детьми, со скотом вышли от зимы благополучно».

Молодежь и снохи отправлялись поздравлять старших родственников. При этом они должны непременно приносить в подарок старшим спиртные напитки. Вообще младшие старшим дарили спиртные напитки, мускатные орехи, а старшие за это им давали платки, серебряные монеты, конфеты, все приходящие сначала молятся богам. Приносят им жертву. После этого начинают приветствовать друг друга. Если человек почетный — зайсанг, нойон, духовное лицо или старший родственник или вообще по возрасту старше присутствующих, то он после поклона и жертвоприношения богам в виде мелкой монеты, борцука, мускатного ореха, конфеты или еще что-нибудь в этом роде усаживается с правой стороны кибитки. После этого к нему подходит каж-

дый из присутствующих и приветствует его приложением правой руки внутренней стороной до локтя к правой же руке приветствуемого. Каждого проходящего с поздравлением угощают чаем, рисовой кашей, которые приготавливаются в большом количестве.

Что касается духовенства, то оно тоже проводило по-своему праздник. После богослужения все гелюрги приходят к багше — начальнику хурула с поздравлением. Здесь официально разрешается играть в карты, петь песни и пить спиртные напитки. По догмату религии, как мы знаем, духовенству не разрешается ни пить, ни играть в карты, тем более танцевать. В игре в карты и во всем этом на «Цаган-Сар», по обычаю, должен принимать участие и сам бакша. Поздравление друг друга у населения продолжается 3,5 месяца до следующего праздника «Урюс». Главная часть праздника происходит в первые три дня. Идут повсюду вечеринки, сопровождающиеся сплошной пьянкой.

Праздник этот обходится калмыкам недешево. Он сильно ухудшал материальное положение калмыков-бедняков. Часто они впадали в долги, которые приходилось потом долго выплачивать, отказывая себе во всем.

«Цаган-Сар» по существующим легендам, по одной версии, создан в честь победы Будды над шестью неверными учителями, которые вступали с ним в диспут по религиозным вопросам. По другой — в честь благополучного освобождения девы неба Окон-тенгри от власти злых великанов-духов (Мангус невероятно сильный). По преданию дева неба была похищена злыми духами. Боги не могли найти её. Никто не мог указать её местопребывание. Она жила в царстве злого духа, который зорко следил за ней. Однажды, когда она гуляла по полю, нашла маленького птенчика. Она кормила и ухаживала за ним три года. Птенчик этот оказался — лунь. Когда дева увидела, что птица в состоянии выдержать даль-

нюю дорогу, она написала на кончиках крыльев её о том, где она находится. Только после этого боги узнали, где находится дева, и стали принимать меры к освобождению её из-под власти мангусов. Для этой цели все боги стали держать пост и читать молитвы, которые бы повлияли на бдительность злого духа и дали бы возможность деве освободиться от него. Она убежала на крылатом коне, который был подослан богами. С этого времени, якобы, празднуется этот праздник.

До последних лет калмыки, как увидят луня, непременно кланяются ему, сняв шапку. При этом считается хорошим предзнаменованием, если лунь пролетит с правым крылом, направленным к идущему. Они в полной уверенности, что всё задуманное ими исполнится. Черный конец крыльев луня калмыки считают письмом девы неба. Луня поэтому считается святой птицей, и его никто не должен трогать.

Следующий праздник после «Цаган Сар» бывает через 3,5 месяца. Он называется «Урюс», празднуется 13 числа первого летнего месяца. «Урюс» сопровождается большими торжествами. Целую неделю в хурулах слушают молебны. Многие набожные старики и старухи все эти дни посещают богослужения. 15 числа с самого утра собираются все желающие присутствовать на последнем и самом торжественном богослужении. Молодежь, главным образом, едет, чтобы не только помолиться, но погулять, поскакать. Каждая семья старается непременно привозить в хурул в жертву богам масло, арьян, тепленькое, как «деджи» от благополучно перезимовавшего скота. «Урюс» сопровождается борьбой, скачками.

Третий праздник «Майдары» празднуется 15 числа первого осеннего месяца. По разъяснению духовенства, он создан в честь будущего спасителя и владыки мира, который придет после потопа. Праздник этот большей частью не сопровождается ни борьбой, ни скачками, ни большим

весельем, как «Урюс». Богослужение происходит такое же, как и в праздник «Урюс». Во время этого праздника изображение «Майдары» выносится на улицу на бугор, где происходит завершающее богослужение. Четвертый праздник «Зула» — Новый год, бывает спустя 3 месяца 10 дней после «Майдары» 25 числа первого зимнего месяца.

С этого дня калмыки начинают употреблять в пищу заготовленную им летом и весной запас масла и сушеного творога. Из масла зажигают лампаду. Лампада делается из теста. В котловину наливается масло и втыкается столько стебельков бугревой травы, завернутых вату, сколько лет каждому члену семьи и плюс ещё один стебелек для предстоящего года. Стебельки собирают непременно на буграх вдали от человеческого жилья. Они тщательно очищаются и режутся, им придается одинаково небольшая длина. Если же какому-нибудь члену семьи приходится нечетные годы, то прибавляют ему не один стебелек, в два. Нечетное [число] нельзя. — *сост.*] делать, так как, по их мнению, является грехом.

В день «Зулы» все калмыки прибавляют себе год. Дело в том, что у калмыков лета считаются с самого рождения. Как только родился ребенок, ему уже дают год. На новый год «Зулу» он получает другой год. Таким образом, ребенок, имеющий может быть от роду несколько дней, даже несколько часов, в силу этого обычая может иметь два года. Следовательно, все калмыки считают себя родившимися в один день — день «Зулы». Вечером, когда показываются на небе звезды, каждая семья зажигает лампы, натывают их в длинные шесты и выставляют наружу через дымовое отверстие кибиток. Держат так до тех пор, пока лампы потухнут. Если лампы потухнут быстро — это считается дурной приметой. Причем, каждый идущий в это время имеет право сшить их и взять себе. Никто не имеет право ничего сказать

ему за это. Некоторые семьи лампад не выносят через дымовое отверстие кибитки, а посреди хотона готовят высокое место, куда каждая семья ставит свою лампаду. После чего происходит моление всем святым, по окончании которого все присутствующие главным образом молодежь, бросается на эту возвышенность и каждый захватывает столько, сколько может. Причем, молодежь состязается между собой в количестве захваченных лампад. В кибитке на протяжении¹³ этого дня и вечера перед бурханами горит другая лампада. Вечером вся семья молится также у себя своим бурханам и предкам. В этот день рекомендуется зажигать костер, причем, чем больше, тем лучше. Праздник этот весельем не сопровождается, каждая семья приглашает друг друга в гости и угощается теми запасами, которые они сумели сделать за лето и весну. Кроме того, часть из запаса передается хурулам на помин покойников. «Зула» — скорее праздник траура. Он, по словам духовенства, создан по случаю смерти религиозного реформатора в Монгольском мире — Цзонкавы. Но есть основание предполагать, что этот праздник существовал еще задолго до Цзонкавы и не связан со смертью последнего. Если связан, то постольку, поскольку вообще «Зула» есть праздник в честь мертвых. Но это предположение нас толкает на то, что такие же праздники огня почти в точности по своему значению и обрядности напоминают «Зулу», были распространены среди многих народов.

Праздники у пастушеских народов до некоторой степени отличаются от земледельческих и не совпадают по времени. Так, пастушеские кельты делили год на две половины, которые совпадали с важными моментами их жизни, связанной со скотоводством. Калмыки же, по нашему предположению, делят год на ещё на меньшие промежутки, соответственно временам года. Им, истинным пастухам, по всей вероят-

¹³ В рукописи — в продолжении.

ности, наиболее было заметно влияние времени года на их основное занятие — скотоводство. Вследствие этого мы склонны предполагать, что у калмыков возникли вышеуказанные четыре праздника. Каждый из этих праздников почти совпадает с началом каждого времени года. Если мы разберем каждый из этих праздников в отдельности, то заметим следующее: «Цаган-Сар» доставляет калмыкам скотоводам величайшую радость как праздник весны, после которого в большинстве случаев наступают теплые дни. Следовательно, с «Цаган-сар» отходят от скотоводства самые тяжелые и черные дни. Отсюда вполне понятна та торжественность, которой сопровождается «Цаган-Сар». Несомненно, праздник этот создан в честь весны. За это говорят все данные: во-первых, он празднуется первого числа первого весеннего месяца, во-вторых, употребление слов приветствия «вышли благополучно от зимы», в-третьих, тотчас же после «Цаган-сар» калмыки оставляют зимовку. Злой дух — зима, которая держит весну. Зима у всех народов рисуется как злой дух.

«Урюс», несомненно, празднуется как окончательное торжество весны. Степняк знает, что если после «Цаган-сар» могут быть ещё трудные дни, то после «Урюс» не может быть возврата к холодам.

Эти обстоятельства ясно показывают, что до «Урюс» степняк себя благополучным от всех последствий зимы не считал. Только теперь он с радостью несет к богам в жертву продукты своего производства: масло, арыку, творог, за то, что они освободили его от всех зимних несчастий и вместе с тем своим жертвоприношением показывает благодетельное влияние весны на источник его благополучия — скотоводства. Дальше «Майдари». Праздник этот бывает в начале осени. Для скотовода осень играет большую роль. От состояния осенних трав и вообще подножных кормов зависит все благополучие скотоводства. Как мы знаем, скотоводы почти

никогда запас сена на зиму не делали. Они всегда надеялись на осеннюю траву, которая является кормом для скота на зиму. Кроме того, при хорошей сочной траве скот осенью так хорошо поправляется, что зима на него влияет незначительно. Отсюда вполне естественно, что калмыки с трепетом ждут осень и сильно интересуются состоянием подножного корма, ибо в сильнейшей степени от этого зависит, с чем они выйдут после зимы.

На основании этого мы предлагаем, что «Майдари» — праздник в честь осени, праздник надежды и ожиданий.

Что касается «Зулы», то он напоминает нам праздник костра накануне праздника всех святых. Фрэзер описывает это так: «В последний день осени дети отправлялись собирать длинные тонкие стебли... для потешного костра». Дальше, он продолжает, что «в Балкизиддере до второй половины XIX века каждая семья зажигала свой костер накануне праздника всех святых. Особенно строго соблюдался этот обычай детьми. Около каждого дома на каком-нибудь холмике или возвышении раскладывается огонь. Однако вокруг него не плясали <...> Селяне старались иметь по одному костру на каждую семью <...> Когда костер погашен, пепел его разбрасывали, причем парни состязались между собой в количестве разбросанного каждым пепла» («Золотая ветвь», стр. 163, вып. IV, там же).

Как мы указывали, калмыки тоже зажигают костры. Они зажигают, как мы указывали выше, ещё и лампы, которые также иногда ставятся на возвышении. Лампады, собранные в одно место, представляют из себя внушительный огонь. Все это, за исключением некоторых деталей, сходно с кострами, зажигающимися накануне всех святых.

Дальше Фрэзер говорит, что «не только у кельтов, но и по всей Европе канун дня всех святых, т.е. ночь, которая отмечает переход от осени к зиме, был, по-видимому, когда-

то тем моментом года, когда, по поверьям примитивного человека, души покойников навещают свои старые земные жилища, чтобы погреться у очагов и подкрепиться тем угощением, которое для них приготавливалось, хранящими о них почтительную память родственниками» (стр. 162, там же). Почти то же самое мы видим у калмыков.

Что касается зажигания костров во время «Зулы», то это есть, несомненно, желание воздействовать на убивающую силу солнца путем разведения костров и лампад и тем самым оживить умирающую от зимнего холода природу. Подобное встречается почти у всех первобытных народов.

Форма приветствия на «Цаган-Сар», по-видимому, перетерпела за время пребывания калмыков в низовьях Волги некоторое изменение. Так, Небольсин описывает, что во время празднования «Цаган-Сар» молодые, приветствуя старших (например, сын отца) становились перед ними на правое колено, прикладывая пальцы ко лбу и говоря приветствие, придвигали свое правое плечо, на которое старшие накладывали руку. Обычное приветствие всех, между собой, даже совершенно незнакомых лиц, по словам Небольсина — это отдавать честь, приложившись пальцем ко лбу, а потом брать руки на татарский манер. Между тем, с тех пор, как нам приходилось наблюдать, мы всегда встречали этот вид приветствия, о котором указано выше. Правда, в обыденной жизни вошедший в кибитку, где находилось лицо дворянского или духовного происхождения, приветствовал их поднятием большого пальца правой руки до уровня лба. Подобное приветствие считалось актом высокой интеллигентности и вежливости. Отдавание чести нами никогда не наблюдалось. Об этом не помнят старожилы. Возможно, что Небольсин принял поднятие большого пальца на отдавание чести.

Что касается татарской формы приветствия, то она, хотя и в единичных случаях, но имела место среди калмыков.

В последние годы празднование как «Цаган-сар», так и других праздников не носит уже прежней торжественности. Население начинает понимать сущность всех этих праздников и роль духовенства, дворянства и кулаков в этом деле. Не надо забывать, что кулаки за бесценок покупали в таких случаях скот или другое имущество у бедняков и, наконец, давали в ссуду деньги на кабальных условиях. Культурный и экономический рост населения, рост и укрепление колхозов и совхозов мероприятия рабоче-крестьянского государства — все это нанесло сокрушительный удар по этому наследию темного прошлого.

ГОСТЬ

Всякий человек может найти у калмыков самый радушный прием, независимо от того, знаком он с хозяином или нет. Гость, по мнению калмыков, посылается богом, поэтому он должен быть напоен, накормлен и принят наилучшим образом. Для гостя ничего не жалеют. Дают самое лучшее. Для него не жалеют даже последнего. Бывают случаи, когда калмык, не имея ничего у себя, занимает у соседей, чтобы угостить приезжего. Существует пословица: «Лучшую пищу давай гостю, а лучшее платье носи сам». Действительно, кто-нибудь подъезжает к кибитке, то к нему выходит навстречу. Один из вышедших подходит к тому месту, где остановился гость, берет у него лошадь, отводит её в сарай или же оставляет на месте, сторожа её. Приезжий входит в кибитку. После обычных приветствий направляются в правую сторону кибитки, где подстилают ему «ширдык» (кошму). После этого младший из присутствующих в кибитке лиц берет трубку у гостя и раскуривает её. Этот невинный обычай играет довольно печальную роль. Он является одним из путей распространения заразных болезней, в частности,

бытового сифилиса. Одновременно с раскуриванием трубки разводят огонь, варят чай. Чай подносится гостю младшим в кибитке. Причем считается очень неприличным, нетактичным и вместе с тем дурным предзнаменованием, если подносящий чай прольет хотя бы несколько капель из чашки. При таком случае молодой человек получает замечание и чашка доливается, чтобы возратить счастье пьющего человека. Если гость уезжает, то приводят его лошадь, седлают её и сажают гостя. Причем голова лошади уезжающего должна быть обращена в сторону кибитки. За все время пребывания гостя за его лошадью ухаживают члены семьи хозяина. Будет величайшим позором для хозяина кибитки, если с гостем случится какое-нибудь несчастье во время пребывания у него. Хозяин кибитки у каждого прибывшего гостя непременно должен спросить корме, о скоте, о благополучии того аймака, рода, хотона, откуда происходит приезжий. Если же гость знаком ему, то должен спросить о здоровье стариков-родителей, детей, родственников, скота и т. д. В свою очередь, гость тоже должен расспросить хозяина о том же.

К хотону нужно подъезжать тихо, не быстрее мелкой рыси, иначе считается неприличным. Точно также нужно выезжать.

ГЛАВА V. Природа и животный мир

ВЕТЕР

В жизни калмыка ветры играют тоже немаловажную роль. Сухой, знойный восточный ветер летом сушит степь, превращая её в сплошную голую пустыню. Под действием этого, плюс при сильной жаре растительность вся выгорает. Зимой же эти ветры насквозь пронизывают человека и животных. Вместе с тем такие ветры сопровождаются буранами, метелями и приносят разорение калмыку, ибо скот, лишенный подножного корма, погибает от голода. Если же эти ветры дуют, когда земля не покрыта снегом, то положение калмыка тоже не из легких. Такие ветры у калмыков называются «хара — цод» — «черное горение». Отсутствие снега не дает им возможности далеко откочевывать от колодцев и пользоваться лучшими подножными кормами. Дело в том, что когда земля покрыта небольшим снегом, то скот может пастись где угодно, независимо от места нахождения колодца, так как он утоляет жажду снегом. Кроме того, холодный ветер плохо действует на скот, в особенности потому, что у калмыков не было сараев, ни базов для скота, вследствие чего скот находился под открытым небом. Такова зависимость калмыков от ветров.

Что касается калмыков, проживающих в прикаспийских и приволжских улусах, то ветра в их жизни тоже играют немаловажную роль. В этих случаях, особенно в прикаспий-

ских [улусах. — *сост.*], население находилось в прямой зависимости от них.

Для рыбаков безразличны направление и сила ветра. Для них выгодны восточные моряны, т.е. дующие со стороны Каспийского моря. Они гонят воду из моря в низменные места (черни). Вместе с водой идет громадное количество рыбы, которая весной мечет икру в этих низменностях, поросших камышами, чаканами и другими травами. Ловцы зарабатывают тогда большие деньги.

Западные ветра, наоборот, угоняют рыбу далеко в море так, что даже морские ловцы не в состоянии ловить их. Если западные ветра дуют, то для ловцов, главным образом речных, начинается самое тяжелое время. Иногда ловцы подолгу сидят, как здесь говорят, «не имея рыбы даже на котел». Недолов жестоко отражается на ловце. Поэтому вполне понятно, что они больше заинтересованы в восточных ветрах, как наиболее выгодных для них. Отсюда нам будет понятно, если ловцы, всячески стараясь вызвать восточные ветра, прибегают к магическим действиям.

Одним из средств, якобы, действующих на восточные ветра, по их мнению, является следующее: старший сын, первенец, в семье выходит на берег. Снимает кальсоны и становится на четвереньках, задом к востоку. Калмыки уверены, что от этого подует желанный ветер. Другим не менее важным средством, вызывающим восточный ветер, по их верованию, является голова черного и лысого кабана. Отрезанную голову кабана ставят на берегу, воткнув в шест. При этом голова должна быть обращена на восток. Этот способ у калмыков не особенно в почете. По их мнению, голова кабана вызывает очень сильный ветер, доходящий до шторма, что чревато большими бедствиями для находящихся на море людей. Поэтому к этому способу они прибегают в крайних случаях. Так как голову кабана, да ещё

лысого, очень трудно достать, то большей частью удовлетворяются тем, что лепят фигуру из глины и разукрашивают его голову, чтобы она напоминала лысую и ставят тоже на берегу головой на восток. Причем фигура лепится какой угодно величины, но не больше размеров небольшой детской игрушки. Полагают, что подобная фигура кабана по силе своего магического действия на ветер ненамного уступает настоящему кабану.

Всякий крик, шум, свист, бумажные звери и т. д., по мнению калмыков, усиливают силу ветра, поэтому во время сильных ветров и ветров, нежелательных для данной местности, все это воспрещают. Существует поверье, что цапли тоже вызывают ветер. При этом ветер дует с той стороны, откуда они летят. Точно так же калмыки убеждены, что пасха вызывает сильные восточные ветра. По этому поводу у калмыков даже существует песня, характеризующая силу и могущество их. Каждый год калмыки ждут на пасху восточных ветров. (Улан-ондогения сялькин — ветер красного яйца) и заранее готовятся к нему, чтобы пополнить богатой добычей свой скромный бюджет. Несмотря на то, что это поверье часто обманывает калмыков, они все же не могут отвыкнуть от него и по-прежнему на пасху ждут своего «Улан ондогения сялькин».

Спрашивается, имеются ли подобные поверья и магические воздействия на ветер у других народов. Дикари верят, что в состоянии вызвать ветер и прекратить его. По выше приведенным примерам мы видим, что калмыки тоже не отстают от них в этом отношении. Только у калмыков нет никаких заклинаний для того, чтобы остановить ветер. Об этом у них не имеется никаких указаний и способов воздействия на них, кроме тех, о которых мы выше упомянули. Если мы сравним методы вызывания ветров калмыками и другими малокультурными народностями, то увидим, что разница

между ними по существу незначительна. Разница только во внешней форме, которая, несомненно, зависит от костных особенностей, условий, образа жизни и занятий их.

Откуда же берутся, по мнению калмыков, ветры? Калмыки считают, что они заключены в большой норе, в далекой недоступной человеку пустыне, в песчаной котловине с высокими стенами. Эту нору караулит какая-то старуха, которая живет в кибитке, расположенной рядом с этой норой. Старуха затыкает её войлоком, покрывающим дымовое отверстие кибитки. Иногда из норы по той или иной причине получается сильный ветер. Тогда старуха снимает по мере надобности все войлоки и из кибитки и, затыкая её, старается остановить напор ветра. Несмотря на её усилия, ветер все же выходит на волю, и тогда он дует с той или иной стороны. Длительность ветра зависит от того, как сумеет старуха справиться с норой и когда она снова сумеет заткнуть её. По другой версии, старуха эта не караулит никакой норы, но живет в этой котловине в кибитке. Когда она начинает стаскивать со своей кибитки войлоки, тогда начинают дуть ветры. По мере стаскивания сила их увеличивается. Когда же старуха снова начинает покрывать кибитку войлоками, сила ветров постепенно стихает. Существует третья версия. По этой версии, ветры начинают дуть, когда эта старуха бежит. Старуха имеет хромую на одну ногу дочь. Она обычно сопровождает мать везде и всюду. Сила ветров находится в прямой зависимости от силы бега старухи. Вначале старуха бежит всегда быстрее, поэтому они сначала бывают сильнее, чем впоследствии. Постепенно сила старухи истощается. Она начинает уставать. Вместе с тем уменьшается и сила ветров. Кроме того, сильно устает её хромая дочь, которая не успевает бежать за матерью. Она постепенно начинает отставать, и старухе то и дело приходится останавливаться и ждать её. Чем дальше, тем больше устает дочь, и тем дальше

приходится ждать её старухе. Эта остановка, когда она поджидает отстающую дочь, по убеждению калмыков, соответствует тому затишью, которое наблюдается иногда во время ветров. Как только догонит, старуха снова бежит. Наконец, дочь выбивается из силы, и старуха принуждена бывает остановиться, и тем самым прекращается ветер.

Поэтому калмыки, когда во время ветра замечается временное затишье, говорят, что «у старухи уморилась её хромая дочь и ветер скоро прекратиться».

Кроме всего этого, у калмыков имеются некоторые приметы, будет ветер или нет. Если около солнца или луны появляются радуги, то это признак сильных ветров. Точно также, когда при заходе солнца показываются с западной стороны тучи, то это тоже признак ветров. Одним из лучших признаков возможности ветров считаются формы облаков. Если они напоминают собой фигуру верблюдов, то калмыки говорят: «Появились облака верблюжьи, не будет покоя небу», — и ждут сильных ветров и дождей.

Что касается вихрей, то у них у калмыков существуют другие поверья. Они думают, что вихри поднимаются исключительно нечистыми силами. Последние с вихрями двигаются, находясь в самой их середине. Поэтому, когда к хотону приближаются вихри, калмыки выбегают из кибитки, берут в чашках воду. Её выплескивали по направлению вихря и при этом выплёвывали. Кроме того бросают золу, песок и т. д. Они полагают, что этими процедурами могут подействовать на нечистые силы и вихри уйдут, не задев ни одной кибитки в хотоне. Часто вихри производят переполох в хотоне, поднимая всех на ноги.

Когда нам приходится задавать калмыкам вопрос, почему они думают, что в вихрях находятся нечистые силы, то они с полным убеждением говорят, что это обстоятельство доказано на опыте. Так, если бросить ножом в самую среди-

ну вихря, то, якобы, лезвие ножа всегда бывает в крови. При чем рукоятка ножа должна быть выкрашенной в красный цвет. Будучи маленькими, наслушавшись этих рассказов, нам лично много раз приходилось гнаться со сверстниками за вихрями с ножом и бросать его в самую середину. Конечно, ножи наши всегда оставались чистыми, несмотря на то, что их терли немилосердно лошадиным пометом (по мнению калмыков, кровь только тогда бывает заметна, когда как следует потерять этим пометом). На наши недоуменные и разочарованные вопросы, почему нет крови, взрослые предпочитали не давать разъяснений, а предпочитали отмалчиваться. По всей вероятности, они не хотели сознаваться в ложности своих верований. На вопрос, почему же не уничтожают люди, бросая ножи, всех нечистых сил, калмыки говорят, что бросать ножи зря тоже нельзя, ибо нечистые силы размножаются из крови. Чем больше крови, тем больше нечистых сил. Поэтому калмыки уверяют, что ни в коем случае нельзя уничтожать их, вызывая кровь. Их надо уничтожать только бескровным путем. Такими объяснениями ухитряются выйти из неловкого положения. Различные туземные жители относительно вихрей придерживаются почти тех же взглядов, как и калмыки.

ДОЖДЬ

Калмыки заинтересованы в дожде не меньше, чем любой крестьянин-земледелец. От дождей зависит состояние пастбища, а от него, в свою очередь, — благосостояние калмыка-скотовода. Чем лучше пастбище, тем в лучшем положении его скот. Часто засушливое лето ставило калмыка-степняка в самое безысходное положение. Вся степь пышет зноем, и все кругом под жгучими лучами солнца выгорает. Степь принимает изжелта-песчаный свет. Скот голодает и начинает па-

дать. Тщетно калмыки ищут выхода из положения. Тщетно они ищут пастбище. Только выпавший дождь может спасти калмыков от полной нищеты. Но если после такого лета к осени дождей мало, то весь скот заранее был обречен на гибель. Таким образом, дождь для калмыков являлся вопросом жизни и смерти. Вот почему так заинтересованы в дожде, не меньше, чем любой земледелец, хотя они и не занимаются земледелием. Естественно, у калмыков возникает желание повлиять на атмосферу, чтобы получить вовремя желанный дождь. Ясно, раз есть потребность, то находятся и производители. Недостатка в них в Калмыцкой степи в свое время не было. Каждый улус имел по несколько человек, которые могли повлиять на атмосферу, как молитвами, так и заклинаниями. Для степи эти лица по условиям, которые мы привели, должны были явиться самой высокой персоной. Особенно это обстоятельство усугублялось тем, что в степи, как мы знаем, отсутствуют совершенно годные к пользованию водой реки и озера. Кроме снега и дождя в степи больше воды нет, если не считать весьма примитивно устроенные колодцы с незначительным дебетом воды, которые с грехом пополам удовлетворяют насущную потребность скотовода, но ни в коем случае не могут играть обводнительную или оросительную роль.

Отсюда естественно, с каким уважением и благоговением население относилось к тем, кто обещал прийти к ним на помощь в этом деле. Эти «делатели дождей» — «задчи», повелевающие грозным явлением природы, пользовались необыкновенным авторитетом среди населения. Все эти «делатели дождей» в калмыцкой степи были лицами духовного или дворянского сословия. «Делателей дождей» среди массы мы не знаем. О «могуществе» и «силе» этих «делателей дождей» у населения ходят фантастические рассказы. Нам лично приходилось разговаривать с некоторыми лица-

ми, которые, якобы, были очевидцами этих могуществ. Мы знаем, что «делатели дождей» пользовались, пользуются и теперь большим авторитетом среди многих малокультурных народов. Фрэзер по этому поводу приводит следующее: среди всех функций, которые выполняются общественным колдуном для блага племени, одной из наиболее существенных является регулирование состояния погоды и, в частности, обеспечение данной территории дождем в необходимом количестве. Вода является первым условием, необходимым для жизни, а в большинстве стран нет другого источника для воды в необходимом земледелия количестве, кроме дождей и ливней. Вот почему в примитивном обществе «делатели дождя» являются высокой персоной». (стр. 89, вып. I, «Золотая весть», изд. «Атеист»).

Мы считаем небезынтересным привести здесь, как яркий пример беззаветной веры в могущество этих лиц, те рассказы калмыков, которые нам пришлось слышать из уст очевидцев. К одному зайсангу Никееву Сангаджи, владельцу Харнутова рода Эркетеневского улуса, обратились калмыки из его рода, у которых каранагайцы¹⁴ из Терской области угнали всех их верблюдов. Ввиду того, что после угона верблюдов прошло довольно много времени (около суток), догнать грабителей не представлялось возможным, калмыки, якобы, попросили своего зайсанга помочь им получить верблюдов обратно. Зайсанг призадумался, по словам очевидца (он тогда был у него поваром), и, наконец, согласился помочь им. Предложил поехать потерпевшим к себе и сказал, что завтра к этому же времени каранагайцы пригонят обратно их верблюдов. После того, как потерявшие уехали, зайсанг взял девять своих «дождевых камней» и поднялся на высокий бугор: Взял он также чашку с водой и на бугре стал вызывать дождь. Тотчас же появились грозовые тучи и пошел

¹⁴ В рукописи — каранагайцы.

сильнейший дождь с той стороны, куда уехали грабители. Дождь шел целые сутки. На другой день похитители с похищенными верблюдами были пригнаны обратно к тому же месту, откуда были взяты верблюды. Полуживые караногайцы на коленях стали просить, чтобы зайсанг над ними сжалился и прекратил дождь. Долго пришлось упрашивать зайсанга, ибо был глубоко он оскорблен тем, что караногайцы осмелились грабить подвластных ему калмыков, не считаясь с его авторитетом. Наконец, зайсанг как будто перестал возмущаться, сжалился над бедными караногайцами и прекратил дождь. Другой случай приводится ещё с того времени, когда калмыки кочевали, делая большие переходы, на несколько сот километров, когда вместе с ними кочевала и администрация в лице пристава и его помощников. Кто-то передал приставу, что в хуруле, находящемся на расстоянии около одного километра от административного управления, находится гелюнг, который в состоянии вызвать дождь. Пристав не поверил этому, но все же решил посмотреть на эту «знаменитость». Гелюнга пригласили. Явился к приставу очень небрежно одетый, весьма невзрачный человек. Пристав стал открыто смеяться над гелюнгом, будучи в полной уверенности, что он ничего не сможет сделать. Между тем, по уверениям калмыков, гелюнг этот был высококультурным и по-своему очень образованным человеком. Встретив со стороны пристава насмешку и издевательство, он обиделся и ушел. От пристава он направился в ближайший бугор. Взял с собой несколько штук сухого лошадиного помета. Возбравшись на бугор, он стал разбрасывать в разные стороны превращенный в порошок помет и производить заклинания. Тут же появились грозовые тучи и полился сильнейший ливень только над управлением. Над хурулом не было ни одной капли дождя и ярко сияло солнце. Когда вода в кибитке, где находился пристав, достигла почти до колен, то пристав

сильно испугался, послал человека к гелюнг, прося его простить. Только после этого гелюнг, якобы, прекратил дождь. Так рассказывают «очевидцы». Они в полной уверенности, что дожди были вызваны именно гелюнгом, но только не сами пошли помимо него [и иного какого бы. — *сост.*] то ни было влияния. Таким образом, мы видим, «делатели дождей» в калмыцкой степи вызывали дожди двумя способами. Первый способ — это употребление камней. По рассказам¹⁵ калмыков, камни, которыми был вызван дождь, пригнавший обратно караногайцев, продолговатые, величиной с голубиное яйцо, цвет серовато-голубой и посередине просверлены. Камней этих, к сожалению, нам лично не пришлось увидеть. Но по описанию они напоминают яшму. К этому же нас приводит ещё и то, что они были вывезены предками этого зайсанга из Джунгарии. Как известно, яшма в большом почете в Монголии, [а] особенно в Китае. В настоящее время никакого потомства после этого зайсанга не осталось. Сам он умер давно. Говорят, камни эти перешли в хурул. Камней этих никому не показывают. Они зашиты в кошму и спрятаны в «баран» (место, где сложено самое ценное хозяина кибитки). По убеждению калмыков, этих камней ни в коем случае нельзя вынимать из кошмы. Если их увидит небо, то получится, якобы, сильная гроза, которая может принести много вреда населению. Их может смотреть человек, который в состоянии предотвратить летом грозу, а зимой бураны. Если кому-нибудь нужно показать, то предварительно необходимо закрыть двери и дымовое отверстие в кибитке. Камни играют в вызывании дождя не последнюю роль не только у калмыков, но и у многих народов. Примитивный человек почему-то считает, что некоторые камни обладают свойством вызывать дождь. Для этого их надо намочить в воде или побрызгать на них водой.

¹⁵ В рукописи — «пересказам».

Методы и приемы, посредством которых «делатели дождей» пытаются выполнить свою задачу, неизменно основаны на принципе гомеопатической магии. Если они хотят «делать дождь», они подражают ему разбрызгиванием воды или разбрасыванием предметов, изображающих тучи. По мнению калмыков, легче вызвать дождь, чем остановить его. Остановить дождь может не всякий. Здесь нужно большое уменье, иначе может случиться непоправимое несчастье. «Делатель дождей», когда вызывает дождь, должен непременно держать оседланного коня и бурку. Когда он считает нужным, то он скачет за грозовой тучей и все время машет полой бурки. Он во что бы то ни стало должен догнать и собрать её, чтобы она не разбежалась, иначе последствия для населения будут очень тяжелыми. Можно собрать грозовые тучи и молитвами. В общем, «делатель дождей» должен быть начеку, чтобы во время собрать их. Если «делатель дождей» не сумел вовремя догнать и вернуть грозовые тучи, то они уходят из пределов данной местности, производят всюду опустошения, приносят разорение тем, где они проходят. Часто калмыки, когда зимой бывают суровые, сильные метели, а в теплое время года — сильные грозы, говорят, что кто-нибудь из «делателей дождей» упустил грозовые тучи. Есть «знатоки», которые даже с уверенностью рассказывают, — когда, откуда упущены были данные тучи. В общем, калмыки полагают, что подобные грозовые тучи могут производить опустошения в течение нескольких лет. Постепенно сила туч уменьшается и, наконец, сводится на нет. Калмыки почему-то в полной уверенности, что «делатели дождей» до сих пор ещё сохранились у казаков (киргизов). Но и там нет хороших «специалистов». Если они в состоянии вызвать дождь, то не в состоянии его остановить. Поэтому в суровую зиму те или иные снежные метели приписывают немелому вызыванию дождя казакских «делателей дождей». По мнению калмыков, дождь можно вызывать также и про-

стым стряхиванием предметов. Может разразиться сильная гроза, если в пасмурный день выносить на улицу белый предмет (молоко, муку и т. д.). Поэтому в пасмурные дни таких предметов калмыки из кибитки не выносят. Если выносят, то непременно покрывают, чтобы их не увидело небо. Белый предмет не выносят в пасмурные дни вследствие одной легенды. Когда-то белая птица погубила сына неба. С тех пор небо преследует её. По ошибке оно может принять белое за птицу и разразиться грозой. Относительно птицы у зулусов существует следующее. Фрэзер говорит, что когда солнце высушивает хлеб зулусов, они находят «птицу неба», убивают её и бросают в пруд. Небо из жалости должно начать оплакивать смерть птицы, проливая слезы: «небо оплакивает смерть птицы, истекая дожем (стр. 101, вып. I «Золотая ветвь», изд. «Атеист»)). У калмыков вышло несколько по-другому. Дождь идет не от слез жалости неба, а от гнева, чтобы поразить птиц своей стрелой во время грозы.

Дождь может вызвать любая свадьба. По-видимому, здесь все основано на гомеопатической магии. Дело в том, что на свадьбах бывает много слез (плачут подруги выходящей замуж девушки, плачут родственники и т. д.).

Калмыки убеждены: что если хоронить покойников зимой не в гробу, то поднимается сильная метель. Поэтому хоронят в кибитке, после чего её снимают и ставят на новое место. Если же есть гроб, то можно хоронить и подальше от жилья. Полагают, что если мертвое тело увидит небо без гроба, то оно рассердится и пошлет метели. Умершим зимой не ставят на могилу обычных четырех белых флажков. Они ставят только после зимы уже весной. Зимой ставить их воспрещается. Причина — боязнь гнева неба. По-видимому, этот запрет тоже основан на принципе гомеопатической магии — белый вызывает белое. Следовательно, белые флажки могут вызвать зимой снег. Последний ничего хорошего для скотовода не предвещает. Отсюда нам понятен запрет.

Дожди и метели, по убеждению калмыков, могут быть, если умерло какое-нибудь известное лицо из духовенства или дворянства. Как говорят калмыки: «Небо плачет по этим лицам». Верование, связывающее покойника с состоянием погоды, сохранилось также и у китайцев. Но оно имеет как раз обратное значение, чем у калмыков. Китайцы думают, что лишенные погребения тела вызывают засуху, а не дождь или метели, как думают калмыки.

Выше мы указывали, какую роль играет в жизни калмыка засуха. Во время сильных засух обычно хурул берется вызвать дождь своими молитвами. Духовенство выносит изображения богов на улицу и на некоторое время оставляют их во дворе. В это время гелюнги читают соответствующие молитвы. Изображение богов во время засухи выносят также и некоторые другие народы, чтобы боги высокую температуру почувствовали сами.

Однако почет и уважение при этой церемонии к божествам ничуть не меньше, чем обычно. Они их [не? — *сост.*] сажают в тюрьму, не заковывают в цепь и не выставляют неделями на солнце — пока, как это делают китайцы и сиамцы.

В калмыцкой степи появились и отдельные гелюнги, которые хотели вызвать дождь, когда все эти мероприятия кончались ничем.

Нам рассказывали, что за несколько лет перед войной в Манычском улусе во время сильной засухи один из гелюнгов решил вызвать дождь следующим образом. На собрании граждан данного улуса он заявил, что вызовет дождь, если ему поставят совершенно новую кибитку в стороне от хурула и если ему будут прислуживать через каждые сутки девственницы, которые должны поддерживать огонь в лампадах перед божествами, находящимися в его кибитке. Калмыки поставили ему кибитку и через сутки каждые посылали девственниц, но дождя все же не было. Спустя месяца полтора, два, калмыки,

не видя дождя, перестали посылать к нему девственниц. Хорошим предзнаменованием считается, если во время богослужения или какого-нибудь общественного собрания, торжества или праздника пойдет дождь. На это особенное внимание обращают летом. Тогда говорят, что все предпринимаемое исполнится и население будет благоденствовать, ибо само небо способствует этому, посылая дождь, а следовательно, умеряя жару. Калмыки в полной уверенности, что непременно должен быть дождь или снег, если облака двигаются против ветра. Существуют у них пословицы: «Если облака идут против ветра — это признак [к] дождю, а если спор между двумя людьми, то признак к ссоре».

Другая примета к дождю — если зайдет за тучу. Говорят, что к дождю, если чихают верблюды. Дождь предвещает также и лай лисиц.

«Делателей дождей» мы в пределах Калмобласти не встречаем уже давно. По-видимому, население стало понимать весь их обман¹⁶, и это дело для духовенства стало невыгодным.

Прежняя непосредственная зависимость от метеорологических условий становится с каждым годом меньше.

Мероприятия Советского правительства и партии, которые принимаются для обеспечения водой и сеном скота, играют крупную роль в уничтожении последних остатков былого авторитета «делателей дождей».

ОГОНЬ

С огнем у калмыков много связано верований и обычаев. Огонь, по мнению калмыков, очищает от всего плохого и грязного. По верованию калмыков нет, якобы, ничего на земле, что могло бы по могуществу своего очистительного

¹⁶ В рукописи — «обмен».

свойства сравниться с ним. Действительно, мы не видим в жизни калмыков почти ничего, где они не прибегали бы к силе огня.

Калмыки никогда не едят мясной пищи без того, чтобы сначала не бросить один или три куса жира в огонь. Только после этого приносят в жертву богам и начинают есть сами. Точно также в огонь бросается отбитое из арьяна масло. Женщины жир в огонь не бросают. Они не достойны совершать это «святое» дело. Жир от мяса павших или зарезанных волками животных в огонь не бросают. Павшие животные считаются грязными. В огонь же ничего грязного допускать нельзя. Рыбий жир в огонь не допускают. Во-первых, считается, что рыба с холодной кровью, а, во-вторых, она, как обитающая в воде, ни под каким видом не должна соприкасаться с огнем.

Величайшим грехом и дурным предзнаменованием считается, если в очаг и вообще в огонь попадет вода. Если кто случайно прольет воду в очаг, то тут же бросает в огонь масло или сало, чтобы умиловить его, иначе, по убеждению калмыков, может случиться большое и непоправимое бедствие в семье. Несомненно, это верование сохранилось ещё с самой глубокой древности. По всей вероятности, первобытные люди много страдали от воды, которая затопляла иногда их очаг и тем самым уничтожала огонь, который был столь необходим для них и который весьма трудно добывался. Жир же, наоборот, поддерживал горение и способствовал сохранению огня. Отсюда, наверно, произошел обычай не допускать воды к огню, а бросать туда жирное. Самым плохим пожеланием у калмыков считается, когда говорят «Чтобы в твой очаг попала вода». Такое пожелание допускается по отношению к заклятым врагам.

Кроме того, все калмыки ежегодно приносят огню специальное жертвоприношение. Оно бывает приблизительно

в конце октября или в начале ноября. Жертвоприношение приносится всеми калмыками без исключения. От него не отказывается даже самый последний бедняк. Оно выражается в том, что каждая семья сжигает в своем очаге грудную кость барана, редко коровы, обливая её ещё салом. День жертвоприношения для калмыков торжественный. Они готовятся к нему заранее. Состоятельные калмыки готовят ещё задолго до этого дня самого лучшего барана, который закаляется в этот день жертвоприношения. Бедняки же принимают все меры к тому, чтобы сэкономить немного денег для покупки грудной кости и жира, который тоже сжигается в очаге как жертвоприношение. Самые бедные калмыки покупают один или несколько фунтов жира, смотря по состоятельности, которые тоже приносят в жертву огню. А те, которые не в состоянии позволить себе даже эту небольшую «роскошь», бросают в огонь немного жира или масло. Ни в коем случае не допускается, чтобы какая-нибудь семья пропустила этот день без жертвоприношения. Жертвоприношение бывает 13 или 23 числа указанного месяца. Каждая семья выбирает один из этих дней. Процедура жертвоприношения происходит следующим образом. Предназначенного для этого барана режут не обычным порядком, а соблюдая особый ритуал. Баран для этой цели выбирается белой шерсти. Особенно подходящими и отвечающим всем требованиям жертвоприношения считается белый баран серой шерсти, но ни под каким видом с черной шерстью. Белый цвет предвещает, что все должно идти гладко, прекрасно, счастливо. Черный же предвещает несчастье, неисполнение всего предпринимаемого и т. д. Выбранного барана режут вечером, после окончания работы, связанной с уходом за прибывшим с пастбища скотом. Барана режут на дворе против самой двери кибитки. Кладут его на совершенно чистый, белый ширдык (особо приготовленная кошма). При этом голова жертвы должна

быть обращена прямо по направлению к двери кибитки. После туша вносится в кибитку. При разделывании соблюдают, чтобы ничего не попало собакам. При разделке грудная кость отделяется со шкуркой. Шерсть её потом опалается на огне. Мясо же варится целиком тут же в большом котле, за исключением только одной правой передней ножки. Последняя под названием «далгана ха» вешается над кроватью хозяина между кошмой и жердями. Когда баранина сварится, то её вынимают из котла и передают хозяину кибитки. Он держит перед собой и произносит слова пожелания, призывает счастье, помощь богов, предков и высказывает пожелание, чтобы душа барана дошла благополучно до места сбора всех бараньих душ и просит простить, что его убили. После этого хозяин выделяет из всего мяса печень, сердце, прямую кишку, двенадцатиперстную кишку, сычуг, диафрагму, жир с грудной клетки. Все это кладется в сумку (далгана уту) из шкуры животных и вешается на головке решетки над кроватью хозяина кибитки. Оно называется «далгана махан». Верхняя половина головы и поясничная и крестцовая часть барана приносятся в жертву богам и ставятся в переднем углу кибитки на сундуке перед бурханами. На другой день их отдают гелюгам. Грудная кость варится целиком. Её тщательно очищают от мяса. То же самое — и берцовую кость задней правой ноги (шага чимгн — кость с альчиком). На левой [стороне кроме. — *сост.*] передней ноги берут первые 10 ребер. После этого всего берут грудную кость, кладут на очаг, очищенный от золы. Кость кладется на палочках вниз наружной частью. На выступах кости прикрепляют, обводя её кругом тонкими кусочками, снятую с грудной кости спаленную шкуру «керюль». Также обводят шерстью в таком же порядке. В середине кости и котловине кладут жир вышележающей кости (шага чимгн, 10 ребер), медную или серебряную монету, можжевельник, масло. Все это сверху зали-

вают маслом, салом, молоком и зажигают. При этом верхний край грудной кости направлен к выходу. Считается хорошим предзнаменованием, если вся кость сгорит аккуратно и угли от нее упадут внутрь. Все время этой процедуры на сундуке или на комоде перед бурханами горит лампада. Хозяева молятся богам, которые в этот день вынимаются из своего ящика и развешиваются. Затем всем присутствующим раздают по несколько кусочков жира, но не меньше трех. Хозяин кибитки берет «далгана махан» и начинает обводить ими вокруг горящей кости слева направо, говоря «хюрю»¹⁷, «хюрю», «хюрю». За ним все присутствующие, держа в правой руке по кусочку жира из тех, которые были предварительно им розданы, тоже машут по тому же направлению и в том же порядке с теми же словами «хюрю», «хюрю», «хюрю». После этого кусок съедается. Так продолжается до тех раз. После этого из всего сваренного мяса выделяется одна часть. Она предназначена исключительно для детей, а иногда для взрослых, родившихся от дочерей данной семьи в два и три поколения. Если эти лица особенно близкие (непосредственно родившиеся от дочерей данной семьи) проживают далеко, то случается, что даже оставляют, а потом с кем-нибудь присылают. Все оставшееся мясо съедается всеми присутствующими. Что касается «далгана махан», то оно съедается на другой день. «Далгана ха» съедается исключительно ближайшими родственниками через три дня. При этом «далгана ха» девочкам ничего не дают, ибо они считаются постоянными членами семьи и потому по выходе замуж могут унести с собой счастье данной семьи. «Далгана ха» считается заключающим в себе счастье, которое призвала данная семья. Слово «далган» совершенно непонятное для нас. Такого слова у калмыков нет. По-видимому, оно есть исковерканное сло-

¹⁷ В рукописи — «хрю», однако данное слово произносят либо «хүрү» (т.е. хюрю), либо «хүрэ»

во от слова «даялган» — «махать». Тогда у нас получается вполне понятное слово «даялгана ха» — «ножки для махания». По смыслу процедуры данное предложение ближе к истине. Слово «хюрю» тоже непонятное. У калмыков такого слова нет. Скорее это слово происходит от слова происходит от слова «хуру» — «собирайся». Это подтверждает весь процесс церемонии и смысл самого жертвоприношения, которое призывает также и счастье данной семьи. «Далгана уту» на ночь ни у кого чужого не оставляет. Стараются, чтобы оно поменьше было в чужих руках.

Ради этого закаляется ежегодно не одна сотня баранов. Несмотря на никчемность и вредность этого обычая, [он] до самых последних лет свято соблюдался населением, вводя его в бесцельный расход. Если калмыков спросите, почему они это делают, то ответят, для бога огня (галын кон тенгр¹⁸) нельзя ничего [не] делать, иначе все счастье и богатство может мигом улетучиться. Они не хотят слышать, что этот обычай установился ещё с того времени, когда люди не были знакомы со способами добывания огня или же добывали его с трудом. Калмыки понимают это жертвоприношение в прямом смысле, как они сами говорят, для того, чтобы призвать счастье и богатство. Последнее зависит, якобы, от того, был удовлетворен или нет бог огня жертвоприношением.

Жертвоприношение огню приносят, если кто-нибудь в семье умер, для того, чтобы умерший не унес счастья семьи. Калмыки полагают, что жертвоприношением можно отозвать счастье обратно, если с умершим могло по той или иной причине оно уйти. Кроме того, калмыки считают, что душа блуждает около трупа, будучи ещё не уверена, что данный человек умер. Запах горящего жира и костей дает знать ей¹⁹, что человек умер и она может идти к царю ада.

¹⁸ Т.е. Галын Окн Теңгр. — сост.

¹⁹ В тексте — «ой».

После жертвоприношения огню в продолжении трех дней не дают никому огня, не выносят ничего из кибитки, даже не дают денег и [не пускают? — *сост.*] на ночлег, ибо существует мнение, что может уйти только что призванное счастье, которое ещё не устойчиво. Таким образом, мы видим, что огонь играет крупную роль в жизни калмыков. Он участвует в самых радостных и в самых печальных случаях их жизни. Его одинаково почитают и ему приносят жертву в самых торжественных случаях: рождение, свадьба, — и в самых печальных случаях, таких, как смерть. Всюду и везде калмыки поклоняются своему очагу, прося от него счастье и благополучие. Они в полной уверенности, что неудачи в их жизни могут быть от недостаточного и неугодного жертвоприношения, которое не понравилось богу огня.

Часто калмыки укоряют себя в излишней экономии за то, что пожалели, не могли принести богу огня достаточное и вполне приличное жертвоприношение и т. д.

Из остальных обычаев и верований, связанных с огнем, можно отметить следующее:

Почему-то калмыки не разрешают ночью в кибитке зажигать отдельно огонь. Говорят, что это способствует отделению скота от стада, что может привести к пропаже скота.

Воспрещается брать огонь, когда идет перегонка арьки. Если кто-нибудь возьмет, то на место, откуда взял огонь, должен положить кизяк, а потом взятым огнем прикоснуться к котлу с арьяном и сказать «Пусть арьки будет много».

Когда калмыки пьют спиртное, то непременно брызгают в огонь.

Никогда калмыки не дают огня из своей трубки закуривать другому. Полагают, что такая вещь способствует к ссоре с данным лицом и, кроме того, души этих двух лиц после их смерти никак не могут разъединиться на том свете. От этого они сильно страдают.

Никому не дают огня в первый день прикочевки на новое место. Полагают, что с огнем может уйти счастье нового места. По всей вероятности, все эти верования связаны с верой в магические действия и колдовство. Иначе их нельзя объяснить.

Не разрешается прыгать через огонь. Говорят грешно, ибо огонь чистый. Между тем почти у всех других народов многие весенние празднества связаны с прыганием через огонь. Возможная вещь, что калмыков останавливают прыгать через костры чисто практические соображения, чтобы не спалить нечаянно себя.

Вместе с тем огонь имеет, как мы сказали, большое очистительное значение. Калмыки после зимней стоянки пропускают себя, семью, весь скот и имущество между двух костров с солью.

Если какой-нибудь предмет почему-либо считается нечистым или загрязненным, то, по мнению калмыков, стоит только подержать его просто над огнем или над огнем с можжевельником, как вся эта грязь как будто пропадет, и предмет становится годным к употреблению. Всякая новая одежда несколько раз проводится над огнем, только после этого ее надевают.

Если что-нибудь съестное упало или не попало в рот собаки, оно тоже считается грязным. Но стоит провести над огнем, как оно очищается от всякой грязи, и его можно съесть. Когда калмык-рыболов ставит новые сети, то он тоже проводит их над огнем. Если невод новый или же долго находился без употребления, то его тоже пропускают между двух огней. Иногда к огню прибавляют можжевельник или же соль. Точно также он поступает, если считает, что оружие лова кем-то осквернено. Признаком осквернения считается плохой лов. Всякий предмет, через который перешагнула женщина, считается оскверненным. Его тоже очищают

огнем. Если что-нибудь съестное упало днем, то существует поверье, что его уронила нечистая сила. Поэтому его едят только женщины. Когда что-нибудь упадет ночью, то полагают, что его уронил бог, который в темноте не заметил. Поэтому такое съестное может употреблять в пищу и мужчина даже без огня (не подержав над огнем). Если у кого-нибудь, особенно у детей, появятся во рту или на губах язвочки, то ко рту подносят огонь, иногда с можжевельником. Калмыки полагают, что после этого язвочки проходят.

Если кто-нибудь в семье болен, то иногда в огонь подсыпают на ночь соль. Полагают, что таким путем можно изгнать нечистых сил.

Свои иконы (бурханы) калмыки защищают от всяких скверн, периодически окуривая их можжевельником. Употребление можжевельника как средства, имеющего магическую силу, было и у древних славян. Так, проф. Никольский об этом говорит: «Прибегали к магической силе можжевельника, который, в отличие от всех других растений, легко и ярче горит сырым, распространяя пахучий дым и потому, вероятно, служил славянам древнейшим горючим материалом для костров, отгоняющих диких зверей и злых духов» (стр. 31 «Дохристианские верования и культы днепровских славян», изд. «Атеист»).

Во время эпизоотии скота ночью кругом стада разводят костры и подсыпают в них соль. Утром пропускают скот между двух огней с солью, чтобы отогнать нечистые силы, которые распространяют болезнь. Подобные верования сохранились также у многих первобытных народов. Некоторые из них пропускают свой скот через костры. Иные просто обходили стадо с зажженными факелами. Древние славяне, по словам проф. Никольского, «перед выгоном окуривали можжевельником и ударяли вербой» (стр. 31, там же).

Некоторые калмыки, когда они приезжают к себе изда- лека, пропускают как себя, так и свою подводу со всем ба- гажом между двух огней. По верованию калмыков, всякого человека, особенно женщин, едущих издалека, сопровождают нечистые силы, от которых можно освободиться только вышеуказанным способом.

Главная причина этой процедуры, по всей вероятности, заключается в боязни возможности колдовства злонаме- ренных лиц и желании освободиться от него. Так же меры с этой целью принимают все народы, стоящие на низкой сту- пени своего развития, когда они приезжают издалека. Огонь уничтожает всякое магическое действие и влияние.

По-видимому, на этом же поверье был основан обычай у татар: они прибывших на поклон к хану «Золотой Орды» русских князей пропускали между двух огней, чтобы уstra- нить их магические влияния на хана, если они вздумали бы это сделать.

Считается дурным предзнаменованием, если случай- но загорелось у кого-нибудь носильное платье. Никогда ни один калмык не согласится носить одежду, которая попала в огонь. По-видимому, причина заключается в веровании, что огонь очищает от всяких нечистот. Следовательно, одежда, попавшая в огонь, тоже нечистая, поэтому носить её нельзя.

Таким образом, мы видим, что огонь является одним из главных средств, употребляемых калмыками против всего грязного. Калмыки говорят: «Огонь да вода уносят все гряз- ное и плохое».

ОХОТА

Не на всякое животное и не на всякую птицу можно охотиться. К некоторым из них калмыки относятся с боль- шим суеверием и страхом. Среди всех птиц лебедь пользует- ся наибольшим вниманием калмыков. Он почитается самой

благородной птицей. Его безнаказанно нельзя трогать. На него дано охотиться не каждому. В лебеда могли стрелять только люди «благородные», из «белой кости». Если бы вздумал стрелять в лебеда простолюдин, то он должен непременно соблюсти некоторые правила. Человек, стреляющий в лебеда, должен был сказать: «Я стреляю в тебя по приказу моего нойона, или зайсанга такого-то» Имя последних непременно должно произноситься вслух. В противном случае может произойти большое несчастье с этим человеком и всей его семьей. Если выстрел оказался удачным, то убитого лебеда охотник, за редким исключением, сам не употреблял в пищу, а отвозил зайсангу, нойону или духовному лицу. По калмыцкому поверью, благородную птицу могут есть только люди «благородные», а не простые смертные. Убитого лебеда взнуздали в особо сделанную узду. Привезенный в таком виде в подарок лебеда кладется в передней части кибитки на сундуке. Охотника обычно щедро одаривали. Большею частью давали лошадь. Весть о подарках быстро распространялась по всей степи. Об этом говорили везде, притом много и долго. Нойон или зайсанг, получивший лебеда, делался центром всеобщего внимания. Ведь не всякому человеку приносят лебеда. Подобное обстоятельство вызывало зависть у других нойонов и зайсангов. Кроме того, калмыки говорят, что на лебедах нельзя охотиться и потому, что они слишком привязаны друг к другу. Так, они уверяют, что если убить самку, то самец сам падает на землю с большой высоты и разбивается вдребезги.

Воспрещается калмыкам охотиться и на журавлей. Вместе с тем запрещается трогать яйца и птенцов. Если иногда дети приносят яйца журавлей, то родители сильно беспокоятся и заставляют их отнести обратно. Калмык в полной же уверенности, что журавли способны заклинать. При этом считается, что их заклинания всегда достигают своей цели.

Особенно сильным заклинанием обладают бугровые журавли. Вера в заклинание журавлей так сильна, что даже полет над хотоном производит суматоху. Как только слышат голоса журавлей над хотоном, то из каждой кибитки выходят с водой и плещут на них, выплевывая. Веру в заклинание журавлей среди населения поддерживает таким образом духовенство. Часто оно в своих священных книгах находит «объяснение того или иного несчастья, в особенности случившегося с детьми, в заклинаниях журавлей».

Не разрешается стрелять сайгаков, когда они стоят кучей на одном месте. Полагают, что их кучу собрал хозяин земли, он же хозяин и всех животных, «белый старик». По этому поводу существует легенда. Какой-то калмык охотился на сайгаков. В одной котловине, между двух бугров, он увидел большое количество сайгаков. Подкрался он близко и стал стрелять. Сайгаки от его выстрелов не разбежались и, кроме того, пули из его ружья возвращались обратно и падали около него. Калмык удивился такому явлению и стал внимательно смотреть. Наконец, он увидел «белого старика», который доил их. «Белый старик» пригрозил ему и сказал, чтобы он больше не стрелял, когда сайгаки стоят в куче. Отсюда, якобы, и поверье не стрелять в них, когда они находятся в куче.

Воспрещается кому то ни было подъезжать к чужой кибитке, везя с собой хищных животных (лисицу, волка и т. д.). Если кто-нибудь приезжал к кому-нибудь с этими животными, то он непременно должен подарить их хозяину кибитки. Иначе может случиться, по мнению калмыков, большое и непоправимое несчастье.

Всякий уважающий себя человек никогда не стреляет в ворон. Считают, что после такого выстрела ружье оскверняется.

Если охотник подстрелит дичь или животное, он непременно смазывает кровью убитых дуло, курок ружья и дает

немного крови своей собаке или же смазывает ей рот. Существует поверье, что после этого ружье стреляет лучше.

Всякий охотник, когда он входит в чужую кибитку, должен оставить ружье снаружи кибитки. Если же по той или иной причине его вносят в кибитку, то дуло непременно должно быть обращено наружу. При выносе ружья из кибитки соблюдается то же правило.

На выдру предлагается охотиться с осторожностью. Она имеет, якобы, привычку непременно пробежать между ног человека. По верованию калмыков, человек, у которого между ног пробежала выдра, становится неспособным к половой жизни. На основании этого рекомендуется охотникам бить выдру, крепко прижав ноги друг к другу, с таким расчетом, чтобы не было между ними промежутков.

Не рекомендуется охотиться на перелетных птиц, особенно весной, когда они возвращаются.

РЫБА

Среди калмыков-рыболовов существует поверье, что, если в лодку впрыгнет рыба из хищных пород, например: окунь, щука, судак, то это дурная примета, которая предвещает большое несчастье. Наконец, попавшую в лодку рыбу обычно разрезают на четыре части и бросают на север, юг, восток и запад. При этом он произносит заклинание и каждый раз, плаюясь, говоря: «Пусть обратятся на нее саму, исчезнут с её гибелью и рассеются повсюду». Без духовенства дело не обходится. Ловец никак не может успокоиться, что в его лодку впрыгнула хищная рыба. По его мнению, острые зубы этих рыб направлены на него, они могут ему нанести какой-нибудь вред. Калмыцкое духовенство поддерживает это суеверие — оно ему выгодно. Между тем, это явление очень распространенное. Хищные рыбы гоняются за мелкими

рыбами, которые большей частью плавают ближе к поверхности воды. При этом хищники развивают невероятную быстроту. Встречая на своем пути лодку, как преследуемые, так и преследующие рыбы делают остановку и моментальный прыжок, чтобы не удариться. Редко случается, когда рыба идет при этом вглубь. Благодаря низким бортам речных лодок, рыба легко попадает в них. Точно так же рыба прыгает в лодку, когда она (лодка) идет около берега у камышей. От шума идущей лодки и от голосов находящихся в ней людей спящая на мелком месте, в камышах, рыба пугается и делает прямой прыжок в глубину. Но так как лодка шла у самых камышей, то рыба попадает не в глубину, а в самую лодку. Таким образом, большей частью в лодку попадают хищные рыбы, которые обычно стерегут в камышах, на мелком месте, мальков и прочих мелких рыб, кроме того, вообще эти хищники любят камыш. Нам лично не один раз приходилось наблюдать подобные явления.

Испуганная ударом весла щука при небольшом наклоне борта лодки часто попадала в нее. Это легко объяснимое явление сильно смущает почему-то калмыков и тем самым помогает духовенству эксплуатировать их. Духовенство, приглашенное при подобных случаях, всегда находит в своих священных книгах какую-нибудь причину опасности, которую надо предотвратить чтением известной молитвы. Молитвы же бесплатно не читаются.

Другое поверье, связанное с рыбой, заключается в том, что, когда калмыки едят рыбу, особенно из крупных пород, например, сазана, то они подъязычную кость концом прикрепляют к тагану. Если кость сразу удержится и не падает, то калмыки полагают, что будет много рыб. По существующему поверью, эта кость имеет способность вызывать рыб, поэтому почти не бывает случая, чтобы калмык не прилепил её к тагану. Никогда калмыки не дают женщинам голову са-

зана и, во всяком случае, категорически запрещают ей есть рот сазана и окружность его. По верованию калмыков, сазан бывает очень недоволен, если голову его едят женщины. Он, якобы, говорит: «Хотя губите мою душу, но золотой рот мой не давайте женщинам». Если не соблюсти это желание сазана, то, по мнению калмыков, душа сазана страшно обидится, и эта обида передается другим живым сазанам. Вследствие этого лов ухудшается.

Никогда калмыки не кладут рыбу в кибитке головой к двери. Считают, что эта дурная примета — рыба смотрит наружу, т.е. стремится уйти. Отсюда делай вывод, что лов должен быть плохим, так как все это передается другим рыбам, и хозяин будет терпеть недостаток. При плохом лове пойманную рыбу некоторые калмыки иногда выпускают в воду, говоря: «Передайте нашим товарищам, чтобы они явились в большом количестве, чем теперь».

Воспрещается коснуться к рыбе и плетью. Подобная вещь отрицательно влияет на лов рыбы. Рыба, обиженная таким обращением, уходит подальше от таких мест. Точно также нельзя дотрагиваться кнутом и плетью до орудий лова — неводов и сетей. Рыба также будет плохо ловиться. Нельзя мучить рыбу, ибо царь воды, узнав об этом, по убеждению калмыков, прекратит хороший лов. Чтобы был хороший лов, каждый ловец, прежде чем начать ловить, бросает в воду серебряную монету, как жертву царю воды, чтобы он дал хороший лов. При этом калмык обращается к нему с обнаженной головой, молитвами и поклонами. Самым хорошим способом лова рыбы считается лов посредством сетей. Сети, по мнению калмыков, рыбу получают от царя воды [с] просьбами. Невода же поступают по отношению к нему некорректно. Они отнимают от него рыбу, не спрашивая его разрешения.

Поэтому калмыки считают неудобным ловить рыбу неводами, ибо тем самым приходится обижать царя воды. Са-

мым отрицательным образом относятся калмыки к рыбной ловле удочками. Этот способ ловли рыбы может привести к дурным последствиям в дальнейшей жизни человека. Лов рыбы удочкой сравнивается калмыками с выпрашиванием милостыни. Поэтому калмыки категорически воспрещают кому бы то ни было ловить рыбу удочкой. Родители бывают страшно недовольны, если они увидят детей своих ставящими удочки. Самым дурным предзнаменованием считается, если в неводах попадаются черепахи и змеи. У калмыков-рыболовов одним из худших пожеланий является выражение: «Пусть твой невод притянет черепах и змей». Если черепахи и змеи попадают в сети несколько раз — хозяин часто приглашает гелюнгов.

Некоторые рыбы имеют, по убеждению калмыков, целебные свойства. Так, очень высоко ценится минога. Она входит в состав многих лекарств от многих болезней. Нам известен случай, когда один калмык в Эркетеневском улусе поймал миногу и её отвез местному лекарю. Он получил за неё 25 рублей.

Таким же целебным свойством обладает и судак. Им лечат больных, прибывших из рыбных промыслов от любых болезней.

ЖИВОТНЫЕ

Лошадь — самое любимое животное каждого скотовода. Он бережет и ходит её, как только может. Хорошая лошадь — гордость владельца. Для степняка поскакать, поехать, пронестись вихрем на хорошей лошади — заветная мечта. Иметь хорошую лошадь — цель и стремление каждого. Жизнь калмыка тесно связана с его лошадьё. Калмыки даже полагают, что если издохнет любимая лошадь хозяина, то это значит, что она пала вместо своего хозяина. По ве-

рованию калмыков, она может заменить собой своего хозяина, поэтому, если падет лошадь, то калмык не особенно тужит, считая, что иначе погиб бы он сам. Несмотря на то, что лошадь играет крупную роль в жизни калмыков, все же верования и обычаи, связанные с ней, незначительны. По убеждению калмыков, там, где существуют лошади, никогда не должны прекращаться набеги, разбои и всевозможные беззакония и войны. Так, они рассказывают, что некогда царь страны, где население пользовалось исключительно услугами коров, отказался принять в подарок лошадь от царя, где подданные пользовались только услугами лошадей. Причиной к этому, якобы, послужило заключение, которое дали мудрецы этого царя. По анализу и исследованиям этих мудрецов, лошадь именно оказалась тем животным, которое имеет копыто, по твердости приближающееся к стали, поэтому там, где имеется лошадь, т.е. животное, имеющее такое копыто, по мнению жителей той страны, никогда не должны прекращаться всякие распри и набеги. На основании этого заключения царь отказался от лошадей. Этот самый рассказ как нельзя лучше рисует жизнь калмыков. Действительно, известная часть калмыков, имеющая хороших лошадей, занималась воровством. Ворами главным образом являлись табунщики. Ведь недаром калмыки говорят, что хорошая лошадь действует на мысли мужчины, меняет его взгляд, т.е. толкает его к воровству.

По верованию калмыков, количество лошадей у одного хозяина не может превысить десяти тысяч голов. Согласно этому верованию, при превышении указанного количества якобы появляется жеребенок с золотыми копытами. Последним ударами своих копыт угоняет лошадей в безлюдную и необитаемую пустыню. Вследствие этого верования, как рассказывают калмыки, ни один крупный коневод не имел лошадей больше десяти тысяч. По-видимому, это поверье

более позднего происхождения, т.е. оно возникло после того, когда количество скота у калмыков стало значительно падать. Иначе говоря, оно возникло в то время, когда десять тысяч лошадей по условиям общего развития скотоводства были цифрой значительной.

В калмыцких сказках говорится, что были крупные богачи, которые имели лошадей десятками тысяч и не боялись, что их угонит жеребенок с золотыми копытами.

Так, в сказках указывается, что жил некто Намжил-Улан-Авга, имеющий под лучами восходящего солнца восемьдесят тысяч, а под лучами заходящего солнца восемьсот тысяч лошадей. Все это подтверждает, что верование о жеребенке с золотыми копытами более позднего происхождения.

Лошадь в калмыцких сказках всегда рисуется как животное, обладающее сверхъестественной силой. Она быстра, как ветер. Пыль, поднимающаяся от её бега, доходит до неба, и земля, взрываемаемая её ногами, образует целые горы. Кроме того, они владеют речью и являются всегда помощниками и советниками своих хозяев. Сила и могущество хозяина передавались также и лошади. Так, в сказках всегда указывается, что чем сильнее и могущественнее владелец коня, тем большим могуществом владеет и его конь. Такое же свойство коням приписывали и древние славяне. Так, проф. Никольский говорит об этом следующее: «И при этом характерно, что, когда конь появляется в сказке, он чаще всего изображается с чертами властности, силы и даже чародейства; он уже почти божественное животное, в то же время как прочие звери стоят на одной доске с простым человеком» (стр. 8, «Дохристианские верования и культы днепрпетровских славян»).

Лошадь — это почти святое существо, которое делает далекие расстояния близкими. В безбрежной степи отсутствуют другие более или менее удобные, и при этом быстрые

средства передвижения, и поэтому вполне понятно, почему кочевники, и в том числе и калмыки, уделяют такое большое внимание лошади.

Не будет преувеличенным, если мы скажем, что нет ни одной песни и почти ни одной сказки, где не воспевается лошадь и где не говорится о ней.

По верованию калмыков, можно держать и ездить не на всякой лошади. Так, лошадь, имеющая родинки на твердом небе, предвещает большое несчастье своему хозяину. Кроме того, почему-то у калмыков сложилось мнение, что такая лошадь непременно должна погибнуть до 7 лет или же должен погибнуть её хозяин.

Такую лошадь владелец немедленно отдает хурулу, которые же при первой возможности продают. Точно так же считается предвещающей большое несчастье лошадь, у которой шерсть белой полосой переходит в заднепроходное отверстие. Такую лошадь обычно хозяин продает. Покупателем является обычно не калмык.

Существует поверье, что единственный сын отца не должен ездить на лошади, у которой одна нога белая. По мнению калмыков, такая лошадь имеет вредное влияние на владельца. Они также с большим предубеждением относятся к кровотечению из носа лошади. Если владелец лошади заметит, что из носа животного идет кровь, то без малейшего колебания отдает её хурулу. Только редкие лица — бедняки не жертвуют, а продают её. Вместе с тем приглашаются гелюнги, которые должны служить соответствующую молитву, предотвращающую надвигающееся на данного человека несчастье.

Очевидно, здесь играет главную роль подражательная магия. Лошадь является самым любимым животным, и поэтому он боится, что у него, как у хозяина этой лошади, возникнет кровотечение, из-за которого он может умереть.

Между тем кровотечение из носа лошади — вполне возможная вещь. Оно может быть от напряжения, от ранений слизистых оболочек носа травой и от целого ряда других причин. Большим несчастьем является, если лошадь ожеребится двумя жеребятами. Это также несчастье и также дурное предзнаменование, что его ни с чем нельзя сравнить. Такую кобылицу немедленно отдают хурулу. Что касается жеребят, то их убивают и бросают на съедение собакам или закапывают живьем. Редкие даже бедняки калмыки оставляли такую кобылицу, и то после такого богослужения и закапывания приплода живьем. Такой дикий обычай объясняется тем, что двойня у лошади — признак быстрого роста животного, которое имеет твердые, как сталь, и острые, как нож, копыта, которые, якобы, должны принести вред хозяину.

Из мелких верований, касающихся лошади, можно отметить несколько явлений. Так, ни в коем случае не допускать седлать лошадь без подушки. Без подушки лошадь саждают только тогда, когда жертвуют её хурулу на помин души её хозяина. Лошадь обычно не привязывают за «зель» (веревка, перетянутая между двумя кольцами для привязки телят, коров и т. д.). Это считается неприличным. Точно так же не привязывают её к кибитке по той же причине. Лошадь — единственное животное, которое можно держать за повод, сидя в кибитке. Каждый приезжий должен стреножить, по этике [ту] кочевников, свою лошадь в нескольких десятках шагов от кибитки. Садиться на лошадь нужно всегда с левой стороны и вдевать ногу в стремя спереди его. Не разрешается ни одной женщине касаться головы лошади и бить её, ибо она недостойна и может осквернить ее. Нельзя также бить лошадь уздой и чумбуром.

Если лошадь заболает, то ей дают кусочек высушенной пуповины мальчика. Если она не поднимается при параличе, то режут хвост и кончик ушей. Калмыки уверены, что пот ло-

шади очень ядовитый. Так, по их наблюдениям, ни одна ядовитая змея своим укусом не только не может вредить лошади, но и сама моментально погибает от прикосновения к лошади. Существует еще поверье, что лошадь, у которой все четыре ноги белые, непременно должна быть быстрой. Калмыки говорят, что в священном писании, якобы, указано, что если такая лошадь не будет быстрой, то она должна непременно потерять свои ноги. Некоторые калмыки не ездят на лысой вороной лошади. Полагают, что такие лошади не предвещают никому ничего хорошего. У калмыков лошадь может быть и «сетря»²⁰ (священной). Главным образом «сетр» — лошади бывали у богачей. Кроме того, калмыки полагают, что череп лошади защищает помещение от нечистых сил. В силу этого мы часто видим на крыше построек лошадиный череп. В русской деревне, по словам проф. Никольского, для этой цели употребляют козлиный череп, который закрывают под полом (стр. 17, «Дохристианские верования и культ днепропетровских славян»).

Калмыки предпочитают ездить на мерилах. Жеребцы, по мнению калмыков, годятся на недалекие расстояния. Самые выносливые — мерины, поэтому лицам, уезжающим на далекий и трудный путь, всегда рекомендуют их.

Верблюд у калмыков считается не только выносливым животным, но очень нежным. При появлении верблюжонка некоторые лица не пускают к себе в кибитку посторонних. Если у верблюдицы рождаются двойни, то это является самым хорошим предзнаменованием. Двойня у верблюдицы предвещает не только богатство и счастье данному хозяину, но и всей стране. В прежнее время, когда калмыки ещё управлялись ханами, нойонами и зайсангами, о двойне у верблюдицы они немедленно ставили их в известность. Владелец верблюдицы освобождался не только от всех податей и

²⁰ Т.е. «сетр» — сост.

повинностей, но [и] получал большие подарки. Мы склонны объяснить это тем, что верблюжье поголовье вообще отстает в своем приросте от домашних животных. Отсюда: двойня, несомненно, с одной стороны, как редкое явление у верблюдов, а с другой, — как явление, способствующее увеличению этого дефицитного животного, считалось хорошим предзнаменованием.

По мнению калмыков, черепаха никогда не кусает человека. Но если укусит, то она не освобождается от тела человека до тех пор, пока не приведут верблюдицу белой шерсти. При этом нужно устроить большой пир с песнями, танцами и музыкой, во время которого верблюдица должна издавать «нежные» крики, призывающие своего верблюжонка.

Корова считается животным, которое стремится сделать что-нибудь неприятное, нехорошее людям, и вместе с тем, как говорят калмыки, корова «черно-дурномыслящее животное». Двойня у коровы, как и у лошади, считается величайшим несчастьем для её владельца. Приплод зарывается в землю живьем, а сама корова передается хурулу. Редко калмыки-бедняки оставляют себе как корову, так и одного из телят. Другого закапывают живьем в землю. Двойня у коров — явление довольно-таки частое. Калмыки говорят, что чрезмерно быстрый рост коровы — животного с черными мыслями — должен сыграть печальную роль в жизни хозяйна данной коровы. Когда отелится корова, то первые два-три дня теленку не дают много сосать. Молоко имеет полужидкую консистенцию. Оно собирается хозяйкой, потом кипятится и раздается всем детям. Прежде чем раздать детям это молоко, хозяйка берет в половнике и обводит теленка с головы до хвоста, смазывая им его. При этом она говорит следующие слова: «Если пойдешь на юг, пусть не встретится на твоём пути ни собак, ни волков. Если пойдешь на север, то не встретятся тебе ни воры, ни злоумышленники вообще. Будь

многочисленным в своем стаде, хозяину нужным и хорошим животным».

Корова, которая мычит больше, чем другие, считается негодным и вредным для хозяина животным, особенно, если она мычит ночью. Такую корову отдают хурулу или же при первой возможности продают её. Считается дурным признаком, если корова стремится подняться на кибитку. Такую корову тоже отдают хурулу или продают. Если корова, смотря на человека, мычит, то её бьют и бросают на неё песок, говоря: «Пусть все дурное обратится на тебя самое». При этом плюют. Коровы черной масти не в почете у калмыков. Считают, что в них есть что-то нечистое. Коровы пепельной масти также считаются плохой породой. Когда бывает запор у коровы, то её лечат следующим образом: «мальчик-сын хозяина берет плеть и три раза гонит её во всю силу вокруг кибитки, говоря: «Такой-то (называется имя предка), [за] бери запор у коровы», после чего корова остается в покое. От движения перистальтика кишечника усиливается, и у животного запор проходит. Корову нельзя бить жидовольником. Почему-то калмыки убеждены, что он вредно влияет на увеличение скота. Точно так же нельзя бить корову камышом. От этого, якобы, корова станет яловой.

Коза считается животным, ведущим свое происхождение от нечистых сил. Запаха козла страшно боятся нечистые силы и туда, где есть козел, они не ходят. Такое же поверье существовало и у русских крестьян. Проф. Никольский говорит по этому поводу так: «В унисон с этими белорусскими поверьями звучит русское, что козлы добрые звери, и черти боятся их с самого сотворения мира, когда в доме или на дворе заведется нечистая сила, или начнет проказить домовой, то и сейчас еще в русской деревне лучшим средством считается зарывание под полом козлиного черепа и окуривание дома хлевов козьей шерстью» (стр. 16, там же). Мясо

и молоко козы не в почете у калмыков. Молоко её считают горьким и жидким. Мясо же бывает быстро остывающим и потому малопригодным к употреблению. Мясо же барана считается наилучшим лекарством. Особенно ценится в этом отношении суп из баранины. На основании этого поверья калмыки сплошь и рядом поят больных, независимо, чем бы он не болел, супом (шелюн). Благодаря этому лечению бывает много смертных случаев, в особенности, когда такой суп дают при желудочно-кишечных заболеваниях (дизентерия, острый катар и т. д.). Большое значение для калмыков имел случай попадания ногой в яму барана или козы. Калмыки полагают, что эти животные сунуть ноги в яму могут только в результате козней нечистых сил. Такие животные предвещают большие несчастья своему хозяину. Их хозяин не имеет права трогать и помогать освободить их ногу из ямы. Подобная помощь может навлечь несчастье. Такое животное может тронуть только лицо духовное, и больше никто. Об этом дают знать какому-нибудь гелюргу или хурулу, которые берут барана или козу себе. Так как в степи недостатка в сусликах и других подобных им животных нет, то и нор тоже порядочно. Отсюда попадание животных в норы — далеко не редкое явление. Таким путем ежегодно идет в пользу духовенства не одна сотня мелкого скота.

Калмыки очень бережно относятся к сосункам (ягнята, козлята, телята). До тех пор, пока они не подрастут, их на мясо не режут. Что касается телят, то их совсем не режут на мясо. Мотивы к этому: они (сосунки) беззащитные, невинные, как дети, так что ни одна рука человека не поднимается на них. Другой мотив — будет страдать матка, грешно разъединять мать и сосущее её молоко существо, безразлично, животное это или человек. Основная причина, конечно, не в этом. Каждый скотовод отлично знает, что зарезанный сосунок как мясо ничего для него не представляет. Мяса ему не

хватит даже на одну варку, особенно принимая во внимание, что мясо употребляется в очень большом количестве. Поэтому сосунков резать на мясо невыгодно, тем более, что в стаде всегда имеются животные, которые не представляют никакой ценности для продажи, но годны на мясо. На этом же, несомненно, основан другой обычай — не резать, вообще не убивать стельных животных, как крупных, так и мелких, а резать на мясо животных к концу осени или в начале зимы на зимний запас, когда они бывают жирны. Обычно мясо это коптят.

Калмыки очень осторожно относятся к ягнятам. Они считают, что ягненок требует больше ухода и заботы, чем козленок. Калмыки раньше почти не доили овец. Доили их только те, которые не имели другого источника получения молока. Доили при этом с соблюдением некоторых правил. Ягнята отделялись от матки только до полудня, после их пускали в стадо. Доеение наблюдалось только в небольших хозяйствах. Если это происходило в крупных хозяйствах, то эта часть отбивалась. Считали, что доение сильно влияет на рост и упитанность, что чревато большими последствиями. Особенно на этих ягнят, по их словам, влияет летняя жара.

Во время окота калмыки обычно прикочевывали в местности, где легче поить и пасти. Выбирали свободный водопой (реки, озера и т. п.), чтобы и ягнята могли пить воду свободно. Становятся от таких мест на небольшом расстоянии, за полкилометра или за километр. Если возможно, то и ближе. Гнать на водопой с молодыми ягнятами на большое расстояние ни в коем случае не рекомендуется. Считают, что ягнята заболевают главным образом воспалением легких. Если стадо стоит дальше от колодца или других источников водоснабжения, то заботливые хозяева поили даже привозной водой. Это возможно, конечно, в небольших хозяйствах.

Овцы беременные, а также овцы с ягнятами молодыми отделяются от общего стада.

Верблюжат калмыки считают очень хрупкими и нежными. Они в этом отношении их сравнивают с детьми. Особенно хрупкими считаются у калмыков дети в возрасте 1–1,5 года. Поэтому они говорят: «Верблюжата и дети 1–1,5 лет одинаково хрупки». Калмыки к верблюжатам относятся внимательно, кормят их по несколько раз в ночь, в холодное время укутывают. Многие калмыки привязывают на шею специально для этого заказанные талисманы «бу» для предохранения от покушений нечистых сил.

Собака — самый близкий друг кочевника. Она верный караульщик скота — основного его достояния. Собака играет такую большую роль в жизни кочевника-скотовода, что она кажется ему чуть ли не членом семьи и воплощением души близких родственников. Недаром убийство собаки у калмыков приравнивается к убийству людей. Но все же они иногда очень сурово и безжалостно относятся к своему неразлучному другу — собаке. Собака, которая воеет, должна быть непременно уничтожена. Такую собаку обычно отравляют или убивают. Считается дурным предзнаменованием, если собака оставляет своего хозяина и уходит к другому. Её бывший хозяин не стремится даже взять обратно. Полагают, что она, не признавая своего хозяина, тем самым предвещает смерть бывшему своему хозяину. Хорошим предзнаменованием считает он, если пристаёт к хозяйству какая-нибудь другая посторонняя собака. Калмыки верят, что такие собаки своим присоединением дают знать, что хозяйство данного человека будет процветать и корма хватит всем. Большим грехом и величайшим дурным предзнаменованием считалось, если собака полезет или сделает намерение полезть на кибитку. Не возбраняется, если эта собака поднимется на

кибитку, гонясь за кошками. Собаку, норовившую подняться на кибитку, убивают. Калмыки полагают, что она, пытаясь залезть на кибитку, тем самым хочет залезть на хозяина самого, т.е. хочет удавить, загрызть. При подобных случаях обычно приглашается духовенство, которое должно предотвратить надвигающуюся опасность. Если собака лежит на спине, повернув живот кверху, то это почему-то считается хорошим предзнаменованием. Говорят, что хозяину кибитки должно повезти в предпринимаемых им делах. В таком случае на живот собаки бросают творог или наливают молоко со словами: «Пусть будет большой доход». Когда собака лежит в кибитке, повернувшись спиной к очагу, то это считается предвещающим несчастье. Её заставляют вскочить сильными побоями, говоря: «Потеряй свою спину». Собаку, которая укусила кого-нибудь, не убивают до тех пор, пока не заживет рана. Всякий вред, приносимый собаке, согласно закону гомеопатической магии, будет передаваться укушенному. Вой собаки предвещает несчастье (смерть) хозяину, потому ее обычно убивают.

Хорошим предзнаменованием считалось, если впереди человека испражнится собака. Полагают, что непременно должно исполниться задуманное данным человеком. Идущий человек подходит к калу и прикасается ногой, говоря: «Пусть будет большой доход». Если человек случайно наступит на человеческий кал, некоторые калмыки считают хорошим предзнаменованием.

Кошка считается собакой бога и гелюнгом животных. Существует поверье, что там, где есть кошка, должно быть несчастье с детьми, ибо кошка всегда желает, чтобы кроме неё не было никого, кого можно ласкать. Точно так же калмыки говорят, что кошка — самое благородное животное, ибо когда она ест, ни на кого не обращает внимания, даже

не смотрит на того человека, который кормит её, а всегда закрывает глаза во время еды. Считается величайшим грехом бить кошек, особенно убивать их. Если кошка умывает лицо, то эта примета, что будут гости. Эта примета распространена у многих народов, в том числе и у русских.

Волки считаются у калмыков собаками неба. Они нападают на скот того человека, который чем-нибудь разгневает небо. На основании этого ни один калмык не должен жалеть, если у него волки зарезали скот. Что волки являются собаками неба, калмыки заключают из того, что первый комок от пойманного животного, который попадает в рот, как будто всегда бросает вверх. Это, по мнению калмыков, есть «деджи» своему хозяину неба. Волков калмыки вообще не едят. Однако рассказывают, что дербетовские калмыки в некоторых местах употребляют мясо волков в пищу, оно даже считается деликатесом. Волки приносят калмыкам большое разорение. Иногда среднее хозяйство приходит в полный упадок после их набегов. Особенно сильно страдали от них бедняки, которые трепетали перед ними, так как очень часто волки уничтожали их последнюю «коровенку» и козу. Прimitивный ум кочевника, будучи не в силах помочь себе и примириться с постигшим его несчастьем, склонен искать причин всего этого главным образом в каре божьей.

Отсюда естественно, что исполнители этой кары считались близкими существами к божеству, и волки могли вполне считаться за собак неба. По словам Косокава, буряты-шаманы тоже считают волков божественными собаками, которые делают нападение только по указанию своего хозяина-бога.

Такого полезного для сельского хозяйства и вместе с тем невинного зверька, как хорек, калмыки боятся. Если

хорек залает на человека, то это предвещает несчастье. По мнению калмыков-степняков, острые зубы хорька были направлены на него. Эти зубы предназначены ему, и они должны вонзиться в его тело. Следовательно, это обстоятельство предвещает смерть данному человеку. Для предотвращения этого несчастья, во-первых, он должен убить хорька, во-вторых, пригласить духовенство, которое могло спасти бы этого человека от опасности своими молитвами. Мясо хорька употреблялось калмыками против ревматизма.

Крот приносит немало хлопот калмыкам. Если крот заберется в кибитку, что бывает нередко благодаря устройству её, то это считается предвестником большого несчастья. Как только калмык заметит, что в кибитку забрался крот, то он немедленно снимается с места. Причем кибитка должна быть перенесена семь раз в один день. Дурным предзнаменованием считается сильная усталость во время переноски кибитки, так как переносить кибитку за один раз семь раз, как бы она быстро не складывалась и составлялась, дело трудное, то калмыки допускают некоторую хитрость и обманывают нечистую силу. Они переносят кибитку только один раз целиком, а потом только верхнюю часть. Переноска верхней части отнимает незначительное время.

По верованию калмыков, крот наказан богом за какое-то дело. Он ему обещал дать зрение только в том случае, если он за ночь, с наступлением темноты до восхода солнца, сумеет вырыть сто нор. Но до сих пор он успевает до восхода солнца вырыть только девяносто девять. Этим калмыки объясняют, что кроты роют норы, чтобы получить зрение, а не потому, что ищут корм себе.

Предвещающим несчастьем считается также, если на человека залает лиса. Мясо лисы употребляют в пищу единичные лица, страдающие ревматизмом.

Змея — это одно из трех несчастных творений природы. В змею, по убеждению калмыков, перерождаются души самых грешных людей. Змея всегда предвещает и приносит несчастье человеку. Поэтому ни один калмык не пропустит мимо себя ни одной змеи, чтобы не убить её, особенно, если она пересечет ему дорогу. Предвещает одно из серьезных несчастий, если змея, заползшая в кибитку, обовьет решетки в кибитке. При подобных случаях хозяин её должен принять самые срочные меры, иначе ему грозит много бед и несчастий, что ни с чем нельзя сравнить.

Немедленно приглашается самый лучший зурхачи для спасения хозяина кибитки от угрожающей ему опасности. Так как дело серьезное, то зурхачам платят очень хорошо. Более состоятельные люди сверх денежных пожертвований отдают гелюнгам ещё и кибитку. Но не всякий калмык в состоянии отдать свою кибитку и купить себе новую. Сделать новую кибитку не так легко и дешево. Поэтому большей частью обходятся заменой той части решетки, которую обвивала змея. Причину такого отношения к этому явлению сами калмыки не объясняют. Они только говорят, что, если змея обвила решетку, то владеть кибиткой будет не хозяин, а змея. Кроме того, последняя, как всеми презираемое животное, не должно допускаться в кибитку и тем более обвивать решетки. Между тем, благодаря устройству кибитки в неё вползает не только змея, но всевозможные другие гады, не говоря уже о насекомых. Так, сплошь и рядом вползают в кибитку ежи, черепахи, крысы, ящерицы, тушканчики, лягушки и т. д. Если появляется в кибитке ёж, это даже считается хорошим признаком.

Калмыки уверяют, что среди змей наблюдаются такие, которые имеют бога. Таких змей можно встретить очень редко. Они показываются только избранным лицам, которым хотят оказать что-нибудь хорошее. Когда человек уви-

дит такую змею, то он должен вынуть чистый белый платок, снять шапку и с поклоном расстелить платок перед собой. Тогда змея подползает к человеку и на платке оставляет свои рога. Эти рога человек должен спрятать, не говоря об этом никому ни слова. Спустя некоторое время в платке окажутся золото, серебро и другие драгоценности, которые никогда не убавятся, сколько бы их не тратили.

По убеждению калмыков, змеи имеют ноги. Ноги небольшие и имеют красный цвет. Этим ног никто не видит. Их только увидит тот, кто должен умереть.

В зоологии никаких указаний относительно рог у змей мы не нашли, но выступы у некоторых змей встречаются. По словам, такие змеи имеются в калмыцких степях. Возможно, что это поверье из далекого прошлого. Что касается [здесь в рукописи пропуск. — *сост.*], то, по-видимому, здесь смешение змей с некоторыми породами ящериц.

В степи имеются двухголовые змеи, причем одна голова настоящая, развита нормально, а другая находится вместо хвоста. Она, якобы, гораздо меньше нормальной. Благодаря тому, что змея эта имеет две головы, она двигается очень медленно, ибо каждая голова тянет в свою сторону. Калмыки говорят, что эти змеи — души сварливых женщин. Поэтому две головы вечно ссорятся между собой и никогда не договариваются. Яйца змей калмыки никогда не трогают, ибо уверены, что змеи непременно приползут по следам и натворят больших бед.

Змей небольших размеров считались душами стариков и старух, которые благодаря старости уменьшились в своем объеме.

Эти верования и обычаи еще продолжали существовать, хотя не имеют того распространения, которое наблюдалось раньше.

ЖЕЛЕЗО, ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

Ещё не так давно калмыки считали верхом неприличия не носить с собой ножей. Каждый калмык раньше носил при себе нож. Он являлся неотъемлемой принадлежностью мужчины. Мужчина, который не имел при себе ножа, сравнивался с женщиной. Нож носили прикрепленным к поясу с левого бока, в специально сделанном футляре из дерева, покрытого сафьяном. В настоящее время этот обычай отходит в область преданий.

Нож используется калмыками не только для первой своей цели, но и для предохранения от нечистых сил. Так, многие семьи ночью, перед сном, против подушки детей втыкают нож, острый край которого направлен к двери. Также поступают, если кто-нибудь болен. По убеждению калмыков, нечистая сила так же, как и человек, боится ножа.

Несомненно, что ножи служили в свое время орудием при рукопашных схватках. Это подтверждается тем, что у калмыков воспрещается без надобности точить ножи. Когда точили ножи без цели, то большинство калмыков произносило: «Хочу резать горло своему врагу».

По существующему поверью, если не произнести этих слов, то эту семью ждет крупное несчастье: кто-нибудь из членов семьи зарежется или его зарежут. Точку всех этих предметов всегда связывали с предстоящей схваткой: нападением, защитой и т. д.

По-видимому, эти поверья являются отголоском всех тех войн и нападений, которые вели калмыки после прихода в низовья Волги.

Во время грозы и сильного грома калмыки ударяют о два куска железа. При этом от времени до времени кричат: «Джахна, Джахна холгар» — Джахны, Джахна, подальше». На вопрос, кто такой «Джахна» — калмыки отвечают, что

это «лу» — дракон. По мнению калмыков, звук, получающийся от ударов двух железных предметов, отгоняет дракона, кибитка находится в безопасности от ударов молнии.

С золотом и серебром тоже связаны обычаи и верования. Золото и серебро считается у калмыков, так же как и у других народов, благородным металлом, особенно золото. Поэтому, если калмык найдет золото, его охватывает суеверный страх, ибо он считает себя недостойным находить такой высокоблагородный металл, как золото. Он полагает, что это неспроста, и его ждет какое-нибудь несчастье. По обычаю, нашедший золотую монету должен пожертвовать её хурулу целиком или, в крайнем случае, часть, иначе нашедшего ждет какое-нибудь большое бедствие. По этим причинам калмыки не рады, если случайно найдут золотую монету. Кроме того, золото употребляется как лечебное средство. Калмыки уверяют, например, что «стригущий лишай» излечивается от прикосновения золотой монеты. Калмыки считают, что серебро имеет громадную силу против нечистого духа.

Ни одна нечистая сила не в состоянии поднять самую легкую серебряную монету. Под её тяжестью она падает и теряет способность двигаться. Поэтому, по мнению калмыков, всегда надо иметь при себе серебряную монету. В подозрительных случаях надо её взять в руку и от времени до времени обводить ею вокруг себя. В таком случае, якобы, нечистая сила не осмелится подойти к человеку. Почему такое большое значение и магические свойства придают калмыки золоту и серебру? По нашему мнению, это основано на том, что эти металлы были мало распространены среди калмыков, особенно среди трудящихся. Трудящиеся калмыки видели, как обладатели золота и серебра жирели, имели большие стада скота и считались самыми сильными людьми, и это создавало в их воображении какую-то сверхъестественную силу этих металлов.

ГЛАВА VI. Суеверия и духовенство

ДУША

Калмыки, как все малокультурные народы, не могли объяснить себе многих явлений природы. Для них мало или совсем была непонятна закономерность и причинность окружающих их и действующих на них явлений природы. Им казалось, что всеми явлениями природы руководит кто-то свыше. Иными словами, будучи не в состоянии объяснить явления природы, они одухотворяли их. Не отделяя и не противопоставляя себя природе, они полагали, что все в природе, и человек, и животные, и растения состоят из души и тела. Животные (вообще все живое) и растения погибают, как и человек, когда их оставляет душа.

По представлению культурно отсталых народов, каждый предмет имеет душу. Поэтому такие народы и относятся к воображаемому ими душам, как и живым существам, почитая и поклоняясь тем из них, которые чем-нибудь выделяются, награждены силой, могуществом и т. п.

Как калмыки поклоняются небесным светилам, высоким буграм, иногда высоким деревьям, таким, например, как тополь и т. д.

Душа человека калмыкам представляется маленькой копией самого человека. Она помещается внутри человека. Такое же представление о душе, как калмыки, имеют культурно-отсталые народы. Калмыки верят, что душа находится в теле в вечном движении. В определенные дни, даже и

в определенное время дня, она бывает в известных местах человеческого тела. Она благодаря своей незначительной величине может находиться даже в кончике пальца, поэтому самое поверхностное ранение может вызвать смерть человека вследствие ранения самой души.

Калмыки яростно и с большим упорством защищают мнение о существовании души. Душа, по их мнению, свободна. Она может не только оставлять тело человека, когда ей угодно.

Так, некоторые лица якобы наблюдали, как у спящего человека из носа выползал паук.

На основании такого взгляда считают величайшим преступлением и грехом убивать пауков, ибо никто не уверен, что какой-нибудь паук не является душой того или иного спящего человека.

Так как душа оставляет человека во время сна, то калмыки говорят, что нельзя никого будить внезапно громким криком или каким-нибудь другим, подобного рода, способом. Полагают, что при таких случаях душа может не успеть вернуться обратно в тело. Результатом этого может быть смерть. Такое же запрещение будить внезапно спящего человека наблюдается и у многих других народов.

Выходом души из тела калмыки объясняют и сновидения. Душа во время сна человека выходит и гуляет, а человеку в это время снится всё, что она встречает во время своей прогулки.

Выходя из тела, душа может и не возвратиться обратно, особенно, если её чем-нибудь испугали. В таких случаях возникает вопрос о необходимости просить и звать душу возвратиться. Здесь нужно спешить: душа может уйти далеко и даже одичать, после чего звать её прийти обратно представляет большое затруднение. Она может не возвратиться, несмотря на все просьбы. Кроме того, если душа успевала одичать на

воле, то, если даже она и приходит обратно, человек делается ненормальным. Душа человека может покинуть его тело не только во время сна, но даже тогда, когда он бодрствует.

Верования, что душа может уйти далеко и не возвратиться, существуют также и у других малокультурных народов. Как узнать, что душа ушла у человека? Калмыки считают, что человек, у которого ушла душа, становится малоразговорчивым, замкнутым, нелюдимым, постепенно худеет, работа у него валится из рук. Вообще он представляет собой явно больного человека. Для окончательного разрешения вопроса приглашается гелюнг, который ищет в своей священной книге, ушла или нет душа и что случилось с человеком. Большей частью сообразно с настроением как самого больного, так и его близких, гелюнг разрешает вопрос в ту или иную сторону.

Душу может вызвать, по мнению калмыков, обратно только духовное лицо. Так как оно знает нужные молитвы, а без них душа не сможет возвратиться, так как не найдет себе дорогу. Молитва же направляет её и указывает ей путь. Для зова души существует несложный ритуал. Обычно приглашается один, а иногда и два гелюнга; покупают заднюю ножку барана и её варят, причем берцовая кость варится целиком без всяких повреждений. Когда ножка варится, то мясо съедается как гелюंगाми, так и всеми присутствующими. Кость тщательно очищается от мякоти. После этого её подвешивают к передней части кибитки — перед бурханами. Обычно эта процедура делается так: берут небольшую палочку и подвешивают веревкой к жердям кибитки наподобие коромысла, причем оба конца палочки должны находиться в полном равновесии. На обоих концах палочки на веревках привязывают с одной стороны указанную выше берцовую кость, а с другой — шапку больного, куда кладут конфеты. Как шапка, так и кость должны находиться в полном равновесии. После всего этого гелюнги читают соответ-

ствующие молитвы, которые должны показать дорогу душе. Кроме того, из теста делают всевозможные фигуры, зажигают лампаду перед бурханами и заставляют как больного, так и всех присутствующих молиться. Вся эта процедура должна подействовать на заблудшую душу и направить её на верный путь. Слыша слова молитв, она должна догадаться, что в ней нуждаются и просят её возвратиться. Во время чтения молитв кто-нибудь из присутствующих, согласно указанию священной книги, выходит из кибитки. Он должен три раза обойти кибитку кругом медленными спокойными шагами и звать душу. Обычно он, обходя кибитку, выкрикивает имя больного и просит прийти душу обратно, так как кибитка здесь. Предположим, больного зовут Бадма, тогда обращение звучит так: «Бадма, иди ко мне, твоя кибитка здесь».

Подобная церемония встречается у народов Китая. Население юго-запада верит в том, что во время хронической болезни душа покидает тело. Тогда так же, как у калмыков, читают молитвы, призывают душу по имени и умоляют её вернуться обратно. У двери ставят наполненные водой, вином и рисом [емкости. — *сост.*] для освежения блуждающей и усталой души.

Церемония вызывания души заканчивается тем, что гелюнги перед уходом предлагают посыпать дорожку золой от порога кибитки до кровати больного, чтобы, возвращаясь, душа знала, куда идти. Золой делают дорожку, во-первых, потому, что она заметнее на земле, во-вторых, по ней мягче идти, и, наконец, в-третьих, зола считается чистой, как полувывшаяся после горения.

После всего этого душа должна возвратиться не позднее ближайших трех суток. Кибитка больного обычно отделяется от хотона. Её ставят в стороне на краю хотона. В продолжении трех дней в кибитке больного воспрещается громко разговаривать. Больного оставляют или одного, или с ним остается только один человек, который обслуживает его.

Все это делается для того, чтобы не испугалась душа шума хотона, так как за время своего блуждания могла одичать. При шуме и беспокойстве она может не только не возвратиться обратно, но даже уйти дальше, так как она очень пуглива и относится ко всему окружающему крайне недоверчиво.

Как узнать, что душа возвратилась? Признаком возвращения души считается нарушение равновесия коромысла весов; шапка перетягивает берцовую кость, так как, возвратившись, душа, по предположению калмыков, сначала прячется в шапке и лакомится конфетами, которые были положены туда. Так как она имеет известный вес, то шапка перетягивает кость. В том, что шапка может перетянуть берцовую кость, ничего удивительного нет.

Но, конечно, не от того, что туда, как думают калмыки, забралась душа, не надо забывать, что шапка у калмыков обычно мерлушковая, пол у кибитки земляной, сама кибитка плохо защищена от проникновения пыли или песка. Кошмы, покрывающие её, обычно имеют массу отверстий. Дверь в кибитке кошменная, которая то и дело открывается ветром. Кроме того, наверху кибитка суживается и кончается дымовым отверстием. Отсюда в кибитке получается постоянный сквозняк, который поднимает пыль. Последняя оседает на шапку. Мерлушковая шапка является лучшей собирательницей пыли и песка. За трое суток при обилии пыли и песка в кибитке шапка успевает набрать их в достаточном количестве, чтобы перетянуть кость. Это видно из того, что шапка перетягивает кость не сразу, а постепенно. К тому же за трое суток и сама кость успевает высохнуть. Она теряет всю влагу, которую имела первоначально. Отсюда понятно, что кость становится легче, а шапка тяжелеет. Между тем эта очень простая вещь кажется калмыкам чем-то сверхъестественным и необыкновенным.

Уход души из тела всегда является добровольным. Её можно изгнать из тела против её желания, насильственным путем. Одним из таких путей, по мнению калмыков, является молитва.

Вследствие этого калмыки полагают, что духовенство, как знающее соответствующие молитвы, при желании легко может изгнать душу у живого человека. Поэтому они стараются угождать во всем духовенству, не сердить и не обижать его, чтобы оно не отправило их душу на тот свет. Это для духовенства, по мнению верующих калмыков, больших трудностей не может представить. Часто пьяные гелюнги, а иногда и в трезвом состоянии, в споре с простолюдинами калмыками угрожают выгнать их душу и отправить её в ад. Эти слова еще больше укрепляют веру в калмыков в возможность изгнания души. Несомненно, подобная вера в могущество гелюнгов способствует последним безнаказанно и самым наглым образом обирать калмыков.

В связи с верованием о возможности изгнания души у человека вытекает другое поверье, что нельзя служить панихиду по живому человеку. Подобная вещь, по словам калмыков, может вызвать смерть этого человека.

Эта вера так была сильна у калмыков, что они никогда не решались отслужить панихиду по пропавшему без вести, если нет никаких данных о его смерти.

Калмыки полагают, что в некоторых случаях человек может не умереть, но он делается глупым, вялым и ненормальным. Чтобы сделать такого человека снова здоровым, нужно отслужить особый дорогостоящий молебен, который заставит вернуться изгнанную силой души. В древней Греции душу тоже заставляли вернуться, но не молитвами, а особыми церемониями.

Им указывали, какое значение придавали как калмыки, так и в духовенство панихиде, отслуженной по ещё живому человеку, как они этой панихиды боялись.

Между тем, были факты, когда некоторые состоятельные калмыки — старики и старухи, у которых по той или иной причине начинает падать скотоводство, ещё при жизни заказывали себе панихиду. Мотивировали они необходимость заплатить гелюнгам за панихиду, пока есть скот. Некоторые без всякой видимой причины, просто из желания при жизни выделить недвижимое и движимое имущество хурулу, заказывают себе панихиду. При всем этом никто не боится тех последствий, о которых так много говорит духовенство. Наоборот, гелюнги, которые уверяли, что после панихиды человек должен погибнуть или превратиться в идиота, одобряют намерения этих состоятельных людей, доказывая, что панихида необходима, и уверяют, что если совершить панихиду при жизни, человек делается долговечным и здоровым, ничего, кроме хорошего, его не ожидает.

Как понять такое несуразное противоречие у калмыцкого духовенства? Эту явную несуразицу мы объясняем только невероятной гибкостью калмыцкого духовенства, которое обрядам и молитвам может придать какое угодно значение, лишь бы побольше заработать, а так как панихиду заказывают люди состоятельные, гелюнгам перепадут от подобных панихид большие средства, иногда половина и больше всего имущества.

После смерти человека душа оставляет тело. На некоторое время, по уверению гелюнгов, она остается около трупа. Только после панихиды и прочтения соответствующих молитв она окончательно покидает то место, где отделилась от тела и направляется на суд к царю ада — Эрлик номан хан — к царю чертей.

На своем пути к царю ада душа человека встречает массу препятствий в виде лесов, озер, морей, диких зверей, страшных ядовитых змей, которые доставляют ей много хлопот и трудностей. Чтобы душа шла легко и по освещенной дороге,

в кибитке, где умер человек, поддерживают каждую ночь, до известного срока, [огонь. — *сост.*] лампад перед бурханами. Родным и родственникам умершего плакать по нему воспрещается, ибо слезы превращаются в озера, моря, тем самым затрудняют путь дальше. После многих мытарств, она, наконец, является к царю ада на суд. Здесь взвешиваются все как хорошие, так и дурные дела человека. Сообразно результату взвешивания душа получает дальнейшее назначение. Если грехов оказалось больше, чем добрых дел, она подвергается всевозможным наказаниям. Служащие царя ада бросают её то в холодный, то в горячий ад, льют на неё холодную воду или кипящее молоко, жарят на жаровнях, прокалывают насквозь раскаленными железными прутьями и т. п. После всей этой процедуры, когда царь ада найдет возможным прекратить дальнейшее истязание, по его же постановлению душа покойника переселяется в какое-нибудь животное в зависимости от степени грешности человека. Она может переселиться в какое-нибудь живое существо и даже в неодушевленный предмет. Самым тяжелым и суровым наказанием считается переселение души в змею и в единственного быка бедняка.

Переселение души в быка плохо тем, что бедняк вечно работает на нем и в то же время по своей бедности и мало-мощности не в состоянии его вдоволь кормить, отчего бык вечно голоден и представляет из себя кожу да кости.

Души малогрешных переселяются, по учению гелюнгов, обычно в собаку. В собаку переселяются большей частью души ближайших родственников, чтобы охранять и оберегать своих близких. В силу этого верования убийство собак у калмыков приравнивается к убийству людей, например, при заболевании опоясывающим лишаем, калмыки в качестве лекаря приглашают лицо, которое убило человека. Если же такого лица не находят, то приглашается человек, убивший собаку. Эти два убийства равноценны.

Буряты-шаманисты, по словам Косокова, тоже не убивают собак на том основании, что души их обязательно на том свете возбуждают уголовное дело против собак-убийц и всегда судебный процесс выигрывает.

Душа человека может переселяться, как мы указывали, и в других животных, даже в насекомых, рыб и в неодушевленные предметы. Этим верованием объясняется, с одной стороны, что калмыки не только редко убивают животных, но стараются не уничтожать даже насекомых.

По уверению духовенства, не все души переселяются в животных, так же, как не все они доходят до царя ада на суд. Такие души называются «заблудшими». Причин возникновения их очень много. Главной причиной считается, что гелюнги, служившие панихиду, не особенно хорошо знали священные молитвы, почему и не сумели направить душу прямо к царю ада. Вторая причина — родственники умерших были скупы и мало пожертвовали духовенству. Наконец, это души похороненных без молитв и панихид. Такое объяснение дают о блуждающих душах гелюнги. Блуждающие души приравниваются калмыками к нечистой силе, они обитают главным образом в районе, где были похоронены. Большой частью блуждающие души творят злые дела: пугают людей, завлекают неопытных людей в свои сети и губят их. Часто они принимают образ людей, являются к ним, приняв образ знакомых или животных.

Вследствие существования верования в заблудшие души калмыки были уверены, что во время холерной эпидемии в 1892 году души покойников не доходили до царя ада, а блуждали по земле, по хотонам, с песнями, музыкой, сея повсюду страх и творя злые дела, иногда приезжая в хотон на фурах за душами своих знакомых. Калмыки утверждают, как будто все это они сами лично видели и слышали. Между тем, если исхо-

дить из общего учения ламаистского духовенства, этих блуждающих душ не должно быть. Во-первых, души всех умерших должны находиться под наблюдением «курьера» — царя ада, а также злого и доброго духов, которые сопровождают данного человека во время земной его жизни, записывая добрые и дурные его дела. Во-вторых, душа каждого человека, как мы сказали, обязательно должна явиться к царю ада на суд. По уверению духовенства, ни одна душа не должна миновать царя ада и суда. Следовательно, получается явное противоречие, которое, несомненно, возникло только на почве корыстолюбия калмыцкого духовенства. Благодаря существующему верованию о блуждающих душах, часто почти все состояние умерших переходит к хурулам. Таким путем до революции у хурулов накопились громадные богатства. К сожалению, эти противоречия между обязательным шествием души на суд [и] блужданием ее не замечается населением. По-видимому, его ослепляет слишком сильная вера в непогрешимость и святость гелюнгов.

Что касается душ неблуждающих, т.е. таких, которые дошли до царя ада и были у него на суде, то они большей частью сильно беспокоятся об оставшихся в живых своих родных и родственниках. Души родоначальников заботятся о всем своем роде. Так, калмыки Эркетеневского улуса рассказывают, что им покровительствуют их давно умерший родоначальник «Эджи-Авгатн». Душа Эджи-Авгатн появляется над страдающим эркетеневцем в виде небольшого, размером с подпотник, облачка, утоляет его голод, жажду, помогает в несчастье, дает возможность выпутаться из затруднительного положения. Однако Эджи-Авгатн не всегда и не всякому эркетеневцу помогает. Чтобы получить от него помощь, нужно искренне верить в его необыкновенную силу и относиться с глубоким уважением к его па-

мяти, молиться ему. Души умерших нуждаются как в пище, так и в одежде. Поэтому периодически нужно их снабжать всем необходимым. Если оставшиеся в живых родственники не догадаются, то души сами напоминают о себе. Большой частью души о своей нужде дают знать родственникам своим через сновидения. Видевшие сны приглашают гелюнгов, рассказывают им свои сновидения, просят принять необходимые меры, чтобы души родственников не беспокоились, и сообщить им через молитвы, что они будут снабжены всем нужным. Обычно приносится в жертву душам плиточный или кирпичный чай, крендели, материи или готовые одежды, вплоть до дорогих шуб. Все это передается хурулам или же отдельным гелюнгам, так как калмыки считают, что духовенство является посредником между душами и их родственниками. Души успокаиваются, когда все пожертвованное достанется гелюнгам. Пожертвование гелюнгам или хурулам считается равносильным получению всего этого имущества и продуктов покойниками. Души умерших могут и рассердиться на своих живых родственников, особенно если последние непочтительны к ним. В таком случае они могут даже наказать их, заставить пострадать. Так, если женщины непочтительно относятся к памяти родственников, они посылают им трудные роды. Поэтому при трудных и тяжелых родах женщины обычно зажигают лампы перед бурханами и молятся не только бурханам, но и душам своих предков.

Они просят простить им, если они позволили себе чем-либо прогневить их, и обещают им принести в жертву чай, крендели, материю на платье.

Все эти верования калмыцкое духовенство поддерживает, так как это дает ему возможность хорошо наживаться за счет темноты и религиозного фанатизма.

ДУХОВЕНСТВО

Никто среди калмыков не пользовался раньше таким авторитетом, как духовенство, особенно его высшая иерархия — ламы, бакши и прочие. К ним никогда не обращались по имени, это считается святотатством. При обращении к ним говорят «зергяс» — «ваше преподобие», «преосвященство». Если духовное лицо спит, то не говорят, что он спит, а «одержим сном». Когда же хотят сказать, что такой-то лама или бакша умер, то говорят «бурхн болва²¹» — «сделался богом». Если кто-нибудь рассказывает, что дело происходило при жизни такого-то духовного лица, то говорят «еще когда он бодрствовал». Никто не имеет права ходить вместе с высшим духовным лицом. Оно идет отдельно впереди всех. Когда хотят сказать, что духовное лицо идет, то говорят «шествует», «ступает» или же «является», «показывается». Никто не имеет права первым заговорить с духовенством. Вошедший должен остановиться около дверей и ждать, пока духовное лицо не скажет «менде», «здравствуй» или «здоров». После этого вошедший приподнимает большой палец правой руки, немного сжав все другие пальцы, до уровня лица и после этого только может сесть на указанное место. Никогда никто не должен возвращать все то, что дает духовное лицо. Если это съестное, то должен съесть, если жидкое — выпить до капли. Никто не должен пресекать дорогу духовенству. Идущий должен остановиться и пропустить его. Всякий верховой при разговоре с духовным лицом, если оно идет пешком, должен слезть. Оставаться на коне в таком случае считалось в высшей степени неприлично.

Когда духовное лицо пьет чай, то никто не имеет права пить одновременно с ним. Ждут, пока оно не напьется. Толь-

²¹ В рукописи опечатка, написано «балва».

ко после этого присутствующие начинают пить чай. Остатки пищи духовного лица — нечто святое, поэтому они передаются любимцу семьи или же съедаются или выпиваются самим хозяином. Духовное лицо никогда не должно сидеть на голой земле. Ему всегда подстилают кошму в передней части кибитки. Точно также оно само не должно брать ничего съестного из земли. Поэтому всякую пищу ему передают на руки. После этого оно может поставить на землю и брать без посторонней помощи. Перед всякой едой, особенно перед чаем, гелюнги читают молитву, так называемую «благопожелание чаю».

Духовенство имеет право есть, сняв шапку, чего никогда не разрешается простым смертным. После того, как гелюнги кончают пить и есть, они обыкновенно полощут рот из маленького сосуда, называемого «чаврун», в котором хранится вода. Чаврун гелюнги носят постоянно с собой. Если какой-нибудь гелюнг ночует у кого-нибудь, то его одежду ставят на почетном месте около бурханов.

С таким необыкновенным, раболепствующим почетом относятся калмыки к своему духовенству, которое так безжалостно вместе с кулаками и дворянством эксплуатировало их.

Насколько это правда, нам как нельзя лучше показывает следующее: еще до войны в донской области жил бакша Борманджиев. Этот бакша считал себя почему-то святым. Он все время внушал эту мысль населению и старался при всяком удобном случае показать свою святость. Рассказывают, что он бегал по кибитке, издавал какие-то звуки, при этом халат его широко развевался. Он тогда объявлял, что он не ходит, а летает.

Вместе с тем этот бакша был очень богатым человеком, а, следовательно, имел большой вес среди населения еще как богач. Калмыки стали считать его святым.

Духовенство всячески пропагандировало святость своего патрона, приписывая самые невероятные качества, свойства и чудеса.

В конце концов, разжигаемый духовенством религиозный фанатизм дошел до того, что население стало собирать все экскременты бакши и употреблять их от всяких недугов.

Население караулило, когда бакша будет отправлять свою естественную надобность. Как только он вставал после этого, ожидающие бросались к экскрементам и все оставленное им собирали самым тщательным образом и тут же глотали. Остатки экскрементов отвозили завернутыми в чистый платок для своих близких. Бакша из всех сил поддерживал этот дикий фанатизм темного населения, указывая, что его экскременты святые и потому их должны принимать все без исключения, если только они хотят себе хорошего.

Такое отношение бакши вполне понятно, так как подобное слепое поклонение давало ему возможность накопить громадное богатство и вместе с тем пользоваться невероятным авторитетом.

О подобном фанатизме у других народов Шиллинг приводит в своей статье «Ингуши и чеченцы». Он рассказывает, что в один чеченский аул прибыл потомок Магомеда — араб и совершил омовение: основательно вымыл в тазу ноги, руки и несколько раз выполоскал рот. После чего таз с водой бережно взял один престарелый мулла, который начал подносить присутствующим. Каждый делал по одному глотку «святой» воды. Таким образом, более «счастливые» успели попробовать грязной жидкости, те же, кому этих помоев не хватило, были чрезвычайно опечалены. Араб самодовольно следил за процедурой. Затем, получив от собравшихся значительную сумму денег, поехал к другим почитателям. («Религиозные верования народов СССР»).

Случай с бакшой ясно показывает, как умело духовенство прибирало население к своим рукам.

Мы часто слышали от духовенства: «Не одевайтесь чисто. Не носите хорошую одежду, ибо это грех». «Не кушайте много. Не употребляйте хорошую пищу, ибо это грех», — продолжало калмыцкое духовенство. Оно уверяло население, что все предопределено судьбой при самом рождении каждого человека. Каждому человеку, якобы, записывается в книгу судеб, сколько и чего он должен носить в продолжение своей жизни. Поэтому калмыцкое духовенство говорит: «Не носите хорошую одежду, ходите в плохой. Чем хуже, тем лучше и тем больше будет счастья, богатства и здоровья». На основании всего этого калмыки убеждены, что если человек хорошо ест, то он должен быть недолговечным, ибо быстро кончается то количество продуктов, которое было предназначено ему судьбой при его рождении. Калмыки рассуждали: раз продукты кончились, благодаря их неэкономному употреблению, то данный человек, не имеющий больше права претендовать на них, должен умереть. Во-первых, человек, одевающийся хорошо и чисто, кроме того, обращает на себя внимание нечистых сил, которые стараются принести ему вред, а во-вторых, быстро иссякает тот запас одежды, который был предназначен данному человеку свыше.

И действительно, калмыки были в полной уверенности, что жить лучше — это значит сократить же жизнь свою. Поэтому они рассуждают так: лучше я буду терпеть какие угодно лишения и всевозможные невзгоды, чем быть недолговечным. Отсюда полная инертность, полная беспечность, которые и вели калмыков к печальным результатам в виде преждевременной старости, смерти, заболеваний и т.д.

Калмыки почему-то подчинялись и покорялись этому несуразному учению, не задаваясь вопросом, почему само

духовенство, проповедующее плохую грязную одежду и скверное питание, само абсолютно не соблюдает этого. Кажалось бы, логически правильным [является. — *сост.*], что, если духовенство знает, что от всего этого люди недолговечны, то больше всех должно соблюдать все это оно само. Этого мы на деле никогда не видели и не видим. Никто, конечно, не допустит мысли, что оно старается все предназначенные ему продукты, одежду израсходовать как можно скорее и самим обречь себя на быструю смерть. Между тем, никто не скажет, что оно живет плохо. Мы знаем, что лучше калмыцкого духовенства никто не жил в степи. Оно, вопреки своей агитации, ело всегда хорошо и обильно. У него всего вдоволь. Лучше его никто не одевался. Духовенство окутывало себя в шелк, бархат, сукно и другие, наиболее дорогие материи, о которых простые калмыки даже не могли мечтать.

Дальше калмыцкое духовенство говорит: «Уничтожать корень нельзя, ибо сам останешься без него» (подразумевается — без потомства). Калмыки были уверены, что всякое нарушение этого учения принесет ему самое суровое наказание. Поэтому с необыкновенным предубеждением калмыки относятся к нарушению целостности земного покрова. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в том, что калмыки до сих пор еще полностью не осели и не все занимаются земледелием.

Духовенство же изо всей силы, всеми способами, которыми оно располагает, старается поддержать это суеверие калмыков, ибо в этом оно видит свое благополучие и возможность беззастенчиво эксплуатировать их. Оно ясно учитывает, что земледелие поднимает народ как экономически, так и культурно, и в результате население постепенно освобождается от своих суеверий и обычаев, доставляющих духовенству громадные доходы.

Калмыцкое духовенство играет немаловажную роль в уничтожении калмыцкого народа и распространении среди него всевозможных эпидемических заболеваний: «Грязь приносит счастье», — говорит гелюнг. «Грязного человека бог бережет», — продолжают они. «Грязному бог дает счастье и долголетие», «Жить в грязи — это значит никогда не хворать и никогда не видеть несчастья», — проповедует духовенство. «Чем грязнее живешь, тем лучше». Вот что слышишь от калмыцкого духовенства.

Такое извращенное понятие и [отношение к. — *сост.*] гигиене является одним из самых сильнейших зол калмыцкого народа. Благодаря этому весьма нелепому учению, вдолбленному в сознание народа, очень трудно прививается среди калмыков санитарно-гигиеническая культура, столь необходимая именно в условиях кочевой жизни. Вследствие этого всевозможные очаги эпидемических болезней и сейчас с трудом искореняются. Смыть грязь калмыки считали равносильным смыванию счастья. Особенно строго этого правила калмыки держались относительно посуды, которую почти никогда не мыли. Посуда обычно вытиралась пальцами, редко тряпками, иногда даже облизывалась языком.

Ясно, что через такую посуду сплошь и рядом передаются всякие болезни.

Мы считаем необходимым поставить вопрос, придерживается ли само духовенство того, что составляет основу учения Будды. Мы знаем, что согласно учению Будды духовенство должно жить исключительно в своих хурулах и выходить оттуда только по приглашению мирян. Соблюдается ли это духовенством? Нет. Мы знаем, что калмыцкое духовенство любит побывать в хотонах, где оно ведет свободную жизнь, резко противоречащую их обету. Дальше, духовенство не должно иметь никакого запаса. Продукты питания оно должно собирать от мирян, протягивая свою чашку у

каждого жилища. При этом никто из гелюнгов даже не должен замечать, кто и что дает. После того, как обойдут мирян, они должны все собранное разделить на три части. Одна часть идет для приезжих в хурул, другая — для бедных, третья — для самих гелюнгов.

Калмыцкое духовенство этого никогда не выполняло, а наоборот, делает большие запасы, покупая их в лавках, магазинах. Из всего этого своего громадного запаса всевозможных продуктов, не исключая различных дорогих вин и сластей, духовенство никому и ничего не выделяет. Гелюнги должны спать на полу. Мы же видим, что они имеют шикарную постель, утопающую в шелку и в кружевах. Духовенство, согласно религии, не должно ездить, а ходить пешком, мы же знаем, что оно пешком не делает даже самых незначительных расстояний. Наконец, духовенство своим поведением должно являться примером для мирян. Между тем мы видим, что пьянство и картежная игра очень распространены среди гелюнгов и вообще калмыцкого духовенства.

Преобразование экономики, рост культуры калмыцкого народа, проведение ленинско-сталинской национальной политики изменили жизнь Калмыкии. Слепого поклонения духовенству теперь у населения нет. Хурулы не имеют своего прежнего значения и величия. Они захирели. Постоянными их посетителями, главным образом, являются старики и старухи. Духовенство принимает все меры к спасению своего тонущего корабля, но их усилия напрасны. Нет возврата к старому.

ЗНАХАРИ И ВОРОЖЕИ

Всем известно, что чем малокультурнее народ, тем больше у него всевозможных знахарей, всюду обманывающих население. В калмыцкой степи таких знахарей было

много. Они встречались здесь в виде «эмчи» — лекаря, «удгун-бо» — ворожейки. Одно из могучих зол для калмыцкой степи представляют из себя — «эмчи». Все они считают себя знатоками тибетской медицины, которая, по уверению лекарей, создана исключительно для монгольского мира. По их мнению, европейская медицина для монгольского племени не годится, ибо это племя имеет особое устройство организма, резко отличающееся от европейского. Этот взгляд постоянно, где только возможно, проводится калмыцкими эмчи. Они принимают всевозможные меры к тому, чтобы население не обращалось к врачам и не принимало прописанных им лекарств. Очень часто они утверждают, что лекарства, которые отпускают врачи, представляют собой сильнодействующие яды, которыми легко отравиться. Такая пропаганда имеет большое влияние на население. Нам сплошь и рядом приходилось встречаться с фактами, когда калмыки полученные медикаменты от врача, выходя из амбулатории, выливали или высыпали из боязни быть отравленными. Калмыцкие лекари не имеют никакого представления и [о] тибетской медицине. Большею частью эти лекари проводят около какого-нибудь известного бакши от 3 месяцев до одного года. После этого они считают себя величайшими знатоками тибетской медицины, афишируя себя именем какого-нибудь известного бакши. Как только какой-нибудь гелюнг объявляет себя «эмчи», то к нему начинают приходить страдающие и жаждущие излечиться от той или иной болезни. В карман такого лекаря текут трудовые деньги от населения. Между прочим, необходимо заметить, что лекарями является почти исключительно духовенство. Жадность и корыстолюбие являются одной из главных причин, что лекари даже не считают нужным изучить даже тибетскую медицину. Благодаря такому невежеству в медицине калмыцкие лекари не

знают почти никакого другого лечения, кроме воды, воды с молоком, суп слабого (жиденького) и супа, напоминающего собой экстракт и масло топленое. Часто желудочно-кишечные болезни, например, острый катар желудка, дизентерия и т. д., лечатся самым крепким супом или топленным маслом. Тифы же всегда лечатся водой. Такие методы лечения обыкновенно приводят к смерти. В уменьшении количества населения в Калмыцкой области не последнюю роль играли эти доморощенные лекари. За свое лечение они получают значительный гонорар, зачастую буквально обирая своих пациентов. Сплошь и рядом получается, что они не только лечат, но находят, как зурхачи, в своих священных книгах причины болезни, которые главным образом заключаются в каком-нибудь предмете или скоте, где крепко засели «нечистые силы» и препятствуют выздоровлению. Ясно, чтобы больной выздоровел, необходимо все вещи и скот передать духовенству, иначе выздоровления не будет. С «нечистыми силами», полученными вместе с указанным имуществом, духовенство может справиться, ибо гарантией этому является «святость» гелюнгов. Очень часто они находили, что на этом свете для данного больного нет места — больной должен умереть, ибо его место вычеркнуто из списков. Только молитвами и пожертвованиями можно снова получить потерянное место. Когда же больной умирает, то эти лекари получают известное пожертвование, как отправляющие душу умершего в рай. Таким образом, мы видим, что калмыцкий лекарь зарабатывает себе большие деньги всевозможными путями, обирая своего пациента. Во-первых, получает гонорар за лечение, во-вторых, как гелюнг, читая молитвы, заклиная и изгоняя нечистых сил и, наконец, когда больной умирает как отправляющий душу в рай. Одним словом, духовенство здесь ни при каких обстоятельствах не теряет. Оно выигрывает независимо от исхода болезни.

Мы выше говорили о невежестве населения, но все же, несмотря на это, оно не могло отречься от их услуг, ибо оно само было слишком сильно закабалено этими шарлатанами — эмчи — и экономически, и духовно. У калмыков по поводу невежества последних существует очень характерный рассказ, который дает чрезвычайно яркую картину обмана населения и шарлатанства лекарей.

«К «известному» лекарю-эмчи обратился больной. Эмчи ничего для этого больного не мог придумать. Чтобы не остаться в дураках, эмчи задал больному следующий вопрос:

— Когда мочишься на снег, то снег желтеет?

— Желтеет, ваше благородие, — поспешил ответить удивленный больной и все сопровождающие его. Все были изумлены таким «величайшим открытием» «великого эмчи». Ведь каждый из нас видел, что снег желтеет от мочи. Как же не удивляться...

Эмчи, ободренный первым успехом, продолжал дальше:

— Когда хочешь спать, то зевота бывает? — спросил он.

— Бывает, — с величайшим благоговением, склонив голову, ответил больной, все больше и больше удивляясь необыкновенным «знаниям» лекаря. Все пришли в восторг от знаний лекаря. Каждый не мог сравнить его ни с одним из других известных лекарей».

Мы видим, что само население глумится над невежеством, своим слепым поклонением и необыкновенной верой духовенству.

Зурхачей калмыки тоже высмеивают. Они даже подметили, что не все гелюнги знают молитвы.

Темнота, забитость трудящихся масс калмыцкого народа, двойная эксплуатация со стороны русских колонизаторов, своего национального кулачества и духовенства, безысходная нужда, отсутствие всякой перспективы на будущее толкало трудящихся калмыков в руки еще одного вида паразитов — ворожей.

Они, так же как и духовенство, и эмчи, беззастенчиво обдирали трудящихся, «предсказывая» счастье, несчастье и т. д.

Вера в предсказания этих проходимцев — паразитов трудящихся калмыков — была неразрывно связана с религиозными верованиями.

Им известно, что калмыки верят во всемогущество «цаган овгн» — «белого старика».

Для того чтобы объявиться ворожеем — знахарем, такой проходимец объявляет, что к нему явился «цаган овгн» и предложил быть великим знахарем; он отказывается от этой чести, но «белый старик» настоял на своем.

Прежде, чем быть всезнающим и великим знахарем, необходимо устроить пир. После чего можно официально считать знахарем, и к нему уже обращаются за помощью. Конечно, всякое такое обращение оплачивается, смотря по важности, соответствующим гонораром. Эти «всезнающие» берутся за какое угодно дело: пропадет у кого скотина, захворает кто, не рождаются дети у какой-нибудь семьи, не приезжает кто-либо долго, пропадет у кого вещь, увидит дурной сон и т. д. — все это разрешается ими. Каждому они дают указания. Они знают много хитрых, замысловатых слов и выражений, в силу чего очень часто отделяются простой игрой слов, не имеющей никакого смысла, подобно тому, как цыганки говорят, гадая, «до новой смерти не умрешь» и т. д. Знахари очень дерзки и наглы.

В Эркетеневском улусе был следующий случай, свидетелем которому пришлось мне быть самому. Один из ворожеев был приглашен к больному калмыку. У него был застарелый вывих плеча. Калмык обращался ко всем, но безрезультатно. Прибывшего ворожея накормили, напоили аркой и уложили спать, ибо он объявил, что ночью будет говорить во сне с «белым стариком» — своим покровителем. Чтобы «белый

старик» был в «курсе» дела, то он предложил поставить постель вместе с больным. На другое утро ворожей встал рано, проверил весь скот больного, у которого кроме коз, никого не было. Во время чаепития ворожей заявил больному, что среди его коз имеется одна ненастоящая коза, а нечистая сила. До тех пор, пока она будет у больного, он не выздоровеет. Козу надо отдать ему (ворожею), и тогда все кончится благополучно. Больной робко заметил, что среди коз имеются и чужие и может ли нечистая сила засесть в чужой козе. Ворожей неосторожно уверил, что нечистая сила может быть только в козе больного и, кроме того, он сразу узнает ее. Все вышли к козам. Ворожей указал на самую лучшую козу. Она оказалась чужой. Но он не смутился и указал на другую козу. И эта оказалась чужой. Указал на третью, четвертую, и они оказались чужими. Все присутствующие и главным образом сам больной усомнились и отошли от коз. Чтобы не обидеть знахаря, ему обещали привезти козу после.

Точно так же ворожей «помогали» иметь детей бездетным. Обычно бездетные прикочевывают к ним со своей кибиткой. Часто жаждущие иметь детей лица сидели годами около этих ворожей и совершенно разорялись. Духовенство тоже «помогало» бездетным иметь детей. В большинстве все эти «творители детей» сожительствуют со своими пациентками. Если бездетность зависела от бесплодия мужчины, то вполне понятно, что через известный промежуток времени после сожительства до этого не рожавшая женщина рожала. Последнее обстоятельство производило фурор, и слава «творителя детей» далеко распространялась среди населения не только данной местности, улуса, но даже и других улусов, на сотни верст кругом. Несомненно, что к такому ворожею жаждущие иметь детей стекались со всех сторон с богатыми дарами, ворожей богател не по дням, а по часам.

Многие калмыки не предполагали, что отсутствие детей зависит главным образом от бесплодия одного из супругов, благодаря многим причинам, в особенности перенесению венерических болезней. Большой частью ворожей объявляли одним из больших препятствий к рождению детей то, что, якобы, некоторые женщины имеют незаметные для несведущих людей пятна на бедрах и в области половых органов. Только по уничтожению их, как они уверяют, данная женщина может иметь детей. При таких случаях ворожей заставляют женщину раздеться и «выковыривают» эти пятна иглами. Конечно, действие происходит в помещении, куда никто не должен входить. Это обстоятельство и способствует главным образом сожительству ворожеев со своими пациентками.

Предметами, которыми ворожат, служат всевозможные палочки, четки, серебряные монеты. Когда хотят узнать, найдется ли пропавшее животное или вещь, приедет ли то или иное лицо, прибегают большей частью к палочке. Для этой цели берут палочку и выстругивают ее трехгранной. Потом отмеряют одну четверть. На этом расстоянии на трех ребрах палочки делают надрезы, не считая их. Когда сделаны уже надрезы на всех трех ребрах, то срезают каждые третьи надрезы. Если в конце останется один надрез, то это считалось радостным предзнаменованием. Когда же в конце получается два надреза, то это показывало близость расстояния, а когда на конце свободных надрезов не остается, то это считалось плохим предзнаменованием. Ворожей остатки эти считают и дают то или иное заключение. Например, далеко ли находится уехавший, здоров ли, с чем идет (с прибылью или убытком), мучается ли, встречаются ли с ним препятствия и т. д. Ворожат и посредством четок. Тоже отмеряют четверть и считают. Получают известное сочетание. Комбинируя их, тоже приходят к тому или иному заключению. Что касается серебряной монеты, то ворожей ее ставит перед собой гер-

бом вверх. Смотрит долго и пристально на монету, шепчет что-то, плюет в сторону и после этого начинает объявлять, что мешает выздоровлению, если человек больной, что нужно передать ему, что нужно вообще сделать и т.д. Наконец, сновидения. Вoroжей уверяет, что во сне ему становится ясным, куда делась пропавшая вещь, причина болезни того или иного лица и т.д., ибо ему в этом не только помогает «белый старик», но сами вещи приходят и рассказывают, где они и что происходит с ними.

ТАЛИСМАНЫ И АМУЛЕТЫ

Калмыки говорят, что некоторые лица владеют талисманами и амулетами, благодаря чему они неуязвимы для пули. По мнению калмыков, необыкновенной силой, предохраняющей от пули, владеет амулет «кюкюн цаган мирде» — «амулет белая барышня». По убеждению калмыков, таких «мирде» во всем монгольском мире всего четыре. Из них две штуки еще во времена перехода калмыков из Джунгарии на Волгу проникли в калмыцкую степь. После этого «мирде» несколько раз переходили из рук в руки некоторых нойонов и зайсангов, из которых каждый стремился овладеть этими невероятно «чудодейственными» «мирде». Рассказывают, что в свое время эти амулеты доходили до баснословной цены. За них давали сотни баранов. Калмыки полагали, что этими «мирде» владели харахусовский зайсанг, известный бандит Менгетыев, и не менее известный среди калмыков нойон Тундутов. Калмыки были в полной уверенности, что эти два лица застрахованы от пули и никогда не думали, что можно было поймать бандита Менгетыева. Каково же было их удивление, когда Менгетыев был убит. Многие даже не хотели верить. Слишком глубока была вера в чародейственную силу «мирде» и их непогрешимость.

Если «мирде» являлись величайшей редкостью и достоинством единичных избранных лиц, то другой амулет «бу», который носят почти все калмыки, такой редкостью не является. Его можно заказать духовенству. Оно за него берет не так дорого, и поэтому «бу» можно иметь всякому бедняку. Его носят на шее на тесемках. Сам «бу» представляет из себя четверть листа бумаги, где начерчено много линий всевозможных фигур и круги с надписью на тибетском языке. В некоторых нарисованы изображения бурханов. «Бу» имеет универсальную способность предохранять от всех и всего, например, защищает от нечистых сил, предохраняет от молний и испуга. Поэтому многие калмыки носят их по несколько штук. К «бу» многие пришивают еще наконечники стрел. Калмыки их принимают за стрелы дракона — «Лу бугин сумн» — «пуля ружья дракона». Эти наконечники, по верованию калмыков, предохраняют от ударов молнии. «Бу» носят также на руках (кистях) и на ногах. Еще вешают его в местах крепления решеток и на дверях, чтобы предохранить кибитку от проникновения в нее нечистых сил. Некоторые состоятельные лица носят на шее в серебряном футляре изображение богов. Такого рода «бу» стоит гораздо дороже и сила их якобы в сравнении с простыми гораздо больше. С такими «бу» можно бывать везде, не рискуя наскочить на какую-нибудь неприятность, вроде нечистой силы и т.д. Если по той или иной причине какой-нибудь калмык не может носить больше «бу», то он отдает его хурулу или же привязывает к камышу или дереву в таком месте, где не бывает много людей, чтобы они не могли осквернить его.

Кроме всего этого каждая кибитка имеет так называемое «дорж джодбо». «Дорж джодбо» — это молитва, написанная на тибетском языке. К сожалению, с содержанием ее мы не знакомы. Но, по убеждению калмыков, оно предохраняет данную семью от всех несчастий и является наилучшим за-

щитником от всех невзгод. «Дорж джодбо» в году несколько раз нужно освящать. Тогда приглашается гелюнг, который читает его, проводит над огнем с можжевельником до начала чтения и по окончании. Молитва эта завернута в три ряда материи красного, желтого, синего или какого-нибудь другого цвета, кроме черного. Сверху связывается лентой. Гелюнгу за чтение «дорж джодбо» дают деньги и хорошо кормят.

Кроме «дорж джодбо», имеется еще другой амулет — «кишкин кюрде». Он заказывается калмыками у гелюнгов за особую плату. «Кишкин кюрде» — «кюрде для счастья» — помогает обогатиться данному хозяину. Он способствует собиранию богатства, поэтому для многих желающих разбогатеть имеет большое значение. «Кишкин кюрде» представляет собой небольшой твердый комок. Оно завешивается наглухо в войлок. Что там находится, никому не показывают. «Кишкин кюрде» хранят в одном ящике с «дорж джодбо» и другими бурханами. При освящении их освящается также и «кишкин кюрде». Семья, имеющая «кишкин кюрде», в полной уверенности, что она со временем разбогатеет. Помимо «кишкин кюрде» имеется еще один амулет — «ушхн». Его нам лично не приходилось видеть. Но рассказывают, что «ушхн» напоминает куклу и завернут в войлок. Место, где хранится он, никто не трогает. Его прячут между войлоками в передней части кибитки около бурхана. «Ушхн» имеют только некоторые семьи. Он, как живой, выявляет свое удовольствие и неудовольствие. С ним необходимо считаться, иначе семью может постигнуть большое несчастье. Если он рассердится, то его надо угощать чаем, бараниной и т.д. В общем, он является одним из наиболее ярких защитников семьи. По описанию он во многом напоминает домового у русских.

Талисманы и амулеты также являются одним из средств эксплуатации и одурманивания духовенством калмыцкого народа.

ДЕДЖИ

Деджи — это все первое, что приобретают, покупают, едят, пьют, зарабатывают калмыки, за исключением чуть ли не одной только воды. Когда калмыки едят, например, мясо, рыбу, то сначала выбирают один кусок, который кладется перед бурханами на сундуке в специально для этого сделанной чашечке или же просто на сундуке. Точно также, когда пьют чай, сначала наливают в чашечку для «деджи». Чашечки для «деджи» деревянные, но бывают металлические, а у состоятельных лиц даже и серебряные. По мнению калмыков, то, что налито или наложено в чашечке, идет на питание богам и предкам, хотя они не могут есть и пить их, как люди, но они вполне удовлетворяются парами, исходящими от них. «Деджи» убирают после того, как все присутствующие кончают есть или пить. Убирают «деджи» обычно дети. Оно принадлежит исключительно им, так как дети считаются невинными и чистыми. Поэтому только они одни достойны есть и пить остаток пищи богов. Если семья бездетная, то некоторые семьи оставляют «деджи» и дают детям своих соседей. Дети могут даже, не спрашивая разрешения хозяев, взять себе все, что находится в чашечке. Такой поступок детям не возбраняется.

«Деджи» еще не так давно ставился непременно, но в настоящее время соблюдающих этот обычай становится все меньше и меньше.

«Деджи» ставится главным образом во время праздников или какого-нибудь семейного торжества. Оно непременно ставится на новом месте при кочевке, из первого заработка лица, которое до этого ничего не зарабатывало. Пить и есть при таких случаях без «деджи» считается преступлением. «Деджи» не ставится из мяса павших или зарезанных волками животных, так как это мясо грязное и поэтому его не могут употреблять боги и предки.

Кроме того, полагают, что, если ставить «деджи» из мяса таких животных, то как будто выходит, что благодарят богов и предков за то, что у данного хозяина пали овцы или их зарезали волки.

«Деджи» приносится и хурулам. Первое масло, полученное весной, первая арька передаются хурулам. Если хурул оказался далеко, то необязательно, чтобы жертвовали хурулу первый продукт. Но обязательно каждый хозяин старается выделить в году раз или два раза масло и арьку, которые во что бы то ни стало относятся в хурул. В прежнее время каждый год весной выезжал повар хурула с гелюнками или же сами гелюнки для сбора масла, шюрмюг (сушеный творог). Эти сборы давали громадное количество масла, которое хватало духовенству на целый год. Каждый калмык старался пожертвовать как можно больше и лучшее масло, ибо за жадность, он думал, бог мог жестоко наказать, погубив весь его скот. «Деджи» хурулами приносилось от первого улова, от первой полочки, заработной платы. Часто можно было видеть калмыка, несущего в мешке чай, кренделей и прочее, купленные от своих заработков в жертву хурулам.

«Деджи» приносится иногда и предкам от всего этого. Такие «деджи» тоже передаются хурулам, ибо пожертвованное им равносильно получению умершими. Почти такое же значение имеет и другое явление, так называемое «зулу — оргохю». Каждый калмык, когда он сварит чай, то прежде чем пить, берет немного чаю в половнике. Потом идет к двери, снимает шапку, одну (правую) ногу выставляет за дверь и правой рукой брызгает эту жидкость над дверью. «Зулу — оргохю» делают только из чая, который сварен до 12 часов дня.

Причем чай должен быть с коровьим маслом, иначе не разрешается делать «зулу — оргохю». «Зулу — оргохю» непременно производят на новом месте. Давая жертву бо-

гам, калмыки тем самым хотят привлечь внимание богов, чтобы они покровительствовали им на новом месте и не оставили своим вниманием. Эти жертвоприношения несут громадный материальный ущерб населению. Часто лица, у которых дела идут неудачно, думают, что они жертвовали мало, недостаточно, и их за это наказывает бог. Об этом ему твердят его соседи и духовенство. Благодаря этому некоторые лица производят и повторные жертвоприношения. Бывают случаи, когда чуть ли не половина заработка идет хурулам для того, чтобы духовенство своими молитвами сумело дать хороший заработок, лов и благополучие скоту, способствуя его приросту.

В настоящее время жертвоприношения хурулам мы не встречаем. Но возможно, что наиболее темная и отсталая часть населения продолжает это делать.

СМЕРТЬ

Смерть человека, по мнению калмыков, наступает тогда, когда душа оставляет навсегда тело человека. Курьер царя ада, присланный за душой человека, вынимает ее (душу) через одно из отверстий человеческого тела, главным образом через рот, пропуская в тело тонкий как волосок крючок. Этим крючком, якобы, курьер рвет аорту, после чего наступает смерть и курьер с душой отправляется к царю ада. К трупу нельзя прикасаться. Первым к нему может прикоснуться лицо духовное, возглавляющее панихиду по покойнику. Только после этого могут прикасаться другие гелюнги и посторонние, принимающие участие в похоронах. Если человек умер с открытыми глазами, то это считается дурным предзнаменованием. Предполагают, что он зовет за собой других членов семьи или же жалеет об оставленном имуществе. Поэтому глаза покойнику зашивают или же кладут на

них медные монеты. Кроме того, жертвуют за упокой души такого покойника гораздо больше, чем это полагается обычно. По-видимому, монету кладут, желая, во-первых, умиловать душу покойника, а, во-вторых, чтобы покойник не мог держать открыто свои глаза.

При погребении соблюдаются особые правила. Необходимо, во-первых, определить по священной книге, в какую сторону должна быть направлена голова покойника и какое расположение тела должно быть у него. От расположения трупа якобы зависит благополучие оставшихся в живых членов семьи. Некоторых лиц хоронят в стоячем положении, иных в сидячем, а некоторых даже головой вниз. Человек, который был в помещении, где находился покойник, не имеет права до окончания похорон и панихиды уходить оттуда. Он считается нечистым. Ему посторонние ничего не дают, и с ним ничего общего никто не имеет. Только после похорон покойника и совершения панихиды он считается чистым и может уйти.

Если же покойник был человеком старым или уважаемым, то его хоронят все родные, родственники и принимают участие в похоронах все его знакомые. При таких случаях не считается грешным или нечистым делом соприкосновение с покойником.

После похорон обычно устраивают поминки, некоторые режут большей частью мелкий скот. Богатые калмыки режут даже лошадей. Поминки сопровождаются пьянством. Небезынтересно знать, какое поверье существует у калмыков о том, как люди стали умирать. По верованию калмыков, вначале своего появления на земле люди не умирали. Они ни о чем не заботились. Все необходимое давала им природа без больших затрат сил. Была вечная весна. Люди только блаженствовали. Они не умирали и не старели. Предельным возрастом было 15 лет. Вся дальнейшая жизнь человека про-

текала в таком возрасте. Такая вечная молодая жизнь стала людям надоедать. Они стали роптать и просить бога, чтобы он сделал людей солидными и старыми. После этого они перестали жить вечно пятнадцатилетними. Лета у них стали исчисляться сотнями и тысячами. В сказках упоминаются герои, которые имели по несколько сот лет. Такая жизнь стала надоедать людям. Они стали просить старости и смерти. Бог удовлетворил это желание людей. Люди стали умирать на некоторое время. Они выходили из могилы молодыми и начинали снова жить. И вот случилось, по преданию, что однажды умерла мать трех сестер. Ее похоронили. Спустя некоторое время она ожила и возвратилась молодой к себе. Когда она вошла в кибитку, то ее дочери тайно от семьи варили чай и пекли лепешки. Увидя мать, они испугались и вместе с тем были недовольны, что она застала их за этим занятием. Одна из сестер обратилась к матери с вопросом: «Зачем ты пришла, умершая?» С этими словами она подняла палку, которой мешают в очаге огонь, и хотела ударить ею мать. Мать сильно обиделась такой встрече со стороны детей, главным образом на то, что они ее хотели ударить палкой, которой мешают огонь. У калмыков считают самым оскорбительным и унижительным, если кого-нибудь ударят такой палкой. Ею даже не бьют скотину. Обиженная мать вернулась в могилу и больше не возвращалась. С тех пор умершие перестали возвращаться обратно.

Существует другая версия, по которой три сестры, якобы, прогнали не мать, а брата. Это верование калмыков о происхождении смерти несколько разнится от верований других народов.

Туземцы острова Шортленд и папуасское племя каи в северо-восточной части Новой Гвинеи говорят, что вначале люди не умирали, потому что им возвращали молодость. Когда их старая кожа становилась сморщенной и безобразной,

они вступали в воду и, сбрасывая кожу, оказывались покрытыми молодой и белой (стр. 37, журнал «Атеист», № 42). По легендам этих же народов, люди стали умирать от довольно простых причин. Рассказывают, что в то время жила одна старая бабушка со своим внуком. Когда она сменила свою кожу и сделалась молодой, то внук ее не узнал, стал плакать, говоря, что она не его бабушка. Ей пришлось надеть свою старую кожу. Ребенок был доволен этим, но бабушка сказала ему: «Кузнечики меняют кожу, но вы, люди, отныне будете умирать». После этого люди стали умирать (стр. 37, там же).

Из всего сказанного выходит, что по верованию культурно отсталых народов бессмертие заключалось в смене кожи. Поскольку человек перестал менять кожу, постольку он стал умирать. Калмыки, как мы видим, бессмертие не ставят в зависимость от смены кожи. По их верованию всякое живое существо, в том числе и человек, каждый год меняет свою кожу, как они говорят, линяют. Причем человеку не дана возможность видеть свою кожу. Кожу видят животные, особенно змеи. Кожу видят люди.

После того, как люди стали умирать, боги на своем совещании решили сделать людей снова бессмертными. С этой целью они приготовили святую воду, выпив которую, человек должен был быть бессмертным. Приготовив эту воду, боги куда-то отлучились. Караулить оставили бога войны. В это время каким-то образом забрался сюда нечистый дух Араха, который, выпив святую воду, на месте ее помочился. После этого он пустился бежать. За ним погнался бог войны. Долго он гнался за Арахой, но не мог его догнать. Наконец, он заметил, что Араха исчезает в бесконечное мировое пространство, после чего не было никакой надежды догнать его. Тогда бог войны бросил в него свой меч. Меч разрезал Араху на две половинки по пояснице. Нижняя половина его тела скрылась в землю. Из нее, по верованию калмыков, пошли

всевозможные гады, насекомые. Верхняя же половина поднялась на небо. Ее бог войны поймал и привязал к железной телеге, находящейся на Луне. По убеждению калмыков, темные пятна на луне есть ничто иное, как железная телега с привязанным к ней Арахой.

Когда бог войны гнался за Арахой, то Луна указала на него рукой. Последний дал клятву, что он в году три раза проглотит Луну. Солнце указало кивком своей головы. За это Араха дал клятву проглатывать его один раз в три дня. Отсюда поверье о том, что затмение как луны, так и солнца бывает не от того, что земля известное время бывает между луной и солнцем, а от того, что Араха, сдерживая свое слово, глотает луну и солнце. Во время затмения калмыки в полной суматохе. Они уверены, что, если не помочь луне или солнцу во время их борьбы с Арахой, то может победить Араха. И тогда люди останутся в темноте. Как только начинается затмение, зажигают костры, стреляют из оружия, кричат. Все это для того, чтобы испугать Араху.

Духовенство читает молитву, чтобы ослабить силу его. Так как Араха не имеет задней половины, то проглоченные им луна и солнце не задерживаются у него и выпадают.

Этому еще больше помощи, якобы, оказывают все то: крики, костры, молитвы — и тот невероятный шум, который производится во время солнечного или лунного затмения.

СНЫ

Большое значение калмыки придают сновидениям. В преобладающем большинстве случаев они верят в них. Толкователями сновидений являются старшие в семье — бабушка, дедушка и т. д. В зависимости от их толкований семья принимает то или иное решение. Если сон растолковывается так, что в нем ничего дурного и плохого нет, то все успока-

иваются. В противном случае дело без духовенства не обходится. Приглашенные гелюнги читают молитвы, готовят фигурки из теста, заставляют видевшего сон держать во рту солому или палочку в то время, когда читается молитва. По окончании молитвы видевший сон должен три раза плюнуть на солому через отверстие над решеткой у самой двери (тотхо). После этого солому выбрасывают.

Человек, видевший нехороший сон, немедленно после пробуждения должен три раза плюнуть, заклиная, чтобы то, что он видел во сне, не случилось.

Самым дурным считается сон, где фигурирует выпадение зубов. Если человеку приснится, что у него выпали коренные зубы, то это значит, что непременно должен умереть кто-нибудь из младших членов семьи. Если же выпали последние зубы (резцы), то должен умереть кто-нибудь из родителей. Когда человеку снится сон, в котором он видит, что кибитка была не в порядке, что ее убрали, то это тоже, якобы, предвещает смерть кого-нибудь из семьи. В таких случаях обычно приглашали гелюнгов. Другим более или менее страшным сном, в которых фигурируют нечистые силы, грозные силы, хищные звери и даже смерть кого-нибудь из членов семьи, такого большого значения не придают.

Если от неправильного расположения тела во время сна бывают застойные явления, то калмыки полагают, что это происходит от того, что на спящего давит существо в виде старика. Старик этот имеет золотой посох. Когда он давит человека, то посох оставляет около дверей. По преданию, если спящий проснется раньше, чем старик встанет с него и если, проснувшись, он бросится к дверям, то непременно найдет этот посох.

Когда беременной женщине снятся сны с пирами, веселым или игрушки, то это признак, что у нее будет не мальчик, а девочка.

Некоторые знахари уверяют калмыков, что они все узнают посредством сна. Когда они ложатся спать, то к ним прилетают со всех сторон святые духи, которые через сновидения дают им возможность узнать обо всем. На основании этого знахари сплошь и рядом оставляют своих пациентов на ночь, чтобы дать им исчерпывающий ответ на тот или иной вопрос, интересующий пациента.

ОКАЛ

Каждый год весной калмыки освящали свой скот (окал-оргохю). «Окал» начинался после получения весеннего приплода. Он продолжается довольно долго, тянется чуть не месяц. «Окал» совершается исключительно духовенством. В это время хурулы остаются почти пустыми. Все разъезжаются по хотонам на «заработок» после трудной и маловыгодной зимы, когда доход у гелюнгов значительно уменьшается. С наступлением теплых дней гелюнги расплозились, как паразиты, в разные стороны и с необыкновенной жадностью обирали верующих. Горе калмыку, если ему понадобились гелюнги. Каждое приглашение ему дешево не обходится. К числу этих наглых обираний относится и «окал», который давал гелюнгам простор пользоваться арькой, питаться свежей жирной бараниной, возможность самым беззастенчивым образом пополнить свой истощенный зимой запас. Это самое лучшее время, когда гелюнги чувствуют себя лучше, чем когда бы то ни было. Каждый калмык после тяжелой, суровой для него во всех отношениях зимы стремился освятить, очистить от всех тех невзгод, которые были пережиты его скотом, и вместе с тем застраховать его от могущих быть в дальнейшем несчастий и падежа. Приглашается на «окал» не один гелюнг, а несколько. Один с таким радостным событием в жизни калмыка не может справиться, и вместе с тем

нет торжественности. Гелюнгов угощают самым лучшим, что имеется у хозяина. Гелюнги читают молитвы. С молитвами выходят из кибитки, освящают и окропляют скот священной водой («чю» — вода с примесью молока). Иногда при таких освящениях хозяин просит выделить какое-нибудь животное из его стада для посвящения хозяину местности и покровителю животных — «цаган овгн». Животное посвящается обычно не от всей земли, а от отдельного лица. Цвет животного должен быть главным образом белый или серый, но ни в коем случае не черный. Животное выбирается гелюнгами в соответствии с деталями лица, от которого посвящается согласно указаниям в священной книге.

«Белый старик», по верованию калмыков, покровительствует тому лицу, которое посвятило ему животное. Он везде сопутствует ему, дает возможность выходить из затруднительного положения, быть здоровым и богатым. Поэтому в семье можно иногда встретить несколько посвященных животных (сетря). Посвященным животным не может быть корова. Она бодает, во-первых, а, во-вторых, ее считают имеющей всегда какие-нибудь дурные и каверзные мысли. Выбранное животное приводят к гелюнгам. Последнее передают ее тому лицу, от которого оно посвящается. Около гелюнгов готовится возвышенное место. На нем, на подносе (сковорода или просто доска) имеется жар.

На этот жар во время чтения молитвы кладут можжевельник, смешанный с маслом и полынью. Посвященное животное проводится вокруг этого огня лицом, которому оно посвящается, три раза по направлению часовой стрелки и три раза против часовой стрелки. Голову и ноги у посвящаемого животного потом смазывают указанным составом можжевельника с маслом и полынью, привязывают на шею зеленую шелковую нитку, окропляют как его, так и все стадо священной водой «чю» и пускают вокруг кибитки хозяина

по часовой стрелке. Так кончается вся процедура освящения и посвящения. Гелюнги и все присутствующие произносят наилучшие пожелания процветания данному хозяйству. За свою работу гелюнги, кроме денег, получают еще какое-нибудь животное, иначе, по убеждению калмыков, стадо не будет расти. Во время «окала» иногда бывает также и замена старого «сетря» новым экземпляром. Причина такого явления — старость животного или что-нибудь другое (уменьшение стада с того времени, как посвятили данное животное, или же какие-нибудь дурные проявления со стороны и т.д.).

Процедура замены или вывода из «сетря» очень проста. Гелюнги обычно читают соответствующую молитву и потом смазывают коровьим калом голову данного животного. Этим вывод считается совершившимся.

«Сетря» — священное животное для данной семьи. Никто не имеет права его бить и вообще дурно с ним обращаться. Хозяйева не пользуют ни молоком, ни шерстью его. Все отдается соседям. Что касается приплода, то им не возбраняется пользоваться хозяину. Если же «сетря» падет, то его передают хурулу. Никто из хозяев не имеет права прикоснуться к мясу такого животного. Его может есть только духовенство. Точно также не трогают то животное, которое было раньше «сетря». Обычно его передают хурулу, если не хотят оставить в стаде. Но если же оно остается в стаде, то и отношение к нему остается старое. Когда оно падет, то его тоже передают хурулу. На мясо его не режут.

Священные животные выделялись также и для жертвоприношения земле — «газар такку» или «ова». Жертвоприношение земле, собственно говоря, ее хозяину «цаган овгн» — «белому старику» — бывает весной или летом. Все население окрестности съезжается на избранную для этой цели местность. Обычно таким местом бывает большой бугор.

Здесь устраивается празднество, руководимое духовенством, которое сюда приезжает всем хулулом. С самого раннего утра сюда стекается со всех сторон народ, и скоро весь бугор покрывается людьми, животными и повозками. Съезжались сюда также шинкари и мелкие торговцы. Без них вообще не обходилось ни одного празднества и сборища и т. д. Эти элементы, жаждущие легкой наживы, вездесущи. На жертвоприношениях устраиваются скачки, борьба. Гелюнги не только служат торжественные молебны, но и принимают участие в борьбе и скачках, как арбитры. Беспристрастности, объективности со стороны гелюнгов-арбитров нам не приходилось видеть. Они всегда защищают и дают преимущество своим знакомым и родным.

Само жертвоприношение земле заключается в том, что к читающим молитву гелюнгам приводят жертвенное животное. Обычно таким животным является коза, как наиболее дешевое из всех животных. Цвет жертвенного животного бывает, как всегда, белый или серый, но ни в коем случае не черный. Во время чтения молитвы привязывают к правому рогу козы зеленую шелковую нитку, окропляют «чю» и отпускают на все четыре стороны. С этого момента коза считается принадлежащей хозяину земли — «белому старику». Такая коза бродит из стада в стадо. Никто ее, под страхом сурового наказания со стороны белого старика, не трогает. В конце концов, в большинстве случаев она становится жертвой волков. Но были некоторые «смельчаки» и среди самого калмыцкого населения, которые, не считаясь с будущим наказанием «цаган овгн», резали такую козу на мясо. По обычаю никто никому не может воспретить резать на мясо посвященную козу, ибо, как мы указали, она никому не принадлежит. Каждый осмелившийся поднять руку на козу, по верованию калмыков, непосредственно отвечает перед «белым стариком». Правда, все окружающие человека, зарезав-

шего козу, упрекают, относятся недружелюбно за святотатство. Все в полной уверенности, что «смельчака» постигнет какое-нибудь несчастье, наказание со стороны «цаган овгн» за невероятную дерзость. Если коза падет от чего-нибудь, то мясо отвозится хуруу. Престолюдины не имеют права прикоснуться к нему. Они считают себя недостойными этого. Обычай этот приносит немало вреда калмыкам. Такие празднества всегда сопровождаются пьянством, дракой, люди в пьяном виде падают с лошади, калечатся (пьяные тонут в бесчисленных ериках, озерах, ильменях и т.д.). Празднества сильно бьют по карману. Во время молитв гелюнги производят сбор пожертвований. Не жертвовать тоже нельзя. Плюс к этому выпивка, еда и прочие расходы. Жертвенное животное покупается за счет общества. Таким образом, это «удовольствие» обходится калмыкам недешево. Причин подобных жертвоприношений сами калмыки не объясняют. Всегда они ссылаются на традицию и больше ничего.

Но в своей основе эти общественные жертвоприношения имели те празднества, которые происходили в первобытном общинном быту после каких-либо удачных охот и набегов. Впоследствии с разложением первобытного общества соответственно изменялось и их назначение. У калмыков, по всей вероятности, это жертвоприношение земле возникло, когда они стали разводить домашний скот стадами, так как тогда стал по времени ощущаться недостаток в кормах.

Вследствие этого население старалось умиловить землю, упросить, чтобы она в достаточном количестве родила травы для прокорма скота. К этой мысли нас приводит еще и то, что жертвоприношение приурочивалось к весне, когда степь должна покрыться травой, и к лету, когда степь выгорает.

Священным для калмыков являлись еще и те животные, которыми обозначаются их имена или годы рождения, на-

пример, какого-нибудь калмыка зовут «хулгуну» — мышь, а родился он, предположим, в год «хон» — овцы. Такое лицо не может убивать ни мышей, ни баранов, ибо первая носит его имя, а второй — год его рождения. Или же так: имя калмыку «туула» — заяц. Он не убивает зайца. Наоборот, калмыка зовут Бембя, но он родился в год змеи — «мога». Он по существующему поверью не может убивать змею. По верованию калмыков, уничтожение того или иного животного, носящего их имена или имя года рождения, равносильно уничтожению самого себя. Допущение подобных вещей предвещает большие несчастья, которые чреваты своими последствиями.

Кроме того, некоторые животные и рыбы являются для отдельных лиц священными. Во время тяжелой болезни многие лица дают обет не убивать никогда то или иное живое существо и не употреблять в пищу их мясо. Полагают, что такие обеты дают возможность выздороветь от данной болезни. Обычно такими существами являются редко встречающиеся звери или рыба или такие животные или рыбы, которые никакой ценности не представляют.

Существовал еще один обычай, когда выделялось священное животное — это жертвоприношение царю воды — хозяину водного пространства — «баян ухан хан» — царь, дающий богато кушать. Этот обычай остался у приволжских и прикаспийских калмыков. Жертвоприношение бывает весной и осенью перед самыми началами осенней или весенней путины для умилостивления царя воды — «баян ухан хана», чтобы он дал хороший улов рыбы. Обычно жертвенным животным является коза. Цвет ее должен быть белый или серый. Козу режут с таким расчетом, чтобы со шкурой осталась верхняя половина головы, сердце, печень, легкие и почки. В отделанную таким образом козу в голову втыкают шест и вбивают [шест. — *сост.*] в середине реки, озера, на

взморье, причем шкура со всеми выше указанными органами свисает вниз. Голова козы направляется своей передней частью в ту сторону, откуда должна быть рыба. На один рог козы привязывают зеленую шелковую нитку. В то же время на берегу каждый из присутствующих зажигает лампаду, приготовленную из теста. В середине теста делают углубление, куда наливается масло.

Это жертвоприношение имело хотонное, аймачное значение, и бывали случаи, когда на это жертвоприношение съезжались и жители из других аймаков и улусов. Народу бывало много, много бывало и лампад.

Все эти лампы ставят на плот, приготовленный из камыша или досок, а потом пускают по Волге или по морю. Причем, кроме лампад, на плот кладут еще серебряные и бумажные деньги, которые жертвуются во время молитвы поклоняющимися царю воды, просящими от него хорошего улова в данный сезон. Жертвоприношением руководят гелюнги, которые своими молитвами, поклонами ходатайствуют перед царем воды о хорошем улове. За свое «ходатайство» духовенство получало приличное пожертвование от присутствующих. Если в данном году улов плохой, то калмыки говорят, что жертвоприношение было недостаточное как царю воды, так и духовенству.

Кроме того, сами присутствующие молились неискренне и плохо просили царя воды о хорошем и обильном ловле рыбы. Духовенство, конечно, соглашается с подобными разговорами и подготавливает благоприятную почву для того, чтобы в следующий раз собрать более богатую дань. Эти жертвоприношения не обходятся без драк, ссор и несчастных случаев, так как они всегда сопровождаются пьянством и разгулом, и вызывают значительный расход. Иные фанатики кладут на плот свои последние копейки. Бывают случаи, когда жертвенная коза отпускается живой. В последнем слу-

чае отношение населения к ней такое же, как и к жертвенной козе «белого старика».

Одним словом, она пользуется всеми правами козы «белого старика». Жертвоприношение воде, несомненно, у калмыков более позднего происхождения. Оно возникло после переселения их в низовья Волги и на Каспии, так как на родине в Джунгарии они никогда рыболовством не занимались.

К числу священных животных калмыки относили тех животных, которые остались после какого-нибудь необычайного случая.

Так, если какой-нибудь калмык распродает один вид своего скота, например, барана, то он обычно составляет одну особь по своему выбору. Она у калмыков называется «малин кишик» / «счастье скота»/. Неоставление такой особи влечет за собой возможность передачи счастья данного хозяина покупателю. Такое животное режут. Грудную кость сжигают в очаге, а все остальные съедают ближайшие родственники. Некоторые лица сжигают все кости. Собакам кость не дают. Также ничего не дают и посторонним лицам. Подобные явления наблюдаются, по словам Фрэзера, также и среди других скотоводческих народов.

Так, он приводит следующее: «Пастушеские племена, — говорит Адольф Бастиан, иногда вынуждены продавать свои стада иностранцам, которые могут отнестись к костям животных без всякого почтения. Для того, чтобы устранить опасность, связанную с подобным святотатством, племена эти отбирают в стаде какую-нибудь особь, которую они превращают в предмет культа, съедая его в узком семейном кругу при закрытых дверях в качестве причастия и погребая кости этого животного со всем почтением, со всеми церемониями, которые полагаются в отношении каждой особи стада. Предполагают, что поклонение, оказанное та-

ким образом, одному представителю стада распространяется и на весь остальной скот». (Фрэзер, стр. 65, вып. IV, там же).

Таким образом, мы видим, что в основном верования калмыков и все церемонии ничуть не расходятся с верованиями всех пастушеских племен.

Если калмыки продают скот хотя бы даже своим соседям, то выдергивают немного шерсти у вымени продаваемого животного и сжигают в очаге. Такое явление называется тоже «кишиг авху» — «бросать счастье». Почему берут шерсть из вымени, нам вполне понятно, так как скотоводы, конечно, ценят молоко.

«Окал» в Калмыкии играл большую роль почти до 1929–30 гг., т.е. до ликвидации частных скотопромышленников и кулаков. После этого периода освящение животных, также жертвоприношение земле и воде среди населения мы не наблюдаем.

В исчезновении «окал» большую роль сыграл рост колхозов и их успех. Колхозники своего хозяйства не освящают. Они стали понимать, что причиной гибели скота является не то, что животное не освящено и не принесены жертвы хурулам и гелюнгам, а плохое ведение хозяйства, плохой уход за скотом.

Что касается жертвоприношения земле и воде, то оно, по-видимому, еще кое-где сохранилось. Правда, оно теперь не имеет ничего из того значения и размеров, которые имело раньше. По некоторым нашим сведениям, еще год тому назад «ова» праздновалось в одном сельсовете Приморского улуса, но оно было приурочено к местному колхозному празднику. Но, в общем, эти жертвоприношения исчезают. По 2–3 сельсоветам Приморского улуса до сих пор свободно пасется жертвенный или скорее священный козел 6–7 лет. Его никто не трогает. К нему относятся с некоторым внима-

нием. Его никто не гонит, а, наоборот, по возможности кормит. По-видимому, еще окончательно не вытравилось у населения прежнее отношение к этим жертвенным животным.

ДНИ

Дни калмыки делили на «счастливые» и «несчастливые». «Счастливые» и «несчастливые», в свою очередь, делятся еще на «очень счастливые» и «очень несчастливые». Все они определяются зурхачи по священным книгам. В несчастливые дни нельзя предпринимать никаких дел, даже уезжать куда-нибудь. Уезжающему могут встретиться нечистые силы. Встреча с ними, ясно, ничего хорошего не предвещает. Дело может кончиться смертью. В счастливые же дни производятся все дела. В эти дни уезжают по делам, женятся, продают, покупают и т.д. Все дела и работы, произведенные в это время, должны кончиться благополучно и принести каждому счастье. «Счастливые» и «несчастливые» дни играют в жизни калмыка крупную роль. Часто самые неотложные дела благодаря «несчастливому» дню не проводятся в жизнь. Задержка их впоследствии оказывает непоправимый вред калмыку.

Различаются еще также дни «гюцю — бегающие». В такие дни, предполагают, все нечистые силы из одного места переходят в другое. В «гюцю» ни в коем случае нельзя выезжать, ибо могут встретиться переселяющиеся нечистые силы.

Между прочим, суеверные верили, что, якобы, зурхачи могут даже вычислить по своим священным книгам, приблизительно в какое время дня они бегать начнут. «Гюцю» бывает три раза в месяц. Дни, когда оно бывает, меняются поквартально, которые тоже известны только духовенству. Если калмыку крайне необходимо выехать и он ни в коем

случае не может отложить поездку, то он обращается к гелюнгам, которые принимают необходимые меры, чтобы «гюцю» не встретился с уезжающим. Для этой цели они читают известные им молитвы, которые, якобы, должны, как говорят «закрыть гюцю», т.е. оно не должно встретиться с данным лицом, ибо они (гелюнги) закрыли ему дорогу. За свои труды гелюнги получают соответствующую мзду. Если можно обойти «гюцю», то надо обойти, в крайних случаях, и «несчастливые дни». Так, если кому-нибудь надо непременно уехать, то он накануне в хороший день еще до захода солнца собирает все то, что должен захватить с собой и, попрощавшись со всеми, уходит по направлению той стороны, куда он должен ехать. Отойдя некоторое расстояние, он останавливается, делает передышку, вынимает что-нибудь из провизии, покушает немного, после чего возвращается домой.

Такая процедура называется «выводить след». Но так делают в самых исключительных случаях. Сплошь и рядом при самых неотложных делах в дни «гюцю» никто не осмеливается уехать.

Кроме «гюцю», имелись в году еще четыре дня, по количеству времен года — так называемые «дюцюнги». Дюцюнги посвящены какому-нибудь выдающемуся событию в жизни Будды: смерть, рождение его, открытие причин страдания человечества, посвящение им своей умершей матери и победа над шестью неверными бакшами. Дни дюцюнгов считаются также днями «мацаков». В эти дни верующие и духовенство проводят время так же, как во время «мацаков», причем «дюцюнги» по своему значению важнее, чем обычные «мацаки». К ним нужно отнестись серьезно, соблюдая правила постов. Кроме этого, в году имеется еще один день, который называется «ики хара одор» — «большой черный день». Само название показывает, что это за день. Он счи-

тается самым страшным и самым тяжелым днем в году. По словам калмыков, в этот день собрали все плохое, которое только можно собрать за целый год.

Бывают еще дни, когда нельзя хоронить умерших, а иногда даже читать молитвы. Благодаря этому иногда трупы умерших лежат в кибитке по несколько дней.

Зимой бывают дни, в которые кочует хозяин года. О нем мы упоминали в главе «Кибитки».

Кроме всех этих дней бывают еще «мацаки» — посты. Всего «мацаков» в месяце три. «Мацак» считается каждое восьмое, пятнадцатое и тридцатое число месяца. В эти все верующие буддисты не должны убивать ничего живого, даже паразитов и гадюк. В дни «мацака» набожные люди проводят время в молитвах, особенно в этом отношении отличаются старики и старухи.

В дни «мацак» воспрещается есть мясное. Разрешается употреблять только молочное и чай.

Эти дни созданы, несомненно, для сокращения употребления мяса, чтобы этим путем сохранить больше скота от резки.

Что касается духовенства, то оно тоже проводит эти дни в богослужении. Калмыки, гражданское население из ящиков вынимает свои бурханы, вывешивает их, окуривает можжевельником и вечером зажигает лампаду. Бурханы убираются снова в ящик только на другой день. При этом их снова окуривают можжевельником, чтобы очистить от скверны, которая могла пристать за это время.

ГОЛОВА

Голова у калмыков священна. До нее не всякий имеет права дотронуться. Прикосновение же к голове дворянства и духовенства считалось величайшим святотатством. Счита-

лось также большим оскорблением для мужчины, если к его голове прикоснется женщина. Ни один мужчина, сколько-нибудь уважающий себя, не допускает этого. Потерпевший может изругать такую женщину, а в иных случаях и избить. Поэтому ни одна женщина не позволит себе прикоснуться к голове мужчины, хотя он был бы ей муж, если нет на то особого разрешения мужчины. Женщине запрещалось надевать шапку мужа и старших родственников по линии мужа. Ни одна женщина не должна шагать через голову мужчины. Когда калмыки хотят пожелать самое лучшее другому, они говорят: «Пусть голова ваша будет здорова».

Придавая такое большое значение голове, калмыки не могут не придавать такого же значения и волосам. Волосы так же, как и голова, считаются священными. К ним тоже никто не имеет права прикасаться, в особенности женщина. Так как волосы священны, то к ним нужно относиться бережно. Всякая стрижка, особенно бритве, раньше были сопряжены с известными церемониями. Калмыки бреют и стригут волосы только в «счастливые» дни. После бритвы непременно молятся бурханам (иконам), чтобы бог сохранил их голову. Лет 50–60 тому назад калмыки носили косу. Теперь никто косу не носит. В настоящее время калмыки носят волосы по типу русского крестьянина, только несколько длиннее, причем длинные волосы оставляются на макушке, а все остальные сбриваются. Волосы должны быть до макушки непременно сбиты. По мнению калмыков, нарушение этого обычая могут допустить только лица, не признающие калмыцких обычаев.

Женщины волос не стригут и не бреют. Волосы у них должны быть неприкосновенны. Считается дурным предзнаменованием, если женщина позволит прикоснуться к своим волосам ножницами или бритве. Полагают, что это предвещает смерть мужа этой женщины. Девушки волосы

свои заплетают в косу. В две косы заплетать не разрешается. В две косы могут заплетать только замужние женщины. Сосватанные девушки ни в коем случае не должны трогать своих волос. Нарушение этого правила предвещает смерть жениху. Носят волосы, не сплетая в косы, привязав лентой. Ни под каким видом женщине не разрешается носить волосы, закинутаые на плечи. Так, по верованию калмыков, могут носить только ведьмы. Что касается волос детей, то всякое прикосновение к ним имеет свою особую церемонию. День первой стрижки ребенка непременно должен был согласовываться с духовенством. Стричь может только дядя ребенка по матери. Но если никого из близких ребенка поблизости нет, то могут стричь и другие лица, родственники матери ребенка. Если же нет никакой возможности кого-нибудь пригласить из этих родственников, то обычно стрижет мать или отец мать²². На эту церемонию иногда приглашаются соседи «на чашку чая». Все произносят благие пожелания ребенку и дарят серебряные монеты, конфеты и т.д. Стригут ребенка не так, как взрослых. Обычно оставляют волосы на висках. Их совсем не трогают иногда до 7–8–10 лет. Височные волосы калмыки, по их словам, оставляют, потому что существует поверье, как будто такие дети оберегают от всяких несчастий рождающихся за ними братьев и сестер, с одной стороны, а с другой — это признак, что за ними будут у родителей еще дети. Не стригут также волосы на макушке и на лбу. В этих местах волосы укорачивают. К волосам детей иногда привязывают серебряные монеты, раковины и т.д. Первые детские волосы многими родителями тщательно собираются после стрижки, подбираются по середине, привязываются или зашиваются в материю и после этого прикрепляются к воротнику верхней одежды ребёнка сзади. Волосы эти дети носят долго. Когда ребёнок становится взрослым, то эти во-

²² Так в источнике.

лосы снимают и прячут в сундуки. К таким волосам привязывают также серебряные монеты, раковины, наконечники стрел и т. д.

Все волосы у калмыков после бритья и стрижки самым тщательным образом собираются, чтобы ни один отрезанный пучок не остался где-нибудь не подобранным. Собранные волосы зарывают в углу около дверей. Не допускают, чтобы волосы попали в огонь. Владелец волос считает сжигание волос равносильным сжиганию самого себя. Женщины собранный после причёски на расчёсках волос не бросают, а прикрепляют к своим волосам в виде тесёмки, что вполне возможно при обычае носить «шеверлик». Чем же объясняется такое большое внимание к волосам? Дело в том, что народы, находящиеся на низкой ступени своего развития, обычно верят в существование симпатической связи между волосами и всеми частями тела. По их верованию, связь эта не прекращается даже и после того, когда прекратилась физическая связь. Следовательно, человек чувствует на себе всякую неприятность, которая причиняется отдельным частицам его тела. Отсюда вполне понятно, что он следит за тем, чтобы ими не воспользовался злонамеренный человек с целью вызвать магическим путём смерть, болезни их обладателя. Этим мы объясняем такое отношение калмыков к волосам в прошлом.

Калмыки придают большое значение волосам и потому, что считают их имеющими особую силу. Примером для них является нечистая сила, которая в их представлении обладает длинными волосами. По этому поводу у калмыков существует следующее предание:

«Одному калмыку нужно было ехать очень далеко. По дороге в пустыне он встретил молодую женщину, которая просила его взять с собой. Калмык догадался, кого собой представляет женщина, но отказать ей в просьбе не мог, ибо

считал такой отказ бесполезным... ночью, когда они расположились на ночлег, он незаметно переместился, так, чтобы там, где у него раньше была голова, очутились ноги, а сам он притворился спящим и стал наблюдать за женщиной. Когда ей показалось, что калмык заснул, она бросилась туда, где раньше была голова калмыка, и стала ее мять и душить. Началась борьба. Калмыку удалось вырвать у женщины волосы. После этого она совершенно обессиленна и стала просить пощады. Калмык не возвратил ей волосы. Приехав после этого домой, он спрятал ее волосы вместе с бурханами. Нечистая сила не могла достать их, ибо святость иконы не подпускала ее. Так нечистая сила жила у калмыка три года, выполняя всевозможную тяжелую работу. Однажды она достала свои волосы через трехлетнего его сына. Получив свои волосы, она бросила ребенка в кипящее кислое молоко и ушла». По верованию калмыков, нечистые силы без своих волос никуда не уходят, ибо вся их сила заключается в волосах, и следуют за каждым шагом того человека, который взял их волосы. У калмыков существует поговорка, когда человек не отстаёт по тому или иному делу, то говорят: «Что пристаешь, как нечистая сила, у которой взяли волосы?» Взгляд, что волосы имеют известную силу, сохранился и у некоторых других народов. Например, рассказывает Фрэзер, «Когда Нанди захватывает кого-нибудь в плен, они бреют ему голову и хранят у себя волосы для того, чтобы быть уверенным в том, что пленник не убежит. После того, как они получают выкуп за пленника, они возвращают вместе с ним его волосы» (стр. 78, вып. II «Золотая ветвь»).

Волосы должны быть причесаны прямым пробором. На них не может быть ничего. Если кто увидит, что к волосам пристало что-нибудь, обязан снять.

Самым хорошим предзнаменованием считается, когда мужчина входит в кибитку, где моет голову женщина и при-

чесывает волосы. Вошедший мужчина непременно должен прикоснуться рукой к волосам головы женщины.

Особое внимание калмыки обращают на усы. Усы — это не меньшая святыня, чем волосы головы. До них никто не должен касаться. По всей вероятности, когда-то, наверно, даже и неразумные дети не могли трогать ни усов, ни бороды. Существует такое предание: «Какой-то царь держал на руках своего ребенка. Ребенок, играя, схватил царя за усы. Царь сильно разгневался на ребенка за такое святотатство и предложил казнить его как преступника. Мудрецы, которые находились при царе, посоветовали ему воздержаться, так как весьма возможно, что ребенок еще неразумен. Царь согласился с этим и решил испытать его. Предложено было поднести к ребенку огонь. Если он схватит его, то это будет признаком, что ребенок еще ничего не понимает, а если не схватит, это значит, что он схватил царя за усы с целью его обидеть. Ребенок поднесенный огонь схватил, и только после этого решено было не казнить его». Это предание дает ясное понятие о том, какое значение придавалось усам и как их свято берегли. Даже царь не хотел пожалеть своего ребенка за такое святотатство. Особенно большое значение калмыки придавали краям усов. Их они никогда не трогают и стригут. Считают, что края усов самые святые, в них все счастье и сила человека. Многие знатные люди (ворожеи, духовные лица) при своей жизни дарят волоски от этих краев своим близким. Считалось, что этим они передают свое счастье. Получившие эти волоски должны носить их на шее, как святыню.

С усами у калмыков связаны некоторые поверья. По ним можно судить о человеке. Калмыки полагают, что если в усах есть перерыв, то такой человек считается грешным. Его на том свете ждут самые суровые наказания, и он переродится в самое несчастное существо. Точно так же считается грешным и вредным для окружающих лицо, у которого

встречаются белые (не от старости) волосы на бровях, ресницах, усах.

Калмыки рекомендуют вести знакомство с лицами, имеющими черные сплошные брови, мелкие аккуратные усы (как хвост ласточки), смуглое лицо, узкие черные глаза. Такой человек, по убеждению калмыков, никогда никого не обманет, не подведет и будет самым лучшим и искренним другом. Но ни под каким видом нельзя вести знакомство с человеком, имеющим рыжеватое лицо. Такой человек ненадежный. С таким никогда нельзя вести знакомство (повидимому, речь идет о русских), ибо он все равно подведет.

Это поверье, несомненно, более позднего происхождения. Оно наверно возникло, когда калмыки успели познакомиться с колонизаторской политикой царского правительства, с чиновничеством и русским кулачеством, которые своими насилиями, грабежами и обманом сумели вселить ненависть к себе.

Что касается бороды, то калмыки ее бреют. Борода у калмыков обычно жиденькая, так как они обычно выдергивают. На этой почве растительность на лице у калмыков вообще незначительна. При выдергивании большей частью уничтожаются или повреждаются волосяные луковицы, вследствие чего растительности на лице калмыков становится все меньше и меньше. Редко можно видеть у калмыков людей с обильной растительностью. Обильная растительность на лице не была в почете у калмыков. Они говорят, что обильная растительность на лице признак животного, а не человека.

КРОВЬ

«Проливать кровь грешно». «Не показывай кровь». «Это не угодно богу», — говорят калмыки. Особенно большое внимание обращается на кровь человека.

Калмыки не разрешают пачкать своей кровью что бы то ни было. Например, если у кого-нибудь из носа идет кровь, то ему предлагают, чтобы он осторожно, ничего не пачкая, собрал ее в одном месте и там же вымыл нос. За этим особенно строго следят, если кровь идет у постороннего человека. После того, как кровотечение прекратилось, все запачканные места тщательно вычищаются, выскребываются и закапываются где-нибудь во дворе. Если кровь попала на одежду, то ее немедленно выводят каким бы то ни было путем, точно так же, если она попала на твердый предмет, то ее выскрабливают или совершенно уничтожают. Если она попала на решетку кибитки, тогда заменяют соответствующий шест новым, выскрабливать нельзя. Считается величайшим грехом, если какой-нибудь острый предмет соприкоснется с кибиткой. Кровь, которая выпала на землю после родов у женщины, самым тщательным образом снимается лопатой или чем-нибудь другим равнозначным предметом и закапывается в кибитке в женской ее части около решетки. Оставлять ее считали большим грехом. Также нельзя такую кровь выносить на двор и зарывать там.

Причин такого тщательного уничтожения следов крови калмыки не объясняют. Но не приходится сомневаться, что одним из мотивов, лежащих в основе этих обычаев, является нежелание, чтобы кровь попала какому-нибудь колдуну, который мог бы использовать ее с целью зла.

Ни в коем случае не допускают, чтобы хоть капля крови попала в огонь. На этом основании воспрещается бросать в огонь вшей и блох, как сосущих человеческую кровь. Что касается крови домашних животных, то, за исключением крови собаки, не возбраняется, чтобы она прикасалась как к предметам, так и к огню.

Одним из серьезных дурных примет является, если у кого-нибудь по дороге в хурул пойдет из носа кровь. Считают,

что такой человек грешен, т.е. много погубил жизнью, и святость места не может допустить такого грешного человека в свои пределы и дает ему знать об этом. Точно так же считается дурным предзнаменованием, если во время свадьбы у невесты или жениха из носа пойдет кровь. Полагают, что жизнь молодоженов будет сопровождаться несчастиями, смертями и т.д. На этом веровании основано, что вообще при торжественных случаях нужно воздерживаться от всяких убийств и уничтожения живого существа, если это не делается для известной и необходимой цели. Даже при отъездах кого-нибудь из семьи калмыки никогда не режут животных. Если в день чьего-нибудь отъезда падет животное или его зарежет волк, это считается плохим предзнаменованием. Точно так же и при торжественных случаях. По мнению калмыков, это знак, что все будет сопровождаться кровью и при таких случаях лучше все предпринимаемое отложить, ибо все равно ничего хорошего не будет. На этом же поверье, несомненно, основан и запрет резать животных на новом месте кочевки.

Когда калмыки режут скот, стараются, чтобы было поменьше крови. Поэтому мелкий скот они умерщвляют не перерезанием горла, как это обычно делается, а рвут аорту через сделанное в животе отверстие. Кроме того, калмыки уверяют, что мясо животного, умерщвленного таким способом, вкуснее, чем зарезанного. Вследствие калмыцкого способа умерщвления скота внутри животного собирается вся кровь. Эту кровь калмыки наливают в желудок и варят. Она считается лучшим кушаньем. Ее едят обычно старики и почетные лица.

Кровь некоторых животных у калмыков употребляется как средство от многих болезней. Особенно от болезней желудочно-кишечного тракта. Кровь обычно пьют в теплом виде через чубук. Самым целебным [средством. — *сост.*] против болезней желудочно-кишечного тракта и болезни

крови считается кровь барсука. По этому поводу существует среди калмыков следующее предание. О нем они всегда напоминают, если хотят доказать целебное свойство крови барсука: «Жил великий Эмчи — лекарь. Лучше его не было в данной местности на расстоянии, как говорят калмыки, до которого могла довести лошадь (говорится о дальности расстояния). Всех он лечил от всех болезней и излечивал. Имел он единственного сына. Вот однажды заболел у него этот единственный сын. Не жалел он ничего, ни силы, ни знания для спасения своего единственного сына. Когда он смотрел в священной книге, то там указывалось, что может спасти мальчика кровь черного и притом лысого животного. Испробовал кровь всех животных, которых он мог достать и которые, по его мнению, являлись теми животными, о которых говорилось в священной книге. Ничего не помогало. Мальчик с каждым днем таял и, наконец, умер. Убитый горем, отец решил узнать причину смерти своего сына. Когда он вскрыл внутренность его, то наткнулся в аорте на твердую, как камень, сгустившуюся кровь. Отец взял эту затвердевшую кровь и сделал себе рукоятку для ножа. Несколько лет спустя после смерти сына лекарю пришлось резать этим ножом барсука. Рукоятка ножа при соприкосновении с кровью барсука моментально растворилась и превратилась в настоящую жидкую кровь. Только после этого он, якобы, догадался, что животным, которое могло спасти его сына, был барсук, и кровь его — ценнейшее средство против подобных болезней». Отсюда калмыки убеждены, что кровь барсука — самое надежное лекарство от худосочия, хилости, болезни крови и болезней желудочно-кишечного тракта.

Существовал у калмыков обычай пить кровь убитых ими людей. Правда, этого дикого обычая среди калмыков давно нет. По-видимому, это было очень давно, когда калмыки вели бесконечные войны. Но лет 80–90 назад он еще имел

место среди них. Нам лично пришлось слушать рассказ одного такого лица, известного вора, разбойника, выпившего кровь убитого человека. По его мнению, кровь убитого человека придает храбрость, настойчивость. Вместе с тем старики рассказывают, что их предки в часы сражения шли в атаку, имея при себе ту или иную часть человеческого тела, иногда даже держа ее в зубах. Это, по верованиям калмыков, делалось, чтобы навести страх на врага и тем самым парализовать его. Знамя, значки, оружие обычно смазывали кровью убитых врагов, ибо верили, что подобная вещь дает храбрость, победу над врагами. Исходя из всего сказанного, можно предположить, что и у калмыков были единичные случаи употребления крови своих врагов для приобретения их силы и храбрости. Подобные обычаи встречались и у многих древних народов, например у галлов и ирландцев.

Что калмыки пили кровь своих врагов, подтверждают нам употребляемые калмыками при сильных ссорах выражения, как например: «Оближу твою кровь» (выпью твою кровь). Эта фраза говорит о многом и заставляет нас верить в то, что существовало и в некоторых местах еще существует такое дикое поверье. Если стадо, где имеется эпизоотия, окропить и смазать рты животных кровью похищенного у соседа животного, где стадо здоровое и нет еще эпизоотии, то последняя, якобы, прекращается. На этой почве происходит у калмыков масса недоразумений. Как только потерпевший узнает об этом, то немедленно начинает дело о похищении у него скота, и при этом дело рисуется совсем иначе и не ограничивается одной головой, а несколькими. Иногда за подобную вещь некоторым калмыкам приходилось сидеть в тюрьмах не один месяц.

Выше мы указывали, что калмыки, будучи на войне, смазывали кровью убитых им врагов свое знамя, значки, оружие, чтобы была удача. Подобное поверье сохранилось у монго-

лов почти до сих пор. Так, Кануков в своей книге «Будда-ламаизм и его последствия» на стр. 21, 22 приводит [сведения. — *сост.*], как благодаря этому поверью были убиты монгольскими ламами несколько человек китайцев, кровью которых были расписаны знамена монгольских воинов. Это было не так давно, а именно в 1922 году.

Место, где произошло сожжение трупа, считается у калмыков святым. Сжигают калмыки трупы только известных лам. Возможно, что такое место считается святым оттого, что здесь на земле была пролита кровь покойника, пока труп не сгорел. По мнению многих народов, душа человека находится в крови. Отсюда и объявление такого места святым.

Многие болезни приписываются калмыками крови, скорее ее избытку. Так, они предполагают, что в основе головных болей, болей в спине и других частях тела лежит скопление дурной испорченной, плохой крови («му цусн» = плохая кровь). Следовательно, если выпустить эту плохую кровь, то вся боль должна пройти. Поэтому калмыки очень часто прибегают к помощи пиявок, кровососных банок и ланцетов. Иногда встречаешь массу шрамов у калмыков от этих банок. На основании такого предположения они часто вскрывают вены животным. От такого вскрытия животные часто погибают. Когда при таких условиях погибает скот, то причину этого ищут совсем в другом, а именно в кознях нечистой силы или в том, что день был несчастливый.

ЗУБЫ

Пища у калмыков твёрдая. Мясо они едят всегда недоваренным. Ножей и вилок не употребляют. Хлеб едят в виде твёрдой пресной лепёшки. Разжевать такую пищу нужно тщательно, а для этого нужно иметь неплохие зубы. Таким образом, по роду своей пищи калмыки должны иметь вполне

хорошие зубы, которые бы могли справиться с твёрдой пищей. За редчайшим исключением у калмыков зубы не только хороши, но даже прекрасны. Только в старости зубам вредят зубные камни. Зубы у калмыков так крепки и остры, что они великолепно без всяких затруднений перегрызают кости мелких животных. Болезнь зубов у калмыков — редкое явление, если не считать воспаление дёсен. Впервые, когда стали болеть зубы и образовываться дупло, калмыки были сильно напуганы этим обстоятельством. Для них это разрушение зубов было непонятно. Они спрашивали недоуменно: «Как у живого человека могут разрушаться зубы?» Конечно, искали объяснение у гелюнгов.

Известен случай, когда один калмык, заметив дупло в зубе своего сына, до такой степени испугался, что мальчика с матерью отправил в больницу, а сам поскакал в хурул к гелюнгам.

Калмыки принимают все меры к тому, чтобы сохранить зубы. Так как способов сохранения зубов они не знают, то прибегают ко всевозможным магическим действиям. Уже с самого появления первых зубов у ребёнка калмыки озабочены, чтобы они у него были хороши. Они боятся даже назвать зубы у детей настоящим именем. Они полагают, что зубы могут испугаться и не появиться. Так, «зуб» по-калмыцки «шюдн», детские зуб калмыки не называют «шюдн», а «бюлю» — десна. Первый, кто увидит прорезывающиеся у детей зубы, с необыкновенной радостью сообщает об этом всем окружающим и получает от родителей угощение.

С выпавшим зубом калмыки поступают следующим образом: владелец зуба, сидя, бросает его через плечо по направлению решеток передней части кибитки, говоря: «Пусть мои зубы будут крепче, чем ремни, прикрепляющие решетки». Ремни эти, приготовленные из невыделанной

верблюжьей шкуры, очень тверды. По мнению калмыков, тверже их в кибитке ничего нет. Некоторые калмыки поступают иначе. Они выпавший зуб заворачивают в тесто или во что-нибудь другое съедобное и бросают собаке, говоря: «Собака, бери мой плохой зуб, дай свой стальной или хороший». При этом они уверены, что у них новый зуб будет такой же крепкий, как у собаки.

В этих верованиях калмыки оказались не одинокими. Желание получить вместо выпавшего зуба хороший зуб имеется и у других народов. Многие народы кладут вырванные зубы в какую-нибудь мышиную или крысиную нору, в надежде, что у них зубы будут столь же хорошими, как зубы этих грызунов, или бросают зуб назад и через голову, приговаривая: «Мышка, на тебе мой зуб костяной, а мне дай твой железный».

Калмыки придают серьезное значение укусам человека. Они говорят, зубы людей ядовиты. После укусов людей, по мнению калмыков, бывает всегда воспалительный процесс. Такие вещи могут быть, если принять во внимание, что калмыки не чистят своих зубов, поэтому в раны могут попасть всевозможные разложившиеся остатки пищи т.д., которые вызывают воспаление.

Считается чрезвычайно дурной приметой, если спящий скрежещет зубами, особенно, если это женщина. Калмыки верят, что у такой женщины непременно умрет муж. Для предотвращения этого несчастья делают следующее: берут с вершок таволги, выстрогают ее четырехгранной. На каждом ребре палочки делают по шести–восемь вырезок и привязывают к шее такой женщины. Иногда, когда скрежещет зубами мужчина, калмыки говорят, что он отгоняет от себя нечистых сил, которые пристают к нему.

СЛЮНА

Со слюной у калмыков связано тоже немало поверий и обычаев. По уверению гелюнгов, плевать на землю нельзя. Слюна — смертельный яд для находящихся в почве существ. Она, якобы, проникает в землю на девять локтей и уничтожает на этом пространстве все живое. Поэтому нельзя плевать везде без разбора. Но, несмотря на это, никто так много не плюет, как калмыки, ибо они постоянно жуют табак.

Слюна является также и средством защиты от нечистых сил. Очень часто, когда калмыки увидят что-нибудь нехорошее, то обычно плюют, чтобы нечистое не коснулось их. Так, например, при вихре — плюют, чтобы нечистая сила, находящаяся там, не задела кибитку. Плюют, когда увидят падающие звезды (метеор), чтобы не упали они на них. Плюют еще при многих случаях, которые приведены нами в тех или иных верованиях калмыков. Плюют также и гелюнги, когда произносят слова заклинания или изгоняют нечистую силу. Плюют и всевозможные знахари, ворожеи, эмчи и прочие темные элементы, уверяя доверчивых калмыков, что их плювок спасет семью от нечистого и плохого.

Наряду с этим верованием существует другое, которое имеет резко противоположное значение. По этому верованию, в слюне заключается счастье человека. Вследствие этого взгляда, если слюна случайно задела кого-нибудь, то калмыки полагают, что тем самым они передают другому лицу свое счастье. Поэтому как только тот, кто плюнул, заметит свою оплошность, то немедленно вытирает своей одеждой, говоря: «Дай обратно мое счастье». Больше никаких объяснений сами калмыки по этому поводу не дают. По всей вероятности, в основе этого верования лежит вера в возможность заколдовать кого-нибудь через слюну.

ЧИХАНИЕ

Удивительно странные суеверия встречаются у калмыков. В некоторых улусах предвестником величайшего несчастья считается чихание во время испражнения. Человек, с которым случилось подобное происшествие, немедленно объявляет об этом своим ближним. Все в суматохе. Каждый думает над тем, какое несчастье ожидает данную семью. Все удручены и ждут надвигающейся беды. За советом и спасением от несчастий обращаются к гелюнгам. Гелюнги находят в своих священных книгах какую-нибудь причину, заставившую чихнуть злосчастного калмыка. Все успокаиваются после того, как изрядная сумма денег перейдет из кармана калмыка в карман гелюнгов.

Свой страх калмыки объясняют так: чихание есть нечто святое, исходящее только от бога. Чихание подтверждает желание и мысль самого бога. На основании этого верования у калмыков принято говорить чихнувшему: «Будь здоров», «Нос твой будет в масле», «Благоденствуй», «Бог благословит», «Будь долговечен», «Доживи до ста лет» и т.д. Ни один калмык не рискнет не сказать эти слова чихнувшему. Если кто-нибудь чихнул в то время, когда шел деловой разговор, то все убеждены, что дело непременно удастся. Чихнувшему мажут маслом или жиром нос и дают еще самому съесть его. Масло и жир считают лучшим питанием. Отсюда, смазывая нос, тем самым призывают богатство, довольствие, благополучие и обилие.

Калмык уверен, что если больной чихнет, то непременно поправится. По их мнению, только здоровый человек может чихнуть, но отнюдь не больной. Только около здорового человека может быть бог.

Таким образом, чиханию калмыки придают большое значение.

К испражнению же калмыки относятся как к чему-то грязному. Поэтому они часто считают, что испражнение и чихание несовместимы. Если человек чихнул во время испражнения, то выходит, что бог разгневался и бросил его. Основываясь на этом, калмыки поддаются той панике, о которой мы говорили выше. Теперь это суеверие не имеет прежнего распространения.

ЖЕЛЧЬ

К числу лекарственных веществ относится желчь как человека, так и волчья. По-видимому, еще не так давно человеческая желчь, полученная при соблюдении особого ритуала, считалась ценнейшим и целебнейшим средством против многих болезней, в частности, против болезней рта и горла. Вера в целебность волчьей, [а] особенно человеческой желчи среди калмыков раньше была велика. Им приписывают они такие свойства, что ни одно лекарство не может сравниться с ними в целебности. Целебным свойством обладает, однако, не всякая желчь человека. Она должна быть взята у специально для этого убиваемого человека. Причем убиваемый человек непременно должен сказать: «Моя желчь будет лекарством». Если этого он не скажет, то целебное свойство в значительной степени теряется. При этом у жертвы вскрывали полость живота сзади у нижнего края лопатки. Убивались для получения желчи главным образом пленные, а иногда даже калмыки из других улусов. Автору, еще будучи маленьким, приходилось видеть у калмыков, занимающихся знахарством, волчью желчь. В настоящее время применение не только желчи человека, но и волка не наблюдается. Хотя в ссоре между собой калмыки и до сих пор употребляют фразу: «Несчастливая собака, возьми я твою желчь». Таким образом, память об этих ужасных и диких зверствах все же еще сохранилась у калмыков.

НОГТИ

С ногтями у калмыков связано тоже немало верований. Калмыки с ними поступают не так, как поступают культурные люди. Все обрезки их они не бросают, как ненужную и притом грязную вещь, а самым тщательным образом собирают. Строго следят, чтобы какой-нибудь обрезок не затерялся. В целостности и сохранности этих обрезков люди заинтересованы. Для них ногти не безразличны. Эти покрытые грязью обрезки имеют большее значение в их жизни. Ногтям приписываются существенные свойства, с которыми крайне необходимо считаться во избежание тех несчастий, которые могут быть при отступлении правил при обращении с ними. Обрезки ногтей пальцев рук пускают за пазуху, так как предполагают, что в них заключается счастье и богатство человека. Поэтому им отводится такое почетное место. Ногти детских рук не стригут. Считается дурным предзнаменованием, чтобы что-нибудь острое прикасалось к детскому телу. Они, по предположению калмыков, должны сами упасть, когда это потребуется.

Что касается ногтей ног, то обрезки их закапывают в землю сантиметров на 5–6 в глубину в кибитке же. При закапывании говорят: «Ты не укажи мне смерти, а я тебя — корове». После этого место это как следует утрамбовывается ногами закопавшего. По верованию калмыков, после откочевки²³ место стоянки кибитки непременно посещается коровами, которые почему-то ищут именно эти обрезки ногтей и съедают их. Съеденные ногти превращаются в бляшки и приносят большое страдание ногтям. Поэтому обрезки всей силой избегают коров. Последние же, съев эти обрезки, в конце концов, должны взбеситься, потому что они действуют на них сильно возбуждающе. Кроме того, место

²³ В рукописи — «укочевки».

бывшей стоянки могут посещать нечистые силы, которые, найдя ногти, могут повредить их владельцу. Таким образом, как ногти, так и человек заинтересованы в том, чтобы ногти были закопаны. В результате этого, как говорят калмыки, во-первых, остаются целыми и невредимыми их коровы, во-вторых, делают доброе дело ногтям, в-третьих, спасают себя от нечистых сил.

Несомненно, основная причина всего этого заключается не в сказанном, а в боязни колдовства.

Существует у калмыков поверье, что ногти у сильных людей крепки и тверды. Кроме того, считается целесообразным не стричь ногти ножом и вообще острыми предметами. Всякий острый предмет, соприкасающийся с телом человека, по убеждению калмыков, ничего хорошего для данного человека не предвещает. Поэтому рекомендуется в случае необходимости не стричь ногти, а отгрызать их. Считается, что ногти людей ядовиты, поэтому не рекомендуется кого бы то ни было царапать. Последняя предосторожность вполне понятна. Дело в том, что под ногтями имеется толстый слой грязи, который может дать сильный воспалительный процесс, попадая на поцарапанное место.

ИМЕНА

Калмыки избегают говорить о своих умерших родственниках. Упомянуть о них без всякой нужды грешно. Особенно строго они относятся к именам предков. По их верованию, предки бывают страшно недовольны, когда кто-нибудь произносит имя умершего их родственника, особенно родных и предков. Полагают, что, упоминая имя умершего, тревожишь душу покойника.

Такие верования, как у калмыков, сохранились и у многих других народов. Наиболее строго придерживаются этого обычая австралийские туземцы.

Об умерших калмыки говорят, не произнося их имени. Так, говорят: «Джилисн» — убежавший, исчезнувший, «Онгорен» — прошедший, «Хуцурсн» — оставшийся, «Алдарсн» — уроненный, выпущенный, «Гедерсн» — потерянный, «Мана муульта амьтн (садн)» — наше несчастное существо (родственник) и т. д. Если дело касается предков, то говорят: «мана икс» — наши большие предки.

Почти такое же отношение к именам умерших наблюдается и у туземцев Виктории, которые об умерших говорят как о человеке, которого потеряли, или как «о несчастном, которого больше нет».

Чем же объяснить такой запрет?

Основанием этого обычая, несомненно, является боязнь вызвать духа, но не меньшую роль играет и то, чтобы не воскресить упоминанием имён уснувшую печаль о покойнике. Не зовут по имени почти все младшие братья и сёстры своих старших братьев, сестёр, и они все вместе не зовут по имени своих старших родственников, как по линии отца, так и по матери. К этим лицам они обращаются, дав им какое-нибудь новое имя (обращение), например, «баджа», «ака», «джеджа», «аджа» и т. д. Эти слова непереводаемы на русский язык. Но они обозначают знак почета и уважения.

Называть по имени своих старших родственников считается неприличным, ибо это есть знак неуважения к ним. Дети, будучи взрослыми, продолжают не называть по имени тех лиц, которых они не называли по имени еще маленькими.

Считается верхом неприличия, если невеста будет произносить имя своего жениха и его ближайших родственников и наоборот. Поэтому никогда не добьетесь у жениха, а также и у невесты, чтобы они произносили имена друг друга, имена ближайших родственников каждой стороны. Похожее наблюдается также и у нуфуров в Голландской Новой Гвинее. Так, по словам Фрэзера, «табу начинает действовать

сейчас же после помолвки, еще до свадьбы. Члены семейств, которые таким образом связаны обручением двух своих представителей, не только не могут произносить имена друг друга, они не вправе даже смотреть друг на друга. Это приводит при нечаянных встречах к самым комическим сценам» (стр. 94, там же).

Разница здесь в том, что у калмыков не говорят имена только жениха и невесты. Что касается остальных лиц, то в этом нет никаких запретов. Наоборот, очень часто навещают друг друга. При нечаянных встречах жених и невеста друг от друга прячутся. Точно также они прячутся от ближайших родственников каждой стороны, иногда даже лиц из этого хотона, откуда жених или невеста.

Воспрещается звать человека по имени ночью. Калмыки предполагают, что ночью людей могут звать только нечистые силы. Поэтому, если кто-нибудь слышит, что его зовут ночью по имени, он не должен отзываться до тех пор, пока не удостоверится в личности зовущего. Основано это на боязни, что зовущий окажется нечистой силой, и тогда человек непременно погибнет. На этом основании, если кто-нибудь подъедет к кибитке, то он никого из кибитки не вызывает по имени, а обращается ко всем живущим там, говоря: «Золгохо кюн бяню». «Есть ли люди проведать». После этого кто-нибудь из кибитки отзывается, расспрашивает, кто куда едет, и только после этого выходит из кибитки.

Это поверье имеет в свое основание — предосторожность от врага. Дело в том, что очень часто враги, подъехав к кибитке, вызывали по имени владельца и убивали его. Отсюда вполне понятны все эти предосторожности, которые принимают калмыки. Он выходит из кибитки или отвечает на зов в крайних случаях и притом, когда чувствует, что опасности нет, и когда слышит голос знакомого.

УЗЛЫ И КОЛЬЦА

Довольно много курьезных обычаев и верований связано с узлами и кольцами. Так, почти все без исключения калмыки верили, что бородавку на руках можно вывести не медицинскими средствами, а магическим путем. Часто лица, имеющие ее, моют руки водой, оставшейся после дождя на коровьем помете. Такой водой рекомендуется мыть руки три раза рано утром, не говоря ни одного слова. Калмыки в полной уверенности, что после всего этого бородавки исчезнут. Прибегали к этому «средству» очень часто, хотя не бывало никаких улучшений. Но все же вера в чудодейственную силу указанной воды среди них, несмотря на ее безрезультатность, все же велика. Многие калмыки до сих пор не перестают употреблять эту воду, как одно из лучших средств против бородавки. Многие прибегали еще к другим «средствам»; чтобы уничтожить бородавки. Одним из них являются тонкие кишки мелкого скота. На них делают столько узлов, сколько на руках бородавок. После этого кишки зарывали в землю рядом с решетками в задней части кибитки. Операцию эту производили молча. К тому времени, когда кишки должны сгнить и распасться, должны исчезнуть также и бородавки. Иные калмыки просто берут обыкновенную нитку или бечевку и делают на них столько узлов, сколько бородавок на руках, потом тоже зарывают землю в том же порядке.

При трудных родах у женщины, когда она сильно страдает, калмыки развязывают или делают свободными все узлы в вещах и принадлежностях в кибитке. Точно также расслабляют туго натянутые или сплетенные веревки. Такие же меры, как калмыки, принимают и некоторые другие народы.

Не разрешается калмыкам сидеть, стоять или ходить, скрестивши руки. Это считается одним из самых дурных предзнаменований. По убеждению калмыков, так могут себя

держат люди, которых постигло тяжелое горе, несчастье в виде потери самых близких людей. Если калмыки заметят кого-нибудь в таком положении, то сердятся и ругают его за то, что он вызывает своим поведением несчастье тем, что он, не потеряв еще никого из близких, позволяет себе подобную позу. Воспрещение скрещивания рук и ног встречается также и среди племени тумбулу в северной части Целебеса.

У калмыков воспрещается скрещивать руки всем без исключения. Что касается ног, то скрещивать могут только старики и больше никто. По всей вероятности, эти суеверия основаны на принципе гомеопатической магии. Скрещивая веревку, завязывая узлы или скрещивая ноги человек, согласно утверждению этой магии, мешает естественному и свободному ходу вещей, в свою очередь, действия человека мешают чему-нибудь происходящему вокруг него.

То же самое наблюдалось, по словам Фрэзера, у римлян. Сидеть со сложенными или скрещенными руками около беременной женщины или около больного, подвергающегося какой-нибудь медицинской операции, значит оказать дурную услугу ближнему; еще хуже, если человек обхватит свои колени руками или заложит одну ногу на другую.

Древние римляне рассматривали такие позы, как препятствие к благополучному разрешению всякого рода дел, на военном совете или на собрании старейшин. Во время молитвы или жертвоприношения никому не разрешалось складывать или скрещивать руки. Калмыки, как и древние римляне, придают самое большое значение сидению с коленями, охваченными руками или когда одна нога заложена на другую. Такая поза — самая неприличная и вместе с тем вызывающая самые тяжелые несчастья и бедствия. Ни один калмык не позволял себе подобную позу. Если нечаянно такую вещь позволит себе кто-нибудь из детей или молодежи, то его немедленно выгонят из кибитки и даже побьют. Все эти запре-

ты калмыки сами не объясняют. Они просто говорят, что это нехорошо, дурно и т.д. Пожалуй, мы не особенно ошибемся, если скажем, что они основаны на тех же верованиях, как у древних римлян. Между прочим, скрещивание рук сзади разрешается только старикам. Если это сделает кто-нибудь из молодежи, то у калмыков существует поверье, что такой молодой человек непременно потеряет отца. Если же нет отца, то кого-нибудь из близких родственников к отцу.

Когда у калмыков застрял ночью где-нибудь в степи скот и не сумел вовремя вернуться домой, то обычно завязывают в узел правый рукав рубашки у детей. Цель, чтобы скот не ушел далеко, не напали на него волки, не украли воры и т.д. Так же, как и калмыки, поступают и некоторые другие народы.

Калмыки никому не передают веревку или аркан с узлами. Говорят, грешно. Больше никаких объяснений. Объяснение этого случая можно присоединить к верованиям древних римлян, которые мы привели выше. У калмыков существует запрещение варить рыбу и мясо недорезанными. Калмыки говорят, что допустившим такую вещь на том свете черти не дадут покоя. Души тех животных или рыб, мясо которых они так резали, все время будут преследовать их.

Узлы у калмыков имеют еще и другое значение. Они могут их предохранить от нечистых сил, бедствий, будут способствовать достижению богатства, славы и, наконец, дают возможность быть здоровым.

Таким действием обладает тонкая лента с узлом. Она надевается на шею и носится тем или иным калмыком для выше указанной цели. Эти узлы (бу зянга) появились незадолго до империалистической войны. Их начали распространять среди калмыков всевозможные любители легкой наживы, приезжающие из Бурятии и Монголии. Потом их начало распространять калмыцкое духовенство, которому, по-видимому, такой способ легкой наживы пришелся по вкусу.

Действительно, кого не соблазнит возможность за кусочек ленточки, стоимостью в несколько копеек, заработать рубли в виде жертвы на ленту. Гастролеры из Бурятии и Монголии ежегодно вывозили не одну тысячу рублей из калмыцкой степи, торгуя этими копеечными ленточками.

Почти все калмыки носят кольца. На вопрос, почему и для чего они их носят, они разъясняют, что не носить кольцо нельзя, ибо это нехорошо и грешно. Больше никаких объяснений. Если взять другие народы, то у некоторых из них существует поверье, что кольцо задерживает бессмертный дух человека, не дает ему покинуть тело и предохраняет человека от нечистых сил. Надо предполагать, что такое же значение кольца имеют и у калмыков.

При воспалительных процессах калмыки перевязывают воспаленное место на границе со здоровой частью тела шелковой ниткой в виде кольца — браслета. Они в полной уверенности, что воспаление дальше не пойдет. Точно также при ревматизмах сустава костей рук носят верблюжью шерсть, большей частью смоченную в соленой воде, в виде браслета. Для этой же цели, по их словам, они носят просто браслеты из меди или серебра.

При ячмене глаз калмыки обычно берут какую-нибудь палочку или растение, которое пристало к войлокам кибитки и, не говоря ни слова, рано утром, даже не умывшись, держа эту палочку на колене, три раза прикасаются к ней большим глазом. При этом приговаривают: «Колено, колено, бери ячмень». Дело в том, что ячмень по-калмыцки называется «обдиг» и колено по-калмыцки тоже «обдиг». Таким образом, по-калмыцки получается: «Обдиг, обдиг, обдгян ан» — «Ячмень, ячмень, бери ячменя» или «Колено, колено, бери колено». Считают, что ячмень должен исчезнуть благодаря магическому воздействию.

Если это не помогает, некоторые делают так: перевязывают ниткой в виде кольца все пальцы рук. Эту процедуру тоже надо сделать рано утром и так же не говоря ни одного слова. Каждое утро нитка на кольцах постепенно должна затягиваться туже. Так делают в продолжение трех дней. После чего, по убеждению калмыков, ячмень должен исчезнуть.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЗЛА

Калмыки в полной уверенности, что человеческие страдания, человеческую греховность возможно передать как одушевлённому и неодушевлённому предмету, так и от одного человека другому. Малокультурные народы предполагают, что если возможно свалить какую-нибудь тяжесть с одного человека на другого, то так же можно свалить скорби и страдания. Отсюда стремление свои недуги передать другому человеку. Приёмы, к которым калмыки прибегают для облегчения своего страдания за счёт других, весьма примитивны. Когда после сна от неудобного лежания у калмыка болит шея, то он считает, что подушка была сильнее него. Для того, чтобы боль прошла, надо поклониться незаметно сзади хорошо одетому, следящему за собой человеку. Этим действием рассчитывают передать болезнь, добиться, чтобы шея перестала болеть. Если тот, кому поклонился больной, заметит это, дело сплошь и рядом доходило до больших ссор и даже до драк.

При тяжёлых болезнях гелюнги натирают тело больного тестом. Полагают, что болезнь впитывается тестом и переходит в него. Тесто потом выбрасывают или отдают собакам.

Приглашённые к больному гелюнги обычно делают массу всевозможных фигурок. Фигуры эти изображают разных животных и людей в различных позах. Многие из последних вооружены оружием, флажками, некоторые изображаются верхом на лошадях, коровах, свиньях и т.д.

Калмыцкое духовенство верит, что они этим фигуркам передают болезнь своего пациента. Фигуры эти выносят на улицу и оставляют недалеко от кибитки по направлению к северу. Болезнь должна передаться тому животному или человеку, который первым прикоснётся к этой фигуре. Поэтому проходящие мимо оберегают себя, плюя в сторону этих фигурок.

Болезнь, по преданию, можно передать на носильную одежду самого больного. Для этой цели берут обычно ту одежду, которая наиболее тесно прилегает к телу и которая больше всего была пропитана потом больного — носки, чулки, рубашки и прочее. Эти вещи тоже выносят из кибитки больного и выбрасывают на улицу.

Болезни детей, по мнению калмыков, происходят главным образом от испуга. Часто родители, желая знать, от кого и чего испугался ребёнок и для того, чтобы вместе с тем «выгнать» испуг из тела, закрывают голову ребёнка какой-нибудь материей. Над головой держат чашку с водой. В эту воду выливают расплавленный свинец. Свинец принимает в воде какую-нибудь фигуру. По её фигуре судят, от чего ребёнок испугался. После этого ребёнок должен три раза плюнуть в воду, и она со свинцом выливается на улицу. После этого считают, что испуг перешёл на фигурку и ребёнок должен поправиться.

Как мы указывали вначале, животным тоже возможно передать болезнь человека. Калмыки при серьёзных болезнях переносят все злое, что мешает больному выздороветь, в том числе и нечистые силы, на животное, главным образом, если болен хозяин кибитки, на его любимую лошадь. Часто случается, когда все это переносится не на одно животное, а на целую группу, даже на несколько видов животных. Эти животные передаются хурулам. Передачу всего этого производят гелюнги путем чтения молитв.

По поверьям калмыков, можно не только заболеть вместо другого близкого человека, но даже умереть за него. При болезнях детей, родители, особенно мать, прижимает к своей груди ребенка, чтобы болезнь и страдания от ребенка перешли к ней.

Калмыки считают также возможным переложить на какого-нибудь человека весь грех и болезнь другого. Старики рассказывают, что бывали случаи, когда при опасной болезни зайсанга или нойона в качестве «козла отпущения» высылали из пределов данной местности какого-нибудь гражданина. При этом такого человека снаряжали в самую лучшую одежду, давали ему любимую лошадь больного и снабжали его ружьем. После этого он должен был уехать в ту сторону, куда укажет духовенство, с тем, чтобы больше не возвращаться обратно. Когда такой человек выезжал, сзади него плескали водой, бросали золу, стреляли из ружей.

ОТЪЕЗД

Человек, уезжающий куда-нибудь далеко, иногда угощает своих соседей: дарит табак, водку и т. д. Подобные подарки и угощения называются у калмыков «норян окю» — «отдавать сон». По убеждению калмыков, таким путем возможно передать свой сон. Человеку же, находящемуся в дороге, крепкий сон является врагом. Путник должен быть бдительным, следить, чтобы его никто не обворовал. В настоящее время этот обычай изживается. Он сохранился теперь только в некоторых местах. Но когда-то, по-видимому, калмыки придавали ему немаловажное значение. Уезжающий надолго человек перед отъездом объезжал своих ближайших родственников и хороших знакомых. Везде его угощали с наилучшими пожеланиями, соседи по хотону и находящиеся вблизи родственники всегда приглашали уезжающего на «чашку чаю». В день

отъезда в семье не должно быть никаких ссор и слез. По предположению калмыков, слезы — дурная примета. Они предвещают уезжающему несчастье, болезнь, смерть. После отъезда кого-нибудь из кибитки не выносят золу, ибо она, по предположению калмыков, будет застилать дорогу уехавшему и тем самым помешает быстро выполнить свое дело.

Уезжающий человек не должен брать с собой иголку с ниткой, все предпринятое им будет зашиваться, т.е. не будет исполняться. Кроме того, всякий острый предмет, якобы, старается принести вред человеку.

Ни под каким видом не полагается, чтобы уезжающего человека сопровождала собака. Это дурная примета. Собака, якобы, идет вместе со своим хозяином, чтобы съесть его труп, когда он умрет.

Если кто-нибудь идет на суд в качестве ответчика, то домашние его крепко-накрепко посредством палки туго стягивают веревку, которая поддерживает снаружи кибитки нижний край войлоков, покрывающий верхнюю часть кибитки. По мнению калмыков, чем туже стянута веревка, тем крепче подсудимый будет держаться на суде. Такие же поверья имеют [место. — *сост.*] и у других малокультурных народов.

Уехавшему человеку калмыки никогда не оставляют готовых продуктов питания. Почему-то это считается у них дурным предзнаменованием. Исключение делается только по отношению к арьке.

Воспрещается ездить или ходить по горной дороге, вечером после захода солнца. Калмыки полагают, что как раз в это время выходят из своих укромных уголков нечистые силы. Они могут встретиться с едущим или идущим человеком и принести ему вред.

Когда стемнеет окончательно, езда по дорогам не возбраняется, ибо по убеждению калмыков, нечистые силы к этому времени успевают разбежаться.

По всей вероятности, основанием к этому суеверию служат часто практические соображения. В темноте, особенно имея в виду привычку калмыков скакать, можно наскочить на едущих. Если, когда наступает окончательно ночь (темнота), то обычно ездят мелкой рысью, а во-вторых, едущих могут быть единицы. Иного объяснения в данном случае мы не находим.

ФОТОГРАФИЯ

Еще не так давно калмыки избегали сниматься у фотографов. Считалось необыкновенно грешным делом стоять перед фотоаппаратом, считавшимся дьявольской машиной. Калмыки в полной уверенности, что фотографирование без участия нечистей не обходится. Раз это так, то, по их мнению, случится что-нибудь плохое тому, кто снимался.

До сих пор старики и старухи с большим предубеждением относятся к фотоснимкам, предупреждают молодежь не увлекаться этим нечистым делом. Довольно-таки курьезный случай был с одним калмыком, который перед империалистической войной поехал в Ставропольскую губернию со своими товарищами. Какой-то фотограф решил их заснять. Калмыки категорически отказались за исключением одного, который поддавался уговору фотографа и дал себя снять с верблюдом. Товарищи считали сфотографированного товарища и его верблюда погибшими. Ругали его, как только могли. Они долго говорили по этому поводу, гадали о причинах, которыми руководился фотограф, снимая данного калмыка. Они предполагали, что карточка будет передана военному ведомству и этого калмыка возьмут в солдаты. Другие считали, что заснял фотограф, чтобы возбудить ложное судебное дело. Иные думали, что фотограф заснял с целью колдовства. Поэтому ждали, что калмык погибнет вместе с верблюдом.

Фотографу, наверно, в мысль не приходило, что его невинный снимок так сильно взбудоражил калмыков. Долго бедный калмык ждал всевозможных неприятностей, долго он мучился от сознания сделанной непростительной ошибки, пока все это постепенно не забылось.

Так же, как калмыки, боятся фотографироваться и многие другие культурно-отсталые люди, считая, что в фотографической карточке заключается душа данного человека. Следовательно, владея карточкой, каждый человек может оказать дурное влияние на того, кто изображен на данной карточке.

Так, некоторые отсталые народы верят, что фотограф может унести их души и пожрать их на досуге. Когда фотографии попадут на чужбину, думают туземцы, то сфотографированные люди умрут или подвергнутся еще какому-нибудь несчастью. По-видимому «грех», о котором говорят калмыки, основан именно на этих предрассудках, которые мы наблюдаем у других малокультурных народов.

В настоящее время от этого суеверия не осталось и следа. Неприязненное отношение к фотографированию осталось только у части стариков.

ПОПЕРЕК ЛЕЖАЩИЕ ПРЕДМЕТЫ

Воспрещается брать вещи (аркан, палка ит.д.), которые лежат поперек пути идущего или едущего. Калмыки предполагали, что это не дает исполниться ни одному задуманному делу. На основании этого поверья не всякая калмычка (мужчины кизяки не собирают) решится брать кизяк, который лежит рядами (лентой). Такой кизяк можно взять только одному человеку. Это считается предотвращением несчастья, которое могло быть от этого. Поэтому, если идут вместе две калмычки, то одна из них уступает такой кизяк другой. Кро-

ме выше указанного поверья, калмыки прибавляют к этому случаю другое. Как будто, если взять такой кизяк, то это есть предзнаменование, что у такой семьи должен порваться «зель» (верёвка для привязи скота, главным образом телят). Смысл таков, что погибнет весь скот и нечего будет привязывать.

На этом же основании воспрещается шагать поперёк лежащих вещей, особенно плохим предзнаменованием считается шагать через «зель». Вследствие этого поперёк лежащие предметы калмыки обходят. Точно также ни один калмык не пройдёт мимо воткнутой в землю палки, не вытащив её; если она не вбита специально для какой-нибудь цели. Существует поверье, что такая палка предвещает данному человеку смерть, ибо, как мы говорили, у калмыков на могилах втыкают флажки. Дурное предзнаменование считается ликвидированным, если вытащить такую палку.

ГЛАВА VII.

Новая социалистическая Калмыкия

Прежде чем говорить о настоящей социалистической Калмыкии, мы считаем необходимым коротко осветить историю борьбы трудящихся калмыков за советскую Калмыкию.

Из того, что мы описали выше, можно делать вывод, что основная масса трудящихся калмыков хитроумно сплетенной сетью обычаев и суеверий была духовно и материально порабощена «своим» кулачеством и духовенством, а также русским кулачеством и торговой буржуазией.

После Февральской революции временное буржуазное правительство поставило перед собой задачу — оказывать калмыков. Это нужно было для того, чтобы калмыцкий народ превратить в бич надвигающейся пролетарской революции в России.

Идея оказывания калмыков была подхвачена калмыцким духовенством и буржуазией. При их помощи временному правительству удалось перевести калмыков в казаков. В первые месяцы гражданской войны незначительная часть трудящихся калмыков, обманутая «своими вождями» и духовенством, участвовала в борьбе против советской власти.

Передовые трудящиеся калмыки стали бесповоротно на сторону советской власти.

Призывы большевистской партии, ее лозунги дошли до сознания трудящихся калмыков. Обманутые переводом в ка-

зачество и втянутые в борьбу против советской власти, трудящиеся калмыки повернули оружие против белых.

Летом 1918 года трудящиеся калмыки организовываются в добровольческие сотни партизанского типа, на базе которых образовывались регулярные части Красной армии.

В 1919 году трудящимся калмыкам пришлось испытать на себе «прелесть» властвования белых.

Много горя и лишений пришлось перенести трудящимся Калмыкии в ту пору. Лучшие сыны трудового калмыцкого народа заплатились жизнью. Основное имущество калмыков — скот был у большинства трудящихся отнят. Много калмыков было насильно мобилизовано в белую армию.

Великий вождь пролетарской революции Владимир Ильич Ленин своим «Обращением к калмыцкому народу» от 22 июля 1919 года открыл глаза трудящимся калмыкам и указал, с кем они должны быть.

В этом обращении Владимир Ильич писал:

«Братья калмыки!

Все прошлое Вашего народа — это непрерывная цепь страданий. Народ ваш, благодаря своей хозяйственной и политической отсталости, всегда был предметом эксплуатации со стороны более сильных соседей. Самодержавное царское правительство, распространившее путем кровавого захвата свою власть на многие инородные племена, наложило цепь рабства и на свободолюбивый калмыцкий народ. Завладев, самодержавие все время обращалось с вами, как с рабами. Земли, находящиеся в Вашем пользовании, урезывались. Вам запрещали обучаться, печатать книги на родном языке. Вас непременно держали в темноте, чтобы легче было вас угнетать. Многих из Вас брали на военную службу, чтобы, пользуясь вашей темнотой, употреблять Вас, как орудие угнетения других, как и Вы, угнетенных народов.

Так продолжалось до тех пор, пока русский трудовой народ, рабочие и крестьяне не свергли в пропасть ненавистное царское самодержавное правительство, а вслед за ним — власть капиталистов и помещиков. Сделав это, русский рабочий и крестьянин образовали новое государство — Рабоче-Крестьянскую Республику, где власть находится в руках самих трудящихся. Одним из первых шагов Рабочей-Крестьянской Советской власти было опубликование «Декларации прав народов России», где всем народам было обещано равенство, право самим определять свои судьбы, отмены всяких национальных и религиозных ограничений и свободное культурное развитие.

Но враги Рабочей-Крестьянской Советской власти, капиталисты и помещики, желая по-прежнему властвовать над рабочими и крестьянскими массами, всё время не давали возможности советской власти провести в жизнь данные обещания по отношению к калмыцкому народу. Ваша земля опять была захвачена насильниками, борющимися за восстановление прав капиталистов и помещиков.

Им помогают заграничные, английские, французские капиталисты, угнетающие сотни миллионов Ваших соплеменников и единоверцев в Азии. Только слепой не видит, к чему стремятся эти господа. Они хотят восстановить старые порядки, при которых калмыцкий народ будет страдать так, как страдал сотни лет при царизме. Но теперь этого не будет.

Братья — калмыки! В обстановке этой гражданской войны, которую озверелые генералы, капиталисты и помещики ведут с рабоче-крестьянскими массами в России, часто случалось, что Ваш народ подвергался различного рода насилиям со стороны отдельных агентов советской власти. Стоящий во главе Рабоче-крестьянского правительства Совет Народных Комиссаров сам заявляет Вам, братья — калмыки, что он бо-

ролся, борется и будет бороться со всеми злоупотреблениями этих лиц и строго наказывает и будет наказывать насильников.

Стоящее на защите интересов трудовых масс всех народов Рабоче-Крестьянское советское правительство сим заявление Вам, братьям-калмыкам, что судьба Вашего народа лежит в Ваших собственных руках. Поэтому Совет Народных Комиссаров постановил содействовать трудовому калмыцкому народу в созыве обще-калмыцкого трудового съезда. Для организации этого съезда Совет Народных Комиссаров утверждает комиссию в составе: тт. Чапчаева, Амур-Санана, Лавгева, Меццержакова, Манкирова, Сарангова и Герценберга с правом кооптации технических нужных членов. Для того чтобы привлечь к делу строительства калмыцкой жизни как можно больше деятелей из среды самих калмыков, Совет Народных Комиссаров решил объявить амнистию многим из тех видных калмыцких деятелей, как-то: Баянову, Очирову и др., которые до сих пор находятся с тане белогвардейцев.

Применение этой амнистии Совет Народных Комиссаров возлагает на комиссию по созыву общекалмыцкого созыва.

Совет Народных Комиссаров приложит все усилия к тому, чтобы помочь трудовому калмыцкому народу восстановить разрушенное войной хозяйство и чтобы предоставить в его пользование, по выяснению действительных потребностей и местных условий хозяйства на Всекалмыцком съезде, достаточное количество земли для ведения восстановленного скотоводческого и других видов хозяйства трудового калмыцкого народа.

Братья-калмыки! Для того, чтобы осуществить Общекалмыцкого съезда, надо освободить от белогвардейских банд значительную часть Ваших земель. За это освобождение борется Рабочее-Крестьянское правительство и его Красная Армия. Но для того, чтобы это освобождение совершилось

как можно скорее и с меньшим кровопролитием, нужно, чтобы весь калмыцкий народ, как один человек, восстал против царских генералов, белогвардейцев и помог Красной Армии быстро смять Деникина.

Братья-калмыки! Судьба Вашего народа в Ваших руках. Все в ряды Красной Армии! Все против белогвардейских, казачьих банд Деникина! Все на защиту Вашей советской власти».

*Председатель Совета
Народных Комиссаров
В. Ульянов. (Ленин)
Секретарь Л. Фотиева*

На призыв Владимира Ильича Ленина трудящиеся калмыки ответили массовым дезертирством из белой армии, организацией партизанских отрядов по борьбе с белыми.

В начале 1920 года под напором Красной Армии калмыцкая степь была очищена от белых банд. А в июле месяце того же 1920 года в местечке Чилгир был создан 1-й съезд трудового калмыцкого народа. На съезде принято решение об образовании автономной калмыцкой области, входящей в состав РСФСР.

Таким образом, калмыцкий народ, наряду с другими народами, населявшими бывшую Российскую империю, получил впервые, право определять свою судьбу, строить себе будущее.

Тяжелы были первые годы молодой автономной области. По ее необъятным степям, как голодные волки, рыскали остатки разных банд. Но ни банды, ни хозяйственная разруха не могли остановить победоносного наступления социализма.

При поддержке и руководстве большевистской партии и Рабоче-крестьянского правительства Союза Калмыцкая

автономная область сравнительно быстро восстановила свое народное хозяйство.

Народ, который капитализмом был обречен на вымирание, строит свою национальную по форме, но социалистическую по содержанию культуру.

От кочевого и полукочевого образа жизни с феодальным общественным укладом калмыцкий народ в одной шеренге с другими многими народами Союза идет к социализму.

Основной формой ведения сельского хозяйства в Калмыкии является коллективная. В колхозы объединилось около 72% сельскохозяйственного населения. Таким образом, разрозненные, мелкотоварные кочевые хозяйства через колхозы превращаются в крупные социалистические предприятия, которые ведутся на основе науки и техники.

Страна, не имевшая никогда своего хлеба и понятия о земледелии, на сегодня ее колхозы, как, например, в Сарпинском улусе, получили в 1934 году от 8 до 15 кг зерновых культур на трудодень. Страна, где меньше 5% было грамотного населения, преимущественно из духовенства и дворянства, сегодня 85% населения Калмыкии — грамотные. Страна, не имевшая даже низших школ, за исключением незначительного количества при хурулах, сегодня она имеет 194 низших школ, где обучается 17.500 детей. Имеет 23 неполных средних школ, где учится 9000 человек. Имеется 4 техникума, готовящие специалистов для народного хозяйства области. Около 30% от количества учащихся составляют женщины.

Страна, имеющая в 1913 году только 4 больницы на 61 койку и расходовавшая по здравоохранению в год 30 копеек на одного человека, сейчас имеет 25 больниц с общим количеством коек 481, 16 амбулаторий, 2 диспансера, 43 фельдшерских пункта, 7 женских и детских консультаций, 13 постоянных детских ясель.

В дореволюционное время калмыки не имели представления о кино и театре. Теперь Калмыкия строит свой национальный театр, имеет звуковое кино, улусы обслуживаются сетью кинопередвижек.

Не так давно неграмотный народ родил уже своих ученых, писателей и поэтов.

Порабощенная, забитая и неграмотная женщина-калмычка, почти лишенная человеческих прав, в Советской Калмыкии стала полноправным членом общества. Раньше, не имевшая права голоса даже в своей семье, теперь женщина-калмычка управляет государством. До 35% в составе сельских советов Калмыкии избраны женщины. Женщина активно участвует в производстве. «Сеноуборочная кампания 1934 года проводилась у нас силами женщин, — говорит на краевом съезде советов председатель Хумкултинского сельсовета калмычка тов. Надбитова. — Сейчас наши женщины уже не носят неудобные костюмы. Они носят европейские костюмы и ходят в красных платках. Советская власть раскрепостила женщину Калмыкии».

Основная отрасль народного хозяйства Калмыкии — животноводство быстро восстанавливается. Рабоче-крестьянское государство дало Калмыцкой области 25 машинно-сенокосных станций «МСС», которые должны полностью обеспечить стада колхозов необходимым количеством сена на зиму. Наряду с этим ведутся большие мелиоративные работы на черных землях, с целью 100-процентного их использования под выпасы в зимнее время. Много уделяется внимания улучшению породы скота и т.д.

Все это дает богатейшие перспективы животноводства Калмыкии и улучшения материального положения ее трудящихся.

В дореволюционное время трудящиеся калмыки приморских улусов выполняли самые тяжелые и самые черные работы рыбопромышленников, как на лову в море, так и в

рыбообрабатывающей промышленности. За эту каторжную работу они получали мизерную плату.

В новой социалистической Калмыкии 95% ловцов объединены в колхозы. Колхозы вооружены новейшей рыболовецкой техникой. Построены специальные машинно-рыбные станции, которые несут передовую технику в рыболовецкое дело.

Колхозники колхозов, обслуживаемых машинно-рыбными станциями, получили в 1934 году по 1825 рублей деньгами и 1156 кг муки.

Дореволюционная Калмыкия не имела ни одного вида промышленности. Теперь развивается рыбная промышленность. Производство рыбной промышленности Калмыкии составляет 13% всей рыбной промышленности Волго-Каспийского района. Калмыкия имеет как речные, морские, так и плавучие (шаланды) рыбные промыслы. Построен и пущен в работу плавучий рыбный консервный завод. Строится Лаганский консервный комбинат мощностью в 14 миллионов банок консервов.

Помимо рыбной промышленности развивается в области полиграфическая, силикатная, кустарная промышленность. Сейчас работает три кирпичных завода. Намечены к постройке швейная фабрика, овчинно-шубный завод.

На территории области установлено наличие нефти и других ископаемых.

Помимо всего этого строится город Элиста — центр области. В течение первой пятилетки на это строительство было вложено более 4,5 миллионов рублей. Город сейчас имеет 10000 населения. С постройкой намеченных по плану промышленных предприятий имеется большая перспектива к дальнейшему росту.

За исключением двух все улусные центры электрифицированы. От этих улусов свет передается и населению. Таким

образом, лампочка Ильича становится достоянием широкой массы трудящихся калмыков.

Большой успех имеется в области связи. Телефонно-телеграфная линия тянется на 2116 км. Кроме того, установлено 10 коротковольтных радиопередатчиков в наиболее ответственных участках. Строится 2-киловаттная широковещательная радиостанция в Элисте, которая должна функционировать с ноября месяца 1935 года. Область, где не имели представления об автомобиле, имеет до 190 автомобилей. Благодаря чему улучшилась связь и движение по громадному степному пространству.

Вместе с тем установилось регулярное воздушное сообщение с Элистой и Сталинградом. Теперь пропеллер пересекает воздух той степи, где некогда царствовала тьма, невероятный произвол и разыгрывалась одна трагедия страшнее другой.

Шум пропеллера разносит по всему миру, что возврата к старому нет и свободная, счастливая Калмыкия с каждым днем экономически и культурно укрепляется.

Народ, обреченный при капитализме на вымирание, развивает свою культуру, физически крепнет и численно увеличивается.

С каждым днем подымается активность трудящихся калмыков, все новые и новые слои включаются в социалистическое строительство, порывают со старыми обычаями и суевериями. Недалеко то время, когда описанные в данной книге обычаи и суеверия будет совершенно невозможно найти в среде калмыцкого народа.

Все это результат проведения Ленинско-Сталинской национальной политики, результат неустанной [борьбы. — *сост.*] освобожденного калмыцкого народа, под руководством Ленинской партии и ее мудрого вождя т. Сталина, за социалистическую Калмыкию.

ВРЕДНЫЕ ОБЫЧАИ И СУЕВЕРИЯ У КАЛМЫКОВ И БОРЬБА С НИМИ

Вместо предисловия

Много душу раздирающих трагедий и жутких драм разыгрывается в глухих наших степях на почве применения вредных обычаев. Много горьких и незримых слез льется в обширной степной Калмыцкой области. Много преступлений, не имеющих себе равных, хранит в своих темных и молчаливых недрах степь, и только изредка некоторые из них делаются достоянием окружающих, ужасая их своей трагичностью. Опутанный своими суевериями и обычаями, калмыцкий народ, применяя героические усилия, ищет выход на культурную широкую дорогу. Часто, вследствие своей малокультурности, калмык делается жертвой духовенства и всевозможных темных личностей (знахарей и т. д.), которые так искусно, жестоко и при этом цинично умеют эксплуатировать его.

Моей целью было в этой брошюрке дать возможность калмыкам хоть немного разобраться в сущности суеверий и обычаев, но, главным образом, дать хотя бы минимальную руководящую нить агитработникам по борьбе их с предрассудками среди калмыков. И если в своей книжке я сумел наиболее полно и удачно охарактеризовать вредные обычаи и суеверия калмыков и доказать их вредность и никчемность, я буду считать свою цель достигнутой.

Несомненно, книжка имеет много недостатков. Одним из главных из них считаю отсутствие иллюстраций. Буду бесконечно благодарен товарищам, которые укажут на недостатки моей брошюры.

25/IV — 28 г.

У. Душан.

ВРЕДНЫЕ ОБЫЧАИ И СУЕВЕРИЯ У КАЛМЫКОВ И БОРЬБА С НИМИ

Всякий народ имеет те или иные суеверия и вредные обычаи, но у каждого они различны. Все эти суеверия и вредные обычаи являются результатом темноты и невежества данного народа. Они являются мерилом культурного развития его. Чем народ культурнее, тем меньше у него суеверий и таких обычаев. Наши калмыки культурно далеко отстали от многих народов. Этим и объясняется, что у калмыков как суеверий, так и вредных обычаев очень много в сравнении с другими народами. Суеверия и обычаи приносят ему массу несчастий. К числу суеверий и вредных обычаев у калмыков можно отнести: 1) ношение камзола, 2) раскуривание общей трубки, 3) кушанье остатков пищи, 4) кормление изо рта грудных детей, 5) всевозможные заклинания знахарей и зурхачей, 6) лечение средствами зурхачей, эмчеев и знахарей, 7) жертвоприношение огню и т. д. Остановимся на каждом из них в отдельности.

Камзол

О том, какой вред приносит камзол, писалось неоднократно. Считаю не лишним еще раз указать на весь тот вред, который приносит эта маленькая частица одежды наших девушек. Мы знаем, что наши девушки начинают носить камзол с самых ранних лет, чтобы не развивались грудные железы и не была заметна со стороны грудь.

У калмыков почему-то сложилось мнение, что стыдно девушке иметь развитые формы груди. В подтверждение этого они говорят, что девушка — не женщина. Как будто выходит, что грудные железы присущи только замужней женщине, действительно, в замуравленной, сжатой этим туго натянутым камзолом груди не только не развиваются

грудные железы, а она сама далеко отстает от общего развития остальных частей организма. Сплошь и рядом можно видеть, как непропорционально происходит развитие отдельных частей тела женщины-калмычки. По природе своей современная калмычка очень слаба, хила, малокровна, легкие у нее тоже слабые, мало развитые. По словам врачей, работавших и работающих теперь в степи, калмычки не умеют даже дышать. Насколько сказанное верно, мы судим со слов самих женщин. Они рассказывают, что как только бросают камзол, то в первые дни им трудно дышать от избытка воздуха. Освободившаяся от камзола грудь набирает полные легкие воздуха, и с непривычки у женщины происходят головокружение. Слабые легкие являются источником всевозможных болезней, особенно нашего бича — туберкулеза. Мы знаем, что калмыки больше, чем другие соседние народы, подвержены заболеванию чахоткой. Из практики видно, что большинство учащихся калмыков страдает туберкулезом и многие из них умирают в цветущие года. Потомство же от таких женщин тоже слабое, чем и объясняется тот факт, что две трети общего числа детей у нас погибают в грудном возрасте. У 99% взрослых калмыков при исследовании мы видим впалую грудь, которая легко подвержена заболеванию чахоткой.

Спрашивается, всегда ли калмыки были так слабы? Нет. По отзывам многих путешественников и по историческим данным, калмыки были когда-то очень здоровыми и цветущими. Как среди мужчин, так и среди женщин был сильно развит спорт. Указывают, что калмычки даже участвовали и на войне наравне с мужчинами. Таким образом, мы видим, что современные наши калмыки, а особенно калмычка, совершенно не похожи на своих предшественников. Несомненно, в физической слабости калмычки играют роль и

многие другие причины. Но так же несомненно и то, что камзол среди всех их занимает одно из первых мест. Каждому ясно, что камзол не является необходимой одеждой. Можно обойтись вполне без него. Едва ли можно камзолом скрыть свои достоинства и недостатки, и в том числе грудные железы. Ведь не надо забывать, что каждый человек, будь он мужчина или женщина, знает, какие части тела имеются у каждого из них. Сколько бы калмычки ни старались давить свои грудные железы, все знают, что у них они есть — это общий закон природы.

Нужна нам эта вредная одежда? Можно ли обойтись без нее. Есть ли она, наконец, национальная одежда, по тем данным, которые мы имеем? Камзол — не калмыцкого происхождения. У калмыков даже нет общего названия ему. Дербетовцы называют его «джилеткой», торгоутовцы «камзолом». То и другое слово не калмыцкого происхождения. Кроме того, на родине калмыков, по крайней мере, у родственников нам монголов, девушки не носят камзола. Можно предположить, что камзол перенят калмыками у русских после переселения на Волгу. По-видимому, калмыки видели у русских женщин корсет и сделали себе нечто тоже вроде корсета, но по незнанию применяли его неудачно. Возможно, что камзол являлся также поддержкой грудных желез, иначе говоря, употреблялся, как лифчик; особенно такая поддержка была необходима при верховой езде. Впоследствии этот лифчик превратился в камзол. Но так или иначе, от этого камзола большой неоспоримый вред народу. Зная, насколько вредно ношение камзола, калмычки во имя своего здоровья и здорового поколения должны раз навсегда отказаться от камзола. Иначе нашему народу от этой ненужной части одежды девушек грозит серьезная опасность.

Хадым — воспрещение говорить имена и т. д.

К числу вредных обычаев мы можем отнести также обычай «хадым». По этому обычаю женщины не должны показывать своих ног, голову старшим родственникам со стороны мужа, а также называть имена не только живых, но даже давно умерших. Если калмычка случайно покажет старшим и семье мужчинам свои ноги или голову, то она должна угостить их водкой или чаем и при этом просить их простить ей ее оплошность. Лица, которые приходится женщине «хадым», при своем приближении к ее кибитке кашлем или чем-нибудь другим дают знать о себе, чтобы она приняла все зависящие предосторожности, чтоб не показать ног или головы. Считают, что несоблюдение «хадыма» есть неуважение к этим лицам, что влечет за собою неисчислимые наказания как на этом, так и на том свете. Женщина, которая осмелится не соблюдать «хадым», умрет самой ужасной смертью и при этом будет так сильно мучиться, что от боли будет мычать, как корова, бляеть, как коза или баран. Конечно, не захочется никому такой смерти. Несчастливая калмычка в самое жаркое время не в состоянии скинуть обуви или снять шапки. Что касается имен, то здесь она еще несчастнее. Если родственников много, то калмычка не может сказать почти ни одного слова правильно. До какой степени приходится коверкать ей слова, можно заключить из следующих нескольких примеров. Если кого-нибудь из указанных лиц называли «Ноха», то женщина переделывает так «Тягин». Если «Ноган» — говорят «Девян» и т. д. Кроме того, сноха не имеет права по причине «хадым» быть в передней части кибитки, также и в правой ее стороне. Нарушение этого обычая, по мнению калмыков, влечет несчастной и наказание в виде всевозможных болезней и трудных родов. Теперь пусть подумают наши калмыки, какое невероятное и тяжелое наказание они

налагают на женщин. Если калмыки подумали бы хорошенько над «хадымом», задали бы себе вопросы: для чего? зачем? Если бы постарались найти первопричину всего этого, то, несомненно, не придерживались бы этого вредного обычая и давно отделились бы от него. Ведь каждый должен знать, что все это происходит, во-первых, от сохранившегося у нас взгляда, что женщина ниже мужчины, во-вторых, от остатков патриархального быта, когда вся семья должна была признавать главой одного человека, а женщина, считающаяся низшим существом, естественно, должна была относиться с благоговением и необыкновенною почитательностью к нему. Тем более, она в семье была чужая, она всегда обделялась и оставалась в стороне. В наш век, когда люди стали более сознательными, более разумными, абсурдность этого обычая становится ясной. Необходимо освободить наших женщин от этого допотопного обычая и считать, что женщина есть такой же человек, как все мы, что она ни в коем случае не хуже всякого мужчины. Женщина в свободной стране должна быть свободной от всех предрассудков. Для нее больше никаких ограничений не может быть.

Замужество и женитьба — Гер мал бологн

Не менее вреда приносит нам также и обычай рано жениться и выходить замуж. Мы знаем из жизни массу случаев, когда вступают в брак малолетние. Сплошь и рядом женятся и выходят замуж в 14–15 лет по-калмыцки, по-русски от 12 до 13 лет. Такие браки крайне вредны. Причина раннего брака кроется, во-первых, в том, что ищут работницу, а, во-вторых, сложилось также мнение, что девушка после 20 лет по-калмыцки не девушка, а женщина, ибо, достигнув половой зрелости, она естественным или не естественным путем удовлетворяет свои половые потребности. Раз это так,

то значит, что она не невинная девушка, а женщина. Отсюда родители стараются выдавать замуж девушку, а не женщину. Никогда нам не надо забывать, что калмычка достигает половой зрелости не раньше 18 лет и потому браки малолетних, кроме вреда для организма, ничего не принесут. Дети же от лиц, не достигших вполне половой зрелости, бывают слабые и хилые. Большею частью они погибают в первые же годы. Поэтому во имя здорового поколения нужно выходить замуж и жениться не раньше 18 лет. Все это учтено законом, и потому он не разрешает раньше этого возраста выходить замуж и жениться.

Сам процесс сватанья играет тоже крупную роль в жизни калмыка. Женитьба у калмыков — явление большое. Нужны значительные средства, чтобы сосватать, а потом жениться. Начиная со сватанья, до свадьбы проходит довольно большой промежуток времени от 1 до 3–5 и даже больше лет. За это время со стороны жениха приносят родителям невесты много угощений в виде вина, халатов, шуб и т. д. По существующему обычаю жених должен не меньше 6–7 раз прислать подарки и угощение родителям невесты. Сверх всего этого — зимою, летом, осенью и весной ежегодно жених должен приезжать с подарками к родителям невесты. Все это удовольствие обходится жениху не дешево. Часто маломощное хозяйство от такого сватовства приходит в полный упадок.

Когда калмыку задаешь вопрос: почему, во-первых, свадьба так затягивается, а, во-вторых, какой смысл так разоряться; то он отвечает, что такова традиция, таков обычай, которого они не могут нарушить. Кроме того, родители невесты обычно говорят: «как мы можем свою дочь отдать, как будто она беспризорная, не попив арьки, не получив подарков». Этот аргумент они еще подкрепляют тем, что дочь свою воспитали, ухаживали, потому должны же за это полу-

чить что-нибудь. Наконец, смущает их то, что скажут люди. Родителей жениха тоже поглощает тщеславие. Они тоже смущаются от того, что скажут другие. Сделаем, говорят они, так, чтобы все знали, как женил такой-то своего сына.

Наши калмыки совершенно упускают из виду, что такой обычай, разоряя жениха, ставит в тяжелое положение их дочь по выходе ее замуж. Ввиду того, что у жениха хозяйство пришло от постоянных подарков в упадок, она принуждена не только не по-человечески жить, но искать, выпрашивать необходимое у других и часто голодать. Какой же смысл разорять и ставить в тяжелое материальное положение молодую чету ради какого-то обычая, который абсолютно ничего, кроме вреда, не приносит. Родители невесты должны помнить, что, получая угощение и не выдавая дочь долго после сватания, тем самым разоряют жениха и, следовательно, ухудшают положение своей дочери и делают ее жизнь после замужества тяжелой, заставляют ее жить в нужде. Во имя лучшей жизни своей дочери родители должны раз навсегда отказаться от этих угощений, тем более брать «калым» в виде денег, лошадей, шуб, халатов и т. д. Благополучие и счастье своей дочери родители должны ставить выше какой-то древней традиции, которая ничего общего с нашей жизнью, теперь не имеет.

Раскуривание трубки — Ганс нерлгн

У калмыков существует обычай раскуривать трубку приезжим (гостем) или старшим. Между тем этот невинный обычай приносит громадный вред. Никто не знает, во-первых, здоров ли хозяин трубки, а, во-вторых, кто еще помимо хозяина пользовался этой трубкой. Сплошь и рядом через трубки заражаются одной из опасных болезней — сифилисом. Трубка зараженная, попадая в рот здорового чело-

века, заражает его. Мы знаем; что почти 70–80% заболеваний сифилисом происходят по бытовым условиям. Отсюда ясно, что никогда не надо раскуривать никому трубки и не заставлять других делать это. Также не надо курить из чужой трубки или докуривать ее. Каждый должен знать и помнить, какой опасности подвергается он, раскуривая трубку или докуривая чужую папироску.

Поедание остатков пищи по указанным причинам тоже является одним из источников заразы, всевозможных заболеваний, но, главным образом; сифилиса, и этот обычай должен быть также немедленно искоренен.

Пища — Хото

К числу вредных обычаев можно причислить обычай кушать однообразную и неудобоваримую пищу. Калмыки знают свой калмыцкий чай, твердую, как камень, пресную лепешку, сваренное без всяких приправ мясо. Овощи никогда ими не употребляются. Такая пища приедается и плохо переваривается. Необходимо кушанья разнообразить. Главным образом нужно ввести овощи. Кушать на ночь мясо и притом в большом количестве очень вредно. Желудок не успевает переваривать мясную пищу. На этой почве многие страдают катаром желудка, а отсюда и всевозможными другими болезнями.

Нужно мясное кушать днем вместо чая. Тогда вся пища успевает перевариться.

Обычай брать лучшую часть пищи мужчиной — Хотин сянин залу кюн авалган

Обычай брать львиную долю кушанья хозяином дома, а женщинам отдавать только остатки совершенно не выдерживает никакой критики. Женщина, которая является

воспроизводительницей человеческого рода, больше чем кто-либо нуждается в хорошем питании. Плохо питающаяся женщина делается слабой, малосильной. Естественно, что и дети от нее тоже рождаются слабыми и хилыми. Такие дети часто подвергаются всевозможным заболеваниям и большею частью погибают в первые годы своей жизни. Едва ли такой исход дела может удовлетворить кого-нибудь. Следовательно, каждый мужчина не только ради жены, как равного ему человека, разделяющего с ним горе и радость, но и ради ребенка своего должен не делать никакого исключения для себя, поставить женщину наравне с собою. Калмычка не имеет своей кровати, она принуждена спать на полу, что крайне вредно отзывается на ее здоровье. Надо помнить, что сырая земля является причиной многих болезней простудного характера. Кроме того, вся домашняя работа ложится исключительно на женщину. Под тяжестью ее она задыхается. Мужчина же считает ниже своего достоинства помочь ей в этой трудной кропотливой работе. Он большей частью проводит свое время на коне, или у соседей, или пьянствует, а в лучшем случае выполняет какую-нибудь определенную работу. Такое отношение к женщине со стороны мужчины и тяжелая работа намного сокращают жизнь калмычки. Она рано стареет и подвержена всевозможным заболеваниям. Об всем этом калмыкам придется подумать, чтобы быть помощником и товарищем своей жене. Никуда не годится сложившееся мнение, что помогать в работе жене равносильно тому, чтобы быть ее работником. Калмыки в подтверждение этого своего взгляда говорят: «Никогда не буду в работниках у жены». Своеобразное понятие о помощи своей жене. Этому взгляду должен быть положен конец. Должно быть равномерное распределение труда.

Знахарство — Бэлыгн, удгулгн

Несмотря на то, что лечебная сеть в Калмстепи расширяется и население получает медицинскую помощь бесплатно, знахарство играет далеко не последнюю роль в жизни калмыка. Вера знахарям, калмыцким эмчеям (лекарям) и зурхачам (астрологам) все еще тверда у калмыков. Все эти доморощенные лекаря знают, главным образом, следующие лекарства, а именно, воду, воду с молоком, масло, суп. Часто желудочно-кишечные болезни они лечат самым крепким супом или маслом (топленое), а тифы исключительно водой. Такие методы лечения, естественно, вызывают немало жертв среди населения. За свое лечение эти лекаря получают иногда громадный гонорар. Часто бывает, что они буквально обирают своих пациентов. Сплошь и рядом случается, что они указывают, что такой-то предмет или скот, а иногда даже кибитка являются причиной болезни и препятствуют выздоровлению, ибо там крепко засел черт, который тормозит все. Все имущество, в которое засел черт, переходит к лекарям, зурхачам. Кроме того, если к больному приглашается зурхача, то он часто разоряет больного за те молитвы, которые он причитывает за благополучие и выздоровление больного. Часто зурхачи ему говорят, что у больного на этом свете нет места. Иначе говоря, он должен умереть (сюре халцха — место пустое). Конечно, это место можно снова получить, если дать часть своего имущества, которое идет зурхачи за его хлопоты. Большей частью зурхачи одновременно бывают лекарями. Таким образом, они обирают своего больного многими способами: как зурхачи, как заклинатель, гонитель нечистых сил, как лекарь и, наконец, когда больной умрет, как отправляющий душу в рай. Одним словом, духовенство здесь абсолютно ничего не теряет. Заработок ему обеспечен. Оно выигрывает независимо от исхода болезни калмыка.

По-видимому, наши калмыки так околпачены этими всевозможными обирателями, что не замечают, как нагло они обманывают их. Если бы хоть немного подумали обо всех их проделках, то ясно увидели бы все это. Во-первых, зурхачи и лекаря, по их словам, находят эти указания в священных книгах. Но каждый мало-мальски знакомый с буддизмом человек скажет, что это как раз и противоречит тому религиозному (буддийскому) учению, на которое они ссылаются. Как известно, буддизм в корне отрицает существование чертей, возможности заменить человеческую жизнь его имуществом или молитвой, что та или иная вещь или скот, принадлежащие кому бы то ни было, не могут никогда явиться причиной смерти, несчастий самого владельца или его родных. Ясно, что все это выдуманно самим духовенством, лекарями для своего собственного обогащения. Насколько это правда, можно заключить из того, что все те вещи, в которых засел черт, они берут себе и передают своим родным. Что здесь корысть и жадность играет главную роль и это есть обман, мы видим из того, с какой жадностью бросаются эти лекаря и зурхачи на имущество больного или умершего. Иногда дело доходило даже до драки. Мы все знаем редчайшее явление, если гелюнг дает кому-нибудь что-нибудь. Также мы знаем необыкновенное стремление гелюнгов к богатству. Для чего они, забыв свой сан, занимаются картежничеством, ростовщичеством, барышничеством и т. д. Все это, взятое вместе, нам говорит, что надо бросить раз навсегда кормить этих тунейдцев-лекарей, разных зурхачей, знахарей, и чтобы они больше не разоряли нас и не обогащались¹ за наш счет.

Насколько невежды эти лекаря и как они обманывают калмыков, население само давно заметило, но, несмотря на это, оно не может отречься от их услуг, ибо слишком

¹ В рукописи — «разбогачались».

сильно они запутали его в своих крепких сетях. У калмыков существуют следующие рассказы, ярко характеризующие лекарей и зурхачей. «К известному лекарю-эмчею обратился больной. А эмчей ничего не может придумать для него. Чтобы не остаться в дураках, он задал больному следующий вопрос: «Когда мочишься на снег, то снег желтеет?». «Желтеет», — ответил удивленный больной, с благоговением склонив свою голову перед таким «всезнающим великим» эмчи. Эмчи продолжает дальше: «Когда хочется спать, бывает у тебя зевота?». «Бывает, ваше преподобие», — спешит ответить больной, все больше и больше удивляясь и приходя в восторг от эмчи. Наконец эмчи спросил: «Перед испражнением выходит воздух?». Больной и его родственники все упали ниц перед эмчи. Эмчи, довольный своей проделкой, дал какую-то чепуху и послал больного домой. Все были в восторге от такого знания эмчи. Дальше о зурхачах. Какой-то калмык пригласил зурхача на похороны своей матери. Зурхача взял своего манджика и пошел к калмыку. По дороге зурхача поймал мышь и наказал своему манджiku выпустить из рукава в то время, когда он будет читать молитву об изгнании души умершей из кибитки. От такой проделки зурхача был полон уверенности получить побольше приношений. Зурхача стал читать молитву. Среди молитв он под мотив молитвы предложил манджiku пустить мышь, по манджик ее нечаянно задушил. Здесь у них произошел спор. Вот после такой характеристики своих лекарей и зурхачей калмыки все же обращаются к ним. Это результат нашей темноты. Нашим калмыкам нужно подойти к этому вопросу критически, и тогда вся ложь и обман всевозможных зурхачей и эмчей будет им понятна, и больше никогда так легко не будут они поддаваться обману, как теперь.

Жертвоприношение огню — Гал Тялгин

До сего времени у калмыков сохранился древний обычай — жертвоприношение огню. В октябре месяце все калмыки без исключения приносят жертвы огню. Жертвоприношение это выражается в том, что каждая семья сжигает грудную кость барана в очаге, обливая ее салом. Состоятельные калмыки для этого случая закалывают самого лучшего барана, а бедняк покупает грудную кость у мясников и несколько фунтов жира или же обходится и без кости, ограничиваясь одним жиром. Процедура жертвоприношения происходит в следующем порядке. Предназначенного для жертвоприношения барана режут не обычным порядком, а с особым ритуалом. Под бараном подстилают белый *ширдьк* (кошма). Барана на *ширдьке* ставят против двери кибитки головой к ней. При разделке бараньей туши грудная кость отделяется со шкурой. Шерсть ее потом опалается на огне. Мясо варится тут же в большом котле, за исключением только одной правой передней ножки. Последняя под названием «*далгана ха*» вешается под кроватью хозяина между кошмой и жердью. Когда баранина сварится, то ее вынимают из котла и передают хозяину. Последний выделяет печень, сердце, прямую кишку, двенадцатиперстную кишку, сычуг, диафрагму, жир с грудной клетки завертывает в сумку из шкуры и вешает над своей кроватью у решетки. Все это называется «*далгана махн*». Нижняя половина головы (*зура толга*) и крестцовая часть барана жертвуются богам и ставятся в переднем углу, на сундуке, около бурханов. Потом они передаются гелюнам. Грудная кость варится целиком, тщательно очищается от мяса. Очищается от мяса также и бедренная кость задней правой ноги (*шага чимгн*). Из левой передней ноги берут первые 10 ребер. После всего этого берут грудную кость, кладут на очаг, очищенный от золы, на палочках, вниз наружной частью. На выступах кости прикрепляют,

обводя кругом тонкими кусочками снятой с грудной кости, спаленной шкуры (*керюль*)². В середине кости, в котловине, кладут жир, бедренную кость (*шага чимгн*), вышеуказанные 10 ребер, медную или серебряную монету, можжевелник. Все это заливается молоком и салом и зажигается. Во время этой процедуры на сундуке перед *бурханами* горит лампада. Затем всем присутствующим раздают по несколько кусков жира, но не меньше трех. Хозяин кибитки берет «*далгана ха*» и «*далгана махн*» и начинает обводить ими над горячей костью слева направо, говоря: «*хрю, хрю, хрю*». За ним все присутствующие, держа в правой руке кусок жира, тоже машут слева направо, говоря: «*хрю, хрю, хрю*³». После этого кусок съедается. Так продолжается до 3-х раз. Что касается «*далгана махн*», то они все съедаются на другое утро. «*Далгана ха*» съедается только близкими родственниками через три дня. Слово «*далган*» совершенно непонятное. По-видимому, оно есть исковерканное слово «*даялган*» — махать. Таким образом, получается в переводе — «*далгана ха*» — ножка для махания. По смыслу процедуры мое предположение правдоподобное и ближе к истине. Слово «*хрю*» тоже непонятное. По-видимому, оно происходит от слова «*хуру*» — собирайся. Смысл всего этого — призывание счастья и богатства.

Ради этого обычая закалывается ежегодно много баранов, сохранение которых принесло бы и немалую пользу населению. Спрашивается, необходимо ли дальше сохранять этот разорительный для хозяйства обычай. Чтобы разрешить его, надо знать, почему у народа явился такой обычай. Обычай этот [относится к. — *сост.*] самой седой древности,

² Речь идет о нарезанной тонкими полосками коже, снятой с этой кости после опаливания. — *сост.*

³ Во время обряда в описываемый момент трижды произносят «*хуру*» (*Сост.*)

когда люди еще мало были знакомы с способами добывания огня, т.е. когда не было спичек и люди не знали употребления кремней и т. д. Так как добывать огонь дело было трудное, то всегда поддерживали в очаге огонь, не давая ему угасать. Когда же огонь потухал от разных причин, то приходилось его искать у соседей и т. д.; это было сопряжено с большими трудностями. Ясно, какое большое внимание придавалось огню, и отсюда поклонение и жертвоприношение ему, чтобы он никогда не потухал.

Теперь нам нет никакого смысла поддерживать в очаге огонь. Мы не боимся, если он потухнет, ибо в нашем распоряжении имеются спички и многие другие усовершенствованные способы добывания огня. Следовательно, является совершенно излишним поклонение огню и тем более приношение ему жертв. Таким образом, мы напрасно губим скот, который является нашим достоянием и средством к жизни.

Спиртные напитки — Арька

Спиртные напитки в жизни калмыков играют первенствующую роль. Не будет, пожалуй, преувеличением, если мы скажем, что калмыки без них не делают ни одного шага. Так глубоко вкоренились спиртные напитки в быт калмыков, что они сопутствуют и в счастье и в несчастье — в самых торжественных и в самых печальных случаях их жизни. Всякое событие в жизни калмыков непременно сопровождается спиртными напитками. Женится ли кто, родится ли ребенок, умрет ли кто, совершается ли покупка или продажа, — все это неизменно кончается попойкой. Пьют калмыки много, притом с необыкновенной жадностью. Пьют не только взрослые, но и молодые. Раньше, лет 30–40 тому назад, водку могли пить только старики, но отнюдь не молодежь. Теперь пьют все. Кроме водки и виноградных вин калмыки пьют свою знаменитую «арьку», «тепленькое» из кислого моло-

ка (арьяна). С самой ранней весны до глубокой осени, т.е. в продолжение 7–8 месяцев, многие калмыки только живут, чтобы пить «тепленькое». Ходят они из кибитки в кибитку, из хотона в хотон и пьют без просыпа свое «тепленькое». Подобное явление не только отражается на самом пьющем, но и оказывает громадное влияние на его потомство. Всякий пьющий часто подвергается всевозможным заболеваниям и редко их выдерживает. Так как спиртные напитки производят глубокие изменения в его внутренних органах, которые не сопротивляются, как здоровые органы, действию болезни, а легко поддаются, и поэтому человек умирает. Нам известно, что от спиртных напитков происходит изменение мышц такого важного для нас органа, как сердце. Спиртные напитки разрушительно действуют и на другие очень важные для нас органы, как, например, печень, почки, мозг и т. д. Спиртные напитки играют большую роль в душевной жизни человека. Очень часто пьющие лишаются рассудка. Что касается потомства, то спиртные напитки здесь представляют большую опасность. Из науки нам известно, что дети алкоголиков большей частью бывают физическими и духовными калеками: слабые, хилые, слабоумные и поддержаны всяким психическим заболеваниями.

Несмотря на вред, который приносят спиртные напитки, калмыки имеют обычай первым делом угощать гостя спиртными напитками. Если же гость не пьет, то его упрасивают, не берут от него обратно чашки с водкой или арькой, пока он же опорожнит ее. Иногда долго гость отказывается пить, а хозяин упрасивает. Часто при упорном отказе выпить хозяин обижается, говоря, что гость не может ради его, хозяина, выпить чашку напитка. При этом хозяин уверяет гостей, что он может хоть одну «чашку выпить у него, но зато не выпить у другого. Поставленный в такое глупое положение, с одной стороны, а с другой, действительно, не желая

обидеть хозяина, который на самом деле начинает обижаться, гость залпом выпивает арьку. Хозяин, довольный, берет у него чашку обратно с тем, чтобы налить ему еще, говоря, что он дает гостю не яд, а напиток, кушанье. На больших пирах, свадьбах гостей насильно заставляют пить целыми чашками вместимостью около половины или даже целой бутылки.

Не желая нарушить обычаи, приходится гостю выпить. Таким образом, постепенно молодежь научается пить спиртовые напитки, которые играют в жизни человека одну из печальных ролей. Раз навсегда надо запомнить, что спиртные напитки являются одним из разрушающих организм ядов. Никогда спиртные напитки не могут служить «кушаньем», как говорят калмыки. Это величайшее заблуждение. Яд не может быть кушаньем. Об этом не надо никогда забывать. Когда вы будете угощать людей спиртными напитками, то помните, что вы даете ему яд. Если ваша совесть позволит отравлять человека, тогда только можете угощать людей и настаивать, чтобы гость пил. Едва ли, зная все это, хватит у кого-нибудь совести давать людям спиртные напитки и притом настаивать, чтобы они пили. Не говоря уже о том вреде, который причиняет алкоголь человеческому здоровью, мы видим в своей повседневной жизни, насколько вредно отзываются спиртные напитки, как на нравственном облике, так и на экономическом благосостоянии человека. Во-первых, посмотрите на пьяного человека. На что он бывает похож. Вы совершенно не узнаете вашего знакомого. Он проделывает такие вещи, которые, конечно, в трезвом виде никогда бы не сделал. Спиртные напитки одурманивают нас. Пьяный человек делает такие преступления, которые в трезвом виде он никогда бы не сделал. Действительно, мы знаем, что большинство убийств, драк, ссор происходит во время пьянки. Дальше, спиртные напитки отражаются и на хозяйстве человека. Пьющий человек несет в кабак последнюю копейку,

продает последнюю свою коровенку, оставляя свою семью на произвол судьбы. Многие пьяные буянят, разбивают у себя мебель, посуду и т. д. Из всего выше приведенного мы видим, насколько губительны и вредны спиртные напитки во всех отношениях.

Зная, какой вред приносит алкоголь, калмыкам придется бросить те вредные привычки и обычаи, в силу которых человек помимо своей воли и желания должен пить спиртные напитки. Угощение людей, особенно непьющих, является не угощением, а величайшим злом и преступлением. Об этом серьезно придется думать нашим степнякам, отказаться от таких бесполезных и вредных обычаев, которые, кроме вреда, несчастья и разорения, ничего не приносят.

Почему-то наши калмыки относятся с некоторым презрением к тем, которые не пьют. При этом они говорят: разве это человек — разве он мужчина, когда не может посидеть, выпить одну чашку напитка или кушанья (хото). Дальше они обычно говорят, что непьющий человек не имеет друзей, и он хуже, чем всякая женщина и т. д. Вот такую «лестную» аттестацию дают наши калмыки о непьющем своем соседе. Конечно, никому не хочется быть «бабой» или никчемным. Каждый старается вести с кем-нибудь дружбу, посидеть за бутылкой водки или тепленьким. Таких, как пьющих самих, так и угощающих других, хвалят, говоря, что они хорошие, общительные, не скупые люди (*иер сян галу олнла юзюльтя тянильтя, шалдурмак сян кюн*). Действительно, превратное и своеобразное понятие у наших калмыков о пьяницах. Вместо того, чтобы похвалить и поддерживать непьющих, они самого скверного мнения о них. Зная, насколько спиртные напитки вредны, наши калмыки должны изо всей силы бороться против пьянства. Дружбу можно найти не водкой, а хорошим и отзывчивым товарищеским отношением. Непьющих надо поддерживать, а не ругать, пьющих же надо

останавливать, доказывая им всю губительность спиртных напитков Спиртные напитки — организованно могучее зло, с которым надо бороться всем и которое необходимо во чтобы то ни стало победить во имя нашей лучшей жизни.

Обычай давать жир новорожденным — Бичкин кюкюд экио кэкуюльги

Как только ребенок родится, чуть ли ни с первого дня ему дают сосать кусочек жиру. Если бы мать знала, какой вред она приносит этим своему ребенку, конечно, она этого никогда не сделала бы. Все несчастье в том, что она не знает об этом. Она никак не хочет понять, что желудок ребенка не только не успел приспособиться к трудно перевариваемой жирной пище, но даже к молоку, кроме материнского. Каждый испытал на самом себе, что от жирной пищи происходит желудочно-кишечное расстройство даже у взрослых людей, У новорожденного, естественно, это расстройство еще сильное. На почве такого расстройства происходит ослабление всего организма ребенка, всевозможные осложнения. Слабость, истощение приводят его к могиле. Никогда ребенку нельзя давать не только жирного, но вообще давать что-нибудь другое, кроме материнского молока, по крайней мере первые 5-6 месяцев. После чего можно кормить кашницей, но только не жиром. Если бывает у ребенка запор, то можно ставить клизму в 2-3 столовых ложки теплой воды. Если начался понос, то только материнское молоко является наилучшим лекарством.

Когда начинается расстройство желудочно-кишечного тракта у ребенка, то калмыки дают *шелюн* (суп). От такой диеты расстройство желудка усиливается, и ребенок большей частью погибает. Не надо забывать, что как все жирное, так и мясное плохо переваривается. Наши же калмыки уверяют, что они привыкли к жирам и мясу. На основании этого они

питают полную уверенность, что и их детям тоже ничего не будет. Взгляд крайне неправильный и губительный для детей. Такое поверхностное, легкое отношение к делу, конечно, зависит от непонимания сущности желудочно-кишечного тракта. Благодаря такому обычаю давать сосать ребенку жир у нас ежегодно погибает очень много детей. Прекращение подобного явления, следование разумному совету врача спасло бы не одну жизнь наших детей. Во имя здоровья и благополучия своих детей калмыки должны отказаться от подобного обычая.

Лай хорька — Кюрне хуцулгн

Такой невинный и полезный для сельского хозяйства зверек, как хорек, тоже играет печальную роль в жизни калмыка. Если хорек залает на человека, то это предвещает несчастье. Следовательно, нужно предотвратить его, или, иначе говоря, несколько десятков рублей нужно отдать приглашенному гелюнгю. Почему же от лая хорька должно случиться несчастье, по мнению калмыков? Они говорят, что лай хорька не напрасный, не случайный. Острые зубы этого зверька были направлены против него, якобы, для того, чтобы уничтожить его. Следовательно, он может даже умереть. Мы зададим нашим калмыкам следующий вопрос: разве собака не животное, разве у нее нет зубов? Зубы собаки тоже острые, во всяком случае, не уступят зубам хорька. Между тем, ни один калмык на это не обращает внимания. Если грехом считается лай хорька, то и лай собаки тоже не меньший грех. Зубы собаки тоже направлены на него. Что-то здесь совершенно не вяжется. Дальше: почему хорек лает на человека? Мы ответим и каждый из вас ответит: несомненно, может лаять. Иначе не может быть. Ведь каждое живое существо защищает себя в пределах возможности и своей силы от врагов. Почему же хорек не должен защищаться? Лай же

есть защита. Хорек увидел человека — своего врага. Естественно, у него пробуждается инстинкт самосохранения. Если он боится и не бросается на своего врага, как это делают многие животные, то, по крайней мере, он старается, хотя бы издали, убегая в свою нору, предпринять что-нибудь для своей защиты. Лаем хорек, конечно, хочет испугать человека и в случае нужды броситься на него и вступить в борьбу. Все здесь естественно. Какие могут быть здесь дурные приметы, еще предвещающие чуть ли не смерть? Ничего из ряда выходящего здесь тоже нет. Обычная защита многих животных. Несмотря на такое простое объяснение поступка хорька, мы все же придаем ему какое-то крупное значение. Делаем из мухи слона, волнуемся, нервничаем, ожидая всевозможные несчастья, в то время когда все это, как говорится, «не стоит и выеденного яйца», стоит только немного разобраться и подумать. Будем надеяться, что хорек больше, кроме пользы, не будет ничего приносить нашему степняку, а последний освободится от этих смешных предрассудков.

Впрыгивание в лодку рыб — Онгоцодо загсн гаряджи оргн

Среди калмыков-рыболовов считается дурной приметой, если прыгнет в лодку рыба, особенно, когда она из хищных пород: окунь, судак, щука и т.д. Ловец обычно попавшую в его лодку рыбу разрезает на 4 части и бросает на север, юг, запад, и восток. При этом он произносит заклинание и каждый раз плюет, говоря: «пусть все дурные приметы, несчастья, предвещаемые рыбой, обратятся на нее саму, исчезнут, сгинут с ее гибелью и рассеются повсюду». Этим дело большей частью кончается, если рыба нехищная, напр. вобла, лещ и т. д. Другое дело, когда она хищная. Здесь картина совсем меняется, и дело без духовенства не обходится. Ловец полагает, что рыба прыгнула неспроста, тем более — она с

зубами. По его мнению, выходит, что острые зубы рыбы направлены на него, чтобы принести ему вред. Духовенство поддерживает это суеверие, ибо оно всякий раз что-нибудь приносит ему. Недостатка же в прыгании рыб в лодку нет. Явление это частое. Духовенству, одним словом везет.

Спрашивается, есть ли неестественное, из ряда вон выходящее в прыгании в лодку рыб? Конечно, нет. Явление обычное. С этим согласится каждый, который будет искать причину этого явления. Оно легко объясняется и притом очень просто, если только немного разобраться в окружающей нас природе. Каждый калмык-рыболов наблюдал, что хищные рыбы гонятся с невероятной быстротой за мелкими рыбами. Встречая на своем пути препятствие (лодку), рыбы делают остановку и моментальный прыжок, чтобы не удариться о лодку. Благодаря низким бортам лодки рыбы легко попадают в нее. Точно также рыба прыгает в лодку, когда она идет около камышей. От шума плывущей лодки спящая в камышах на мелком месте рыба пугается и делает прямо прыжок в глубину. Но так как лодка плыла около самых камышей, то рыба попадает не в глубину, а в лодку. Большею частью так попадают в лодку хищные рыбы: щука, окунь, которые стерегут на мелком месте мальков и вообще любят пребывать среди камышей. Мне лично самому много раз приходилось наблюдать подобное явление. Когда на лодке подплывете к камышам, и, если увидите щуку и ударом спугнете ее, при этом немного наклонив к воде борт лодки, то будьте уверены, что щука будет у вас в лодке. Щука, испуганная ударом, делает довольно большой прыжок, и стоит лодке в это время близко подплыть, щука неминуемо попадает в лодку. Между тем эти естественные явления мы считаем необычайными и обращаемся за помощью к духовенству. Только стоит калмыку самому немного присмотреться и подумать, то он увидит, что все эти явления обычные и возможные и часто встречающиеся в жизни.

Попытка собак, коров лезть на кибитку — Юкюр, Нохе гер тал гярядильгн

Одним из тяжких грехов, предвещающим серьезные несчастья человеку, считается, если собака или корова полезет на кибитку или же сделает попытку полезть на нее. Почему такое невинное явление у наших калмыков рассматривается как предвестник грядущих несчастий, опять-таки, непонятно. Сами калмыки тоже не могут объяснить всю сущность этого поверий. Только и слышишь от них, что так было издавна. Гелюнги же ссылаются на свой обет успокаивать беспokoящегося. На вопрос, имеется ли какое-нибудь указание об этом в священном писании, гелюнги отвечают — «нет, это есть суеверие самого населения». Как вообще [всегда. — *сост.*], при таких случаях приглашается зурхачи. Своими молитвами, по мнению хозяина, зурхачи предотвращает от него беду. Зурхачи же указывает, что такой молитвы нет. Он читает просто обычную молитву пожелания счастья и здоровья для успокоения — и больше ничего. Не зная, что сказал бы зурхачи темному калмыку, если бы калмык вздумал порасспросить его, но несчастье в том, что ни один калмык никогда не задавал подобного вопроса. Но чувство наживы так велико у наших гелюнгов, что они всегда будут стараться не разъяснять все это, а, наоборот, указывать, что все это имеется в священной книге. Только просвещение может вывести наших калмыков из этого заколдованного круга. Духовенство так крепко опутало население невидимыми, незаметными нитями паутины, что калмыки не дают себе никакого отчета в своих поступках. Благодаря отсутствию критического отношения к делу, как это ни печально, наши калмыки являются жертвой своего суеверия и всегда остаются одураченными.

Что касается собаки и коровы, предвещавших несчастья хозяину, то с ними, особенно с собакой, поступают очень су-

рово. Она немедленно убивается, а корова отдается в хурул гелюнгам. Так печально кончается это невинное явление. Мне хочется спросить наших калмыков, почему собака не должна полезть на кибитку или сделать попытку полезть на нее. Ведь лезут же на кибитку козлята, козы, кошки, бараны, барашки и т. д., и даже та же собака, гоняясь за кошкой. Все это считается естественным явлением. Собака — такое же четвероногое домашнее и легкое животное, как все указанные животные. Если собаке вообще грешно полезть на кибитку, то безразлично, по какой причине она полезла. Следовательно, случаи при преследовании кошек есть тоже грех. Но почему-то его не считаем дурным предзнаменованием. Какое-то явное противоречие.

Змея

Почему-то калмыки считают большим грехом и необычайным явлением и величайшим дурным предзнаменованием, предвещающим всевозможные несчастья, если случайно заползшая в кибитку змея обвивает решетки в кибитке. При таких случаях хозяин должен принять срочные меры, иначе ему грозят все бедствия, какие только существуют на свете, может быть даже смерть. Немедленно приглашается самый лучший зурхачи для спасения хозяина кибитки от ожидающих его несчастий. Зурхачи читает свою молитву, делает и лепит из теста всевозможные фигуры, зажигает бесчисленное множество лампад и делает массу других процедур и заклинаний, которые должны отвести все несчастья и удары судьбы от хозяина кибитки. Так как дело «очень серьезное», то и труд зурхачи оплачивается хорошо. Более состоятельные калмыки сверх денежных и имущественных пожертвований жертвуют даже и самую кибитку. Но не всякий калмык в состоянии дать свою кибитку и поставить себе новую. Сделать

себе новую кибитку не так легко и дешево. Поэтому большею частью обходятся заменой той части решетки, которую обвивала змея. После всего этого считаются все бедствия устраненными.

Если спросите калмыка, почему он так боится подобных случаев, приглашая зурхачи и разоряясь, иногда отдавая за молитву чуть ли не последнюю кибитку, то он ответит, что ничего не знает, но делает это оттого, что делали до него его родители и делают все. Если же спросите самого зурхачи об этом, то он скажет, что нигде в религии в учении Будды об этом ничего не сказано. Но, если он принимает приглашение и читает молитву, то он, по обету, не может отказаться, должен успокоить беспокоящегося, что он и делает, хотя, в сущности, все это чепуха. Так говорит сам зурхача. Таким образом, мы видим, что калмыки все делают бессознательно, механически, по традиции. Гелюнги же оправдывают свой поступок, свое обирание населения нежеланием нарушить свой обет и желанием успокоить приглашающего. Действительно хорошее успокоение после того, как у калмыка ничего не остается ни в кармане, ни в кибитке. От такой метаморфозы калмык сразу отрезвляется, но только поздно, ибо все его деньги и имущество уже успели перейти к гелюнгу. Печальное явление. Если бы хоть немного подумали наши калмыки над всеми этими явлениями, то ясно увидели бы, что здесь ничего грозного, сверхъестественного, из ряда вон выходящего, нет. В калмыцкую кибитку, благодаря ее устройству, очень легко вползают не только змеи, но всевозможные другие гады, не говоря уж о насекомых. Так, сплошь и рядом вползают в кибитку: ежи, черепахи, крысы, тушканчики, ящерицы, лягушки и т. д. Раз могут вползти эти животные, то почему же не может вползти змея. Для нее здесь нет никаких серьезных препятствий. Змея, забравшись в кибитку, как все

животные и гады, двигается. Ползая по решеткам кибитки, выбирает себе более или менее удобное место и засыпает, уткнув голову в теневую сторону. Что она при этом обвила решетку, здесь ничего странного нет. Все естественно и объясняется просто. По своей природе, что мы видим на каждом шагу в своей повседневной жизни, змея обычно что-нибудь обвивает или же свертывается в клубочек. На решетке она не может свернуться в клубочек, ибо негде, и свалится. Вполне понятно, чтобы удержаться, ей приходится обвивать решетку. Из всего сказанного нам становится ясным, что это явление вполне естественное, но по какому-то печальному недоразумению все это считается неестественным. Конечно, все это результат нашей темноты и малокультурности, чем, к сожалению, так хорошо пользуется наше духовенство как более развитое, чем само население. Вместо того, чтобы разъяснить темному населению это естественное явление, рассказать, почему и для чего духовенство читает молитву при подобных случаях, наше духовенство поддерживает все это суеверие изо всех сил во имя своего обогащения. Удивительная гибкость у наших гелюнгов. В одном случае, когда им выгодно, они не хотят нарушать обета, потому принимают приглашение, а в другом случае, когда тот же обет указывает им соблюдать интерес ближнего, они молчат и ничего не делают. Так или иначе, но деньги бедных калмыков текут в широкие карманы духовенства.

Только один совет можем дать нашим калмыкам: прежде чем приглашать зурхачей и напрасно разоряться, нужно постараться объяснить причину случившегося, а не слепо подчиняться традиции. Тогда многое стает понятным и объяснимым из того, что казалось неестественным, сверхординарным.

Крот — Сохор номн

В калмыцкую кибитку вообще очень легко забраться и найти себе там приют многим мелким животным, насекомым, гадам. Одним из них можно забраться в кибитку, и это считается обычным явлением, а другим нельзя, ибо они предвещают несчастье, смерть и т. д., хотя по вредности они одинаковые. К числу животных, которым нельзя находить приюта в кибитке, так как это является дурным предзнаменованием, принадлежит крот. Как только калмык заметит, что в его кибитку забрался крот, то он немедленно снимается с места и кочует. Причем дурное предзнаменование считается потерявшим свою силу для хозяина кибитки, если последняя будет перенесена 7 раз с первого места своей стоянки. Так как переносить в продолжение одного дня 7 раз кибитку, сколько бы она быстро ни складывалась и собиралась снова, все же трудно, то калмыки допускают такую хитрость и «обманывают» нечистую силу. Один только раз переносят кибитку целиком, а потом только верхнюю часть. Переноска верхней части отнимает совершенно незначительное время. Почему появление крота вызывает такую переноску и почему непременно 7 раз, ни сами калмыки, ни гелюнги не знают. Твердят только, о том, что так делали прежде и поэтому они то же самое делают. Гелюнги же указывают, что в священной книге об этом ничего не сказано. Стоит ли после всего этого переносить кибитку и мучиться?

Смерть — Юкюль

Самое разорительное для калмыка — это смерть когонибудь из членов семьи. Для похорон, смотря по состоянию, приглашается от одного до двух и более (иногда даже все) гелюнгов хурула. Бывают случаи, когда гелюнги и без всякого приглашения приходят на похороны, как только узнают о

смерти. Подобные случаи бывают, если умер состоятельный человек.

Имущество умершего подвергается полному растаскиванию. Все вещи, принадлежавшие лично умершему, почти целиком передаются гелюంగాм. Что касается хозяйства умершего, то иногда половина идет на похороны и пожертвования, чтобы душа покойника дошла до рая. Гелюంగా же говорят родным и родственникам умершего, чтобы они ничего не жалели, а то душа покойного все время будет беспокоиться и жалеть об оставленном имуществе; поэтому пожертвование должно быть вполне достаточное. Так дипломатически подходит духовенство, обирая семью умершего. Конечно, родные ничего не жалеют, следуют совету гелюంగాв. Никому из них не хочется, чтобы покойник все время беспокоился об оставленном на земле богатстве. Через несколько дней после похорон снова приглашаются гелюంగా по два-три человека для «очищения кибитки». Если умерший человек преклонного возраста, то родные зажигают по ночам в продолжение 49 дней лампаду, чтобы было светло идти душе покойника до «царя ада — *Эрлик номан хану*». На 49 день снова приглашаются гелюంగా, читают последнюю молитву — молитву, которая способствовала бы покойнику переселиться в подходящее по его выбору существо, и душа его направилась бы прямо к Эрлик номан хану; причем, чтобы душа ушла из кибитки, разъединяют при чтении молитвы две решетки с северной стороны; через это пространство душа покойника окончательно «выходит» из кибитки. Кроме того, приносят жертвоприношение огню, чтобы оставшаяся семья покойного была счастлива и не знала больше горя, несчастья, и, кроме того, по мнению калмыков, душа покойника только после жертвоприношения огню окончательно догадывается, что он умер, и оставляет кибитку. Причем родным и родственникам не разрешается сольно горевать и плакать. Го-

ворят, что слезы, пролитые по покойнику, превращаются в озера, тем самым мешают душе идти по намеченному пути к Эрлик номан хану, и страдания близких передаются покойнику, заставляя его страдать. Если же кому-нибудь из членов семьи приснится покойник, то снова приглашаются гелюны. Таким образом, мы видим, смерть приносит еще с собою большое разорение калмыку.

Теперь спрашивается, для чего же так много жертвуют? Калмыки говорят, что для того, чтобы душа покойного переселилась в существо хорошее и не страдала в аду. В то же время они говорят сами, что душа каждого умершего идет прямо к Эрлик номан хану на суд. На суде приносят все книги, где самым подробным образом записаны все доброе и злое, которое совершил данный человек на земле. По мнению калмыков, на правом плече каждого человека сидит святой дух, который записывает все добрые дела, а на левом нечистая сила, которая записывает злые нехорошие дела. Но количеству добрых и злых дел душа получает дальнейшее назначение. Что же говорит буддизм — сама религия? Она подтверждает сказанное, что все зависит от тех добрых и злых дел, которые совершил человек при жизни, но отнюдь не от приношений и пожертвований. Будда учил, что компенсировать дурное пожертвованием нельзя. Отсюда мы видим, что даже сама религия отрицает возможность пожертвованием улучшить свою участь. Дальнейшая судьба души всецело зависит от добрых и злых дел человека на земле. Между тем, у нас получается большое и явное противоречие: говоря одно, делаем другое. Выходит, что никакого пожертвования для умиловления Эрлик номан хана и для улучшения участи души умершего совершенно не надо делать, ибо это по вышеуказанным причинам — бесполезно. Для чего же мы разоряемся, жертвуя иногда чуть не половину своего достояния хурулам?

Просто от какого-то сплошного недоразумения являемся жертвой немилосердного обмана и эксплуатации духовенства. Пожертвованное имущество, несомненно, принесло бы большую пользу для семьи покойного и не пропало бы так бесцельно и бессмысленно. Нашим калмыкам придется серьезно подумать над этим вопросом и над своим противоречием и, наконец, они должны знать, что нет никакой души, никакого рая и ада. Все прекращается с прекращением земной жизни. Душа, ад, рай — это все выдуманное духовенством для своего обогащения.

Жилище и смерть — Гер болн кюн юкюльгн

Помещение, где умер кто-нибудь, считается нечистым, оскверненным. Тотчас же после похорон кибитка переносится на новое место. Если же это — постоянное помещение, например, дом, мазанка, то здесь положение незавидное и очень затруднительное. Состоятельные люди бросают свое жилище или жертвуют хуруду. Несостоятельные стараются, чтобы больной не умер в помещении, а выносят его в кибитку. Этот дикий обычай стоит много жизней и является прямым помощником вымирания калмыков. Кажется, а 1926 году зимою в Шине-Багутовском аймаке Яндыко-Мочажного улуса появилась корь. Почти все дети довольно большого оседлого хотона заболели корью. Когда температура у детей была высокой, то родители думали, что дети умирают, и выносили их из теплой мазанки или дома в дырявые кибитки. У детей получались осложнения, и они умирали. Только благодаря быстро принятым мерам врачебного участка, во главе с доктором Цапко, прослужившим долгое время в степи и знавшим быт калмыков, и [с] привлечением общественных организаций удалось спасти многих детей от ожидавшей их участи — смерти. Тем не менее, смертность дошла до 15%. Процент громадный! Вследствие дикого обычая и суеверия

ежегодно у нас умирает масса людей, которые при трезвом взгляде на все могли бы здравствовать и поныне. Если же человек умер от заразной болезни, можно очистить свое помещение, пригласив доктора или фельдшера. Не надо забывать, что зараза не уменьшится и не уничтожится, если больного перенесли в другое помещение. Чтобы очистить помещение, нужно производить дезинфекцию. Отделяться одной переноской больного нельзя. Кроме того, ничего такого страшного и оскверняющего от умершего не может получиться.

В связи с этим стоит другой вопрос, который тоже играет печальную роль в нашей жизни. По мнению наших калмыков, всякая девушка совершеннолетняя считается по обычаю чужой, не принадлежащей данной семье, т. е. она должна выйти замуж, следовательно, она — посторонняя (близким родством считаются только родственники по мужской линии). Следовательно, если такая девушка умирает, то она не может умереть в кибитке родителей или родственников, ибо она считается чужой, потому оскверняющей кибитку. Лично мне такого случая не приходилось видеть, ибо калмычки очень рано выходят замуж. Но могут быть такие случаи в жизни. Точно также не допускается умереть в кибитке родителей или родственников по линии родителей замужней дочери, даже если она разведенная, так как она считается уже не членом семьи своих родителей, братьев, сестер и т. д. На основании этого считается большим грехом смерть такого лица в кибитке. В последнее время этот обычай почти исчезает. Но в некоторых местах, возможно, существует. Почему родная дочь, родные братья и сестры могут считаться чужими, абсолютно не известно. Обычно калмыки говорят: «буру электа — с неправильной печенью»; смысл: «сердце принадлежит другому». Сколько бы «сердце не принадлежало другому», но это не даст никакого права так жестоко поступать с умирающей своей дочерью. Межа у тем в этой

же кибитке спокойнейшим образом может умереть дальний родственник и даже члены его семьи, лишь бы родство было только по мужской линии, хотя бы он был самым отъявленным негодяем. Калмыки о всех родственниках по мужской линии говорят «эвря цусн, махн» — «своя кровь, свое мясо». Так или иначе, но обычай своеобразный и дикий. Никто не может сказать ни одного слова за его дальнейшее существование. Для чего же он существует? Это никому неизвестно.

Посторонняя женщина не должна рожать в кибитке — Кюня кюкюд кюн герт терюльдиг уга иосон

Посторонняя женщина не может рожать в кибитке. Посторонними считаются почти все, кроме хозяйки. Допустимо рожать женам братьев двоюродных только по мужской линии. Но таких случаев не бывает. Даже замужняя дочь хозяина кибитки считается посторонней. Она не может рожать ни в кибитке родителей, братьев, сестер, не говоря уж о двоюродных и троюродных братьях, сестрах, дядьях, тетках. Если случится, например, разведенной дочери хозяина, проживающей у родителей, рожать, то она в силу обычая не может рожать в кибитке родителей, родных и родственников. Это считается грехом, последствием чего может быть большое и непоправимое несчастье. При таких случаях ей отводят какое-нибудь помещение, или же за отсутствием такового делают ей на дворе навес, иногда даже под телегой, где она должна рожать. В силу каких причин появился этот дикий обычай, нет возможности объяснить. Здесь ни сами калмыки, ни само духовенство не могут дать определенного ответа. Они говорят, что это есть «буг» — нечто оскверняющее кибитку. Дочь является в данном случае, по мнению калмыков, членом совершенно чуждой, другой семьи, пото-

му она оскверняет кибитку также как посторонняя, следовательно, не может рожать здесь. Так или иначе, этот обычай должен быть уничтожен, он ничего хорошего нам не дает, даже в силу его самые близкие нам люди не могут рожать в более или менее сносной обстановке. К счастью, подобные случаи очень редки.

**Обычай не входить в кибитку женщинам —
Галда экэ хаялган, кюкюд орулгн,
хярд одсон кюкюн золгоджи ирлгн**

После выхода замуж калмычка не скоро приезжает к родителям и родственникам навестить их. Иногда она не может приехать год и больше к своим. По обычаю, полагается приезжать с вином, водкой и другими подарками. Количество подарков и торжественность приезда зависит от состоятельности как родителей калмычки, так и ее мужа. До этого, если ей приходилось случайно, не официально приезжать или приходить, то она должна сидеть у дверей, но отнюдь не входить. Она не может входить также в кибитку не только родителей, но всех своих родственников по отцовской линии. Когда калмычка официально приезжает после выхода замуж в гости к своим родственникам, то родители и родственники устраивают вечеринки. Делают, смотря по состоянию, подарки. Бывают случаи, когда дарили в таких случаях табуны лошадей. Менее состоятельные дают корову и т. д. Все сопровождающие калмычку лица тоже получают подарки, главным образом, шубы, халаты, бешметы из дорогих мехов, шелков, атласов и т. д. Погостив, она возвращается домой со всеми подарками. Для калмычки эти подарки имеют большое значение. Если подарки хорошие, то отношение к ней родных и родственников мужа становится хорошим, благожелательным. Свекровь, эта мучительница своих снох, не пилит ее, не ругает, а делается мягче, и обращение бывает сносное.

Не может замужняя дочь входить как в кибитку своих родителей, братьев, так и родственников по отцовской линии, когда кто-нибудь у них умер. Она должна в «счастливый день» по указанию зурхачи приехать с подарками и непременно с жиром, обычно бараньим, или, в крайнем случае, с салом, к родителям и родственникам. Сало или жир приносится для жертвоприношения огню. Оно бросается в огонь (*галд эксе хаялган*). Тоже самое делается у всех родных и родственников. По окончании этой церемонии и угощения она уезжает со своими провожатыми. Между прочим, ей делаются также подарки. Вот два случая, когда калмычка не может входить в кибитку своих ближайших лиц.

Еще есть третий случай — это роды, когда калмычка (сноха) не может входить в кибитку ближайших родственников своего мужа (родителей, дядей, старших братьев) дня 3–4, а в некоторых случаях больше. Точно также не приносят и новорожденного ребенка. Последнего не приносят также и к родным матери. Ребенок должен явиться с подарками, за что в свою очередь тоже получает подарки, но гораздо более дорогие. Дарят лошадей, материю на рубашку и т. д., а матери на халат. Иногда калмычка в силу этих обычаев принуждена бывает при всем желании не входить в кибитку своих близких людей, не выполнив всего сказанного. Обычай ничего из себя не представляющий, но имеющий неприятную сторону для женщин, когда им приходится иногда по целым годам сидеть у дверей. Обычай никакого основания для своего существования не имеет. Он должен быть изжит.

Унижающие женщину взгляды — Кюкюд улсиги кюня тонд-эсе авалган

Калмыки самого плохого мнения о женщине. Как я говорил раньше, ее они за человека не считают. Сплошь и рядом говорят: «Йя умкя, гярктя кюкюд кюн, тюняс иер югин ав-

хав, тюнля юн гжи кюндюхив. — Глупая несчастная женщина, стоит ли с ней разговаривать, что дождешься от нее». Вот оценка женщин. На этом основании и от такого взгляда, естественно, возникла масса обычаев, которые делают много преград женщине, ставя ее не в одинаковые условия с мужчиной. Ей многое из того, что позволено мужчине, в корне воспрещается делать. Так, например, женщине не разрешается купаться. Полагают, что она осквернит воду. Если, паче чаяния, какая-нибудь женщина решится искупаться, то это считается неприличным явлением. Девушкам разрешается купаться. Почему-то купанье девушек грехом не считается. Это обстоятельство, с одной стороны, и является главной причиной, что женщины прикаспийских и приволжских улусов, несмотря на то, что находятся около воды и проводят почти всю жизнь чуть ли не на воде, однако, очень редко купаются. Весьма возможно, что 90% из них ни разу в жизни не купались, хотя тело покрыто толстым слоем грязи. Совершенно упускается из вида нашими калмыками тот факт, что воду одинаково могут осквернить и мужчины. Тело каждого из них в одинаковой степени покрыто грязью. Вода оскверняется (загрязняется) тысячи раз больше отбросами скотины, которая летом проводит целые дни в воде, также бесчисленными отбросами с пароходов, баржей, лодок, заводов, промыслов и т. д. Об этом никак не хотят подумать наши калмыки. Вода от купанья наших женщин едва ли больше загрязнится, тем более, что не надо забывать, что русские женщины и женщины других национальностей, которым обычай не воспрещает купаться, купаются сколько угодно. Этот обычай не выдерживает совершенно никакой критики. Несостоятельность его без всяких слов бросается в глаза. Тело каждого человека должно быть чистое. Не имеющие бань калмыки по край-

ней море должны воспользоваться возможностью летом купаться. Всегда надо помнить, что грязь является источником всевозможной заразы. Чистота охраняет наше здоровье. Культурные люди, живущие в чистоте, редко хворают. Только здоровый человек может работать с пользой, не являясь обузой для других.

Благодаря взгляду, унижающему женщин, существует другой обычай. Ни одна женщина (девицы не считаются) не посмеет перейти дорогу мужчине. Она, увидев идущего мужчину, должна остановиться, пропустить его. Только после этого должна идти дальше. Если женщина по той или иной причине переходит дорогу мужчине, то последний может обругать, даже избить ее. Чтобы не налететь на неприятность, женщина, сколько бы она ни спешила, должна ждать, пока мужчина пройдет. Беременные женщины могут перейти дорогу, так как женщина может быть беременна мальчиком. Следовательно, все несчастья, могущие быть от перехода дороги женщиной, устраняются, ибо мальчик уничтожает их как представитель трех совершенств: (*Гурвн Эрдне*). Обычай не переходить дорогу постепенно уничтожается. Он соблюдается теперь не всеми женщинами. Обычно он сохранился у старых женщин. В последнюю мою поездку по Маньческому улусу около одного хотона женщина, которая должна была пересечь нашу дорогу, идя в другой хотон, не перешла ее, увидев нас, а стала ждать, хотя мы были не меньше версты от нее, только после нашего проезда она перешла дорогу и продолжала свой путь. Абсурдность этого обычая ясна. Каждый калмык должен согласиться с тем, что в селах, деревнях, ярмарках, вообще во всех общественных, публичных местах, местах скопления народа, дорогу мужчинам переходит сколько угодно женщин, если судить, с точки зрения калмыка, то ни одно дело, ни одно желание калмы-

ка не должно исполниться. Следовательно, ему совершенно незачем являться в такие места. Между тем, мы видим, что наши калмыки с этим обычаем своим не считаются, приезжают куда угодно, исполняют свои дела и уезжают.

Не разрешается женщине шагать через какой-нибудь предмет или вещь. Считается, что она этим оскверняет эти предметы или вещи. Ни одна женщина не осмелится перешагнуть что-нибудь. Женщина также не может сидеть в переднем углу (части) кибитки, также в правой ее стороне. Она должна сидеть в левой стороне, где сосредоточена всевозможная домашняя посуда (котлы, ведра, чашки, ложки и пр.). Сноха не имеет также права переходить в переднюю часть кибитки, ибо, по мнению калмыков, это большой грех. Существует еще много ограничений для женщин, которые часто ставят наших женщин в тяжелые и смешные положения. Эти обычаи, которые только унижают наших женщин, сохранившиеся каким-то образом только у народов малокультурных, должны быть изжиты. Надо полнить, что женщины такие же люди, как мы, и имеют все права, присущие мужчинам. Они не грязнее, во всяком случае, любого мужчины.

Несоответствие — Хараш

Прежде чем сватать своего сына, родители обращаются к зурчае, чтобы он посмотрел в своей священной книге, соответствуют ли лета той девицы, которую они наметили для своего сына. У калмыков года имеют свои названия, как месяцы. Цикл летосчисления — 12 лет. Следовательно, все года эти имеют свои названия. С 13 года названия повторяются. Если, например, 1928 год по калмыцки называется «*луджилъ*» — год дракона, то следующие года будут называться так:

1929	— мога джилъ —	год змеи,
1930	— мэрн джилъ —	год лошади,
1931	— хэн джилъ —	год барана,
1932	— мэчн джилъ —	год обезьяны,
1933	— така джилъ —	год курицы,
1934	— ноха джилъ —	год собаки,
1935	— гаха джилъ —	год свиньи,
1936	— хулгуна джилъ —	год мыши.
1937	— юкюр джилъ —	год коровы,
1938	— бар джилъ —	год барса,
1939	— тула джилъ —	год зайца,
1940	— лу джилъ —	год дракона.

С 1940 года приведенные наименования будут повторяться в указанном порядке. Таким образом, цикл летосчисления — 12 лет, а с 13 года повторяются по порядку без изменения. Зурхачи вычисляют посредством своих книг, во сколько лет должна быть разница между годами жениха и невесты. Только после этого родители осмеливаются сватать своего сына. Причем очень покладистыми и мягкими годами считаются для женщин тула джилъ — год зайца, хэн джилъ — год барана, така джилъ — год курицы. Лу джилъ — год дракона, мэчн джилъ — год обезьяны, бар джилъ — год барса считаются злыми, строгими. С женщинами, родившими[ся] в эти года, трудно ужиться. Могут ужиться только мужчины, имеющие тоже указанные года. Если лета не соответствуют, то, сколько бы девушка не нравилась родителям жениха, они никогда не осмелятся сватать ее, ибо последствия от такого брака должны быть самые печальные. Причем несоответствие — хараш может быть иногда легко исправимым, но есть и трудно исправимое. По трудности исправления

платится зурхачам и гонорар. Но есть такое несоответствие хараш-цусн — хараш-кровью несоответствующее, т.е. здесь нет благополучия, дело пахнет смертью одного из супругов. В таких случаях выходом из положения является развод, если случайно были женаты. Такие случайности тоже бывают сплошь и рядом. Один зурхача считает вполне возможным женить молодого человека на данной девушке и женит. Спустя, может быть, много лет, при несчастье в семье, приглашенный зурхача может найти неправильной женитьбу, несоответствующими лета супругов «хараш» вплоть до «цусн хараш», когда супруги должны разойтись. На этой почве разыгрываются в степи иногда кошмарные трагедии. Люди, прожившие в мире и согласии, имеющие несколько человек детей, в силу «цусн хараш» должны бывают разрушить семью, бросить детей и расходиться. В моей памяти в Эркетеневском улусе по причине «цусн хараш» разыгралась жуткая драма. Зурхача предложил калмыку, уже не молодому, разойтись с своей женой, так как они «цусн хараш», иначе никогда у них ничего хорошего не будет и один из них должен умереть. Доведенные до отчаяния супруги решили разойтись. Жена должна была оставить 3-х детей и уйти к родителям. Как только ушла жена, муж повесился в сарае. Он не мог выдержать слез детей и старухи матери. В 1927 году в Манычском улусе застрелилась калмычка, еще совсем молодая, 21 года, на этой же почве. Это только те случаи, которые мне известны. А сколько таких случаев неизвестных? В нашей обширной, темной степи такие трагедии не единичные. Только степь одна знает и молчаливо хранит, сколько матерей принуждены были в силу этого дикого убийственно жестокого и ничем не оправдываемого обычая бросить свою семью, любимых детей, мужа и уйти искать себе новую семью, новое счастье. На совести калмыцкого духовенства лежит много невинных жертв, горьких слез осиротевших детей

и матерей. Никакая сила в мире не смоет и не снимет с него вину за страдания этих несчастных жертв своего суеверия, и тысячи проклятий вечно будут преследовать везде и всюду наших гелюнов. Они это хорошо должны знать. Будем надеяться, что недолго ждать, когда прозревшее население положит конец сытому и животному благополучию наших гелюнов, и больше кошмарные драмы не будут разыгрываться в нашей степи. Все наше несчастье, я снова повторяю, в нашем невежестве и темноте. Если бы мы были грамотные, то знали бы, что болезни бывают не оттого, что супруги «хараш» или «цусн хараш», а совершенно от других причин. Тогда бы таких ужасных трагедий у нас не было. Если мы относились к делу критически, то заметили бы, что сами зурхачи противоречат друг другу. То, что один находит возможным, потом другой опровергает. Кроме того, нет никакого «хараш», если женятся люди, раньше женатые или бывшие замужем. Какое-то противоречие здесь. Если «хараш», то логически никакой разницы не должно быть между первоженящимся и повторно женящимся. Это какое-то недоразумение, но имеющее печальные последствия для наших калмыков. Между прочим, само духовенство отрицает существование «хараш», и, основываясь на священном писании, оно обвиняет калмыков в том, что они сами создают «хараш».

Ворожеи — Бо

Любители легкой нетрудовой жизни, наживы и быстрого обогащения пускаются в следующую хитрость. Они объявляют населению, что белый старик — цаган эвгн приходит к ним и предлагает, чтобы они были всезнающими. Они все время отказывались, а теперь ввиду настойчивости цаган эвгн они, чтобы не рассердить его, должны принять предложение и быть всезнающими. Такие лица устраивают пир. После чего они уже официально считаются всезнающими,

и к ним обращаются за помощью, конечно, за соответствующую плату. Эти «всезнающие» берутся за всякое дело. Пропадает ли у кого скотина, захворает ли кто, не рождаются ли дети и т. д., со всем обращаются к ним калмыки. Они ворожат, путая всех своими замысловатыми указаниями или простой игрой слов, совершенной бессмыслицей, подобно тому, как цыганки, гадая, говорят «до самой смерти ничего не будет» и т. п. чепуху. Очень часто они бывают дерзки и наглы, что иногда раскрывает перед населением истинную их физиономию. В Эркетеневском улусе был такой случай, свидетелем которого пришлось быть мне самому. Один из таких ворожеев был приглашен к больному калмыку. У него был застарелый вывих плеча. Калмык этот обращался везде, но никто ему не помог. Ворожея хорошенько накормили, напоили и уложили спать. Во время сна он должен был, как сам заявил присутствующим, поговорить с «белым стариком». На другое утро ворожей встал рано, вышел на двор и познакомился со скотом больного. У больного, кроме коз, ничего не было. Во время чаепития ворожей заявляет хозяину, что среди его коз имеется одна, которая не коза, а нечистая сила, только в образе козы, и вот она и мешает выздоровлению. Козу надо отдать ему — и тогда все пройдет. Так как среди коз были и чужие, то спросили, сумеет ли он, ворожей, узнать эту козу среди других. Ворожей не замедлил сказать, что узнает, ибо нужно было держать престиж. Ворожей вышел и указал на самую лучшую козу, которая оказалась чужой. Он не смутился, показал на следующую, тоже на хорошую, но и эта оказалась чужой. Присутствующие усомнились в его знании. Козу обещали ему послать, и он уехал.

Точно так же они берутся помогать бездетным в рождении детей. Обычно бездетные прикочевывают к нему с своей кибиткой. Часто такие лица сидят около ворожеев много лет, когда они, наконец, разоренные всевозможными

подарками, не откажутся от затеи иметь детей. Этими делами занимаются также и гелюны. Так как к ворожею или гелюну приезжают бездетные женщины, то они тем или иным способом заставляют сожительствовать этих женщин с собой. Если же бездетность зависела от бесплодия мужчины, то через известный промежуток времени женщина рожала. Последнее обстоятельство разносилось далеко, и данный ворожей или гелюн делались известными всем. Тогда к ним стекаются со всех сторон жаждущие иметь детей с богатыми подарками. Если бы калмыки знали истинную причину появления ребенка, может быть, пыл их остыл бы немного. Но возможная вещь, что многие знают об этом. Конечно, мужья не поднимают скандала, чтобы все это не явилось достоянием других. Очень редко бывают случаи, когда женщины, приехавшие к такому гелюну или ворожею, поднимают шум и передают все гласности. Такие случаи можно перечислить по пальцам. В Большедербетовском улусе был, говорят, один гелюн, который насиловал своих пациенток, указывая им, что он здоровый цветущий мужчина и ему также хочется жить, как другим. Дело дошло до суда. Другой случай в Маньчском улусе, в Яшкульском аймаке, когда ворожей заставил сожительствовать тоже свою пациентку. Последняя, как сообщалось своевременно ⁴, застрелилась. Вот так создают эти «святые люди детей».

Спрашивается, отчего не бывают дети? Если бы каждый калмык знал причины, вызывающие бесплодие, то, ясно, таких печальных случаев в их жизни, как обращение к ворожеям, знахарям и гелюнам не было бы. Бесплодие может быть от многих причин. В этом могут быть виноваты как мужчины, так и женщины. Бесплодие бывает, когда у мужчины нет живых сперматозоидов, если он болел триппером, сифилисом. У женщины бывает, когда она болела тоже триппером,

⁴ Вероятно, автор имел в виду «в то время». — *Сост.*

сифилисом, воспалением матки, труб, а также, если мужские семенные нити не могут проникнуть в полость матки, что часто бывает при узком отверстии матки или при ее загибах. Чтобы узнать причину бесплодия, необходимо обратиться к доктору, который укажет причины и удалит препятствия к зачатию, если это зависело от маленького отверстия в матке, загибах и болезней, поддающихся лечению. Никакие молитвы, заклинания наших ворожеев, гелюнов в этом деле, конечно, не помогут. Единственный человек, который может помочь в этом деле — только врач. Попусту нашим калмычкам не стоит обивать пороги хурулов, гелюнов и знахарей, принося, кроме того, себе большой материальный ущерб.

Смерть от родов — Богдожи юкюльгн

При неправильных родах, когда женщина мучается, калмыки полагают, что это происходит от гнева или недовольства предков, перед которыми данная женщина чем-нибудь провинилась. Чтобы умилостивить их, обычно зажигают лампаду, развешивают всех бурханов (иконы) и заставляют молиться указанную женщину. При этом женщина просит прощения, если она по той или иной причине провинилась пред ними, жертвует халат, рубашку, шубу смотря по состоянию. Конечно, если положение плода от манипуляции бабки не изменяется, то больная погибает. Тогда калмыки говорят, что данная женщина была непочтительна к старшим, за что и погибла самой ужасной смертью. Смерть от родов у калмыков считается самой страшной.

Наши калмыки должны знать, что ненормальные роды происходят от неправильного расположения плода. Если такая женщина обратится своевременно к врачу, а не будет терять время на молитву, умилостивления богов и предков, то спокойно может родить ребенка без страданий. Доктор поправляет положение плода и дает ему правильный ход.

Отсюда: нужно помнить, что первым делом надо рожать в больнице. В крайнем случае, нужно немедленно пригласить медицинский персонал, который действительно может оказать помощь. Среди населения, которое мало обращается за медицинской помощью и не рожают в больницах, смертность среди женщин в несколько раз больше, чем среди культурных людей, рожаящих в больницах или дома под наблюдением медперсонала. Калмыцкие женщины в большей своей части избегают рожать в больницах. Это обстоятельство часто служит причиной полного калечения их, а иногда и смерти. К счастью, постепенно растет тяга женщин к больницам. Особенно это отрадное явление мы видим у калмычек, соприкасающихся с русскими. Так, на Калмыцком Базаре 90% женщин рожают в больнице. Всем калмычкам надо взять пример с Калмбазара и стараться рожать в ближайших больницах. Своевременная помощь, чистота и уход являются залогом здоровья и устраняют опасность заболеть родильной горячкой, которая уносит немало жертв среди наших калмычек. Ни лампада, ни молитва, ни прощения и пожертвования не могут никому помочь при родах. Надо помнить, что единственным спасителем и помощником в это время является только один врач.

Жертвоприношение царю воды — хозяину водного царства — Усу такку

У наших калмыков сохранилось мною пережитков старины, которые существуют по сей день во многих местах. Пережитки эти довольно дикие и нехорошие. Одним из них является жертвоприношение царю воды — хозяину водного царства (*баян ухан хан* — царю, дающему богато кушать). Этот обычай остался у приволжских и прикаспийских калмыков. Жертвоприношение бывает весной и осенью, перед самым началом путин, для умилостивления царя воды — баян

ухан хана, чтобы был хороший улов. Обычно жертвенным животным является коза белой или серой шерсти и редко — другие животные. Козы режутся с таким расчетом, чтобы со шкурой осталась верхняя половина головы, сердце, печень, легкие и почки. В отделанную козу (в голову) втыкают шест и вбивают его в середине реки, озера или на взморье. Причем шкура со всеми вышеуказанными органами свисает вниз. Голова направляется своей передней частью в ту сторону, откуда должна быть рыба. На одном рогу привязывают *целен*, шелковую нитку. В то же время каждый присутствующий зажигает лампаду, приготовленную из теста. В середине теста делается углубление, куда наливается масло. Так как жертвоприношение это имеет аймачное, даже улусное значение (иногда даже участвует население соседнего аймака или улуса), то народу бывает много. Следовательно, лампад тоже бывает много. Их все ставят на плот, приготовленный из досок или камыша, а потом пускают по Волге или морю. Причем, кроме лампад, еще здесь кладутся деньги, кто сколько может. Жертвоприношением обычно руководят гелюны, которые своими молитвами ходатайствуют пред царем воды о хорошем лове. За свое ходатайство они получают приличное пожертвование от присутствующих. Если в данном году улов плохой, то калмыки говорят, что жертвоприношение, как царю воды, [так. — *сост.*] и духовенству-посреднику было малым, и вместе с тем присутствующие неискренно молились. Духовенство соглашается с подобным заключением, чтобы подготовить более благоприятную почву в смысле пожертвования в следующий раз. Так глубоко вкоренилась в сознание калмыков возможность умилоствления водяного царя и зависимость от этого качества лова, что ничем не переубедишь их. Они все время продолжают умилоствлять царя воды. Так как во время этих жертвоприношений собирается много народа и съезжается масса шинкарей, то

все это в конце концов не обходится без пьянки, драки и несчастных случаев. Наши калмыки совершенно не хотят считаться с тем, что их соседи, русские — то же ловцы, ловят не хуже их, если только не лучше, не приносят никому никакой жертвы. Кроме того, сохраняют себя от бесполезных и ненужных расходов, не кормят тунеядцев — гелюнов (попов) и, наконец, не творят такой дикости, как жертвоприношение, которое является пережитком глубокой древности. Подобное жертвоприношение сохранилось только у диких и полудиких народов, стоящих на самой низкой ступени развития. У культурных людей его уже нет. Они хорошо знают, что никакого царя воды нет; что все это суеверие, результат непонимания сущности вещей, благодаря своей темноте. Первобытные люди думали, что везде есть хозяин. Так они полагали: в лесу имеется хозяин леса, «леший», в воде — «водяной», в доме — «домовой» и т. д. Отсюда до сих пор осталась вера, что в воде есть царь воды — хозяин всего водного пространства. Несмотря на то, что все окружающие нас народы давно бросили верить в царя воды, наше же калмыки никак не могут отвыкнуть от мысли, что никакого царя воды нет.

Жертвоприношение земле — Газар танку-ова

Жертвоприношение земле обычно бывает весной и летом. Все население окрестности съезжается на избранный для этой цели бугор. Здесь устраивается большое празднество, руководимое духовенством, которое приезжает сюда всем хурулом. С самого раннего утра сюда стекается народ, и скоро весь бугор покрывается людьми, животными, повозками. Съезжаются сюда, конечно, и шинкари, и торговцы. Без них дело не обходится. Эти элементы, жаждущие легкой наживы, вездесущи. На этих жертвоприношениях устраиваются скачки, борьба. Гелюны же большей частью читают

молитву. Жертвенным животным в большинстве случаев является коза; как самая дешевая. К читающим молитву гелюнам подводят предназначенную для этой цели козу, обычно белой или серой шерсти. Во время молитвы привязывают к правому рогу зеленую шелковую нитку и [от]пускают ее. С этого момента она считается достоянием хозяина земли — белого старика — цаган эвгена. Такое животное, пожертвованное хозяину земли, бродит по всем стадам. Никто под страхом наказания белого старика не трогает его. Большой частью оно является в конце концов жертвой волков. Но есть смельчаки среди самого калмыцкого населения, которые не боятся наказания белого старика и режут такое животное себе на мясо. Вопреки ожиданиям, к великому разочарованию соседей, никаких наказаний, в виде несчастий и т. д., с этими смельчаками не бывает. Они спокойно съедают мясо, тогда как мясо такого животного должно есть только духовенство, нойонство, зайсангство, иначе говоря, «благородная», «белая» кость. Ясно, что никакого наказания, несчастий не может быть, ибо нет никакого белого старика. Это наша досужая фантазия на почве нашей некультурности. Само отношение некоторой части населения к белому старику показывает его скептический подход к этому вопросу. Однако этот обычай все же держится среди нашего населения, благодаря нашему всюду и везде успевающему, обирающему духовенству. Обычай этот приносит населению большой вред. Такие празднества всегда сопровождаются пьянкой, дракой, падением с лошади, калечением, а иногда, в Мочажной части области, люди тонут в безчисленных ериках, ильменях, озерах. Кроме того, они бьют сильно по карману. Во время молитв гелюны производят несколько раз сбор денег и плюс выпивка. Таким образом, не дешево все это обходится калмыку. Спрашивается, к чему и для чего? Не лучше ли отказаться от таких обычаев.

Грязь — Кир-хур

«Грязь приносит счастье», говорят калмыки. «Грязного человека — бог бережет». «Грязному бог даст счастье». «Если жить в грязи, то не бывает несчастья, болезни» — и т. д. Откуда такая ересь появилась, очень трудно понять. Подобное превратное понятие о грязи может быть только результатом глубокого нашего невежества. Каждый более или менее понимающий человек скажет, что грязь не приносит никакого счастья, а наоборот, болезни, несчастья, смерть. Грязь, мы сами видим, вызывает всевозможные кожные болезни, заразные болезни. Дальше, если мы сравним, кто больше болеет и умирает: тот народ, который живет в чистоте, или тот, который живет в грязи? Ответ ясен: тот, который живет в грязи, умирает и хворает больше, чем который живет чисто. Так, культурные люди, живущие в чистоте, хворают очень редко. Смертельность у них минимальная. Но многих государствах Западной Европы такие болезни, как, например, тифы⁵ — редчайшее явление. Между тем, они у нас никогда не прекращаются и уносят бесчисленное множество жизней. Почему же это так? Потому, что мы живем грязно. От грязи появляются вши, которые переносят заразу. Не было бы грязи, не было бы и вшей, следовательно, тифы были бы тоже редчайшим явлением. На основании всего сказанного мы видим, что уверение калмыков «грязь приносит счастье, долголетие» и т. д. совершенно противоречит всему. Получается именно наоборот. Оказывается, бывает счастливым и долголетним тот, кто живет чище, чем тот, кто окружен грязью. Из повседневной своей жизни калмык видит, насколько неправы наши калмыки, когда уверяют, что грязь приносит счастье и т. д. Мне много не приходится говорить против такого сложившегося у калмыков мнения. Очевидность этой несуразицы ясна сама по себе. Каждый

⁵ Вероятно, речь идет о разных видах тифа. — *Сост.*

каалмык должен знать, что чистота может спасти его от многих болезней и даже смерти. Чистота должна быть на первом плане. Только чисто живущий человек может рассчитывать на здоровье, долголетнюю жизнь и производить здоровую, хорошую, разумную работу. Только в здоровом теле может быть здоровый дух. И так, больше не может быть никаких сомнений в значении грязи в нашей жизни. Ей должна быть объявлена беспощадная война.

Избивание приехавших на свадьбу — Нярт-хюрюмд ирсн улсиги цоголгн

Во время свадьбы танцующих мужчин со стороны жениха бьют плетьюми, даже палками. Иногда от сильного удара человек падает. Особенно сильно бьют во время отъезда невесты из родительской кибитки и когда товарищи жениха выносят на двор из кибитки приданое. Начиная от дверей кибитки до места складывания вещей, приблизительно шагов 80—40, чуть ли ни в три ряда стоят шеренгой, главным образом, женщины, вооруженные чем попало, и наносят побои выносящим вещи. Иногда эти побои бывают так сильны, что ни один мужчина не осмеливается идти еще в кибитку за вещами. Кроме того, побои эти приносят довольно сильные повреждения, которые впоследствии долго приходится лечить.

Невеста сажается обычно на лошадь, масть которой указывается зурхачей. Сзади невесты на лошади сидит мужчина, который должен иметь известный возраст. Возраст указывается тоже зурхачами. Мужчину, который едет с невестой, тоже бьют. За ними даже гонятся верхами и, если догонят, тоже бьют уже мужчины. Если невеста упадет при этом с лошади, то это считается дурной приметой. Случаи же падения, как невесты, так и сзади сидящего мужчины, бывают довольно-таки часто. При этом многие получают сильное

повреждение и даже калечение. К счастью, удары не приходятся на опасные и хрупкие места, что может кончиться смертью. Причину этого дикого явления сами калмыки не могут объяснить. Ссылаются на свою традицию. Несомненно, обычай этот установился из нежелания отпускать невесту, которую жалко подругам отпускать, чем и объясняется деятельное участие женщин в этом деле. Этот ни к чему не нужный, совершенно излишний обычай свято оберегается нашими калмыками. В самое последнее время появляются противники этого обычая. По-видимому, само население начинает понимать, что это — дикий и очень опасный для жизни человека обычай. Будем надеяться, что противники этого бессмысленного обычая с каждым годом будут увеличиваться, и он постепенно отойдет в область предания. Таким образом, наши калмыки освободятся от одного плохого обычая и сделают шаг вперед в своем развитии и прозрении. В дальнейшем постепенно освободятся от всех своих дурных привычек, обычаев и суеверий, которые приносят им так много горя, несчастий и разорения.

Кровотечение из носа лошади — Мэрья хамрас цусн гарлган

Очень странное суеверие у калмыков существует относительно кровотечения из носа лошади. Кровотечение из носа лошади, по мнению наших калмыков, предвещает тоже немало бедствий ее владельцу и даже смерть. Если хозяин заметит, что у его лошади кровотечение из носа, он немедленно без всяких колебаний жертвует лошадь хурулу, чтобы она больше ему не предвещала несчастья. Почему наши степняки придают такое большое значение кровотечению из носа лошади, нам не известно. Также неизвестно и непонятно, в чем здесь грех.

Сами калмыки не могут объяснить, ссылаясь только на традицию. Кровотечение из носа лошади не должно казаться сверхъестественным. У человека бывает кровотечение из носа. Почему же не может быть кровотечения лошади? Естественно, при езде, при напряжении могут лопнуть поверхностные вены в носу лошади. Кроме того лошадь может еще повредить свой нос, что легко и возможно при щипании травы. Отсюда и кровотечение. Вот за такие, очень просто объяснимые вещи и случаи, нашим калмыкам приходится отдавать гелюнам своих лошадей, деньги и т. д. Точно так же предвещает хозяину несчастье лошадь, имеющая родинки на твердом небе. По мнению калмыков, такая лошадь должна погибнуть до 7 лет или же погибнет ее хозяин. Такую лошадь владелец при первой возможности продает или же отдаст хурулу. Лошадь, у которой шерсть белой полосой переходит в заднепроходное отверстие, тоже считается предвещающей несчастья хозяину. Такую лошадь обычно продают. Покупателям, конечно, являются только не калмыки, ибо ни один калмык никогда не осмелится держать подобную лошадь. Здесь также имеет место ссылка на установившийся обычай. Родинки сплошь и рядом бывают даже у людей где угодно. Почему же не могут быть они и у лошади. Дальше пучки белых волос бывают также и у людей, особенно там, где было повреждение. Подобная же вещь могла случиться и с лошастью. Что же здесь сверхъестественного? Обычные явления, которые могут встречаться на каждом шагу и всегда.

Испражнение в чужом помещении — Кюня герт мэрян юзюльгн

Немаловажным грехом предвещающим большие несчастья, считается, если посторонний человек испражнится в кибитке. Физическое состояние совершившего такое пре-

ступление в счет не принимается. Оно ничуть не облегчает и не умаляет тяжести надвигающейся беды.

Хозяин кибитки при таких случаях поднимает целый скандал. Собирает своих соседей, родственников. Винового избивают, на его одежде выносят кал, одновременно немедленно посылают в хурул к зурхачи. Если человек только помочился, то этому обстоятельству слишком большого значения не придают. Иногда дело кончается чтением молитвы зурхачей и вбиванием ряда гвоздей от очага до места, где человек помочился. Этим показывают, что все несчастья крепко забили и хозяину ничто не будет угрожать. При испражнении этим дело не кончается, ибо оно является тяжелым преступлением, и беда сообразно с этим тоже большая. Жертвоприношение тоже бывает здесь в несколько раз больше, чем в первом случае. Весь расход в обоих случаях покрывает виновник, потому и объясняется то обстоятельство, что иногда подобные случаи приносят неправильный ущерб хозяйству виновника. Невольно возникает вопрос, почему же грех, несчастье и беда, если человек помимо своего желания, абсолютно ничего не помня, совершил такой непристойный поступок. Калмыки говорят, что грех заключается в том, что его жилище превращено в данном случае в отхожее место. Следовательно, в кибитке никого нет (подразумевается, что все умерли). Бывают же случаи, и очень часто, что дети испражняются и мочатся в кибитке. Это грехом, бедой не считается, ибо дети неразумны. Ведь пьяный человек тоже ничего не помнит, он в данном случае тоже неразумный и, как ребенок, не дает себе отчета в своих поступках. Если бы он помнил и был в памяти, ясно — всего этого не сделал бы. Конечно, совершенно не стоило бы поднимать скандал за все это, создавать такой шум, который бывает при таких случаях, главным образом, разорять своего соседа, такого же скотовода-калмыка, как он сам. Стоило только выбросить

кал или же переставить кибитку на новое место. Ведь это не трудное дело и отнимет лишь час времени. В крайнем случае, можно нанять рабочих поставить кибитку за счет виновника. Это обошлось бы в несколько десятков раз дешевле пострадавшему, чем при приглашении гелюнгов. И за счет бедного калмыка не наживался бы зурхачи.

Двойня у животных — Мал хоер икирлгн

Большой бедой, предвещающей крупные несчастья, считаются двойни у коров и лошадей. Если двойню принесет верблюдица — это указывает, что хозяин будет богат и счастлив. В прежнее время, когда калмыки еще [управлялись. — *сост.*] ханами, нойонами и зайсангами, о двойне у верблюдов они немедленно ставились в известность. Владельца верблюда освобождали от всех податей и делали ему подарки. Двойни у коров и лошадей у калмыков, благодаря какому-то суеверию, считаются дурным, нехорошим предзнаменованием. Двойни зарываются живыми в землю, а сама корова или кобыла жертвуется хурулу. Этим расход владельца указанных животных не ограничивается. Он должен отслужить молебн, за что, конечно, должен платить: даром гелюнгами ничего не делается. Таким образом, это естественное явление приносит калмыку полное разорение. Только общему правилу не подчиняются бедняки. Они, благодаря своей бедности, принуждены бывают не следовать обычаю. Отдать хурулу свою последнюю корову или кобылу для них смерти подобно. Бедняки оставляют обоих телят и жеребят неприкосновенными или же закапывают только одного из них. Когда двойни оставляют при себе, то владелец удлиняет в сравнении с прежней веревку — зель, на которой привязывают животных. Этим, он полагает, что отводит от себя те бедствия, которые предвещали двойни.

Между тем, это «страшное» для нашего степняка явление случается у скотоводов довольно-таки часто. Явление вполне объяснимое, и притом очень легко. Если бы наши калмыки были грамотные, читали бы соответствующие книги, то они познакомились бы с процессом размножения не только живых существ, в том числе человека, своих коров, лошадей и т. д., но всего растительного и животного мира в целом. Тогда бы им двойни у коров лошадей не показались таким странным и страшным явлением. Наши калмыки могли бы взять примеры от своих ближайших соседей — русских, которые не только не убивают двойни, а, наоборот, бывают очень рады, ибо это есть простое увеличение его хозяйства. Даром лишнего теленка или жеребенка никто не даст. Ведь не надо забывать, что крестьянин — такой же человек, как наш калмык, он так же занимается скотоводством, как и калмык. Мы видим, что крестьянину, имеющему животных (коров, и лошадей), принесших двойню, ничего не бывает, никакая особая беда его не постигает. Наоборот, через год-два он уже имеет вместо одной лошади — три или вместо одной коровы — целых три.

Почему же двойни бывают? Двойни бывают результатом количества оплодотворенных яичек в матке — кептр — животного. Если одновременно в матку животного проникают два семенных живчика, то встречаются там (в матке) женские яички и происходит оплодотворение. Если проникли туда (в матку) два, три, четыре живчика, то может быть даже четверня, не только двойня или тройня. Отсюда мы видим, что двойни, тройни и т. д. имеют объяснение. Ведь даже люди рожают не только двойни, иногда тройни. Известный русский ученый Рубакин рассказывает, что среди русского крестьянства нередки случаи тройни и четверни. Человек, в сравнении с коровой или кобылой, гораздо меньше по величине, и то в состоянии воспроизводить на свет сразу до 4 че-

ловек, — то почему же лошадь и корова не может принести пары. Нужно, по-видимому, нашим калмыкам не смотреть на вещи с самой плохой стороны и искать то, чего нет, тогда будет лучше

Хорошие, счастливые дни и плохие нехорошие, несчастливые дни — Сян эдэр, му эдэр

Дни у нас, у калмыков, подразделяются на «счастливые» и «несчастливые». Как «счастливые», так и «несчастливые», в свою очередь, делятся на «очень счастливые» и на «очень несчастливые». Счастливые и несчастливые дни определяются зурхачами. Они их ищут в своей священной книге. В несчастливые дни нельзя предпринимать, начинать дела и даже уезжать в гости. Уезжающему в гости может встретиться нечистая сила — «Гюцю» — «бегающий». По мнению калмыков, в этот день переселяются нечистые силы. Встреча с ними, ясно, предвещает крупные несчастья вплоть до смерти. В счастливые дни производятся все дела, свадьбы, уезжают в гости, и т. д. Все работы, все дела, произведенные в эти дни, должны окончиться благополучно, принести счастье. Эти счастливые и несчастливые дни играют крупную роль в жизни калмыка. Часто самые неотложные дела, благодаря несчастливому дню, не проводятся в жизнь. Задержка их оказывает непоправимый вред калмыку. Нигде, ни в какой стране, ни у одного народа дни не делятся на категории «счастливых» и «несчастливых».

Употребление мяса павших животных — Юксн малин мах идагн

Павших животных, отчего бы они ни пали, калмыки едят. Находят, что в этом ничего непозволительного и вредного нет. Рассуждают они так, что нет никакого смысла бросать, раз это мясо. Многие «гастрономы» уверяют, что

мясо животных, павших от сибирской язвы, гораздо вкуснее, чем свежее. Но наши калмыки одно забывают, что большей частью эти животные падают от заразных болезней, между ними есть такие болезни, как, например, сибирская язва, сап и другие, которые страшно заразны. Много калмыков заражается сибирской язвой благодаря употреблению павших от сибирской язвы животных. Бывают и смертные случаи. Что касается сапа, то он тоже очень заразен, и редко бывает от него выздоровление. Большой частью заболевшие сапом умирают, проболев от 2–3 недель до 2 лет. Так или иначе, но употребление мяса павших животных очень опасно. Павшие животные не могут служить пищей, ибо можно заболеть какой-нибудь заразной болезнью и умереть. Обычай есть павших животных возник, по-видимому, давно. Так, об этом упоминается в путешествиях монахов Де Пано Карпини, Де Рубрука, которые определенно говорят, что монголы едят мясо павших животных. Причина возникновения этого обычая лежит в том, что в старину, даже и теперь, многие калмыки считают большим грехом убивать животных на мясо. Старики обычно, если не было мяса, выпускали кровь из яремных вен животных, которую потом жарили и этим довольствовались. Ясно, что при таком положении они могли питаться только мясом павших животных. В настоящее время, когда скот режут на мясо, есть мясо павших животных — нет никакой надобности. Между тем, опасность заразиться какой-нибудь болезнью от мяса павших животных очень велика. Во имя своего здоровья, здоровья своих ближних нужно перестать есть самому мясо павших животных, также останавливать от этого и других. Павшее животное должно быть закопано глубоко в землю. Употребление мяса павших животных вредно еще и тем, что при распределении его между соседями зараза с мясом распространяется в другие хотоны. Зараза передается здоровым от случайно хорошо не

вымытой посуды, рук и т. д. Если первое павшее животное будет закопано целиком, то есть гарантия, что в дальнейшем не будет падежа скотины. Калмыки тоже должны подумать и с этой стороны.

Откусывание сердца — Зюрк юмкулгн

Существует еще один обычай. Он довольно-таки странный. Чем вызван он и в силу чего, каких обстоятельств появился он — трудно объяснить. По-видимому, немалую роль здесь играет спорт. Обычай этот заключается в следующем: при жертвоприношениях огню или других торжественных случаях сердце заколотого животного варится целиком с аортой. Потом вместе с мясом вынимается из котла, завертывается в сумку из шкуры. Причем верхушка сердца чуть-чуть выступает наружу из сумки. В таком виде кто-нибудь из мужчин, обычно хозяин кибитки, плотно держит сердце и заставляет откусывать мальчиков (девушки не допускаются). Несмотря на сжатие сердца руками держащего, некоторые мальчики умудряются откусить его. Такого мальчика окружающие хвалят, говоря «молодец», «богатырь» и т. д. По этим проявлениям симпатии к удачно откусившему можно заключить, что здесь придают большое значение ловкости, смекалке и силе мальчика. На основании этого можно сказать, что этот обычай является одним из видов спорта, который некогда сильно был развит у калмыков. Но этот, кажущийся с первого раза невинным, обычай имеет и дурные стороны. В настоящее время, когда мы имеем довольно сильное распространение сифилиса, этот обычай является опасным для здоровья. Никто не гарантирован, что кто-нибудь из мальчиков не болен. Раз так, то болезнь может передаться здоровому. Вследствие этого обычай откусывания сердца должен быть изжит. Ничего хорошего он нам не дает, а

вред может быть большой. Чем скорее мы бросим его, тем лучше для нас, не будет одной, лишней опасности заразиться одним из бичей человечества — сифилисом. Во имя своего здоровья, здоровья своих и чужих детей нужно забыть этот обычай, какую бы цель он не преследовал. У нас теперь имеется много других видов более полезных спортивных игр и состязаний, где можно проявить свою смелость, ловкость и смекалку.

Треск кибитки — Гер ду гарган

По мнению калмыков, при нормальной тихой погоде кибитка не должна издавать никаких звуков, тресков и т.д. Если же, паче чаяния, калмык заметит, что в кибитке слышен треск, он уже в этом видит недоброе, дурное, равносильное тому, что хозяин должен умереть. Трещать же кибитку заставляет нечистая сила, которая засела там, чтобы погубить хозяина ее. Кибитка своим треском якобы предупреждает о будущем несчастье. Дальше возникает вопрос пред калмыком, что делать с такой кибиткой. Единственным выходом из создавшегося положения он считает пожертвование злосчастной кибитки хурулу. Если спросите калмыка, особенно бедного, как же он думает обойтись без кибитки, следовательно, без жилья, то он непременно скажет — лучше буду жить в яме, но кибитку пожертвую хурулу, ибо все равно со мной случится несчастье. Здесь решение калмыка непреклонно. Его ничем нельзя остановить от жертвования своей кибитки. Он будет твердить свое: «Гер ду гарва — ики му нор. Нама овхан тере хяжи бяня» — «Кибитка издала звук — большой грех, наидурнейшая примета. Она хочет взять меня (погубить меня)». Часто, отдав свою кибитку, если калмык не в состоянии построить себе новую, собирает с каждой кибитки по жерди и кое-где набирает кошму-хлам. Из всего

этого орудует себе жилище вроде полукибитки (джолома) — «джогля» или «дегля», вроде кибитки, но количество решеток и жердей гораздо меньше. Кроме того, нет круга для дымового отверстия. Джогля отличается от джолома тем, что не имеет достаточного количества жердей, но главным образом дымового круга, куда втыкаются обычно жерди. Какова здесь жизнь семьи, не приходится говорить, особенно, если потерпевший многосемейный. Площадь калмыцкой кибитки вообще незначительная, а в этих дегля и джогля она еще меньше. Таким образом, мы видим, как суеверно держит калмыка в тисках. Он готов все отдать и терпеть какие угодно лишения, лишь бы отвести от себя все несчастья. Между тем «Гер ду гарлан» объясняется просто, особенно, если мы посмотрим устройство решетки в кибитке. Летом во время жары дерево высыхает, сжимается. Так как решетки в кибитке прикреплены неплотными тонкими ремешками, обычно из верблюжьей шкуры, то, естественно, при сжатии происходит движение всей решетки и плюс места прикрепления самих решеток, которые перевязываются веревками. Число таких мест семь. Решетки же в калмыцкой кибитке мокнут почти после каждого дождя. Кроме того, здесь еще (в треске) играет крупную роль правильность постановки самой кибитки и ровность места. При неровном месте происходит искривление кибитки. Отсюда движение и звуки, трески и пр. Вот из-за такого пустяка наши калмыки жертвуют свою кибитку, часто оставаясь со всей семьей чуть ли не под открытым небом. Если бы наши калмыки жили в домах, то таких тресков они слушали бы десятками. Русские из-за этого никогда не жертвуют в свою церковь, ибо все это вполне объяснимо, никакого греха, дурных предзнаменований здесь нет.

Белый месяц — Цаган-Сар

Цаган-Сар — самый большой праздник у наших калмыков. Празднуется он 1-го числа первого весеннего месяца. К этому празднику калмыки готовятся долго. Заранее посылают сообщая в ближайшее населенное место, село или деревню за спиртными напитками, покупают конфеты, пряники, орехи, семечки. Состоятельные режут лучших баранов. Старики уже за несколько дней до праздника пьянствуют — это называется у них «Цага уктуху — встречать Цаган». Перед Цаганом, т.е. 30 числа все готовят борцуки — прокипяченное тесто, особо приготовленное, которому придают разнообразные фигуры. В хурулах в это время идет богослужение. Молодежь рано утром идет в хурул встречать праздник. Богослужение в хуруле кончается после восхода солнца. Отсюда все расходятся и едут поздравлять своих знакомых, родственников и т. д. При поздравлении прикасаются друг к другу руками и говорят «менде гарва та — вышли здоровы» (подразумевается зима). По существующим легендам, праздник создан в честь победы в диспуте Будды над шестью неверными учителями и благополучного освобождения Девы неба (Окон-Тенгры) от власти злых духов (мангус). Конечно, праздник создан в честь весны, что подтверждается празднованием Цаган-Сар первого числа первого весеннего месяца, и самим поздравлением калмыков друг друга словами «менде гарва та». Иногда даже прибавляют: «кюкюд шухуд уга, матхар уга цуктан сяхн менде амулунг ювяльс гарва-та» — все ли с детьми, со скотом вышли благополучно от зимы.

Нам понятно, с какой радостью встречают калмыки-скотоводы этот праздник, потому что в большинстве случаев после Цаган-Сар зимы не бывает. Последнее обстоятельство играет большую роль в жизни скотовода. Одно только скверно здесь, что этот праздник ухудшает материальное

положение калмыка, т. к. поглощает довольно большие средства. Нужно купить водки: без нее никто не празднует. Но так как калмыки пьют много, то обойтись одной или двумя бутылками нет возможности. Кроме того, нужны разные сласти, сало, мука и т. д. Отсюда многие калмыки закабаляют себя богачам надолго после Цаган-Сара.

Придется многим беднякам подумать над празднованием Цагана и над большими затратами, которые бьют по их карманам. Вполне можно обойтись без религиозных праздников. Они, кроме обжорства, пьянки, результатом чего большей частью является масса несчастных случаев, ничего не приносят.

Сон — Зюды

Большое значение калмыки, конечно, придают и сновидениям. Толкователями снов сначала являются старшие в семье — главным образом, бабушка или дедушка. В зависимости от их толкования предпринимается дальнейшее. Если сон растолковывается как предвещающий хорошее, дело кончается только бабушкой и дедушкой. В противном случае приглашается неизменно гелюнг, который растолковывает сон согласно священному писанию и читает те молитвы, который должны свести на нет значение сна. Гелюнг даром ничего не делает. Он получает приношение и уезжает. Пострадавшим опять-таки является калмык. Обычно процедура сведения на нет значения сна небольшая. Гелюнг читает немного молитв, сделает иногда несколько фигурок из теста или возьмет несколько стебельков травы, которые передаются видевшему сон. Последний три раза плюет на эти стебельки и выбрасывает на улицу чрез отверстие над решеткой у самой двери (тотхо). Этим дело кончается. Между тем из науки мы знаем, что сон является произведением прочитанного в книге, слышанного, виденного не только в ближай-

шие дни, но даже виденного давно, о котором человек даже забыл. Наверно, каждый из вас видел сон, где ясно и определенно снится большей частью то, что человек переживает, думает, видит, читает и т. д. Так как наши калмыки суеверны, то, несомненно, часто они думают о всевозможных грозных силах, несчастиях, которые предвещают то или иное явление. Отсюда и снятся им чаще всего грозные, нечистые силы, смерть, несчастье и т. д.

Стоит ли приглашать гелюнга из-за этого? Конечно, нет. Нужно и от этого предрассудка избавиться калмыку.

Все предопределено судьбой — Юн чигн юман бурсна

«Не одевайтесь чисто, хорошо — это грех. Не кушайте много и лучше — это грех, ибо при рождении каждого человека судьбой предопределено, сколько должен данный человек в продолжение своей жизни поесть и какое количество из какого материала должен износить платья. Так говорит наше калмыцкое духовенство. «Не носите хорошую одежду, ходите в плохой, чем хуже, тем лучше, тем больше счастья, богатства».

Если человек хорошо кушает, то он должен быть недолговечным, ибо кончается быстро то количество продуктов, которое предназначено было при его рождении ему судьбой. Раз продукты предназначенные благодаря его незаконному употреблению кончились, то данный человек, не имеющий больше права претендовать на продукты, должен умереть. Точно так же человек, одевающийся в хорошее, чистое, во первых, выделяется среди других, этим обращает внимание нечистых сил, которые стараются при первой возможности сделать покушение на его жизнь. Во-вторых, быстро иссякает тот запас, который был предназначен ему при его рождении свыше. Вот та проповедь калмыцкого ду-

ховенства, которой убаюкивают наши гелюнги калмыков. Подобная агитация страшно вредно отражается на облике, на быте калмыков. Калмыки считают, что жить лучше — это значит сократить на столько же свою жизнь. Калмык рассуждает так: «Лучше я буду терпеть лишения и всевозможные невзгоды, чем быть недолговечным». Отсюда полная инертность, беспечность, грязь и прочее, которые именно и ведут калмыков к печальным результатам в виде преждевременной старости, смерти, заболеваний и т. д. Наши калмыки совершенно не задаются над тем, почему духовенство, проповедующее плохую и грязную одежду и т. д., само не соблюдает всего этого. Раз оно проповедует и знает, что от всего этого человек недолговечен, то больше всех, казалось бы, должны стараться следовать своему воззрению сами гелюнги. Наверно, им тоже хочется подольше жить на свете. Никто не допустит мысли, что духовенство старается все предназначенное ему продукты и одежду израсходовать как можно скорее и тем самым быстрее умереть. Каждый калмык согласится, что гелюнги живут очень хорошо, богато. Вопреки своей агитации, они кушают хорошо и обильно. У них всего вдвойне. Одеваются тоже не только хорошо, но даже шикарно: в бархаты, шелк и пр. Также не боятся попасться в глаза нечистым силам. Одежда всегда у них чистая. Подумайте, какое противоречие между словом и делом. Наверное, из всего этого становится понятным, что все это только одни слова, а делалось с целью, чтобы население было в покорности, не старалось улучшить своей жизни, не восставало против зайсангов, нойонов, богачей, и, наконец, против самого духовенства. Вот вся эта цель, которая преследуется нашим духовенством. Об этом нужно знать и помнить, а не подчиняться слепо всему тому, что говорят гелюнги.

Интересно здесь также затронуть вопрос о том, придерживается ли само духовенство того, что составляет основу

его обета и учения Будды, и насколько. Мы знаем, что согласно буддийской религии духовенство должно исключительно жить в хурулах и выходить оттуда лишь по приглашению мирян. Соблюдается ли это? Каждый скажет, что нет. Мы видим, что наши гелюнги любят бывать в хотонах, где они ведут свободную жизнь, совершенно противоречащую их обету. Дальше, духовенство не должно иметь никакого запаса. Продукты питания оно должно собирать от мирян, протягивая свою чашку у каждого жилища. При этом никто из гелюнгов не должен даже посмотреть, кто что дал. После того, как гелюнг обойдет населенное место, он возвращается обратно в свой хурул. Все пожертвованные продукты делятся на три равные части. Одна идет для приезжих, другая — для бедных, третья — для питания самого духовенства. Делают ли теперь наши гелюнги все это? Соблюдается ли ими что-нибудь похожее на это? Каждый скажет, что нет. Наше духовенство, во-первых, чашек с собой не носит, во-вторых, никогда не ходит с протянутой чашкой, в-третьих, наши гелюнги делают большие запасы всевозможных продуктов, не исключая вина и сладостей. Из гелюнгов никто, конечно, не думает выделять доли для бедных и приезжих. Гелюнги, согласно обету, не должны спать на кровати. Постель их должна быть простая и на полу. Что же мы видим у наших гелюнгов? Во-первых, они спят на шикарных кроватях, постель у них великолепная, во-вторых, постельные принадлежности из дорогих материалов, до шелка включительно. Духовенство должно одеваться просто, из недорогого материала. Мы видим — все наоборот. Наши гелюнги носят шелковые халаты. Духовенство должно не ездить, а ходить. У нас гелюнги только ездят. Ходить — это они считают ниже своего достоинства. Духовенство должно вести самый примерный, трезвый образ жизни, чего, конечно, мы не видим у наших гелюнгов. Пьянство, картежная игра, барышничество, одним словом,

все отрицательные стороны человеческой жизни также при-
сущи им, как всем прочим смертным. Как нельзя лучше, даже
не читая этой книги, мы видим, насколько само духовенство
избегает придерживаться всего того, что оно проповедует
другим. Следовательно, оно само не верит, не придает ни-
какого значения всему тому, что говорит темным калмыкам.

Не уничтожай корня — Юндюс бича тасла

«Уничтожать корень нельзя, ибо сам останешься без
него (подразумевается — без потомства) — юндюси бича
тасла эврян юндюси уга одхочи», — говорят гелюнги. Кал-
мыки же повторяют это, и рыть землю у них считается боль-
шим преступлением и грехом. Кроме того, рыть или копать
считается дурным предзнаменованием, ибо, по мнению кал-
мыков, это равносильно копать себе могилу. На основании
всего вышеуказанного калмыки до сих пор не привыкают к
оседлой жизни и не занимаются земледелием. Уничтожать
корень нельзя. Пахать, не уничтожая корня, ясно, невозмож-
но. Остаться без потомства тоже никому не хочется. Вот в
такое глупое положение ставятся наши калмыки этим вред-
ным и глупым воззрением. Теперь понятно, когда наши кал-
мыки отказываются есть хлеб, основываясь на своем воззре-
нии. Точно также от хлеба, плодов и овощей не отказывается
и само духовенство, проповедующее не уничтожать корней.
Спрашивается, где же логика⁶? Откуда же будет хлеб, если
не рыли земли, не пахали и не возделывали ее? Если все люди
придерживались бы воззрения наших калмыков, то, несо-
мненно, люди погибли бы с голода. К счастью, этот взгляд
есть только у нас, и больше ни у кого этого взгляда нет.

Дальше, нам абсолютно непонятно, почему наши калмы-
ки, считая уничтожение корней грехом, не желая заниматься
земледелием, в то же время они, совершенно не стесняясь,

⁶ В рукописи опечатка, написано «ложка».

убивают ежегодно громадное количество животных на мясо. В последнем случае, казалось бы, если исходить из воззрения наших калмыков, в тысячу раз грешнее убивать, чем пахать земли, ибо убивается видимое живое существо. Наконец, нельзя также пить ни одной капли воды, ибо нам известно, (мы видим под микроскопом), что капля воды содержит в себе миллионы мельчайших животных — микробов. Отсюда, если каждый калмык выпивает в день до 10 чашек воды (чай и т. д.), то спрашивается, какое громадное количество живых существ уничтожается им. Об этом, по-видимому, никто не хочет подумать и считать грехом. Об этом совершенно забывают и наши гелюнги, проповедующие не уничтожать даже корня растений, считая это грехом. Многие спросят, какая же выгода духовенству проповедовать, чтоб калмыки не занимались земледелием. На это мы ответим, что выгода большая. Дело в том, что земледелие людей прикрепляет к определенному месту, иначе говоря, ведет к оседлому образу жизни. Оседлая жизнь дает людям жить сгруппированно. Отсюда — и иметь возможность вести культурную жизнь. Одним словом, земледелие ведет людей к культурной жизни, поднимает их на ступень ближе к культуре, их народ делается культурным, то, понятно, он освобождается от этих всевозможных суеверий, обычаев, которые теперь так губительно отзываются на наших калмыках, и которые дают большие заработки гелюнгам. Отсюда и становится понятным, почему духовенство старается воспрепятствовать всем тем культурным стремлениям народа, которые ведут его к раскрепощению от всех этих дурманов. Наши калмыки должны помнить: «кто трудится, тот и ест». Следовательно, надо работать. Самая тяжелая и вместе с тем самая сытая работа — это земледельческая, к которой нужно привыкнуть калмыкам, чтобы не голодать вечно, как это мы наблюдаем теперь.

Попадание в яму баранов — Хэн кэлян нюкюндю орулгн

Если баран случайно попадет ногой в нору, то это обстоятельство считается тоже много значащим. Такую штуку может сыграть с ним только нечистая сила. Этот баран, по мнению калмыков, предвещает большую беду хозяину. Такого барана могут только взять себе гелюнги, которым нечистая сила ничего не сумеет сделать. Так как в степи недостатка в сусликах нет, то и нор тоже очень много. Отсюда — попадание баранов в такие норы, особенно в скотоводческих районах степи, не очень редкое явление. Таким образом, ежегодно немало баранов идет в пользу духовенства. Наши калмыков здесь почему-то берет суеверный страх. Они указывают на то, почему баран не может освободить ногу из ямы без посторонней помощи и почему при освобождении ноги из ямы приходится употреблять большую силу. По мнению калмыков, за ногу держит кто-то в яме (нечистая сила). Совершенно наши калмыки упускают из виду то, что, попадая в яму, баран давит всей своей тяжестью на ту ногу, которая попала в яму. Особенно эта тяжесть увеличивается при попытке освободиться из ямы. Ясно, что нога идет в яму столько, сколько только может. Дальше, ввиду того, что край ямы обхватывает ногу кольцом крепко и плотно, то кровообращение в ноге тоже уменьшается, и отсюда застойное явление. Вследствие этого нога еще плотнее и крепче охватывается ямой. Ясно, что нужно употребить большие усилия, чтобы освободить такую ногу. Пожалуй, что слабосильному человеку тогда даже не обойтись без лопаты. Вот подобные пустяковые явления вызывают у наших калмыков сомнения и страх. Если каждый человек сунул бы свою ногу в яму и попробовал бы освободиться, то он ясно увидел бы, что освободиться из ямы не так легко. Это для человека, которому большую помощь в данном случае оказывают руки. Не будь

руки у человека и не обладай он всевозможными изощрениями, ясно, и он застрял бы, как и баран. Из вышеприведенного объяснения наши калмыки, наверное, уяснят себе все это и больше не будут простыми зрителями, когда баран попадет в яму (нору), освободят сами, но не отдадут гелюнгам, ибо явление это естественное. Ничего сверхъестественного нет.

Изгнание души у живого человека — Ямьдяр кюня сюмсю поволгун

Калмыки думают, что духовенство имеет большую сверхъестественную силу, как люди святые и благочестивые. Оно даже может выгнать при желании из тела живого человека его душу. На основании этого калмыки стараются угождать во всем духовенству и не сердить его, иначе оно может отправить его душу на тот свет. Еще в довоенное время учитель — калмык Карвин Лиджи из Большедербетовского улуса не поладил с местным духовенством. Оно ненавидело Карвина. Дело дошло до тогдашнего губернатора кочующих народов. Конечно, правительство было всегда за своих верных приспешников — духовенство. Карвин получил солидный нагоняй. Духовенство, не довольствуясь этим, решило выгнать из живого его тела душу своими молитвами. Все гелюнги всех Большедербетовских хурулов читали целую неделю молитву, чтобы выгнать душу Карвина из его тела. Калмыки были в полной уверенности, что Карвин, как не имеющий души, умрет или же будет полным идиотом. Несмотря на все старания духовенства, во главе с бакшей, Карвин остался жив и живет до сих пор. Это ясно нам доказывает, что никто ни у кого никакими молитвами душу не может выгнать, ибо души у человека, как таковой, нет. Все это придумано духовенством, чтобы калмыки боялись их. Вы спросите, верили ли сами гелюнги, что молитвой выгонят душу у Карвина. Ясно, что нет. Они, несомненно, рассчитывали испугать, устрасить Карвина как вообще всякого калмыка.

Глоссарий

Аймак	Административная территориальная единица управляемая зайсангом. Часть улуса
Арька	Молочная водка
Аркан	Веревка, свитая из конских волос, с петлей-удавкой на конце
Бешмет	Верхняя мужская одежда со стоячим воротничком
Берзе	Верхнее женское платье с длинными рукавами
Бизе	Верхнее девичье платье с выемками под мышками и разрезными рукавами. В старину носилось и юношами
Бурхан	Изображения буддийского божества
Бу зянг	Священный узел
Войлок	Плотный материал из валяной шерсти. Валяние очень тонкая и трудоемкая работа. Делалась она в основном руками женщин
Гелюнг	Монах — служитель буддийского культа
Зайсанг	Правитель аймака, относился к числу должностных лиц нойона, стоял в иерархии на ступень ниже нойона. Должность могла передаваться по наследству или по назначению нойона
Зель	Верёвка для привязи скота, главным образом телят
Зурхачи	Астролог, предсказатель. Занимались вычислением времени, а также гадали о счастье, здоровье и будущем спасении людей, о благоприятных и пагубных обстоятельствах жизни и проч.
Кизяк	Сушеный и прессованный, с примесью соломы навоз, используемый как топливо
Мацак	«мацг» — день поста
Нойон	Наследственный владелец улуса. Нойоны располагали специфическими судебными органами и штатом специальных должностных лиц по административному управлению
Улус	Административная территориальная единица, управляемая нойоном
Фунт	Распространенная единица массы в России до декрета «О введении международной метрической системы мер и весов» подписанного В.И. Лениным в 1920 г. Русский фунт = 0,40951241 кг.
Хадым	«хадм» — родня по мужу или по жене
Халвнг	Праздничный головной убор молодой женщины
Хотон	Традиционное поселение калмыков, имевшее семейно-родственный характер. Для них была характерна планировка в форме круга из кибиток

- Хурул (калм.) название монастыря в калмыцком буддизме. Первоначально хурул имел то же значение, что монг. хурэ, бур. дацан, но со временем термин стал означать неск. типов ламаистских сооружений у калмыков: монастырь (большой и малый), храм, часовня
- Цзонкова Дже Цонкапа, также Цзонкхапа, Цзонхава. (1357–1419) — тибетский религиозный деятель, мыслитель и проповедник. Реформатор тибетского буддизма и основатель школы Гелуг, игравшей важную роль в политике Тибета и близлежащих стран
- Черная кость Хар яста — низшее податное сословие у калмыков
- Эмчи Доктор, лекарь

Научное издание

Душан У. Д.
Избранные труды

Подписано к печати 26.08.2016.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 300 экз.
Заказ 07-16.

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).